

НАТАЛЬЯ БЕГЛОВА

СЛАДКИЙ
ЯД
ВОСТОКА

СЛАДКИЙ ЯД ВОСТОКА

(ПУТЕШЕСТВИЯ ПОД ЗНАКОМ СРЕЛЬЦА)

Нежданный индолог *par excellence*
(вместо предисловия).....3-4

От автора.....5-6

Часть первая. Заметки жены дипломата

Глава I. Впервые в Индии

1. Калькутта – город «ужасающей ночи».....7-19
2. Почему мне нравится индуизм.....20-27
3. Как над советским генконсульством развивался
наксалитский флаг.....28-32
4. Эта роскошная дипломатическая жизнь.....33-45
5. В объятиях спрута.....46-50
6. Незапланированные встречи.....51-56
7. Гастрономические заметки.....57-61
8. Кто такая Кали?.....62-69
9. Путешествие в Ориссу.....70-85

Глава II. Бангладеш – не очень сладкий яд Востока

1. Куда приводит идеализм?.....86-89
2. Вид на Дакку с крыши виллы.....90-95
3. Нужны ли нам ножки Буша?.....96-102
4. Как прожить без воды и без хлеба?.....103-113
5. Homo Sapiens - какой он в Дакке?.....114-118
6. Приобщение к энтомологии.....119-123
7. Куда бы съездить в Бангладеш?.....124-134

Часть вторая. Заметки путешественницы

Глава I. Десять лет спустя. Вновь в Индии

1. Все дороги ведут.... в Дели.....135-147
2. Соотечественницы.....148-158
3. Матхура – родина Кришны.....159-166
4. Как я чуть не стала кришнаиткой.....167-174

Глава II. Раджастан

1. «Земля царей» - первые впечатления.....175-185
2. Джайпур – «Город победы».....186-195
3. Янтарная крепость Амбер.....196-204
4. Раджастанская миниатюра.....205-218
5. Жестокий кодекс чести женщин Раджастана.....219-229

Глава III. Южная Индия

1. Четыре «М»: Мадрас, Мадурай, Махабалипурам
и Марина.....230-243
2. Натараджа – первый танцор вселенной.....244-252
3. Немного эзотерики.....253-265
4. Бомбей.....266-275
5. Пещерные храмы Эллары и Аджанты.....276-281

Вместо эпилога.

- Мое последнее путешествие по Индии.....282-289

*Нью-Дели,
1 января 2004 года*

Нежданный индолог *par excellence* (вместо предисловия)

Редко случается, когда человек, специализирующийся на странах Запада, прожив несколько лет на Востоке, становится вполне профессиональным ориенталистом. Это произошло с Натальей Спартаковной Бегловой.

С ней и ее супругом у нас давняя дружба, еще со вступительных экзаменов в вуз. Учились в одном институте и на одном курсе, да и после окончания МГИМО не теряли друг друга из виду. Судьба затем не раз дарила нечаянные радости и встречи, полные живого и увлекательного общения. Не боюсь оказаться пристрастным в оценках. Книга, которую Вы, любезный читатель, держите в руках, – необычное во всех отношениях произведение, созданное пером талантливого и очень тонкого человека.

Сам жанр не может не заинтриговать – нечасто встретишь на полках книжных магазинов записки жены дипломата. Существует богатая мемуаристика наших выдающихся и маститых международников, где речь идет о сложных перипетиях и тонкостях политической игры на великой шахматной доске дипломатии, наших победах и неудачах. Литературный же взгляд на сермяжную жизнь посольства или генконсульства вдали от Родины со стороны и в то же время «из-самого-что-ни-есть-нутра» – случай довольно редкий. Само по себе это не может не вызвать любопытства у читающей публики. Справедливо замечает автор: реальная повседневность весьма далека от стереотипных обывательских представлений о бытии дипломата за границей как о *dolce vita* – «сладкой жизни».

Меня, востоковеда и человека, влюбленного в Индию, связанного и сроднившегося с ней более 37 лет профильным образованием и последующей дипломатической службой, очаровали живые, точные наблюдения и остроумные заметки автора об этой удивительной стране, которые, несомненно, станут также ценным научным и страноведческим материалом. К примеру, читая главы о Калькутте, целиком погружаешься в безумный калейдоскоп гигантского мегаполиса и ловишь себя на мысли: «Боже, ведь те же самые ощущения, те же краски, даже запахи те же».

Журналисту-неиндологу подчас трудно избежать поверхностных и однобоких суждений об Индии, а тем более дотронуться до волшебного ситара, настроенного в унисон с великой душой – махатмой – этой чудесной земли «за тремя морями». Журналист по призванию, Н. С. Беглова сумела не только коснуться этих струн, но и блестяще исполнить на них таинственно-завораживающую индийскую мелодию – рагу. Становится понятной правота слов нашего прозорливого соотечественника Н. К. Рериха: «Притягивает великий магнит индийский сердца русские». К Индии невозможно относиться индифферентно. Не оставила она равнодушными многих, побывавших здесь, в том числе и Н. С. Беглову, которая, по её же справедливому замечанию, пропиталась «сладким ядом» Востока.

Пожелаем всем вам увлекательного чтения, а уважаемой коллеге Н. С. Бегловой – новых творческих успехов и интересных книг, в том числе индологических.

*Посол России в Индии
А. М. Кадакин*

*«Всякий раз, когда мы делаем что-то с радостью
и удовольствием, это означает,
что мы следуем Своей Судьбе»
Пауло Коэльо.*

Предисловие к русскому изданию «Алхимика»

От автора

Эта книга создавалась много лет. Вернее, писала я ее не так долго, всего два года, но начальные наброски в виде дневниковых записей, рассказов, статей были сделаны более тридцати лет назад.

Впервые я оказалась в Индии, в Калькутте, в 1970 году. Провела там чуть больше двух лет. Затем меня и Индию разделило совсем небольшое – полчаса лета на самолете и очень многое – четыре непростых года в Бангладеш. Позже, уже в восьмидесятые годы, я смогла вновь приехать в Индию. Потом жила в Швейцарии, объездила всю Европу, побывала в Америке, но мыслями все время возвращалась в Индию.

Я могла застыть посередине улицы в Амстердаме, почувствовав, как из окна вполне европейской лавочки вдруг пахнуло ароматом сандаловых палочек. Бывая в Лондоне, непременно выискивала индийский ресторан, чтобы вновь вспомнить вкус забытых блюд. В Нью-Йорке я не уходила из музея Метрополитен, не посмотрев индийскую бронзу эпохи Чола. Я бежала в Музей искусств и истории Женевы, увидев объявление о проходившей там выставке индийской гравюры и индийских тканей. Эта страна никак не отпускала меня. Я читала все о ней, что мне попадалось и что имело хоть какое-то отношение к истории, религии и культуре Индии.

Когда-то я услышала высказывание, поразившее меня своей верностью: «Восток – это яд. Он проникает в кровь человека, попавшего на Восток. Если организм яд отторгает, вы не сможете жить здесь. Но если яд проник в кровь, то становится ее компонентом, неотъемлемой частью. И вы уже никогда не сумеете обойтись без него». Это приблизительный перевод того, что сказал один мой английский друг. Он, в свою очередь, цитировал деда, долгие годы проработавшего в Индии. А дед считал, что фраза принадлежит Киплингу.

Я пыталась отыскать это высказывание в произведениях Киплинга, но безуспешно. Более того, не так давно в Женеве повстречалась с прямым потомком Киплинга, у которого сохранилось много документов и рукописей великого предка. Но и он не смог помочь в поиске источника цитаты. А может, это вовсе и не цитата из Киплинга? Тогда кто же сказал это? Я так и не нашла ответа. Но кому бы ни принадлежали слова, на мой взгляд, они очень точно передают суть происходящего с человеком, попавшим на Восток.

Многие абсолютно нормальные и хорошие люди совершенно не выносили и не выносят жизни на Востоке вообще, а в Индии в частности. Все их там раздражает и заставляет страдать. Они принадлежат к первой категории людей, о которых говорится в этом высказывании.

Я, как оказалось, явно принадлежала к разряду людей, для которых яд Востока стал сладким. Проникнув в кровь, он заставил меня раз и навсегда полюбить Индию.

Как и всякие сильные чувства, моя любовь к Индии нуждалась в проявлении. У французов есть хорошее выражение – «exorciser l'amour», означающее «избавиться от любви». Но не просто избавиться, а освободиться от чувства, которое вышло из-под контроля, подчинило вас своей воле. Ведь

глагол «exorciser» изначально употреблялся лишь в контексте изгнания злых духов, дьявола, нечистой силы. И в какой-то момент я поняла, что единственный доступный мне способ несколько пригасить пыл моей любви к Индии, ставшей сродни наваждению, – это написать об этой стране.

У меня были сомнения. Ведь уже столько книг написано об Индии! Но не случайно все у тех же французов до сих пор название этой страны употребляется и во множественном числе – «les Indes», «Индии». И это, наверное, не случайно. У Индии тысяча лиц. И к каждому, кто приезжает туда, она поворачивается новым, неповторимым своим ликом.

И еще мне очень понравилось, как Марк Талли, известный английский журналист, назвал свою книгу об этой стране: «No Full Stops in India». Наверное, это можно перевести так: «Говоря об Индии, нельзя поставить точку». Что это означает? Не только то, о чем я уже говорила выше: в этой стране каждый всегда найдет то свое, что до него еще не увидел никто. Мне кажется, смысл глубже. Все, что вы видите в Индии, неоднозначно. Каждое явление, каждое событие может повернуться к вам неожиданной стороной. Например, когда я ехала в эту страну, твердо знала, что касты – это плохо. А уезжая, считала, что если это и не очень хорошо, то, во всяком случае, не однозначно плохо.

До того, как начала писать книгу, меня одолевали и другого рода сомнения. Не слишком ли давно я была в Индии, чтобы писать о ней? Но потом мне в руки попадались книги об Индии, написанные сто, двести и больше лет назад, а мне было интересно их читать. И поняла: Индия – это страна, над которой время, конечно, властно, но не в такой степени, как над многими другими. Изменения происходят и здесь, причем в последнее время все стремительнее. Но эти изменения если и нарушают прежний ход вещей, то не так решительно и, соответственно, не так болезненно. Видимо, в этом и заключается секрет индийской философии, религии, психологии и культуры, которые мирно уживаются под крышей единой системы, имя которой индуизм. Современность, вторгаясь в эту систему, складывавшуюся тысячелетиями, не разрушает ее, а лишь в очередной раз несколько видоизменяет, приспособливает к потребностям сегодняшнего дня.

Первая часть моей книги называется «Записки жены дипломата». В то время, о котором идет речь, я видела Индию сквозь зарешеченные окна советского генконсульства в Калькутте. Это было неестественное существование – в стране и в то же время вне ее. Если я тогда что-то и узнала об Индии, то, скорее, «вопреки», а не «благодаря».

В этой части я рассказываю и о Бангладеш, о нашей жизни в там. Совсем недавно эта страна также была частью Индии. К тому же увиденное в Бангладеш заставило меня еще больше оценить то, с чем я соприкоснулась, живя в Калькутте.

А во второй части книги, которая называется «Записки путешественницы», вы найдете рассказы о тех местах, в которых я побывала, когда мне удалось действительно совершить путешествие по Индии.

Надеюсь, что моя книга не только позволит вам немного больше узнать об истории и культуре Индии, но и послужит путеводителем по этой замечательной стране, куда вы наверняка захотите отправиться.

ГЛАВА I. ВПЕРВЫЕ В ИНДИИ

Калькутта – город «ужасающей ночи»

Декабрь 1970 года. Сессия досрочно сдана, заполнены многочисленные анкеты, пройдены не менее многочисленные собеседования, получен долгожданный заграничный паспорт, и я, почти не веря своему счастью, впервые в своей «взрослой» жизни еду за границу, в Индию. А точнее, я еду в Калькутту, где мой муж, Игорь, работает в Генеральном консульстве СССР.

В Калькутту я прилетела ночью. Первые впечатления: огромный и мрачный город (позже я прочитала, что Киплинг назвал Калькутту «городом ужасающей ночи») и повсюду люди – идущие, сидящие, спящие вповалку на тротуаре. Первые впечатления оказались довольно верными. Город действительно был большой. В это время население Калькутты – столицы штата Западная Бенгалия, по разным оценкам, составляло около 4–5 миллионов человек, а Большая Калькутта, включая пригороды, насчитывала 9–10 миллионов. И эти оценки были весьма приблизительными, так как учесть людей, которые ютились в хибарках, построенных из картонных ящиков или тростниковых циновок и периодически разрушаемых ливнями и ветрами, практически невозможно. А сколько народу жило просто под открытым небом!

В чем-то история Калькутты, которая начинается в конце XVII века, перекликается с историей Санкт-Петербурга. В 1690 году агент «Бритиш Ист Индия Компани» Джоб Чэрнок купил у здешнего землевладельца три деревушки и основал представительство этой компании. С точки зрения торговых интересов место для города выбрано удачно. Он расположен на берегу реки Хугли, на востоке протекает крупнейшая река Индии – Ганг. Кроме того, город был хорошо защищен соляными озерами, находившимися вокруг него. В 1772 году Калькутта становится столицей Британской Индии. На протяжении полутора веков англичане обустроивались в Калькутте с размахом: огромные площади, широкие проспекты, величественные дворцы, красивые здания. В XIX веке о Калькутте писали как о городе дворцов. Об этом периоде до сих пор напоминают многие места и здания.

Город так же, как и Петербург, строился на заболоченных пространствах. Калькутта находится в дельте реки Ганг, в 140 километрах от Бенгальского залива. Вся местность испещрена речками и речушками, соляными озерами и болотами. Если добавить к этому, что девять месяцев в году температура здесь выше 30 градусов и, по крайней мере, три месяца идут тропические ливни, то можно представить, с каким трудом возводился город. Поэтому про Калькутту, как и про Петербург, говорят, что город стоит на костях возводивших его людей. Сходным между Петербургом и Калькуттой является также и то, что в итоге эти города перестали быть столицами. В 1911 году столица Британской Индии переносится в древнюю столицу этой страны – Дели. Она находится гораздо севернее Калькутты, город удален от океана и больших рек и, хотя там тоже очень жарко большую часть года, но климат сухой и более здоровый. Самоуверенность английских имперских чиновников, не желавших признать, что место древней столицы Индии выбрано не случайно, дорого обошлась британской казне, а вернее, как это всегда бывает, английскому налогоплательщику – на ветер, точнее, в воду были выброшены миллионы

фунтов стерлингов. О миллионах индусов, погибших на строительстве, никто и не вспоминал.

Когда я приехала в Калькутту, от ее красоты и величия мало что осталось. О былой славе напоминали лишь отдельные здания и памятники архитектуры.

Одно из старейших зданий Калькутты – форт Уильям, первое оборонительное сооружение, построенное англичанами еще в конце XVII века. Территория форта на берегу реки Хугли занимает пять квадратных километров.

В центре города располагается большая площадь – Майдан. На площади находится и огромное здание «Виктория мемориал» – весьма помпезное сооружение, построенное из белого джайпурского мрамора в неоклассическом стиле и посвященное памяти королевы Виктории. Как ни парадоксально, здесь же в конце 60-х годов был воздвигнут памятник Ленину, за что наш генконсул был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Не знаю, как королева Виктория, но Владимир Ильич должен себя чувствовать не очень уютно рядом с громадиной, воздвигнутой в честь женщины, олицетворявшей идеалы, с которыми он с таким упорством и не без успеха боролся.

На площади возвышается 50-метровая колонна «Шахид Минар», построенная в начале XIX века в ознаменование заслуг сэра Октерлони, «правителя и завоевателя Непала», – как было написано на колонне. До 1969 года она так и называлась – памятник Октерлони. Свое нынешнее название он получил в честь борцов за независимость Индии. По-моему, эта колонна очень напоминает ту, что воздвигнута в честь Нельсона на Трафальгарской площади в Лондоне. С Шахид Минар открывается прекрасный вид на центр Калькутты.

Для меня эта площадь памятна событиями начала 1972 года. На ней выступал Муджибур Рахман, новый лидер только что созданного государства Бангладеш, находясь в Калькутте проездом из Дели в Дакку. Бангладеш, образовавшаяся на месте Восточной Бенгалии, составляла совсем недавно, до раздела Индии на Индию и Пакистан, одно целое с Западной Бенгалией. Образование на месте Западной Бенгалии независимого государства вновь всколыхнуло в этом районе никогда не угасавшие мечты о Великой Бенгалии. Муджибур Рахман пользовался в Калькутте большой популярностью. Послушать его пришло огромное количество народа. Позднее я узнала, что на площади в тот вечер собралось более миллиона человек. Мы тоже отправились туда, хотя ни я, ни Игорь еще в тот момент и не подозревали, что через пару месяцев наша жизнь окажется на многие годы связанной с Бангладеш. Над площадью разносился многократно усиливаемый мегафоном голос Муджибура. Наступали сумерки, в тропиках всегда темнеет довольно рано. Чтобы хоть что-то увидеть, мы забрались на одно из немногочисленных деревьев, растущих на площади. Но это мало помогло – вокруг было лишь море голов. Но то, что мы залезли на дерево, возможно, спасло нам жизнь.

Когда Муджибур кончил говорить, часть народа, стоявшая вдалеке, решила во что бы то ни стало пробиться вперед и взглянуть на него, а те, кто стоял впереди, повернули назад. В результате началась «ходынка». Как мы потом прочитали в газете, были убитые и раненые. Удивительно, как история повторяется даже в жизни одной семьи. Я вспомнила рассказ мамы, пережившей нечто очень похожее в день смерти Сталина. Они с папой попали в страшную давку, в результате которой погибло множество народа, и их спасло только то, что они залезли на фонарь.

Рядом с площадью находятся основные административные здания города, в том числе и монументальное сооружение, в котором в колониальные времена

размещалась канцелярия вице-губернатора, а сейчас – администрация штата Западной Бенгалии. Интересно название здания – «Райтерс билдинг», – которое можно перевести как «Здание писателей» или «Здание пишущих»; последнее, на мой взгляд, ближе к истине. По моей теории, оно стало так называться, поскольку люди, работавшие в здании, занимались в основном любимым делом всех чиновников – бумагомаранием.

Но из Калькутты вышли и настоящие писатели. Достаточно вспомнить, что великий индийский писатель Рабиндранат Тагор родился в Калькутте и писал на бенгальском языке. Кстати, именно Тагор написал слова индийского национального гимна. Надо сказать, что Бенгалия и, в частности, Калькутта славны своими культурными традициями. Очень многие известные индийские художники, музыканты – выходцы из Калькутты. Причем среди них есть как мусульмане, так и индусы. Калькуттцы очень гордятся этим и стремятся сохранить и приумножить славу города как своеобразной культурной столицы Индии. В Калькутте, когда мы там жили, постоянно проходили художественные выставки, концерты фольклорной музыки и национальных танцев. Калькутта долгие годы была и основным центром индийской киноиндустрии. Имена некоторых калькуттских кинорежиссеров, например, таких как Сатийаджи Рэй, известны любителям настоящего кино во всем мире.

Последняя достопримечательность Калькутты, о которой мне хотелось бы упомянуть, – мост «Ховра», перекинутый через реку Хугли. Его называют «воротами» в Калькутту. Этот мост соединяет Калькутту с городом Ховра, находящимся на другой стороне реки и ставшим частью большой Калькутты. Этот мост, даже по европейским масштабам, является очень значительным инженерным сооружением. Его длина 450 метров, а высота – 82 метра. Он строился много лет и был закончен в 1941 году незадолго до того, как англичане покинули Индию. Много лет спустя, в Женеве, я познакомилась и подружилась с молодым англичанином – Тимоти, который изучал у меня в группе русский язык. Как-то мы разговорились о Калькутте. Я поразила его знаниям этого вообще-то мало кому знакомого и, тем более, мало кем любимого города.

И тогда он вдруг меня спросил:

– А вы знаете мост через реку Хугли?

– Конечно, – ответила я, – он всегда поражал мое воображение. Огромная металлическая конструкция, металлический монстр XX века, возвышающийся над домишками и хибарами, глядя на которые возникает ощущение, что ты, по крайней мере, в средневековье. Находясь там, я испытывала своеобразный цивилизационный шок.

– Так он вам нравился или нет? – попытался уточнить Тимоти

– Когда я оказывалась поблизости от моста, я думала: вот, наверное, что чувствовали французы, с ужасом и в то же время с восторгом смотревшие на Эйфелеву башню, когда завершилось ее строительство в конце XIX века, – уклонилась я от прямого ответа.

– Мой дед строил этот мост, – сказал Тимоти.

Он рассказал, что его дед был инженером и много лет провел на строительстве этого моста. Условия жизни и работы были чрезвычайно тяжелыми. Именно от него я узнала, как много индийских рабочих погибло на этой стройке, а до того – при строительстве Калькутты. Английским инженерам тоже приходилось не сладко. И, тем не менее, по словам Тимоти, его дед навсегда полюбил Индию.

Когда мы жили в Калькутте, город пришел в запустение. Позже, в середине 80-х годов, тогдашний премьер-министр Индии Раджив Ганди назовет Калькутту «умирающим городом». Это очень точно передает мои ощущения от Калькутты того времени. Величественные дворцы обветшали, прекрасные здания на центральных улицах почернели и начали разрушаться.

Обветшали они под воздействием времени, дождя и солнца, а также от того огромного количества народа, который умудрялся втиснуться в них. Гуляя по улицам, я старалась держаться подальше от стен: мне казалось, что здание в любой момент может рухнуть. Правда, гулять по улицам Калькутты – удовольствие небольшое. Во-первых, чаще всего здесь удушающе жарко и влажно. А вечером, когда жара чуть-чуть спадает, как и везде в тропиках, быстро темнеет. Освещаются же только центральные улицы, да и то слабо. Именно поэтому город и показался мне таким мрачным в день моего приезда, когда меня везли вечером из аэропорта. Во-вторых, на улицах вавилонское столпотворение: люди, собаки, буйволы, коровы, важно вышагивающие по тротуару или возлежащие поперек него. Плотность населения в Калькутте самая высокая в мире. Повсюду люди. Ужасающий, особенно по сравнению с московским 60-70-х годов, трафик на улицах. Едут, стоят в многочисленных пробках и при этом отчаянно сигналият машины. Снуют многочисленные рикши, причем не моторикши, как в Дели, не велорикши, каких я позднее увижу в Дакке, а настоящие, т.е. люди, впрягшиеся в повозки.

На тротуарах, где они есть, тоже полно народа – люди идут, стоят, лежат, разговаривают, суетятся, ругаются, кричат. Масса снующих торговцев. Тут же можно перекусить, съев острое овощное или мясное карри, «дхал» – острое блюдо из чечевицы, на худой конец, просто рис. Тарелкой при этом будет служить пальмовый лист. Все это можно запить соком кокосового ореха, у которого расторопный мальчишка-торговец отобьет острым кривым ножом верхушку и даже предложит вам соломинку сомнительной чистоты. А на десерт можно купить индийские сладости, которые делаются из чего-то похожего на манку и затем варятся в сиропе. Я обожала эти сладости и рисковала покупать их в самых непрезентабельных лавках. Ну а если у вас плохо с деньгами, – купите на третье сладкий сахарный тростник, который так любит индийская детвора.

На улицах множество нищих, калек, часто можно увидеть и прокаженных. Их узнаешь сразу: нога, рука или даже часть лица замотана какой-нибудь тряпкой. Если видно, что вы иностранка, вас сразу же атакуют или нищие, или дети, для которых получить что-то от вас, по-моему, не только вопрос выживания, но и развлечение, плюс соревнование: кто сумеет больше получить от ошалевшего от их воплей, смеха и плача иностранца.

Прибавьте ко всему весьма своеобразный запах, насыщающий воздух индийских городов. Адская смесь пряных восточных благовоний (в каждой лавочке, в каждом магазине, кафе, ресторане непременно дымятся специальные палочки, распространяющие аромат сандала, гвоздики, розы и каких-то специй), выхлопных газов, коровьего помета, дыма и острого запаха готовящейся прямо на улице еды, пальмового и сезамового масла, которыми многие индусы обильно смазывают кожу и волосы, и вонь от человеческих испражнений. Надо сказать, что общественных туалетов, во всяком случае тогда, в Калькутте не было, и поэтому застигнутые врасплох жители города, ничуть не смущаясь, справляли нужду прямо тут же, разве что не на самых центральных улицах. Меня всегда поражало, с какой непринужденностью они это делали. Идут по

улице два вполне приличных господина, приостановятся, не прерывая оживленной беседы, один из них присядет, отведя в сторону полу «дхоти» (тип национальной мужской одежды, нечто среднее между штанами и юбкой – кусок белой ткани, обматываемый вокруг талии и пропускаемый между ног) и продолжая беседу, а через пару минут, глядишь, уже идут дальше. Для многих мужчин, носивших еще более примитивную одежду – «вешти», представлявшую собой кусок прямоугольной ткани, просто обмотанной вокруг бедер, проблем вообще не возникало. Интересно, но я никогда не видела, чтобы женщины делали то же самое на улице.

Несмотря на отнюдь не экзотические запахи, витавшие в воздухе, удушающую жару, толчею, непрекращавшийся гвалт, я сразу же полюбила Калькутту и благодаря ей Индию. Полюбила индийскую культуру. Особенно потрясла меня архитектура индуистских храмов – такая изысканная и непохожая ни на какую-либо другую. Очаровали меня индийские танцы, таинственный язык жестов и мимики, которым в совершенстве владеют индийские танцовщицы.

Полюбила я и индийскую кухню – острую, пряную. Карри, тандури чикен, дхал, чапати – эти слова звучали для меня как музыка. И до сих пор индийские блюда – одни из моих самых любимых. Кстати, сейчас и у нас в стране можно часто услышать слово «карри» или, как чаще говорили раньше, «кэрри». А что это такое, мало кто знает. Некоторые думают, что это блюдо индийской кухни. На самом деле карри – это приправа, в которую входит множество специй: тмин и перец, горчичные зерна и гвоздика, куркума и корица, чили и имбирь, кардамон и шафран, мускатный орех. Обязательным ингредиентом соуса карри являются жареный лук и чеснок. А список специй не полный. Специи смешиваются в разных пропорциях в зависимости от того, что вы готовите. Для мяса – одна смесь, для рыбы – другая, а для овощей – третья. В разных районах Индии состав смеси и пропорции специй различные. Например, мадрасское карри славится своей остротой, а калькуттское – большим, чем в других смесях, присутствием имбиря.

Если уж зашла речь о еде, то как не вспомнить потрясший мое воображение калькуттский рынок овощей и фруктов. Если учесть, что в те годы в Москве мы, кроме традиционного набора фруктов и овощей средней полосы, да еще строго по сезону, ничего не видели, то можно представить, как меня завораживал вид всех этих манго, папай, личи, гуйав и бесконечного количества фруктов и овощей, названия которых я не знала. Иногда знала и пробовала, но здесь они имели другой вкус или выглядели иначе. Например, бананов было по крайней мере три разновидности: обычные, очень маленькие, более желтого цвета, и большие, наоборот, более зеленые. Маленькие имели несколько кисловатый, очень приятный вкус. Большие предназначались для жаренья. Из бананов не только готовят десерт, но и едят их жареными как отдельное блюдо. Были и обычные бананы, которые я не очень жаловала в Москве, поскольку они, на мой вкус, мало чем отличались от картофеля. Но здесь были очень вкусными. И это естественно. Яблоко, только что сорванное с дерева, имеет очень мало общего с теми плодами, которые под этим же названием мы покупаем в магазине.

Наверное, в своей прежней жизни я была собакой, поскольку у меня очень развито обоняние, и я очень остро воспринимаю запахи и запоминаю их. Вот и сейчас, когда я писала об овощном рынке, сразу вспомнила его запах – запах специй, которые всегда там продавались. Воздух был пропитан пряным

(недаром «специи» и «пряности» – синонимы) ароматом гвоздики, корицы, кориандра, тмина, имбиря и куркумы. (Куркуму называют индийским шафраном, поскольку она тоже окрашивает рис и овощи в желтый цвет.) И долго еще фрукты, купленные на рынке, лежа в вазе, источали пряный аромат. Где бы я потом ни чувствовала этот пряный аромат или что-то хотя бы отдаленно его напоминавшее, на меня тут же накатывала ностальгическая волна. Примерно то же испытывают многие русские, учуяв за границей запах сирени или жасмина.

Рядом с овощами и фруктами продавали цветы. Там, перекрывая все другие запахи, одуряюще пахли цветы, которые в Индии называют жасмином, хотя они и не похожи на наш жасмин. Эти маленькие, невзрачные, иногда желтые, но чаще всего белые цветы используются для изготовления гирлянд, которые являются непременным атрибутом любого индийского праздника. Кроме того, их вешают на шею статуям богов и богинь, которых повсюду расставлено великое множество. Начиная от крохотных статуэток – в каждом доме, магазине, офисе – и вплоть до гигантских на улицах во время праздников. Раньше гирлянды было принято надевать на гостей, но сейчас это делается только при очень торжественных встречах. В Индии не было традиции дарить цветы. Этот обычай привнесли англичане. Возможно, поэтому выбор цветов довольно ограничен – в основном розы и гвоздики. Но торговцы на рынке даже при этом ограниченном наборе умудрялись делать удивительно красивые цветочные корзины. Почему-то в подарок было принято дарить не букеты, а именно корзины цветов. Может быть, ответ на этот вопрос крылся в их дешевизне, дарить букет было даже несолидно. Так или иначе, свои первые и последние корзины цветов (потом это всегда были букеты или горшки с цветами) я получала именно в Калькутте. Я приехала туда как раз накануне своего дня рождения. Просыпаюсь утром, а около кровати потрясающей красоты и изящества архитектурное сооружение из красных и белых цветов. Любимый муж постарался. Столько лет прошло, а у меня эта корзина стоит перед глазами.

Цветочный рынок плавно переходил в основной, про который легче было сказать, чего там не продавалось, чем, что предлагалось. Одна лавочка буквально налезала на другую. Часто на вывеске этих малюсеньких магазинчиков вместо обычного английского слова «shop» гордо красовалось «emporium», что в переводе значит «торговый центр». Больше всего в этих «эмпориумах» было самых различных традиционных изделий индийских ремесленников. Это изделия из латуни – столы, подносы, кувшины, кубки, светильники и вазы, всех мыслимых и немыслимых форм, подсвечники, фигурки. Меня блеск всех этих чеканных или покрытых гравировкой вещей заворожил, и я начала покупать их в большом количестве.

Мой энтузиазм еще усугубился благодаря одному недоразумению. Я спросила продавцов, из чего сделаны эти изделия. В ответ я услышала английское слово «brass», которое в словаре переводится как «бронза, медь и латунь». Я, почему-то нимало не колеблясь, выбрала как перевод слово «бронза» и долго еще убеждала Игоря в том, что мы коллекционируем изделия из бронзы, покупая их просто за смешную цену. Вскоре, правда, какой-то добросердечный человек, по-моему, симпатизировавший Игорю и попытавшийся таким образом положить конец моим неумеренным тратам, открыл мне глаза и сказал, что это никакая не бронза, а банальная латунь. Но

это не охладило мой пыл – все равно таких вещей не было ни у кого в Москве, – и интерьер нашей московской квартиры обещал стать весьма оригинальным.

Каково же было мое разочарование, когда спустя шесть лет, оказавшись наконец в Москве и обустроив свою первую квартиру, мне совсем недолго удалось тешить свое тщеславие. Буквально через пару месяцев в столице открылся магазин «Ганг», в котором все эти изделия продавались в большом количестве и очень недорого. В самый короткий срок большинство московских интерьеров заблестело и запылало, катастрофически затмевая блеск моей квартиры. Это событие нанесло непоправимый удар по репутации моего интерьера, который всего лишь несколько месяцев вызывал зависть и восхищение моих знакомых своей оригинальностью. Это был первый и, надо сказать, самый безобидный урок о тщете тщеславия, преподнесенный мне жизнью. Кстати, задумывались ли вы над тем, что слова «тщетный», т.е. «бесполезный», и «тщеславие» – однокоренные?

В моей нынешней московской квартире от бывшего «богатства», привезенного из Индии, осталось лишь несколько вещей из тех, что не продавались в магазине «Ганг». Это деревянная резная мебель, которая традиционно украшает индийский интерьер. Магазины, где продавалась такая мебель – столы, подносы, ширмы, секретеры, шкафы – занимали значительное место на калькуттском рынке. Запах мастики, которой натирали мебель для придания ей блеска, смешивался с запахом сандалового дерева, из которого делали самые разнообразные фигурки. Эти резные статуэтки из сандалового, красного и черного дерева, а также из слоновой кости и бронзы, размером от десяти сантиметров до одного метра, чаще всего представляли многочисленных индийских богов и персонажей индийского эпоса.

Особенно много было изображений бога с симпатичной головой слоненка – Ганеши, сына Шивы и Парвати. Существует множество версий появления слоновьей головы у этого божества. Вот одна из самых распространенных. На празднество в честь рождения Ганеши забыли пригласить бога Шани, и тот из мести испепелил взглядом голову младенца. Даже Шива, обладающий даром регенерации, не мог ничего сделать. Брахма посоветовал Парвати приставить ему голову первого же существа, которое ей встретится. Им оказался слон.

Ганеша – один из любимейших богов индусов. Подозреваю, что особая популярность Ганеши среди последователей индуизма объясняется не столько тем, что он бог мудрости, покровитель торговцев и путешественников, сколько тем, что одновременно он и тот бог, в помощи которого люди нуждаются повседневно – он устраняет препятствия. Удивительно, но даже книга «Океан сказаний», о которой расскажу позже, открывается следующими словами: «Да охранит вас Слоноликий, то вверх, то вниз качающий головой, словно отгоняя сонмы злых духов!» А потом уже следует славословие в адрес Шивы. В Индии позволительно упоминать имя сына прежде имени всемогущественного отца. Кстати, по преданию, именно Ганеша продиктовал одну из самых известных книг мировой литературы – эпическую поэму «Махабхарата».

Было также много фигурок толстенького, с большим, нависающим над дхоти животом, улыбающегося во весь рот бритоголового мужичка с поднятыми над головой руками. Человек мог стоять на голове, а вернее, на поднятых вверх руках. Некоторые называли эти фигурки «хэппи Будда» – «счастливый Будда». Другие – «хэппи мэн». Счастливого Будды никто не видел, но, действительно, встречаются такие излучающие оптимизм очаровательные толстячки. К тому же так называть человека, стоящего на голове,

занимающегося йогой, правильнее. Ведь йога – это учение о способах соединения человеческой и мировой души. Это философское учение, являющееся частью индуизма, а индуизм и буддизм – разные вещи.

Фигуры «хэппи мэна», от сравнительно небольших – 30, 50 сантиметров, до огромных и неподъемных, были всегда одним из популярнейших сувениров, увозимых иностранцами из Индии. Я хотела купить для себя фигурку «хэппи мэна» из слоновой кости. Но ограничилась фигуркой из дерева. Даже тогда изделия из слоновой кости были довольно дороги. Хотя в те годы еще не велась такая суровая, как сейчас, борьба с браконьерами, беспощадно истреблявшими слонов в погоне за слоновой костью, и на рынке можно было увидеть огромные слоновьи бивни, покрытые тончайшей резьбой с изображением целых мифологических сюжетов.

Ради справедливости должна признаться, что большую часть времени, проведенного на индийских рынках, я, как и подавляющая часть женщин вне зависимости от национальности, возраста и состояния финансов, посвятила не местам, торгующим деревянной мебелью или статуэтками, а ювелирным лавкам. Особой любовью к драгоценностям отличаются индийские женщины. Они обожают драгоценности, это у них просто страсть. С самого младенческого возраста и до глубокой старости индианка увешана кольцами, браслетами, бусами, ожерельями, сережками. Исключением являются лишь вдовы.

Браслеты носят и на ногах. Если индианка не может себе позволить изделия из золота, то на ней будут все те же украшения, только из серебра или даже из стекла. На худой конец, на руках вместо браслетов будут намотаны просто разноцветные нити.

В свое оправдание должна сказать, что я еще не встретила ни одной представительницы слабого пола, побывавшей в Индии или Пакистане и не заболевшей ювелирной лихорадкой. Да и возможно ли требовать от женщины, обладающей хотя бы зародышем женственности и кокетства, остаться равнодушной при виде этого водопада серебра, золота, бриллиантов, изумрудов, сапфиров, рубинов, опалов, гранатов и десятка других разновидностей полудрагоценных камней, буквально затоплявшего витрины магазинов? В те годы даже золото в Индии стоило очень недорого. Вернувшись в Индию через десять лет, я была поражена пустотой витрин ювелирных магазинов. Да и выставлены были в основном изделия из серебра, которое в 70-е годы просто ничего не стоило. Я до сих пор очень люблю одно серебряное кольцо с гранатами, купленное по цене упаковки нескольких коробков спичек недалеко от генконсульства. Именно по цене спичек, поскольку вышла купить именно их, а вернулась еще и с кольцом, приобретенным за ту же цену.

Правда, в то время я увлекалась отнюдь не изделиями из серебра или золота. Это была эпоха хиппи, и у молодежи, по крайней мере в Индии, в моде были массивные тибетские украшения (кольце, кольца, браслеты) из различных недорогих металлов со вставками из фальшивых камней. Но стоили они дороже серебряных, наверное, потому, что их охотно покупала хиппующая западная молодежь, в большом количестве совершавшая паломничество в Индию. Я ходила вся обвешанная толстенными браслетами и нашейными украшениями, к которым больше подходит не слово «кольце», а «ошейник», по меткому определению моей бабушки. Где-то до сих пор лежит коробка со всем этим «богатством», уже через несколько лет потерявшим всякую ценность. Эпоха хиппи закончилась так же неожиданно, как и началась.

Недавно моя дочь вдруг поинтересовалась судьбой коробки. Посмотрев журналы мод, я поняла, в чем дело. Стиль хиппи вновь возвращается. Так что моим «драгоценностям» уготовано, судя по всему, второе рождение.

Еще одним источником соблазна были магазины тканей, где в том числе продавались сари. Индийские ткани – хлопчатобумажные, шелковые, льняные – поражали своим качеством, разнообразием расцветок, изысканностью рисунков. Самая прихотливая европейская модница всегда находила там что-то себе по вкусу. А если учесть еще, что тут же к вашим услугам был портной, то можно понять, почему я до сих пор помню все платья, костюмы и пальто, сшитые в Калькутте. Портными, как правило, были сикхи. Сидит такой портной на полу в малюсенькой комнатенке, поджав под себя ноги, и на примитивнейшей швейной машинке за пару дней создает копии любого туалета, который ты выберешь из купленного на днях очередного журнала мод. Все выходило точь-в-точь как на картинке и сидело потрясающе. Не пробовала, правда, использовать модели «haute couture», но, думаю, и с таким заданием портной-сикх справился бы.

Не в обиду всем другим индийским мужчинам будет сказано, но вообще твердо убеждена, что сикхи – самые красивые, самые элегантные и самые сексапильные мужчины Индии. Хотя слово «сексапильные» к ним не очень-то подходит. Это слово слишком современное, и от него разит за версту чем-то вульгарным. А для меня образ сикха – его чалма, борода, усы, длинная белая развевающаяся одежда – ассоциируется с ушедшей эпохой или со сказкой, со старинными индийскими миниатюрами. Идет по улице сикх, видно, что он очень, очень беден (нищим сикха просто язык не поворачивается назвать), и все равно вы невольно провожаете его восхищенным взглядом. Какая посадка головы, какие арийские черты лица, какая горделивая походка, какой неприступный вид – прямо принц, да и только. Конечно, я пристрастна, но женщине это простительно, когда речь идет о мужской красоте.

Я долгое время пребывала в абсолютной уверенности в том, что сикхи – особая этническая группа Индии. И только позже узнала, что сикх – просто последователь религии сикхизма. Так что если попытаться быть все-таки объективной, то окажется, что все дело не в какой-то особой красоте мужчин-сикхов, а скорее всего в том, что из примерно десяти миллионов последователей сикхизма около девяти миллионов – выходцы из северо-западных штатов Пенджаб и Харьяна. Отсюда, вероятнее всего, и арийские черты. А остальное – эффект чалмы, так украшающей мужчин. Плюс борода и усы, придающие мужчинам, на мой взгляд, значительность. Кстати, борода и усы – два из пяти обязательных элементов внешности сикха. Внешний вид каждого сикха определяется пятью словами, начинающимися на пенджабском с «к». Это «кеш» – никогда не стриженные борода, усы и волосы (чтобы прикрывать длинные волосы, и нужна чалма); «кангха» – гребень, помогающий уложить волосы; «кара» – стальной или железный браслет на правой руке; «качх» – штаны особого покроя и «кирпан» – меч. Настоящий меч даже в то время, когда мы жили в Индии, имели очень немногие. Большинство носило небольшой чисто символический кинжал, да и то не выставляя его на всеобщее обозрение.

Что-то от рассказа об индийских тканях я явно уклонилась в сторону. Хотя почему в сторону? Сикхи – это тоже своего рода достопримечательность Индии. И если уж говорить о соблазнах, которые поджидают женщин в Индии, то опять-таки нельзя не упомянуть сикхов. Ведь это тоже соблазн и еще какой. В те годы я слышала множество историй о пропавших или похищенных

европейках, причем чаще всего в роли соблазнителя или похитителя выступал сикх. А после того, как пропавшие или похищенные особы женского пола находились, зачастую выяснялось, что еще неизвестно, кто кого похищал – сикх европейку или европейка сикха.

Но вернемся все-таки к тканям, а вернее, не просто к тканям, а к особой разновидности тканей, сари. Ведь что такое сари? Это всего лишь кусок материи длиной около пяти метров, который по-особому обматывается вокруг талии, а остаток перекидывается через грудь за плечо. Но этот кусок материи часто настоящее произведение искусства. Вы можете до бесконечности рассматривать сари, которые перед вами раскладывает продавец. Все они разные и все очень красивые. Есть совсем простые, красота которых заключается в великолепном качестве ткани или в ее удивительной окраске. А есть изысканные сари, расшитые шелком, золотой или серебряной нитью. На изготовление таких сари уходят недели, а иногда и месяцы. И до чего же элегантны индианки в своей национальной одежде! То, насколько сари делает женщину привлекательной, становится особенно ясно, когда индийская женщина надевает европейское платье. По-моему, мало что остается от их очарования. Такой же феномен я наблюдала и в отношении японских женщин. Они могут быть удивительно хороши в своей национальной одежде, но стоит им надеть европейскую, как те же женщины выглядят неуклюжими и малопривлекательными.

Менее известна, но не менее красочна одежда, которую носят индийские женщины-мусульманки: «шальвар и камиз». Это что-то вроде шаровар, как и явствует из названия. А сверху – длинная рубашка. В зависимости от района Индии, возраста женщины и моды шаровары могут становиться больше похожими на узкие рейтузы из хлопка, а рубашка превращают в мини-платье.

Именно эту одежду надевала и я, когда отправлялась побродить по городу. Искусство ношения сари я так и не освоила. Для того, чтобы его надеть и носить, нужны определенные навыки. А в брюках из хлопка и в длинной рубашке навыпуск я себя чувствовала очень удобно. Гораздо удобнее, чем просто в мини-платье по моде тогдашних дней.

Мало того, что сразу же становилось очевидным, что вы иностранка, и вы сталкивались со всеми неудобствами, проистекающими из этого состояния. Но самое главное: вы превращались в объект повышенного внимания всего мужского населения в возрасте от семи до семидесяти лет. Причем, если мужчины зрелого возраста проявляли свой интерес и неодобрение, кидая косые взгляды, то молодежь, главным образом мальчишки, бежали за вами, свистели, улюлюкали, особенно если вы были одна, без сопровождения мужчины.

Дело в том, что одежда индийской женщины всегда оставляет закрытыми ноги. Открытой, скорее, может оставаться грудь. В те годы, даже в городе, многие женщины, особенно из простого народа, не носили кофточек, и грудь прикрывали чисто символически, перекинув конец сари за спину. Но зато, даже ложась спать, надевали «ночное» сари, также закрывавшее ноги. Поэтому, в отличие от их европейских собратьев, если что и возбуждало или раздражало, в зависимости от темперамента, индийских мужчин, так это лицемерие женских ног.

Именно поэтому мой первый самостоятельный выход в город закончился весьма плачевно. Я собралась посетить знаменитый калькуттский крытый рынок – настоящий город в городе. Водитель довез меня до рынка и мне оставалось пройти каких-нибудь метров пятьдесят до его входа. Но не тут-то

было. Вокруг меня сразу же образовалась небольшая толпа, состоявшая из мальчишек и подростков, которые что-то кричали, смеялись, свистели и при этом показывали на мои ноги. Надо признать, что мое платье соответствовало последней московской моде, т.е., по выражению моей бабушки, было длиной «до пупа». Чувствовалось, что в провинциальной Калькутте увидеть такое доводилось не часто. При этом толпа была настроена отнюдь не агрессивно, а скорее дружелюбно. Поскольку я приехала на машине генконсульства, все догадались, что я русская, и отовсюду слышались особенно смешно звучащие в устах бенгальских мальчишек русские фразы и словечки: «гуляй, Вася!», «чемоданы – сумки», «отвали, моя черешня!». Остальное я не решаюсь здесь воспроизвести – чувствовалось, что советские моряки с торговых судов, заходящих в калькуттский порт, – частые посетители рынка.

Я тоже попробовала улыбнуться, и это было роковой ошибкой. Ребята помладше осмелели и ко мне потянулись руки с явным намерением потрогать наиболее доступные части моего тела. Сразу же улетучилось мое намерение посетить местную достопримечательность. Я ретировалась обратно в машину и поехала домой. С тех пор я позволяла себе выходить в мини только в сопровождении мужчин, да и то не часто, так как гораздо уютнее чувствовала себя в индийской одежде или просто в брюках и кофте.

Надо сказать, что в индийской одежде я вполне сходила за индианку. У меня были длинные темные волосы. Понятия о вреде сильного загара мы тогда никакого не имели, не говоря уж о полном отсутствии как в России, так и в Индии каких-либо солнцезащитных кремов, поэтому лицо уже через месяц после приезда стало вполне смуглым. Да и черты моего лица не столь уж отличались от индийских, сказывалось наличие татарской крови. Недаром мой муж говорил про меня, что я «восточная женщина».

Чаще всего мы совершали длительные вылазки в город по воскресеньям, вместе с Игорем. Однако они были сопряжены с определенными жертвами и риском. Я имею в виду трудности, которые вам приходится переносить, если вы хотите получше узнать такой город, как Калькутта. Вы должны быть готовы к тому, что через десять минут станете мокрыми от пота и что несмотря на жару большую часть времени вам придется передвигаться пешком, лавируя между людьми, животными, повозками, рикшами, автобусами, обвешанными людьми.

Поскольку пользоваться рикшами советским людям в те времена «не рекомендовалось», да и мне самой как-то не очень хотелось ездить на себе подобном существе, иногда мы брали такси. Но и это было весьма сомнительным удовольствием. Калькуттские такси лишь с большой натяжкой можно было отнести к разряду комфортабельных и безопасных средств передвижения. При взгляде на черно-желтую дребезжащую, помятую, побитую машину казалось, что это нечто, гордо именуемое калькуттским такси, собрано из бранных останков автомобилей, найденных на автомобильных свалках, чуть-чуть отремонтировано и выпущено на линию. На самом деле это были очень популярные в Индии машины индийского производства с громким названием «амбассадор». Они же, только белого цвета, использовались, как прежде наши «Волги», в качестве машин для высшего состава индийского чиновничества.

Поездка в таких такси нередко действительно была сопряжена с риском. Едешь и вдруг на повороте сама по себе открывается дверь, и ты чудом не вываливаешься на дорогу. И это при том, что калькуттские таксисты, по большей части сикхи, славились своей лихой ездой. Поэтому острых ощущений было предостаточно. В Индии даже шутят, что всем таксистам заранее

гарантировано хорошее перерождение, поскольку после поездки на такси даже неверующие начинают верить в бога.

Европейских ресторанов, и тем более кафе, в Калькутте тогда было очень мало. К тому же цены в них были нам не по карману, во всяком случае, мы не могли себе позволить ходить туда регулярно. Часто мы вообще оказывались в таких местах, где ничем европейским и не пахло. Приходилось перекусывать, покупая фрукты у мальчишек-разносчиков с лотков, споласкивая их под кранами прямо на улице, или же заходя в маленькие закусочные, расположенные тут же под навесом. Игорь до сих пор вспоминает, как он в первый раз осмелился предложить мне перекусить в такой местной забегаловке. Больше всего его поразило то, что я не только без колебания согласилась, но и потом долго вспоминала, как вкусно мы там поели.

На самом деле мой энтузиазм объяснялся очень просто. В то время я была абсолютно не осведомлена обо всех тех вирусах, амебах, паразитах и прочей гадости, которую вы рискуете подхватить в подобных заведениях в Азии или Африке. Через пару лет в Бангладеш я была уже более просвещенной на сей счет. Впрочем, это не означало, что мы перестали ходить в национальные ресторанчики. На такую жертву при моей любви к восточной еде я была не способна. Просто перед каждым походом в такой ресторанчик (как и перед походом в гости в бангладешскую семью) мы обязательно выпивали немного виски. Это оказалось чудодейственным средством, заставившим меня навсегда зауважать англичан, изобретших сей напиток.

Как-то я решила посмотреть, что есть в русском интернете о Калькутте. Все как будто сговорились перещеголять того же Киплинга, назвавшего Калькутту «городом ужасающей ночи». Один сайт в заголовке к статье русского журналиста вынес следующую фразу: «Калькутта еще тот гадюшник». Другой сайт, анонсировавший рассказ то ли американского, то ли английского журналиста (Дэна Симмонса), заинтриговал меня, и я даже нашла и прочитала его. То, как Дэн Симмонс описывает Калькутту, настолько потрясло меня, что я хочу здесь процитировать несколько строк из его рассказа.

«Есть места, слишком исполненные зла, чтобы позволить им существовать. Есть города, слишком безнравственные, чтобы испытывать страдания. Калькутта – именно такое место...

До Калькутты я участвовал в маршах мира против ядерного оружия. Теперь я грежу о ядерном грибе, поднимающемся над неким городом...

Город этот – Калькутта. Не могу сказать, чтобы мне были неприятны эти видения...

Есть места, слишком исполненные зла, чтобы позволить им существовать».

В 2002 году Калькутту переименовали в Колкату. Было объявлено, что новое название более соответствует его произношению на бенгальском языке. Я думала, что если волна переименований основных городов Индии и коснется Калькутты, то новое название будет иным – Каликутта. Город, посвященный богине Кали, «место Кали». Именно такое толкование названия города я неоднократно слышала. Кали – одно из воплощений богини Парвати, супруги Шивы, олицетворяет ее карающее, мстительное начало. Это жестокая и кровожадная богиня, о которой я еще буду рассказывать. Не случайно во время дискуссий, которые предшествовали переименованию, некоторые предлагали еще более усилить ассоциацию с именем этой богини. И то, что этого все-таки не произошло, подтверждает: не для всех Калькутта – город «ужасающей ночи».

Для меня, например, Калькутта навсегда останется частицей Индии, которую я полюбила благодаря, а не вопреки этому городу.

Почему мне нравится индуизм

После того как в одном журнале был опубликован мой рассказ, в котором повествовалось об индийских богах, я получила довольно гневное послание от одной читательницы. Она обвиняла меня в том, что я, христианка, занимаюсь делом, недостойным христианина, – восхищаюсь не то язычеством, не то идолопоклонством. После этого я и решила написать эту главу и рассказать хотя бы немного о том, что такое индуизм. Мне также захотелось попытаться понять, чем он отличается от других религий, например, от ислама.

Одна из центральных улиц Калькутты – Чоуринги. Здесь находится старый отель – «Грейт Истерн хотэл». Он был любимым местом встреч европейцев – в баре подавали прекрасное английское пиво и к нему – вкуснейшие сосиски. На Чоуринги я впервые столкнулась с некоторыми особенностями индийской культуры. Мы вышли из отеля, и я увидела, что по улице движется процессия мужчин, одетых во все белое. Раздавалась довольно веселая музыка. Люди двигались, пританцовывая и подпрыгивая в такт ей. Несколько человек в центре процессии несли на руках носилки с чем-то, прикрытым тоже белым.

– Что это, свадьба? – спросила я у своих спутников.

– Нет, похороны, – прозвучало, к моему немалому удивлению, в ответ.

Оказалось, белый цвет в Индии – цвет траура и смерти. Я впервые услышала о вере индусов в реинкарнацию, т.е. в то, что после смерти человек возродится в том или ином качестве. Поэтому в любом случае нет повода убиваться так, как это случается на наших похоронах. То, кем вы возродитесь, зависит от вашего поведения в нынешней жизни. Если человек прожил достойную жизнь, тут уже есть повод для радости, поскольку наверняка в своей следующей жизни он будет принадлежать к более высокой касте, то есть займет более высокое положение на социальной лестнице.

Но горе вам, если вы много грешили: у вас есть все шансы возродиться отнюдь не в человеческом облике. Причем не надейтесь стать каким-нибудь уважаемым животным – коровой или обезьяной. Нет, вам уготована судьба несимпатичного, презираемого всеми животного или насекомого. Так что есть прямой смысл вести себя прилично. Вот бы обратить наших мафиози, политиков и олигархов в индуизм и заставить поверить в такую закономерность. Представляете, насколько лучше они бы себя вели и насколько меньше мошенничали, если бы опасались возродиться в будущем, скажем, не каким-нибудь добропорядочным Иваном Ивановичем Ивановым, а омерзительным, ненавидимым всеми тараканом, который каждую минуту рискует быть раздавленным чьим-то каблуком.

Зато если вы будете очень-очень стараться и всемогущие боги смилуются над вами, то вы можете в следующей жизни оказаться дважды рожденным. Стать «дважды рожденным» – заветная мечта каждого простого индуса, ведь этот эпитет относится к брахманам, представителям высшей касты. Каждый брахман после особой подготовки проходит обряд инициации, или посвящения, который и считается вторым рождением. Во время этого обряда на человека надевается, на манер орденской ленты, брахманский шнур, который он носит, не снимая, всю жизнь. Меня поразило, когда в одной из книг индийского эпоса я встретила такую фразу: «...брахманы, рождающиеся, подобно птицам, дважды». Я подумала: разве птицы рождаются дважды? А потом поняла, что

имеется в виду. Ведь сначала на свет появляется яйцо, а потом уже из него вылупливается птенец.

Кстати, книга, из которой взята эта фраза, – одно из немногих прочитанных мной произведений индийского эпоса. Желание читать отбивают уже сами их названия – безумно длинные, хотя и очень поэтичные. Например, название книги кашмирского поэта и писателя XI века Сомадевы: «Необычайные похождения царевича Нараваханадатты, сына блистательного царя Удаяны, с прибавлением многих забавных и к тому же поучительных рассказов о йогах и красавицах, хитроумных плотниках и отважных мореплавателях, о крестьянах и царях, о мудрых и глупых, хитрых и простоватых, алхимиках и волшебниках, о воздушных кораблях и всеокрушающем оружии, а также с изложением великого и истинного сказания о битве между асурами, стоявшими за правду, и богами, несправедно с ними бившимися». Поскольку ни один нормальный человек запомнить это не в состоянии, она, как и все другие книги индийского эпоса, имеет и короткое название: «Океан сказаний».

Прочитала я «Океан сказаний», естественно, на русском языке, гораздо позже, уже уехав из Индии. В Калькутте, глядя на длиннющие заглавия книг, да еще к тому же на английском языке, я чувствовала, как с каждым следующим словом в названии ослабевает моя решимость приобщиться к индийскому эпосу. Несколько раз начинала читать «Махабхарату» и «Рамаюну», но так и не осилила.

Однако, как это ни парадоксально, «Океан сказаний» привлек меня именно названием. Прежде всего неординарной комбинацией персонажей, вынесенных в заглавие. Автор собирается рассказать нам о хитрых и простоватых – это понятно. А вот о «йогах и красавицах» – странное противопоставление; казалось бы, персонажи совсем не одного ряда. И еще заинтриговало упоминание о всеокрушающем оружии. О каком таком оружии могла идти речь тысячу лет назад? И совсем поразило заявление в конце заголовка – о том, что схватка происходила между некими асурами, «стоявшими за правду», и богами, «несправедно с ними бившимися». Ничего себе! Вот так прямо черным по белому – боги не правы. Мы и спустя тысячу лет боимся так даже помыслить. А тут какой-то Сомадева из Индии пишет об этом книгу, и она не только не объявляется кощунственной или богохульной, но становится национальным культурным достоянием.

Вспомним, что порой происходит и в наши дни с людьми, обвиненными в непочтительном отношении к догматам той или иной религии, к которой они принадлежат. Далеко ходить за примерами не надо. Достаточно упомянуть Сальмана Рушди, вынужденного до сих пор скрываться и каждый день опасаться за свою жизнь. Поскольку Рушди много лет жил в Англии и считается британским писателем, не все знают, что он индеец по национальности и родился в Бомбее. Характерно, что, когда была опубликована его книга «Сатанинские стихи», он был предан анафеме не главой мусульманской общины в Индии, а иранским религиозным лидером – Хомейни. Аятолла Хомейни не просто осудил книгу, но издал специальный эдикт, в котором ее автор был приговорен к смертной казни за кощунство. Этого показалось мало – и в награду тому, кто совершит убийство Рушди, было обещано многомиллионное вознаграждение. На мой взгляд, в своей книге, так трагически осложнившей его жизнь, Рушди позволяет себе гораздо меньше вольностей в

отношении догм ислама, чем его собрат по перу – Сомадева – позволял себе в отношении индуистских богов за тысячу лет до этого.

Нетерпимость, пусть не такая вопиющая, как это свойственно в последние десятилетия мусульманскому фундаментализму, отличает отнюдь не только ислам. Православие тоже довольно нетерпимо к проявлениям инакомыслия. Не говоря уж о случаях, когда ставится под сомнение справедливость деяний Господних. Католичество проявляет удивительную негибкость, например, в отношении аборт и использования противозачаточных средств. На этом фоне индуизм остается одной из религий, наиболее терпимых ко всяческому инакомыслию, исходящему как извне, так и изнутри.

Первые представления об индуизме я почерпнула из книг, которые мы брали в Национальной, бывшей Императорской, библиотеке Калькутты. Это самая крупная библиотека Индии, насчитывающая около двух миллионов книг и документов на разных языках мира. Я всегда сожалела о том, что не смогла из-за духоты, царившей там большую часть года, провести в библиотеке больше времени. В то время кондиционеры в Калькутте, особенно в государственных и общественных местах, были большой редкостью.

Пытаясь вникнуть в книги об индуизме, я смогла понять четко лишь одно: кавалерийским наскоком здесь не обойдешься. Чтобы по-настоящему разобраться в индуизме, нужно посвятить этому жизнь. Вряд ли есть другая такая сложная и запутанная религия.

Трудно не запутаться даже в индийских богах. Их множество.

Но верховных равновеликих божеств – три. Индуистская триада – это Брахма, бог созидания, Шива – бог разрушения и Вишну – бог благосостояния, благополучия. Брахма воплощает верховный закон, высшую логику бытия. Шива не просто разрушитель, он символизирует энергию, динамику развития. Вишну – созидатель, хранитель мироздания, воплощение вечно живой природы. В какой бы форме ни предстал перед нами бог – это будет материализация Вишну.

У каждого верховного божества есть супруга. Причем то, что каждая из них олицетворяет, находится в точном соответствии с характером «деятельности» их божественных мужей. Спутница Брахмы – Сарасвати, что означает «приистекающая», «речь». Богиня красноречия, знания, покровительница наук и искусств. Супруга Вишну – Лакшми. Ее имя означает «добрый знак», «счастье». Она – богиня счастья, процветания. Супруга Шивы – Дэви, почитаемая под многими именами: Парвати, Дурга, Кали. Если Шива – источник бесконечности мироздания, то Парвати, его супруга, олицетворяет шакти – активное начало всего сущего. Парвати поклоняются как дочери великих Гималайских гор и сестре священной реки Ганга. Но она же несет в себе и разрушительное начало в образе могущественной богини Дурги и карающей мстительной богини Кали.

Как правило, супруги прекрасно ладят друг с другом. Но, как и в каждой нормальной семье, не обходится без ссор и конфликтов. Вот тогда и сотрясается земля, и поражаются грозы – сверкают молнии, гремит гром.

Почему богов много? На самом деле все боги и богини индуизма являются проявлениями единой священной сущности, различных ее «сфер деятельности». Индуизм признает все проявления Правды. Есть одна Реальность, но она может являться во множестве форм. И хотя Правда одна, она универсальна и должна включать в себя разные сущности, а не исключать их. Не может быть эксклюзивного права на Правду.

И если задуматься, то, может быть, эта религия более логична, чем христианство с его монотеизмом? Почему в других сферах человеческой жизни и деятельности, гораздо более простых, мы ценим разнообразие? В еде, в искусстве, да во всем!

К тому же мне нравится, – может быть, потому, что мы живем в век специализации, – что у богов и богинь индуизма строгое разделение труда. Каждый бог занимается своим делом и не вмешивается в сферу деятельности коллеги. Они своего рода профессионалы.

Как женщине, мне, безусловно, очень импонирует и то, что наравне с богами-мужчинами есть и богини-женщины. Не менее могущественные. Как, например, богиня Дурга. Ее изображений даже стараются не держать дома. Вдруг случайно не так посмотришь – проблем не оберешься. В какой еще религии есть богини, равноправные с богами? Не богини красоты, а просто богини?

На мой взгляд, не менее ценно в индуизме и то, что индийские божества – это не абстрактный недостижимый идеал. В индийском божестве, как и в каждом простом человеке, есть все: плохое и хорошее, низменное и возвышенное, светлое и темное. Бог индийского пантеона сегодня может быть добрым, а завтра злым, послезавтра справедливым, а чуть позже – не очень, в отношении одного человека – всепрощающим, а кому-то может мстить годами. От этого он становится гораздо ближе и понятнее человеку. Такого бога и любить легче.

Более того, бог и человек – неделимы. В каждом человеке, учит индуизм, есть элементы бога. Отсюда и логический вывод. Не обязательно поклоняться богу. Самое главное – уважать свою мать. На втором месте в этой иерархической цепочке – отец. На третьем – гуру, учитель. И лишь на четвертом – бог. Если ты чтить мать, отца, учителя и, кроме того, следуешь своей карме (карма – это определенный потенциал и предназначение, которое человек имеет от рождения и которому он должен следовать как член семьи, рода, касты), то этого достаточно, чтобы считать себя примерным последователем индуизма.

Я уже слышу возмущенные голоса: как же можно восхищаться индуизмом, когда он породил такое зло, как касты?

Надо сказать, что до сих пор недостаточно ясно, когда и как кастовая система стала частью индуизма. Многие считают, что учение о кастах было интегрировано в индуизм на довольно позднем этапе его эволюции. Да и само слово «каста» было привнесено в Индию. Оно было впервые применено португальцами в XV веке для обозначения существовавших в Индии социальных групп.

В древности в Индии общество по социальному признаку подразделялось на четыре основные группы, именовавшиеся варнами: брахманы – жрецы, ученые и учителя; кшатрии – воины, правители; вайшью – торговцы, земледельцы, ремесленники и шудры, исполнявшие грязную работу. Люди, приобретая новую профессию, могли переходить из одной касты в другую. К тому же принадлежность к касте не была наследственной.

Окостенелость кастовой системы, которую мы наблюдаем в Индии сегодня, изначально не была ей присуща. Это не естественный или неизбежный результат эволюции этой системы. Просто тем, кто находился на вершине пирамиды, как это было всегда и везде, хотелось сохранить свое привилегированное положение, а кастовая система давала им в руки механизмы и рычаги для консервации социальной структуры общества, а не для ее

совершенствования, как это было, я уверена, заложено ее создателями. Таким образом, подобно практически всем системам, пытающимся упорядочить и улучшить общество, она уже в себе самой несла зачатки разрушения своих лучших идей.

Касты – это, конечно, плохо, но у этой системы есть и свои плюсы. Бедность и неравноправие существуют во всех странах. У приверженцев индуизма из низших каст, во всяком случае, есть надежда в следующей жизни оказаться в лучшем положении. Кроме того, каста – это какое-никакое, но сообщество. Каждая каста и каждый ее член имеет определенный статус, традиционно признанное за ними место. Человек не чувствует себя абсолютным изгоем. Он принадлежит к определенной группе людей и может рассчитывать на их сочувствие и поддержку. Или хотя бы на понимание своих проблем, чаяний. Так что я не за касты, но это лучше, чем ничего.

Множество религиозных течений, религиозных культов и верований, на протяжении веков существуя параллельно и борясь друг с другом, в результате выкристаллизовались в нечто единое, называемое индуизмом. И это не просто религия, как мы ее понимаем на Западе. Это целая система религиозных, философских, правовых и этических представлений. Может быть, именно потому, что индуизм чрезвычайно многообразен и многосторонен, он настолько гибок. Во всяком случае, ни в одной стране я не видела столь мирного сосуществования самых разнообразных «измов» – вишнуизма и брахманизма, джайнизма и сикхизма, буддизма и кришнаизма.

Вот как писал об индуизме Джавахарлал Неру в своей интереснейшей книге «Открытие Индии»: «Индуизм как вера расплывчат, аморфен, многосторонен, каждый понимает его по-своему. Трудно дать ему определение или хотя бы определенно сказать, можно ли назвать его религией в обычном смысле слова. В своей нынешней форме и даже в прошлом он охватывал и охватывает много верований и религиозных обрядов, от самых высших до самых низших, часто противостоящих или противоречащих друг другу».

Завезенное европейцами христианство также нашло свою нишу в среде индуистов. Во многих районах Индии Иисуса Христа почитают наряду с другими богами индуизма. Более того, на юге Индии, в городе Тривандрум, есть храм, посвященный Иисусу.

В то же время индуизм имеет много почитателей в странах – исконных оплотах христианской веры. Особой популярностью различные кришнаитские и вишнуитские течения пользовались в Западной Европе и в США в 70-е годы. Как раз когда мы были в Индии, увлечение индуизмом, в частности среди американской молодежи, достигло апогея.

Особенно много было поклонников кришнаизма. Как мне кажется, объясняется это тем, что в кришнаизме важное место занимает проповедь любви. Кроме того, в мифах, рассказывающих о жизни Кришну, много любовных сюжетов. Молодость Кришну прошла среди пастухов, и он отличался в любовных играх с пастушками. Некоторые последователи кришнаизма на первый план выдвигают именно эротические аспекты любви, что, конечно, делает это направление индуизма еще более притягательным для части молодежи. В Дели и в меньшей степени в Калькутте я постоянно наталкивалась на группы молодежи, явно не индийцев, но одетых в нечто среднее между одеждой хиппи и индийской национальной одеждой. Они стояли где-нибудь в тени под деревом и распевали «бхаджа» – гимны, прославляющие Кришну, или «киртан», т.е. просто непрерывно повторяли нараспев его имя. Кришнаиты

верят, что, занимаясь этим очень долго, например, целую ночь напролет, человек достигает состояния, когда он ощущает свое единение, слияние с божеством. Этому способствует и то, что песнопения происходят в помещении, где курятся благовония.

Я не пробовала проводить всю ночь в песнопениях, но, пробыв даже полчаса в помещении, где горит множество лампад с благовониями и курятся специальные ароматизированные палочки, у меня наступало состояние, похожее на легкое опьянение – все куда-то плыло, голова начинала кружиться, все вокруг становилось мистическим и нереальным. В таком состоянии вполне можно вообразить именно то, что ты хочешь почувствовать.

Интерес к индуизму вообще, и в частности к кришнаизму, несколько снизился в 80-е годы. Но в конце 90-годов опять начал расти. Любопытно, что на этот раз появилось много поклонников различных течений индуизма в России и в бывших республиках СССР. И опять-таки особой популярностью пользуется кришнаизм. В интернете есть специальный сайт последователей кришнаизма. По рассказам очевидцев, побывавших в различных кришнаитских центрах Индии, например в городе Майсур, недалеко от Калькутты, среди адептов этой религии около 20% – русские.

Меня лично такие факты не пугают. Я уверена, что не все из тех, кто сегодня увлекается индуизмом, станут адептами этой религии. А если кто-то и станет – ради бога. Извиняюсь за каламбур по столь серьезному поводу. Я всегда считала, что многообразие, в том числе и религиозных убеждений, лучше однообразия. По-моему, все мы, бывшие единообразно советскими, здорово должны были устать от однообразия.

Но то, что те, кто сегодня изучает индуизм, узнают много нового и интересного, – не вызывает сомнений. И этому можно только радоваться. Чем больше контактов между двумя религиями, тем больше шансов, что они взаимно обогатят друг друга.

На протяжении многих веков даже мусульмане (хотя ислам также был привнесен в Индию завоевателями), мирно жили бок о бок с индусами. Ситуация резко ухудшилась после получения Индией независимости. Но причины, как и в большинстве подобных ситуаций, надо искать в «большой политике» и в игре амбиций политиканов как среди мусульманских, так и среди индийских лидеров. Не забывая и об их «учителях» из стран Европы и Америки. Простые индусы и мусульмане по-прежнему живут чаще всего мирно бок о бок друг с другом.

Всего двадцать минут лета отделяют Калькутту от Дакки. Я наивно полагала, что это является залогом похожести двух городов и двух стран. Когда же я попала в Бангладеш, было такое впечатление, что я оказалась в стране, не имевшей ничего общего с той, откуда приехала. Кроме, естественно, языка. И, пожалуй, внешности людей. Хотя в Индии и в этом плане больше разнообразия, поскольку в Западной Бенгалии можно было встретить выходцев из различных районов Индии, например множество индийцев из южного штата Керала, где черты лица и цвет кожи людей иные, чем у бенгальцев. И конечно, в Бангладеш не было и в помине моих любимых сикхов.

Вообще легче сказать о том, что было, чем о том, чего не было. Не было ничего. Ни насыщенной удивительными событиями истории, ни сказочно красивой архитектуры, ни потрясающих по богатству и разнообразию сюжетов мифов, ни множества фантастических и порой забавных богов, ни богатейшей литературы, ни красочных танцев, ни интересной живописи, ни... ни... ни...

Как это объяснить? Две части в недавнем прошлом одного штата и такая разница. В Западной Бенгалии – богатейшая культура, Восточная Бенгалия – культурная пустыня. Объяснений может быть много, но для меня главная причина такой разницы двух районов Бенгалии лежит в различии религий. На мой взгляд, индуизм способствует творчеству, а ислам – если и не подавляет, то всячески ограничивает. Несколько преувеличив, можно сказать, что индуизм пропагандирует жизнь во имя жизни, а ислам – жизнь во имя смерти. Для индуиста после одной жизни последует другая жизнь, а для мусульманина – жизнь есть лишь прелюдия к смерти. Отсюда у индусов и стремление сделать красивой жизнь. Если даже сейчас ты не воспользуешься ее красотой, богатством и разнообразием всего, что она может дать, то, возможно, это тебе удастся в последующих твоих существованиях.

А мусульманин мечтает о «красивой» смерти, о том, чтобы принести свою жизнь в жертву во имя ислама. Он знает: за этим последует неизбежная награда – прямое попадание в рай. Жизнь сама по себе имеет ограниченную ценность. Зачем же пытаться «обуютить» это временное пребывание на земле? Индуизм ничего не запрещает и приветствует многообразие форм и проявлений всего сущего. Ислам многое запрещает и все строго регламентирует. Конечно, в том, что я сказала, есть преувеличение. Ислам тоже не однозначен. Как в любой религии, в нем есть место для интерпретации.

У меня есть очень хороший друг Абдуррахман. Родом он из Марокко, но его жена – француженка, а живут они в Швейцарии. Он правоверный мусульманин, что не мешает ему быть одним из самых оригинальных моих знакомых. Абдуррахман, например, ночью спит лишь два часа, а остальное время наблюдает в телескоп за звездами, изучает русский и немецкий языки и много читает. При этом он профессионально играет в теннис и занимается спортивной гимнастикой. Когда Абдуррахман рассказывает о мусульманстве, в его интерпретации эта религия становится чуть ли не идеальной.

Может быть, она и была таковой на заре своего возникновения. Проблема в том, что нетерпимость, жесткость, регламентация, дискриминация женщин и культ смерти во имя Аллаха – все худшее в исламе, сегодня возведено мусульманскими фанатиками-фундаменталистами в верховные принципы веры. А фанатики, как мы знаем, к сожалению, имеют особенность вести за собой массы, даже если это дорога, ведущая в никуда.

«Огосударствление» религиозных догм, когда они возводятся в ранг главного инструмента политики во внутренних и внешних делах, еще ни одной стране не пошло на пользу. Это всегда приводило и приводит к катастрофическим последствиям для самой страны, которая оказывается отброшенной на десятки, если не на сотни лет назад, в феодальное прошлое. Яркий пример тому – ситуация в Иране после свержения шаха и прихода к власти фундаменталистов и в Афганистане после прихода к власти талибов. А что происходит сейчас в Туркменистане и Таджикистане?

А уж когда фундаменталисты, ставшие орудием в руках таких фанатиков, как Усама бен Ладен, берутся за внешнюю политику, неизбежным результатом становится разжигание непримиримой ненависти к «неправоверным» и беспредел терроризма в международном масштабе.

Если оглянуться на историю христианской религии, то мы увидим, что Европа все это уже проходила. Но после кровавого разгула святой инквизиции в период средневековья европейцы осознали необходимость поставить на место иезуитов и других фундаменталистов в рядах церковной иерархии. «Богу

богово, кесарю кесарево». Вера в Бога – частное дело каждого человека. Основные догмы учений Христа, Магомета, Будды, Иеговы, индуистских богов – любой религии – требуют от человека, прежде всего, любви к ближнему. А уж дело рук самих ближних искать ключи к наиболее совершенному устройству общества, в котором они живут.

Как над советским генконсульством развевался наксалитский флаг

На пути удовлетворения нашей жажды познания неизведанного города, Калькутты, где мы провели почти два года, периодически возникало препятствие в лице представителя советского государства – генерального консула. Я, помню, страшно удивилась, когда в одно из первых моих воскресений в Калькутте Игорь разбудил меня в семь часов утра. Будить меня в такую рань – просто святотатство. По природе я сова, и для меня даже подъем в девять часов – это уже подвиг, а тем более в воскресенье. Моя реакция была предсказуема:

– Ты что? – закричала я. – В такую рань!

– Вставай, соня. А то проснется генконсул и закроет выход в город, – ответил Игорь.

– Как закроет? Ворота и так запираются, – не поняла я.

– Да не ворота закроет, а запретит выход в город, – сказал Игорь и, увидев, что я по-прежнему мало чего понимаю, разъяснил:

– В городе беспокойно, наксалиты постреливают. Старик, когда просыпается, первым делом читает газеты. Если увидит, что где-то ночью стреляли, запретит выходить в город. Поэтому надо быстрее уходить – до того, как он проснется.

– А кто такие наксалиты и почему они стреляют? – продолжала задавать я вопросы, уже вылезая из постели и одеваясь. Перспектива просидеть все воскресенье в четырех стенах заставила меня мобилизоваться и стряхнуть остатки сна.

– Пойдем быстрее, а потом я все объясню, – завершил дискуссию Игорь.

Позднее, уже в городе, он провел со мной небольшой сеанс политинформации.

В то время в штате Западная Бенгалия (столицей которой является Калькутта), как и в большинстве других штатов, власть была сосредоточена в руках партии «Индийский национальный конгресс». Второй серьезной политической силой была прокитайская Коммунистическая партия Индии (марксистская). Кстати, именно она, начиная с 1977 года, находится у власти в этом штате.

В конце 60-х годов в Западной Бенгалии появилась еще одна, ультрарадикальная партия – «Наксалиты». И вот именно эта партия, заявившая о своем намерении во что бы то ни стало захватить власть, не останавливаясь и перед применением оружия, являлась в 1970 – 1971 годах причиной весьма беспокойной политической обстановки в штате, особенно в его столице. Периодически возникали столкновения между полицией и войсками, приданными ей в помощь, и наксалитами. А в газетах появлялись сообщения о произошедших перестрелках и количестве раненых или убитых. Даже если перестрелки происходили в самых отдаленных пригородах Калькутты, как чаще всего и бывало, генконсул запрещал нам выходить в город. Причем он очень быстро разгадал наш с Игорем маневр и стал запрещать выход в город уже накануне, в субботу, если в этот день появлялись сообщения о прозвучавших где-либо выстрелах.

Сколько воскресений (а ведь суббота тогда еще была рабочим днем) провели мы, проклиная генконсула, а заодно и наксалитов, запертыми в четырех стенах. И это при том, что телевизоров у нас не было (какой смысл было их

покупать, если принимались лишь местные программы?), радио тоже, а библиотека была лишь в торгпредстве, да и то самая что ни на есть примитивная.

В такие дни индусы, проходившие мимо весьма непрезентабельного здания, на котором гордо красовалась вывеска: «Генеральное консульство Союза Советских Социалистических Республик», с любопытством поднимали головы и прислушивались к непонятным словам песни, доносившейся до них. «Сижу за решеткой в темнице сырой, взращенный в неволе орел молодой!» – подвывали молодые дипломаты, осмелев после отбытия генконсула в английский клуб для принятия, как выражалась его жена, водных процедур в единственном в городе бассейне.

Все закончилось в одно прекрасное воскресенье, когда наши завывания услышал консул, курировавший вопросы безопасности, а попросту – сотрудник КГБ, работавший под крышей генконсульства. Разъяренный, он ворвался в нашу комнату.

– Прекратите немедленно! – закричал он. – Вы что, с ума сошли?

– А в чем дело? – с недоумением спросили мы. – Уж и попеть нельзя. Это же всем известная песня.

– У нас известная, а здесь – нет. Кто услышит и что подумает? О чем вы поете? Вы вдумайтесь в слова и представьте, как они воспринимаются несведущим в русской классике человеком! – ответил он.

Мы задумались и поняли, что слова привычной с детства песни в данном контексте действительно звучат довольно двусмысленно. Особенно если учесть, что окна генконсульства, как и многих зданий в Калькутте, в целях безопасности были забраны решетками.

– Да, но здесь же никто не понимает по-русски, – попытались еще посопротивляться мы.

– Понимает, понимает, кому надо всегда все понимает. Еще раз услышу, – доложу генконсулу. Будете тогда с ним дискутировать, – закончил дискуссию консул.

Возразить при такой постановке вопроса было нечего.

Безусловно, опасения консула насчет того, что кто-то поймет слова песни, были нелепыми. Но в некотором смысле не совсем безосновательными – ведь даже в Калькутте можно было встретить выпускников различных вузов СССР.

К Советскому Союзу большинство людей в Индии в то время относилось с любовью и даже восхищением. Эти настроения в какой-то степени нашли отражение в песне, прозвучавшей в одном из фильмов тех лет. В этом фильме популярный в том числе и в Советском Союзе актер Радж Капур поет приблизительно следующее:

О, мои ботинки из Японии,

Штаны английские,

О, моя красная русская шляпа,

Но все-таки мое сердце принадлежит Индии.

Наиболее колоритной фигурой был уже неоднократно упоминавшийся генеральный консул. Неважно, как его звали, поскольку он – фигура очень типичная для мидовской среды тех лет. Буду и дальше называть его просто генконсул. Мне он сразу же страшно напомнил Хрущева. Такой же коренастый, толстенький, круглоголовый, лысый. И в довершение сходства он, так же, как и Хрущев, носил шляпу. Учитывая жару – соломенную. Зато его очень легко было

«засечь» в любой толпе – достаточно найти соломенную шляпу. Эта шляпа на голове генконсула, надо сказать, играла не менее важную роль, чем жезл в руках маршала. Например, снятие ее или надевание часто служило сигналом для сотрудников к началу того или иного этапа протокольного мероприятия. Снял генконсул шляпу – сигнал завхозу подавать напитки, надел – сигнал сопровождающему дипломату бежать за шофером. Помимо снятия и надевания головного убора существовала еще целая система различных жестов – сигналов. Причем накануне важных протокольных мероприятий, а их в генконсульстве, да еще в Калькутте, было раз-два и обчелся, значение этих жестов заранее оговаривалось. И тем не менее проколы случались. Особенно мне запомнился один из них.

Это произошло седьмого ноября. По случаю национального праздника у нас, как и во всяком уважающем себя советском зарубежном представительстве, должен был состояться большой прием. Было оговорено: после прибытия главного гостя, какого-то министра, когда генконсул как бы невзначай почешет за ухом, завхоз, сидящий в будке, включит запись гимна Советского Союза. Вся сцена была прорепетирована несколько раз. Наступил день приема. Прибыл долгожданный министр. Все шло по плану. Генконсул произнес речь, министр начал ответный спич. И вот тут почему-то, может быть, утомившись от жары, наш начальник в неурочный момент почесал за ухом. И прямо в разгар речи министра, заглушая ее, раздались величественные звуки советского гимна. Сконфуженный министр прервал свое выступление и гордо удалился. Прием был испорчен.

Последовали неизбежные разбирательства. Генконсул обрушился с несправедливым гневом на завхоза за ложную интерпретацию его действий. Было созвано совместное собрание дипломатического и технического персонала. Нашлись и такие, которые заявили, что по большому счету жест нельзя было однозначно интерпретировать как чесание за ухом. Скорее, это напоминало почесывание уха. А новый вице-консул, приехавший незадолго до этого из Узбекистана и упрощавший начальство разрешить ему поселиться в городе, а не в здании генконсульства, подобострастно заявил, что генконсул и не думал подносить руку к уху, а это он сам в тот момент отогнал комара от начальственной головы. Но большинство единодушно подтвердило, что видели условленный жест, а значит, завхоз действовал четко по инструкции, и никакого криминала нет. Разбирательство было прекращено. Генконсул был посрамлен, но он не мог простить завхозу унижения и потом неоднократно пытался отомстить ему, поймав на каком-нибудь прегрешении.

Однажды Игорь спас завхоза от неминуемой расплаты. И я была тому свидетелем.

Дело было ночью или, во всяком случае, очень поздним вечером. Мы уже легли спать. Вдруг раздался стук в дверь. Игорь быстро оделся и открыл дверь. Это оказался явно взволнованный завхоз, допустим, его звали Вячеслав.

– Игорь, катастрофа! – задыхаясь от волнения, начал он. – Ты должен мне помочь.

– А в чем дело? – без особого энтузиазма отозвался мой муж. – Поздно уже, нельзя ли завтра?

– Да ты что! – буквально закричал завхоз. – Завтра меня под белы ручки – и на самолет!

Мы поняли – дело серьезное, и попросили объяснить, что случилось. Вячеслав достал из-под мышки сверток красного цвета и развернул его. Это оказался, к нашему удивлению, флаг Советского Союза.

– Ну, видите? – поинтересовался он.

– Ну, видим: флаг, и что?

– Как что, посмотрите внимательней.

– Да, что-то не то, – задумчиво произнес Игорь. – Что-то с серпом, по моему, не так.

Точно, не так, – подтвердил Вячеслав, – он не в ту сторону развернут. Флаг-то старый выгорел на солнце, их здесь не напасешься, раз в полгода приходится менять. Я новый заказал, старый показал как образец. Вчера принесли, я посмотрел – вроде все в порядке. Сегодня первый раз новый подняли. А потом смотрю: что-то генконсул все на флаг посматривает так задумчиво. А потом еще попросил Витьку, коменданта, найти и принести ему энциклопедию. Непокойно мне стало. Дождался, когда он из кабинета уйдет, и туда. Представляете, а у него на столе энциклопедия открыта на странице, где флаги. Смотрю, а серп-то вверх ногами пришит.

– Слушай, а они тебе наксалитский флаг сделали, – вдруг прервал монолог завхоза Игорь, до этого задумчиво смотревший на флаг.

– Как наксалитский! – в ужасе закричал завхоз. – Да они меня под монастырь подвели!

– Они не специально, я уверен, – продолжал Игорь, – просто везде нарисованы наксалитские флаги, а они похожи на наш, только серп и молот в другом углу находится. У нас наверху слева а здесь справа. Да, и вот еще что. Видишь, они серп сверху пришили. А у нас молот сверху. Молот – символ рабочего класса, и то, что он сверху, означает лидирующую роль пролетариата. Наксалиты же отводят крестьянству роль лидера. Индия – страна крестьянская, на свой пролетариат у них надежда слабая. Да, а ведь издалека не разберешь – серп сверху или молот. Так что над нашим генконсульством целый день наксалитский флаг провисел.

Этим замечанием Игорь просто вконец доконал бедного завхоза. Надо было срочно что-то предпринимать. Ведь на следующий день флаг, как всегда, должен быть поднят рано утром. Игорь с завхозом ушли и вернулись часа через два. Игорь рассказал, что им пришлось перелезть через забор, так как иначе надо было будить коменданта, поскольку ворота на ночь запирались. Потом неподалеку они разыскали маленькую пошивочную мастерскую, разбудили ее владельца (в таких местах мастерская, как правило, служит и жильем), и портной перешил им серп и молот, развернув его на запад.

На следующее утро при подъеме флага на дворе крутилось подозрительно много народа. Я тоже прогуливалась там же, вызывая недоуменные взгляды коменданта, лучше других осведомленного о моих привычках никогда не появляться внизу раньше десяти часов утра. А тут вдруг выползла в восемь часов. Пришлось придумать что-то про мигрень и бессонницу на этой почве. Вот появился сиявший от предвкушения расправы над завхозом генконсул и дал сигнал к подъему флага. Флаг подняли. Генконсул, даже не глядя на него, обратился к коменданту.

– Вы видите это безобразие?

Растерянный комендант не знал, что ответить.

– А что, почему... – бормотал он что-то невнятное.

– Так, дожили, – начал злиться генконсул, – уже забыли, как советский флаг выглядит, пора вам всем на родину.

Тут он заметил меня.

– Ну а вот мы сейчас проверим, как молодые кадры МГИМО у нас политически подкованы, – с ехидцей обратился он ко мне.

– А что, разве с флагом что-то не в порядке? – с насколько возможно более невинным видом ответила я.

– Так... – многозначительно произнес наш начальник. – Позовите сюда немедленно завхоза, – обратился он к коменданту.

Тем временем генконсул полез в карман, достал очки, медленно надел их. Он явно и с удовольствием готовился пережить столь долгожданный момент торжества.

Появился, скромно потупив взор, завхоз. Генконсул патетически поднял руку по направлению к флагу. Наконец впервые в этот день он внимательно посмотрел на него, а потом с совершенно недоуменным видом на нас. Мы все изобразили, каждый в меру своих актерских возможностей, подобострастное внимание. Как пишут в сценариях – немая сцена. Признаюсь, в этот момент мне стало даже его жалко. Но я успокоила совесть, напомнив себе, сколько раз по вине генконсула мы вынуждены были сидеть в воскресенье взаперти. И жалость уступила место весьма, надо сказать, приятному чувству отмщения.

Теперь, спустя столько лет, пережив самых разных начальников, я понимаю, что наш генконсул был далеко не худшим. Если не считать недостатком полное отсутствие профессионализма (а как я потом убедилась, в МИДе профессионализм никогда и не рассматривался в качестве критерия оценки качеств дипломата), то он был вполне безобиден. Единственное, что его волновало, – это чтобы в генконсульстве все было тихо и чтобы Москва как можно реже о нем вспоминала. Нам он казался стариком, дотягивающим до пенсии. А ведь было ему в то время, я думаю, примерно столько, сколько мне сейчас. И я отнюдь не отношу себя к возрасту, который французы так элегантно называют «третьим возрастом».

Эта роскошная дипломатическая жизнь

Жена дипломата... Какие ассоциации рождаются у вас, когда вы слышите это? Заграница, приемы, балы, лимузины, обеды, вечерние туалеты дам, смокинги мужчин. Одним словом – *dolce vita*. Но, как это часто бывает, реальная жизнь достаточно далека от стереотипных представлений.

Дипломатическая жизнь, начало которой для меня было положено в Калькутте, – не только и не столько светские мероприятия. Это, как я уже рассказала, и неумный начальник, отравляющий вашу жизнь нелепыми распоряжениями. И протокольные мероприятия, превращающиеся из удовольствия в пренеприятнейшую обязанность. И не всегда симпатичные вам люди, с которыми приходится жить в одной большой коммунальной квартире, именуемой за границей колонией. И бытовые проблемы, с которыми часто приходилось сталкиваться в Индии. Единственное, что помогает справиться со всеми этими ситуациями и не впасть в хандру, – это чувство юмора.

Пожалуй, с самым большим количеством земных тварей – насекомыми, пресмыкающимися, млекопитающими и птицами – мне пришлось сосуществовать, когда мы жили в Калькутте.

Для того чтобы понять почему, надо объяснить, что представляло собой наше генеральное консульство в Калькутте, которое в Западной Бенгалии олицетворяло в какой-то степени государство, столь любимое и почитаемое в Индии. Надо признать, что тогдашнее здание советского генерального консульства производило впечатление самое удручающее. Правда, находилось оно недалеко от центра, на улице с поэтическим названием Шекспир сарани (сарани – означает «улица» на бенгальском). Но этим его преимущества и ограничивались. Это был небольшой трехэтажный особняк, стоявший внутри маленького, совершенно голого дворика. Сзади был такой же маленький дворик, поросший жухлой травой. Весь нижний этаж здания так же, как и окружавший его забор, были покрыты плесенью. Плесень – это проблема большинства оштукатуренных зданий Калькутты. Высокая влажность и тропические дожди в течение трех месяцев делают борьбу с ней заведомо обреченной на провал. Каждый год осенью, по окончании тропических ливней, зажиточные калькуттцы, имевшие несчастье поселиться в оштукатуренных домах, построенных англичанами, проклиная их, а заодно и калькуттский климат, вновь красят свои дома. И с такой же закономерностью уже через полгода эти дома снова покрываются плесенью. Большинство старых индийских зданий и храмов выстроено из камня. Я не знаю, что это за порода или породы. Но индийские храмы, даже в самой Калькутте и ее окрестностях, к тому же простоявшие почти тысячу лет, гораздо меньше покрыты плесенью, чем, к примеру, наше генконсульство.

Внутри оно также производило очень мрачное впечатление. Стены внизу были обиты темными панелями, а сверху окрашены в какой-то серый цвет. Помещения маленькие, совершенно не приспособленные для административной деятельности. Эта вилла явно строилась с учетом нужд одной семьи. Внизу находилась приемная, где дежурил комендант, комната для приемов и несколько кабинетов. На втором этаже – кабинет генконсула и его апартаменты, на третьем этаже помещения, которые с большой натяжкой можно было назвать жилыми. Например, наша с Игорем комната явно раньше была открытой верандой. Потом ее застеклили и приспособили под жилье. В итоге мы

получили комнату, в которой было шесть окон. Согласитесь, что в таком климате, даже при наличии кондиционера, – это не оптимальный вариант.

Мы постарались, как могли, обустроить наше жилье. Накупили кучу дешевой, но очень красочной индийской ткани и сшили из нее в ближайшей лавочке шторы и покрывало на кровать. Приобрели недорогие кресла и письменный стол из бамбука. Теперь в комнате хотя бы имелся уголок, где вечером можно было посидеть и послушать музыку – из Москвы Игорь привез небольшой проигрыватель, записи классической музыки. Пластинки с записями современной музыки с трудом, но можно было купить и в Индии. В то время мы увлекались Томом Джонсом, Адамо, Хампердинком – певцами очень популярными в начале 70-х годов. Слушание музыки было практически единственным развлечением по вечерам. До сих пор у меня в ушах звучит томный голос Энгельберга Хампердинка, поющий в ночной Калькутте: «Please, release me, let me go...» Сейчас Хампердинк кажется мне несколько слащавым, но тогда я была от него в восторге. Может быть, отчасти и потому, что его песни в основном были о любви, а я, приезжая в Калькутту после многомесячной разлуки с Игорем, каждый раз как бы вновь переживала медовый месяц.

Единственное, что, или вернее, кто отравлял мне медовый месяц, – это многочисленная живность – крысы, пауки, летающие тараканы, змеи, ящерицы, а также прочие не опознанные мною твари, разделявшие с нами это мрачное заплесневевшее здание.

Ванная и туалет примыкали к балкону. А с балкона лестница спускалась прямо в сад. В итоге в ванную постоянно кто-то заползал. Хорошо, если это были пауки, бабочки и прочая безобидная живность. Но зачастую там появлялись ящерицы (тоже безобидные твари, но принимать вместе с ними ванну почему-то не хотелось) и даже змеи. Правда, змеи почти всегда оказывались индийской разновидностью ужей, но разбираться в этом я научилась далеко не сразу. Так что водные процедуры каждый раз становились испытанием для моей нервной системы. Я выработала свои правила безопасности.

На пороге ванной я долго и сильно топала ногами и издавала устрашающие звуки. Обычно единственной реакцией были ответные стуки снизу в пол, поскольку под нашей квартирой находились рабочие кабинеты. Восприняв это как моральную поддержку, я приступала ко второй части устрашающих мероприятий – зажигала прут или веточку, которую для этих целей приносила с собой. В ванной для подогрева воды была установлена газовая колонка. Подозреваю, она была ровесницей города (не утверждаю этого категорически только потому, что не уверена, существовали ли тогда газовые аппараты). Зажечь ее спичкой было опасно для жизни: каждый раз, перед тем как заработать, она долго собиралась с духом, пыхтела, тряслась, а под конец, явно стремясь отбить у меня раз и навсегда желание мыться, взрывалась, изрыгая из себя пламя. Поэтому я зажигала веточку и подносила ее к колонке; когда же та начинала свою пляску Святого Випта, я бросала все еще горевшую ветку в ванную. Это практически всегда оказывало нужное действие – очередная тварь поспешно ретировалась из ванной, и я, утомленная, но счастливая, могла наконец принять заслуженную водную процедуру. Правда, несмотря на жару, их число очень быстро сократилось до одной в день.

Чтобы пройти в нашу комнату, находившуюся, как я уже говорила, на отшибе, надо было пересечь огромный темный зал, который, наверное, в

прежние времена служил парадной гостиной, а у нас в миссии выполнял функции складского помещения и был вечно завален ящиками, пустыми коробками, различным хламом. Эта комната была раздольем для крыс, водившихся у нас в большом количестве и являвшихся бичом Калькутты, так же как и многих индийских городов. Надо ли говорить, что, прежде чем пересечь эту комнату, мне снова приходилось воспроизводить нечто среднее между индийским танцем и чечеткой. Данное помещение находилось над кабинетом генконсула, так что очень быстро последовали репрессивные меры. Поскольку со мной бороться было бесполезно – никакого рода угрозы, даже самая страшная – быть высланной в Москву, не могли заставить меня войти в темную комнату, тишину которой если что и нарушало, так это стук крысиных лап по полу, – то была начата широкомасштабная кампания борьбы против крыс. Решению начать кампанию против этих грызунов, которые в тропиках достигают просто гигантских размеров, способствовало, помимо моей скромной персоны, еще одно происшествие.

В генконсульстве при жилых помещениях не было кухонь. Все питались централизованно в столовой, где распоряжался повар-индиец. Эта столовая находилась в пристройке недалеко от основного здания. Для того чтобы попасть туда, надо было пройти через задний двор. Кормил нас повар очень неплохо, но иногда мы все-таки захватывали, когда шли в столовую, что-то свое, например печенье к чаю. И вот, когда один из комендантов шел на ужин, за ним пристроилась большущая крыса, очевидно, привлеченная запахом еды на тарелке. Он, чтобы отделаться от нее, изо всей силы взял да и пихнул ее ногой. Крыса поотстала, а затем разбежалась и как куснет его за пятку. Да так сильно, что долго еще бедный комендант демонстрировал всем желающим следы укусов. Поскольку выяснилось, что крысы, как и прочие грызуны, являются переносчиками бешенства, пришлось срочно везти его в больницу и делать профилактические уколы от бешенства. Причем то ли 20, то ли 40, сейчас уже не помню. Естественно, после этой истории я с еще большим ожесточением начала стучать ногами над головой у генконсула. В итоге он не выдержал и последовало историческое решение о тотальной борьбе против крыс. В результате мы действительно на некоторое время от них избавились. Зато сильно пострадали жители соседних домов, куда удивительно живучие грызуны попросту временно переместили свою штаб-квартиру.

Сложнее оказалось бороться с еще одной божьей тварью, посягнувшей на наши съестные припасы, – коршунами (а может, это были ястребы, я так и не знаю точно). Они постоянно кружили над консульством. Особенно много их собиралось к моменту нашего шествия в столовую. У меня сложилось твердое убеждение, что эти птицы обладают способностью определять время. Или же они держали кого-то одного «на стреме» и тот сообщал братьям о начале передислокации неприятеля. Время от времени они пикировали вниз и, схватив что-нибудь с тарелки, мгновенно исчезали. Лично я настолько боялась столкновения с этими гигантскими птицами, что быстро оставила всякие попытки что-либо пронести в столовую. Но отдельные смельчаки находились. Обычно процесс взимания дани проходил довольно мирно. Упорствующие в стремлении разнообразить свое питание просто клали лишний кусок на тарелку с учетом дополнительного голодного рта и, проходя по двору, держали ее на вытянутой руке. Все обходилось без кровопролития. Не повезло почему-то тому же коменданту, который пострадал от крысы. Правда, недоброжелатели говорили, что он сам виноват – не захотел поделиться. На его тарелке, по-

моему, лежало несколько кусков привезенной из Москвы колбасы. И когда орел спикировал, комендант попытался отстоять столь редкое для Калькутты лакомство. Результат был плачевен: бедного коменданта, едва оправившегося после неравной схватки с крысой, опять отвезли в больницу. На сей раз зашивать разодранную когтями орла руку.

Кстати, вы задумывались над тем, почему слово «тварь» стало ругательным?

Ведь «*Homo sapiens*», или «Человек разумный», – всего лишь высшая группа класса млекопитающих. Хотя мы порой предпочитаем об этом не вспоминать. Так что человек тоже тварь, и с таким же успехом можно тогда орать друг на друга, пытаясь оскорбить: «Человек!».

Пожалуй, это было бы правильнее, чем кричать «Тварь!». Во всяком случае, в моей жизни, несмотря на то, что я была зачастую, как вы увидите, окружена крайне несимпатичными тварями, они мне доставляли меньше проблем и неприятностей, чем представители высшего отряда класса млекопитающих.

Экономия – это слово, пожалуй, определяло стиль жизни всех семей генконсульства. Именно экономия, накопительство – те два кита, на которых стояла жизнь русской колонии за границей. Эти две сверхзадачи объединяли, даже сплавивали большинство советских семей. Информация о том, что где «дают» (это типично советское слово перекочевало и в лексикон советской заграничной колонии), рассматривалась как жизненно важная, и тот факт, что с вами поделились ею, приравнивался к знаку оказания величайшего доверия.

Находясь в командировке, люди пытались решить как можно больше проблем: кто-то копил на квартиру (впрочем, это было возможно только в советский период), кто-то на машину, кто-то на мебель и так далее. Список можно продолжать до бесконечности. Особенно старался технический персонал. Да это и понятно – они, в отличие от дипломатов, могли больше никогда и не выехать за границу.

Оказавшись в Калькутте, я обо всем об этом еще не подозревала. Помню один из своих первых вечеров в генконсульстве. Мы пошли ужинать в столовую. Все уже сидели на небольшой веранде перед входом в нее. Меня поразил весьма затрапезный вид женщин. Позже вечером Игорь познакомил меня с Наташей. Поскольку она в отличие от других была одета прилично, я решила задать ей вопрос.

– А что, у вас сегодня день генеральной уборки?

– Нет, а почему ты так решила? – удивилась она.

– Да женщины как-то странно одеты – платья все полинявшие, старые.

Наташа рассмеялась.

– Они так каждый день ходят. Жара, потеешь все время. Они платья стирают вечером, вешают посушить, а утром надевают.

– А что, у них одно платье?

– Не одно, два, у некоторых три, но здесь ткань на солнце быстро выгорает.

– Послушай, но здесь же ткани такие дешевые, разве нельзя сшить? – не унималась я.

– Можно, здесь портные-сикхи прекрасные, гроши берут. Но наши дамы ткани-то, конечно покупают, но все на будущее копят, для Москвы откладывают, – расставила Наташа все точки над «i».

Экономили на всем, не только на одежде. Жили в комнатах, в которых я не могла находиться больше пяти минут. Не предпринималось никаких, даже минимальных, попыток обустроить жилье. На окнах висело какое-то жалкое подобие штор, оставшихся еще со времен открытия генконсульства.

Поскольку, как я уже писала, мы с Игорем сразу же, как могли, обустроили нашу комнату, то вскоре женщины потянулись к нам в гости, отдохнуть душой в нормальной обстановке. Они приходили, сидели, вздыхали, говорили о том, как у нас хорошо. Но на все мои попытки убедить их изменить что-то у себя, хотя бы постелить новое покрывало, которое недавно с гордостью мне демонстрировалось, ответ был один:

– Ну что ты, это же на потом.

– Что значит «на потом»?

– Для Москвы.

– Почему для Москвы? Здесь же тоже ваша жизнь, дети растут в таком убожестве, хотя бы ради них, если не для себя.

– Дети? Да им все равно, разве они понимают? Им бы только носиться да ломать все.

А накануне шестилетний сын этой мамы, забежав ко мне за фруктом (на фруктах, стоивших в Индии буквально копейки, тоже экономили), спросил так же, как и его мама:

– Тетя Наташа, а можно я у вас немного побуду?

– Конечно, а почему? – допытываюсь я.

– А у вас красиво.

Но даже узнав, что ребенку не все равно, очередная гостья тем не менее отмахивалась от моих слов, как от чего-то настолько нелепого, что не стоит даже обсуждать.

Так я никогда – ни тогда, ни позже – и не смогла добиться вразумительного ответа на свой элементарный вопрос: во имя чего надо копить и экономить и при этом откладывать свою жизнь на потом? Особенно нелепо, когда этим занимаются дипломаты, которые, возможно, большую часть своей жизни проведут за границей. Как правило, «жизнь на потом» ничем хорошим не кончается. Люди во всем себе отказывают, возвращаются домой... и – тут возможны варианты.

Вариант первый, самый распространенный. Все есть: квартира, машина и прочее. А ведь жить-то уже и некогда, возраст за шестьдесят, да и разучились жить по-другому, получать удовольствие от жизни.

Вариант второй, трагический. Вернулись все больные и ни на что, кроме борьбы с болезнью, уже сил нет. Этот вариант особенно распространен среди тех, чья карьера в основном прошла в Африке и в Азии. Еще более трагический исход в таком варианте, но, к сожалению, очень распространенный – ранняя смерть. Чаще всего мужа.

Вариант третий, трагикомический. Все накопили, все есть, и вдруг муж уходит к другой, как правило, более молодой. Вот тут и начинаются поздние сожаления жены: и зачем я все это копила, чтобы другой досталось? Да ни за что!

Последний вариант развития событий был и остается возможным не только в среде советских, а теперь русских дипломатов. Он поистине интернационален. Как мне позднее рассказали мои английские знакомые, у них есть даже выражение «baby wives». Наверное, это можно перевести как «жена-ребенок». К тому же это проблема не только жен дипломатов. Любых жен, в

любой стране. Повсюду женщины знакомы с выражением «кризис пятидесятилетних мужчин». Первые признаки подступающей старости. Страх. Попытки убежать от такой неприятной неизбежности, вновь окунувшись в водоворот чувств и эмоций, пережитых в молодые годы. И этот кризис кого-то настигает в пятьдесят, а кого-то в шестьдесят, а некоторых и в сорок. Помню, среди друзей моих родителей кризис разводов пришелся как раз на этот возраст. Так что свои «baby wives» есть везде: в любой среде, в любой стране. Для жен дипломатов эта проблема усугубляется тем, что очень часто они не имеют ни работы, ни собственных накоплений. Даже если большинство из них и получило образование, с самого начала они подчинили свою жизнь карьере мужа. Они повсюду следовали за ним – до карьеры ли тут! При постоянных переездах из страны в страну скажи спасибо, если хоть какая-то работа подвернется. А попробуй в сорок и, тем более, в пятьдесят лет найди работу, даже если у тебя есть специальность, но нет опыта и стажа.

Наверное, английские мужчины становятся все более и более уязвимы под натиском претенденток на звание «baby wife» – в Англии не так давно были даже введены новые правила при разводе, обязывающие мужей выплачивать своим женам, не имеющим работы, определенное содержание.

Чем дольше прожил с женой, тем больше и плати. Риторический вопрос: это английские мужчины больше, чем какие-либо другие, бросают своих жен или английское законодательство пытается быть в авангарде борьбы за права женщин?

Но все это я узнала и поняла гораздо позднее, а в Калькутте, впервые увидев, как жажда накопительства корежит людей, я возненавидела жизнь «на потом».

Особенно меня потрясла история из жизни советских специалистов. В те годы на многих индийских государственных предприятиях работали советские специалисты. Подразумевалось, что они помогают дружественной стране укреплять социалистические элементы экономики. Не знаю, уж насколько нашим специалистам удавалось укреплять экономику на макроуровне, но на микроуровне – на уровне укрепления семейного бюджета – они это делали весьма успешно. А могу я судить об этом, поскольку наш калькуттский бухгалтер просто физически страдал, оформляя чеки специалистам. Для тех, кто никогда не сталкивался с этим изобретением неизвестного советского финансового гения, я напомним, что такое чеки Соввнешпосылторга, которые позднее стали называться сертификатами. Их количеством и измеряли некоторые свое благосостояние.

На мой взгляд, чеки выполняли те же функции, которые сегодня выполняет доллар. За границей зарплата выдавалась в местной валюте, которая, естественно, не имела хождения в Советском Союзе. Поменяв же эту валюту на чеки, вы могли, вернувшись, покупать на них дефицитные товары в так называемых валютных магазинах, носивших ностальгическое название «Березка». Не говоря уже о том, что вы имели право без очереди приобрести машину и квартиру. При том, что Советский Союз был своеобразным царством дефицита, надо ли уточнять, что эти чеки стали предметом вожделения всех советских трудящихся.

Так вот, по количеству покупаемых чеков специалисты, работавшие на предприятиях недалеко от Калькутты, побивали все мыслимые и немыслимые рекорды. Помню, что после их приезда в генконсульстве всегда наступала

паника – весь лимит отпущенных чеков бывал исчерпан, и желающим отовариться надо было ждать до следующего их поступления.

Однажды я услышала, что из Москвы на одно из крупных металлургических предприятий недалеко от Калькутты приехала делегация медиков из Москвы. Причина? Об этом никто не говорил официально, но все знали, что за последний год на этом предприятии участились случаи серьезных заболеваний и два человека скоропостижно умерли. Последний из умерших от инфаркта был еще очень молодой, но довольно известный специалист. Его смерть и стала непосредственной причиной приезда комиссии врачей. Какие только слухи не поползли по генконсульству! Не обошлось без намеков на вездесущие происки империалистов, стремившихся, как всегда, подорвать советско-индийскую дружбу. Была и другая версия, не на шутку напугавшая народ, – якобы появилась очень опасная новая инфекция и всех нас вот-вот эвакуируют.

Все оказалось гораздо более прозаично и печально. Игорь провожал делегацию врачей в Москву. На его вопрос, в чем же причина всего, что происходит на предприятии, один из членов комиссии, грубо выругавшись матом, сказал: «Да не жрут они ни черта – вот и вся причина!» Выяснилось, что, когда делегация приехала и начала разбираться, врачи ничего не могли понять. Все было как везде. Ну жара – так везде в Индии жара. Ну работа тяжелая – так везде тяжелая. Они, наверное, и уехали бы, не найдя ничего необычного, что могло объяснить причину более частых, чем в других советских колониях, заболеваний и смертей. Но однажды один из специалистов, которого они все допрашивали о условиях жизни и работы на заводе, разозлился и сказал: «Да нормальные условия! Вы лучше посмотрите, что они едят!»

Озадаченные, члены комиссии прошлись по домам, посмотрели и выяснили, к своему ужасу, что народ «сидит» на консервах и привезенных из Москвы макаронах. «При таком рационе, да при жаре, да при той работе, которую они выполняли, – сделали вывод медики, – вообще странно, что они там все не перемерли». На предприятии срочно создали столовую, и в приказном порядке заставили всех советских специалистов там питаться, вычитая деньги из зарплаты. Вот такая история, про которую так и хочется сказать: это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

Дипломатическая жизнь, во всяком случае в советские времена, подразумевала и общественные обязанности, выполнение которых порой сопряжено с совершенно неожиданными проблемами.

Когда я приехала стажером в Калькутту, в качестве общественной нагрузки (сейчас уже, наверное, многие и не знают, что это было непременным атрибутом службы в любом, без исключения, советском учреждении) мне поручили обучать английскому языку генконсульских женщин. Занятия проходили каждый день. Поскольку учебников не было, а я по природе своей человек довольно ответственный (во всем, за исключением соблюдения часов пребывания на рабочем месте; это качество я умудрилась пронести через всю свою жизнь), мне приходилось много готовиться к ним. Но закончилось мое преподавание очень печально. И причиной, как ни странно, явилось дежурство по столовой.

Я уже писала, что весь состав генконсульства питался в столовой, поскольку при жилых помещениях кухонь не было. В столовой всем заправлял повар-индиец и, по-моему, делал это очень неплохо. Но мадам генконсульства по каким-то неведомым причинам сочла, что повар нечист на руку и его надо

контролировать. Она ввела систему, по которой все собранные деньги отныне поступали в распоряжение дежурной из числа жен сотрудников консульства, она же составляла меню, закупала продукты и следила за приготовлением еды.

Меня это нововведение повергло просто в ужас. Я никогда не готовила в своей жизни. Даже банального омлета. У нас, наверное, до сих пор где-то сохранилась на кассете запись сватовства Игоря. Почему-то бабушка решила, что, по русскому обычаю, родители невесты должны отговаривать потенциального жениха, перечисляя ему недостатки невесты. Основным недостатком невесты, фигурировавшим в процессе сватовства Игоря, была полная моя неспособность что-либо готовить. При этом бабушка сослалась на недавний эпизод, когда, оставшись дома одна и будучи вынуждена приготовить ужин, я звонила ей на дачу и выясняла, что нужно делать, когда варишь макароны: сначала наливать воду, а потом кидать макароны, или наоборот. Игоря тогда это не испугало. В дальнейшем, как ни странно, я полюбила готовить и всегда слыла среди своих друзей и знакомых очень неплохой кулинаркой. Но в тот момент мои познания в кулинарии не намного продвинулись по сравнению с периодом, упомянутым бабушкой. Да это и неудивительно, ведь сразу после свадьбы Игорь уехал в Калькутту, и мне не пришлось ни вести хозяйства самостоятельно, ни тем более готовить. Все это я рассказываю для того, чтобы легче было представить, с каким страхом я ожидала своего дежурства, которое должно было продлиться к тому же две недели.

И этот момент, естественно, наступил. После длительных консультаций с наиболее опытными и умудренными в подобных делах женщинами я составила меню на первую неделю. Каждый день Игорь поднимал меня в пять часов, и мы шли на кухню, куда приходили торговцы мясом, овощами, фруктами, бакалеей. Я платила им за принесенные продукты и делала заказ на завтра. До этого нужно было точно рассчитать, какое количество мяса, муки, риса и прочих продуктов потребуется на каждый день, чтобы их хватило на завтрак, обед и ужин. При этом нужно было так распределить деньги, чтобы хватило на весь срок дежурства. Задача, с которой, я уверена, справится не каждый выпускник кулинарного техникума. Как бы точно вы все ни рассчитали, сюрпризы неизбежны. Не говоря о том, что три раза в день надо было регулярно ходить на кухню и следить за тем, что и как приготовил повар, чтобы не было проколов, как, например, случилось в один из первых дней моего дежурства, когда утром овсяная каша подгорела. Все ушли из столовой голодные и потом целый день по поводу и без повода припоминали мне мое фиаско.

Эти две недели были самыми нескончаемыми в моей жизни. Но, наконец, и они закончились. По-моему, я очень неплохо справилась с задачей. У меня даже остались деньги. В последний день, добавив еще немного своих, я съездила в единственную в Калькутте французскую кондитерскую и купила для всех пирожных. Как мне показалось, все были очень довольны моим экспромтом. Я с облегчением вздохнула и решила забыть о столовой, по крайней мере, на несколько месяцев до следующего дежурства. Но не тут-то было.

Через пару дней, придя на очередное занятие английского языка, я, к своему удивлению, увидела в комнате, помимо своих обычных учениц, и жену генконсула. До этого она не снисходила до моих уроков, хотя английского и не знала. Я удивилась и даже почувствовала себя польщенной. А зря. Когда я попыталась начать урок, она вдруг прервала меня и весьма суровым тоном

заявила, что собрались мы тут не для занятий английским, а для того, чтобы разобраться с моим дежурством по столовой. И тут я увидела, что вместо тетради у одной из женщин – особы, приближенной к генконсульше, – на столе лежат счета и квитанции за продукты, которые я закупала.

Как и полагалось, каждый раз, покупая что-либо, я брала квитанции, на основании которых каждый день подводила итог: сколько было истрачено и на что. Беря одну квитанцию за другой, одна из женщин начала задавать мне вопросы по каждой из них – что там куплено и сколько. Сначала я честно пыталась переводить то, что было написано. Мои переводы явно не удовлетворяли генконсульшу. Ее комментарии становились все более прозрачными, и постепенно до меня дошло – меня обвиняют в том, что я слишком много покупала продуктов и все это не могло быть использовано в столовой. Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, был совершенно недвусмысленный вопрос, заданный генконсульшей.

– Вот, например, такого-то числа вы закупили (точные цифры я, конечно, не помню) 20 кг мяса. На котлеты, которые были в меню, могло пойти только 15 кг. Куда же делись 5 кг мяса?

Тут уж я не выдержала.

– Вы хотите сказать, что я съела это мясо, что ли? – Но я не людоед, я сырое мясо не ем! – закричала я. – Как я могла его съесть, когда у нас его готовить негде?

– Ну, уж я не знаю, что вы с ним сделали, может, продали. Да и не только мяса перерасход, вот и риса чересчур много истратили, и масла, – не унималась жена шефа.

Я что-то еще пыталась объяснить, но постепенно весь ужас ситуации начинал доходить до моего сознания. Да ведь меня всерьез обвиняли в воровстве! А я, идиотка, так старалась, еще пирожные им купила, деньги свои докладывала. Слезы начали застилать мне глаза, а генконсульша, не обращая на это никакого внимания, все больше входила в раж. Обвинения сыпались одно за другим. Но я уже мало что слышала, пытаюсь бороться со слезами. В итоге я все-таки не выдержала и пулей выбежала из комнаты.

В коридоре я тут же налетела на Игоря и, рыдая, уткнулась в него. Ему уже доложили о том, что происходило (как выяснилось, приближенные заранее знали о готовящейся «акции»), и он отправился меня спасать. Увидев меня в невменяемом состоянии, Игорь буквально озверел и ринулся в комнату, где заседал женский комитет. Вовремя подоспевший завхоз, который после истории с флагом, очень хорошо относился к нему, удержал его. А иначе мой муж наломал бы дров. Тем не менее он сразу пошел к генконсулу. Я так никогда и не узнала, что он сказал ему. Однако расследование моих преступлений на этом закончилось, и никто не возвращался более к вопросу, украла или не украла я мясо, хотя в некоторых обращенных на меня взглядах я некоторое время и читала его.

Моя приятельница Нина объяснила мне причину столь жестких гонений на меня. Оказалось, что все женщины, дежурившие до этого, всегда старались сэкономить как можно больше денег, но не для того, чтобы купить, как по глупости это сделала я, пирожные, а для того, чтобы сдать их в так называемый фонд столовой. Этим фондом, как вы уже, естественно, догадались, распоряжалась жена генконсула. Куда и на что тратились эти деньги, никто не знал, да и не спрашивал. Во всяком случае, ни до того, ни после никаких следов употребления этих денег по назначению я не видела. Тогда мне все это казалось

возмутительным. Теперь, на фоне того чудовищного воровства, что процветает у нас в стране, это выглядит почти невинной детской шалостью.

Вся эта история имела один позитивный результат – я наотрез отказалась впредь дежурить по столовой, и никто не пытался заставить меня это делать.

А вскоре наше первое в жизни начальство отбыло на родину. Причем отъезд ознаменовался очередной анекдотической ситуацией. Уезжал генконсул после выхода из больницы, где он перед отъездом решил обследоваться. И вот уже в аэропорту он вдруг вспомнил, что забыл пижаму в больнице. Без пижамы наш начальник уезжать наотрез отказался. С «Аэрофлотом» договорились о задержке самолета. И вот личный шофер помчался в больницу, находившуюся на другом конце города. Все провожавшие и ничего не понимавшие пассажиры мучительно топтались в душном аэропорту. Пижамы была привезена, и самолет наконец-то отбыл с полуторачасовым опозданием.

Весь вечер народ в генконсульстве «гулял» по случаю отбытия «хозяина». На следующий день, несмотря на уговоры консула, оставшегося при исполнении обязанностей главы нашего богоугодного заведения, никто на работу не вышел. Все продолжали праздновать свободу. А мы с Игорем, воспользовавшись отсутствием надзора, власть нагуляли по городу.

Как вы уже, надеюсь, поняли, дипломатическая жизнь, особенно на ранних этапах карьеры, состоит не только из светских раутов. Но тем не менее, протокольные мероприятия в жизни дипломатов – вещь неизбежная.

Калькутта – портовый город, куда регулярно (во всяком случае, в то время) заходили и советские торговые корабли. И вот однажды консул, оставшись за начальство, предложил Игорю сопровождать его в поездке на наш корабль. Я попросила, чтобы меня тоже взяли. И очень обрадовалась, когда консул согласился. Еще бы – мы едем на первое в моей жизни протокольное мероприятие!

Ехать в порт надо через весь город, через знаменитый «Ховра бридж», вечно забитый машинами, грузовиками, волами, тащащими двухколесные телеги – тонги, нагруженные едва ли не больше, чем грузовики. Тут же под колеса лезут вертлявые рикши и снующие между машин пешеходы. Единственные, кто сохраняет в этом аду спокойствие, – это «священные» коровы, невозмутимо бредущие по одним им известным маршрутам. Короче, только переезд через мост занимает час, если не больше. Напомню, что кондиционеров в машинах тогда не было. Вернее, может, где-то и были, но в Калькутте мы об этом чуде XX века еще и не слышали. Тем более что в консульстве у нас были лишь мини-автобус для служебных нужд, одна «Волга» и «ЗИЛ» для парадных выездов генконсула. Большой нелепости, чем «ЗИЛ» на улицах Калькутты, представить себе трудно. Этот неповоротливый длиннющий лимузин катастрофически не вписывался в большинство улиц Калькутты, застревая при малейшей попытке отъехать чуть-чуть от центра. По-моему, было только два пункта, куда наше начальство ездило на этом чудовище, – в аэропорт и на корабли. При поездке в порт основным препятствием становился мост. При этом, как хладнокровно прокомментировал шофер, главное было не придавить, не дай бог, какую-нибудь священную корову или при маневре не скинуть в реку рикшу или пешехода, засмотревшегося на невиданную машину. Вождение автомобиля осложнялось еще и тем, что в Индии, как и в Англии, левостороннее движение.

Наконец мы приехали, проведя в пути почти два часа. День уже клонился к вечеру, и я с тревогой задавала себе вопрос: долго ли мы здесь пробудем и

успеем ли домой к ужину. Как выяснилось, беспокоилась я, по крайней мере в отношении ужина, совершенно напрасно. После непродолжительной экскурсии по кораблю нас пригласил на ужин капитан. Сначала я обрадовалась: ужин в кают-компании в обществе советских моряков должен был внести приятное разнообразие в нашу жизнь. Я уже предвкушала интересные истории из уст морских волков. Стол был накрыт поистине с русским размахом. Поскольку прошло уже несколько месяцев, как я уехала из Москвы, то вид икры, соленых огурчиков, маринованных грибов, черного хлеба – всего того, без чего так страдает русский человек, находясь за границей, меня очень обрадовал. Надо сказать, что в Москве я была относительно равнодушна к такой еде, но, как это всегда бывает, хочется того, чего нет. Это, по-моему, практически универсальный закон человеческой жизни.

Несколько настораживало обилие спиртного, особенно водки. Дело в том, что муж в то время практически не пил. Это звучит в применении к русскому человеку почти невероятно, но факт остается фактом. В свои двадцать четыре года Игорь не брал в рот водки. Когда мы познакомились, он не пил даже пива и вина. На вечеринках, чтобы избежать насмешек в его адрес, я выпивала потихоньку то, что ему наливали. Но поскольку я и сама никогда не была большой поклонницей алкогольных напитков, мне это быстро надоело, и я уговорила Игоря начать потихоньку пить хотя бы пиво и вино. Но водку он по-прежнему не мог пить. В детстве он по ошибке выпил стакан водки вместо воды и так отравился, что его еле спасли. Вот с тех пор у него и выработалась аллергия на этот напиток.

Когда Игорь отказался выпить налитую ему рюмку водки, капитан бросился в бой так, будто от того, выпьет или не выпьет Игорь эту рюмку, зависела если уж не судьба всего советского торгового флота, то его, капитана, личная судьба, – это точно.

– Если ты не научишься пить водку, то тебе лучше распрощаться с дипломатической службой, – безапелляционно заявил он. – Что это за дипломат, который не умеет пить? Это такой же нонсенс, как и непьющий моряк.

Он привел примеры из своего богатого опыта общения с дипломатическими представителями самых разных национальностей чуть ли не во всех портах мира. Наивысшей похвалы заслужили, естественно, советские дипломаты, которые, по его словам, никому не уступали пальму первенства в искусстве «принять на грудь».

Очень скоро атаки капитана поддержал и консул. Он, правда, в несколько более сдержанных выражениях подтвердил основной тезис капитана.

– Пойми, Игорь, возлияния, от более или менее умеренных, до весьма неумеренных, – неизбежный атрибут дипломатического протокола. Диапазон возлияний очень широк – от чисто символического поднятия бокала на каком-нибудь открытии выставки, до... – здесь он сделал многозначительную паузу. – Короче, все зависит от партнеров и выносливости твоего и их организма.

В итоге вывод его был тем же: не видать Игорю посольских эполет, если не приобщится он к святому делу питья русского национального напитка.

Такому натиску противостоять было просто невозможно. При моей поддержке Игорю удалось сопротивляться превосходящим силам противника лишь час, что равнялось двум выпитым бутылкам. Потом он как-то обреченно посмотрел на меня и выпил злосчастную рюмку. Счастью капитана не было границ. Наверное, он меньше радовался, когда впервые встал за штурвал своего первого корабля. После первой рюмки, естественно, тут же наступила очередь

второй, которую Игорь уже не имел никакого морального права не выпить. После третьей он почему-то решил, что единственный способ сохранить ясность мышления – это наблюдать за ходом времени. Поэтому через каждые десять минут мой муж стал задавать мне вопрос:

– Ты знаешь, сколько сейчас времени?

И, не дожидаясь моего ответа, с гордостью сообщал:

– А вот я знаю. Сейчас десять часов тридцать минут.

Потом я узнала, что уже десять часов сорок минут. Огромным потрясением для меня явилась новость, что наступило десять часов пятьдесят минут. Игорь радовался как ребенок, когда ему на несколько секунд удалось опередить часы, начавшие бить одиннадцать часов. К этому моменту для него ничего, кроме часов, не существовало. Он сидел, не обращая ни на кого внимания, судорожно уставившись на большие настенные часы, украшавшие стену кают-компания, и сверял их со своими часами на руке. Отрывался он только для того, чтобы сообщить мне об очередном продвижении минутной стрелки. Когда же интервалы между констатацией времени сократилась до пяти минут, я поняла, что нам пора ретироваться с поля боя, если мы хотим выжить в этой явно неравной схватке.

После длительных переговоров и всяческих маневров мне удалось добиться разрешения отойти на заранее подготовленные позиции, то бишь удалиться в отведенную для нас каюту. В это время уже было абсолютно ясно, что на ночь глядя мы никуда не поедим и придется вставать завтра, а вернее, уже сегодня в пять часов, чтобы вернуться к началу рабочего дня в консульство. Когда я, практически таща на себе Игоря, покидала кают-компанию, никто из оставшихся не собирался заканчивать застолья, хотя состояние нашего водителя Саши внушало мне серьезное беспокойство. Я попыталась уговорить и его пойти немного поспать, но безуспешно. Честно говоря, я не столько переживала за его здоровье (а если совсем честно – вовсе не переживала), сколько беспокоилась за то, как он сможет вести машину после такого количества выпитого. А надо сказать, что выпито было, даже по русским меркам, немало. Более того, у меня сложилось впечатление, что и капитан, и консул решили личным примером доказать справедливость репутации моряков и дипломатов как непревзойденных мастеров в искусстве выпить, о чем они говорили в начале вечера.

Остаток ночи я не сомкнула глаз. Во-первых, Игорь страшно храпел, чего раньше за ним никогда не наблюдалось. Во-вторых, до меня доносились звуки все более и более расхрипевшегося веселья в кают-компания. Достигнув апогея где-то часам к трем, шум постепенно затих лишь к часам четырем. Будить народ в пять часов, как мы уговорились, я не решилась. В шесть часов я разбудила Игоря. Это оказалось самой простой из стоявших передо мной задач. Игорь проснулся тут же и продемонстрировал на удивление хорошую физическую форму для человека, впервые вступившего в схватку с зеленым змием. Тяжелее пришлось остальным участникам застолья. Наконец где-то к семи часам все собрались в злополучной кают-компания. От предложения поесть все с отвращением отказались. Мои наихудшие опасения подтвердились: Саша хотя и пытался бодриться, но было очевидно, что соображает он с большим трудом.

Проблемы начались уже при спуске по трапу. Если учесть, что даже вчера я с опаской поднималась по этому весьма хлипкому сооружению (как мне объяснили, более солидные трапы использовались лишь на пассажирских пароходах), то можно представить, каким препятствием это выглядело сегодня.

Я, как самая трезвая, спустилась первой и снизу наблюдала за эквилибристическими упражнениями остальных. Когда подошла очередь Саши, на палубе собрались едва ли не все свободные от дежурства моряки. Зрелище действительно было захватывающим и полным драматизма. Пару раз шофер терял равновесие, начинал размахивать руками, а потом, вцепившись в поручни, застывал, дожидаясь, когда трап прекратит раскачиваться как маятник, стараясь скинуть несчастного в море. Но в итоге все закончилось благополучно, и водитель плюхнулся, отдуваясь, на сидение машины. Отдышался несколько минут, и мы, помахав на прощание сверхгостеприимному капитану, тронулись.

К сожалению, ни Игорь, ни я тогда водить еще не умели, а консул не снизошел до того, чтобы предложить свои услуги в качестве водителя. Поэтому оставалось только уповать на русское «авось». К счастью, народу и транспорта на улицах еще было не так много, иначе не обошлось бы без жертв. Наша машина большую часть пути проделала, зигзагообразно вихляя от одного тротуара до другого. При очередном зигзаге, когда огромный черный лимузин приближался к тротуару, народ с воплями кидался врассыпную, справедливо опасаясь, что на этот раз водитель вовремя не вывернет руль и машину занесет. Но столкновения, к удивлению и разочарованию мальчишек, сопровождавших нас и криками предупреждавших прохожих о грозящей опасности, не произошло, и мы благополучно довихляли до ворот генконсульства. Здесь, несколько посеревший от нервных перегрузок, консул вышел из машины и предложил позвать дежурного коменданта, чтобы загнать «ЗИЛ» во двор, для чего надо было проехать в очень узкие ворота генконсульства. Многочисленные следы разноцветной краски на них свидетельствовали о том, что не один водитель был посрамлен, преодолевая это препятствие. Но Саша лишь замотал головой, весь набычился, пригнулся, надавил на педаль газа и... не успели мы даже испугаться, как машина стояла уже во дворе. Из машины, правда, водителя пришлось вытаскивать двоим мужикам, сам он уже отключился и впал в какое-то сомнамбулическое состояние. Вот тогда я впервые воочию убедилась в справедливости утверждения о необъяснимом везении пьяных за рулем.

Я не сомневалась, что наше приобщение к протокольным мероприятиям, связанным с посещением судов советского торгового флота, будет первым и последним. Но не тут-то было. То ли консул принял решение всерьез заняться своим здоровьем и мудро рассудил, что, выпивая на пятерых, меньше выпьешь, чем на троих. То ли он решил продолжить с таким успехом начатый процесс приобщения начинающего дипломата к серьезной науке потребления крепких спиртных напитков. А может, ему просто показалось, что только мы смогли по достоинству оценить прелести художественного катания по Калькутте. Уж не знаю, чем мы обязаны были этой «милости» и милость ли это была в глазах самого начальства, но факт остается фактом – сопровождать его на корабле стало нашей тяжелой обязанностью.

В объятиях спрута

Второй раз я приехала в Индию в сентябре 1971 года. В это время я перешла на пятый курс института. Первое полугодие студенты-пятикурсники проходили практику в различных учреждениях, как правило, там, куда после окончания должны были быть распределены на работу. Уже в конце четвертого курса разгорались страсти – студенты отделения международных отношений стремились правдами и неправдами прорваться в МИД, студенты отделения международных экономических отношений – в Министерство внешней торговли, а будущие журналисты – в ведущие газеты, журналы, в ТАСС, в АПН, на Гостелерадио. Довольно значительное число студентов направлялось на практику в различные учреждения за границей.

В числе таких студентов оказалась и я. Меня направили на практику... в генконсульство СССР в Калькутте. Игорю удалось убедить генконсула в том, что лишний работник на полгода им не помешает, и тот послал заявку на практиканта. А уж убедить институтское начальство в том, что идеальным кандидатом на пост практиканта является большой специалист по проблемам Индии Беглова Наталья Спартаковна, было делом техники. Формальным поводом, дававшим мне право претендовать на поездку в Индию, стала тема дипломной работы, материал для которой полагалось собирать во время практики. Я выбрала такую, что не придерешься: «Идеологическое проникновение США в Индию». Обычно тех студентов, кто ехал на практику за границу, считали счастливчиками, им завидовали.

Я же испытывала двойственные чувства. С одной стороны, была рада, что оказалась среди «избранных», отправляющихся в первую в своей жизни официальную командировку. Приятно было ловить на себе завистливые взгляды. Радовала встреча с Игорем, перспектива увидеть Дели, вновь оказаться в Индии. Но в то же время я завидовала ребятам из моей группы, которые шли на практику в «Правду», в «Известия», на радио, на телевидение. Я знала, что их практика будет значительно интересней моей, они получают возможность «обкататься» на действительно журналистской работе.

Именно тогда я впервые поняла справедливость утверждения о том, что за все в жизни приходится платить. Вернее, в тот момент я еще не приняла как неизбежность эту истину, которая в будущем станет для меня одной из самых очевидных закономерностей человеческой судьбы. Сегодня у меня не вызывает сомнения, что в жизни не бывает беспроигрышных вариантов. Добиваясь чего-то одного, вы неизбежно упускаете какую-то другую возможность. А потом приходят сожаления: эх, почему я сделал так, а не этак. Эти сожаления отравляют вам жизнь и они бессмысленны. Ничего уже изменить нельзя. А главное, вы поступили так, а не иначе, потому что в тот момент вы этого хотели, вам это нужно было, а не другое. Так, для меня в тот момент все было подчинено желанию увидеться с Игорем, быть рядом в нем. А все остальное было в тот момент вторично.

И вот мое желание почти осуществилось. Я лечу в Индию. Но на пути к заветной встрече – досадная отсрочка. Необходимо собрать материал для дипломной работы, а поскольку главный «очаг распространения американской дезинформации» и, в частности, основной объект моей критики – отделение Информационного агентства США (ЮСИА) находится в Дели, мне приходится первую неделю провести в Дели.

Я приехала в Дели в августе, сезон муссонов заканчивался, и жара была оглушающая. Именно в Дели я в первый и последний раз упала в обморок, получив солнечный удар. Как ни странно, в отличие от большинства людей, я лучше переносила влажную калькуттскую жару, чем сухую, делийскую.

Город поразил меня своей европеизированностью. Широкие улицы, обсаженные деревьями, современные здания, спокойное движение на улицах, чистота. Вместо обычных рикш – моторикши, то есть мотоциклы с приделанными сзади колясками. После Калькутты Дели показался практически лишенным восточной экзотики. Красный форт, старый город и все.

Приехав сюда в следующий раз, я смогла больше времени поехать по городу и увидела его красивые уголки. Но в этот раз, как примерная студентка, я проводила большую часть времени в библиотеке делийского отделения ЮСИА, стремясь как можно быстрее собрать материал. Я была приятно удивлена простотой правил, регулировавших работу библиотеки, и доступностью любых книг и материалов. Воспитанная в системе строго дозированного доступа к информации, всех этих спецхранов, различных систем допуска и прочих цензурных прелестей, я просто была в растерянности от той легкости, с какой мне выдавали любую литературу. Все сотрудники американцы, с которыми я сталкивалась, были очень любезны, предупредительны. Это меня еще больше озадачивало. Однажды я не выдержала и решила уточнить у девушки, выдававшей книги, не произошло ли какого недоразумения, за которое потом еще, не дай бог, придется отвечать.

– Я могу получить этот материал? – спросила я девушку в очередной свой приход в библиотеку, выбрав нарочно что-то, как мне казалось, компрометирующее ЮСИА. (Это были отчеты о деятельности различных отделений ЮСИА в Индии.)

– Конечно.

– А вы можете выдавать это всем? Вот я, например, русская студентка.

– Ну и что? – несколько озадачен

но заинтересовалась она.

– И я могу указать на вашу библиотеку как источник получения материала? – не унималась я.

Видимо, мое неверие в открытость информации пустило свои корни и в душе этой американки, поскольку она посмотрела на меня несколько более задумчиво и сказала, что пойдет уточнит у шефа. Через несколько минут она вернулась. Ее лицо светилось радостью.

– Да, можете.

Я порадовалась тому, что, по крайней мере, не я явлюсь причиной ее разочарования в американской демократии.

Тут на сцене появился и сам шеф, который, посмотрев на меня с явным любопытством, спросил:

– Я так понял, что вы пишете исследовательскую работу об ЮСИА. Если хотите, я могу попросить, чтобы с мест нам прислали самую свежую статистику.

– Да нет, что вы, не надо, – поспешила отказаться я. – Тем более что я уезжаю через пару дней.

– Но вы можете оставить ваш адрес, и мы пришлем материалы вам в Москву.

«Так, вербуют», – пронеслось у меня в голове. А если даже нет, мне только не хватало, чтобы на мое имя в Москву пришла корреспонденция из ЮСИА. Я

тут же представила все возможные обвинения и последствия подобного события. Несанкционированное вступление в контакт с иностранцами, предоставление им информации (московский адрес) – одного этого достаточно, чтобы стать надолго, если не навсегда невыездной. Я еще раз поблагодарила и заверила американского начальника, что и имеющегося материала с избытком хватит, чуть не сказала, чтобы разоблачить вас и вашу лавочку, но, естественно, воздержалась.

После этого разговора я еще более неуютно чувствовала себя в американском информационном центре. Приходя туда, я как-то съеживалась и напрягалась. Мне казалось, что вот сейчас, когда я переснимаю очередную, по нашему советскому понятию совершенно секретную информацию, на мое плечо опустится тяжелая рука и резкий голос произнесет: «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!»

Сейчас все мои опасения могут показаться смешными. Но мои сверстники журналисты-международники, наверное, помнят, что ЮСИА рассматривалось у нас тогда как один из главных инструментов ЦРУ, использовавшийся не только для распространения американского влияния, но и для организации подрывных операций в странах третьего мира. Вообще нечто очень опасное и, мягко говоря, несимпатичное. До сих пор помню обложку книги, посвященной деятельности ЮСИА, на которой был изображен спрут, раскинувший свои щупальца по всему миру. Все эти стереотипы прочно въелись в наше сознание, стали частью нашего менталитета.

Тогда, надо признаться, я была даже несколько разочарована: первые «плохие», с которыми мне пришлось столкнуться в своей взрослой жизни, были достаточно симпатичными людьми. Насколько проще было бы, если при первом взгляде на них сразу же становилось бы ясно: «Ба, да это же плохой дядя, ну да чего же вы хотите, он (она) – агент ЦРУ!» И все уложилось бы в привычный стереотип, и стало бы все опять просто. Ведь насколько легче жить, когда не надо самой ничего анализировать, все разложено по полочкам, за тебя все решено. Проще, но, надо признать, менее интересно.

Благодаря отсутствию противодействия со стороны сотрудников библиотеки, сбор материалов, призванных разоблачить деятельность организации, на которую они работали, продвигался быстро. И я иногда, чтобы отвлечься, просматривала брошюры и журналы, не имевшие отношения к теме моего диплома.

Так, именно в библиотеке ЮСИА я впервые услышала об аюрведе. На стене красовался плакат, сообщавший о том, что состоится лекция какой-то знаменитости. Название лекции мне ничего не говорило. Какой-то Аюрведа. Но поскольку я человек по натуре любопытный, я решила все-таки уточнить, что это такое, и спросила все у той же библиотечарши:

- А о ком лекция, кто этот Аюрведа?
- Не кто, а что, – библиотечарша посмотрела на меня довольно удивленно.
- Это лекция о традиционной индийской медицине.

Поскольку, как выяснилось, лекция должна была состояться уже после моего отъезда из Дели, я не могла на нее пойти. Но тема меня заинтересовала, и, пока я ждала какие-то материалы для диплома, я между делом просмотрела пару брошюр, предложенных мне любезной американкой.

Я узнала, что эта древнеиндийская традиционная медицина возникла в устной форме еще в начале позапрошлого тысячелетия, а возможно и ранее, и, по преданию, пришла к людям от богов. Буквально «аю» на санскрите означает

«жизнь», а «веда» – «знание». Таким образом, в переводе с санскрита аюрведа означает «знание жизни». Иногда еще аюрведа переводится как «наука долголетия». Понятие здоровья в аюрведе имеет две неразрывные составляющие – здоровье ума и здоровье тела, то есть человек рассматривается как единство разума, тела и духа, которые определяются различными энергиями, или дошами. Вата (воздух) – отвечает за все движения тела, ума и чувств. Питта (огонь) – за обмен веществ, энергию и пищеварение. Капха (вода) – за строение тела, вес, баланс жидкости в организме. У каждого человека имеются все три доши, но их соотношение разное. Как правило, в человеке преобладает одна энергия, но вторая присутствует в значительных размерах. Соотношение различных энергий и определяет физический и психический потенциалы человека. Есть люди типа Вата, типа Питта и типа Капха. Но более распространено сочетание двух энергий.

Я, например, отношусь к типу Питта – Вата, то есть у меня преобладает энергия Питта, но в значительных размерах присутствует и энергия Вата. Для определения типа каждого человека существует целая система вопросов, ответив на которые, вы выясните, к какому типу относитесь. Определив свой тип, вы затем сможете узнать, что вам полезно и что вредно, будь то еда, питье, физические нагрузки. Узнаете, какой образ жизни в целом более соответствует вашей физической и психической организации.

Когда эти три энергии внутри человека сбалансированы, все в порядке. Но когда одна из них начинает доминировать, происходит нарушение баланса, и начинаются проблемы. Отсюда целый ряд подходов к процессу лечения, которые мне показались очень мудрыми.

Во-первых, нужно лечить не болезнь, а человека, в то время как современная традиционная медицина лечит даже не саму болезнь, а ее симптом.

Во-вторых, аюрведа утверждает, что все болезни психосоматичны по своей природе. Человек – это сочетание ума и тела, и соответственно болезнь порождается не только телом, но и умом. Аюрведа пытается помочь человеку избавиться от источника беспокойства, стресса, которые чаще всего и приводят к болезни.

В-третьих, в аюрведе лекарства не приносят вреда. В них не присутствуют химические элементы, как в традиционной медицине. Это натуральные препараты, которые к тому же тонизируют организм человека, дают ему силы. Более того, в аюрведе пытаются помочь человеку сохранить молодость как можно дольше. Для этого существуют специальные лекарства, тоники, способные замедлить процессы старения, происходящие в организме.

В-четвертых, важнейшим постулатом этого учения является необходимость профилактики, с помощью которой человек способен разобраться в том, что ему необходимо для сбалансированного образа жизни, а значит, и для здоровья.

И, наконец, мне понравилась простота и близость к природе этой системы. Ее важным элементом является правильная диета, разная для разных типов людей. Правильное дыхание, физические упражнения. Большое значение придается и общению с природой. Кроме того, в природе нет ничего, что нельзя было бы использовать для лечения. Камни, минералы, артезианская вода, масла, травы, продукты питания, массажи, медитация, дыхательные упражнения – вот далеко не полный перечень того, что может послужить лекарством от вашей болезни.

В целом можно сказать, что аюрведа учит человека, познав себя, жить в гармонии с самим собой, своим телом, с окружающими людьми и природой.

Вечной жизни это учение не обещает, чем и отличается, кстати, от религии. Но дает вам надежду умереть тогда, когда это предусмотрено для вас природой, умереть, избежав старости, отравленной недомоганиями и болезнями. К тому же еще и надежду выглядеть моложе, не прибегая к «драматическим» средствам вроде косметической хирургии. Должна сказать, что позднее я встречала людей, которые не были фанатами системы аюрведа, но следовали некоторым ее принципам, например, вели образ жизни, соответствующий их типу личности и занимались медитацией. Должна подтвердить, что выглядели они значительно моложе своих лет.

Вдохновленная всем прочитанным, я решила, что, как только приеду в Калькутту, разузнаю, нет ли там аюрведического центра, и займусь всерьез изучением этой системы. Но, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. Как всегда это бывает, в Калькутте нашлись более важные дела. Здоровье тогда еще позволяло относиться к нему пренебрежительно. Во всяком случае, как казалось, заняться им можно было и попозже. И о системе аюрведа я вспомнила лишь много лет спустя, когда меня действительно, что называется, приперло. И как я тогда пожалела, что не занялась всем тем, чем занимаюсь сейчас и что, безусловно, мне помогает, гораздо раньше. Тогда, в молодости.

Незапланированные встречи

Наверняка уже кто-то до меня сказал, что вся наша жизнь – это не что иное, как встреча. Встреча с самой жизнью, встреча с детством, с любовью и со всем, что можно перечислять до бесконечности и что кончается последней встречей – увы, единственной обязательной в этой программе. И нужно быть индуистом для того, чтобы верить, что она отнюдь не последняя на этой земле.

Но поскольку мы не исповедуем индуизм, приходится ценить все те, иногда предопределенные, иногда запланированные, а порой совершенно неожиданные и непонятно для чего тебе посланные встречи, знакомства, общения, узнавания.

Одной из моих немногочисленных практикантских обязанностей в генконсульстве в Калькутте было посещение уроков английского языка, которые давал старик англичанин. Никто из дипломатов, для которых эти уроки предназначались, на них не ходил. Но поскольку деньги на занятия выделялись, преподавателя, по инерции, нанимали. Когда я приехала, все единодушно решили, что именно я должна совершенствоваться в английском языке, хотя без ложной скромности могу признать, что знала я английский лучше всех в нашем богоугодном заведении. А может, в этом была своя логика, поскольку преподавателем наш старичок был никудышным и нужен был кто-то, кто мог бы просто скоротать с ним за беседой оплачиваемый час.

Кому-то эта логика покажется странной, но не тем, кто знает, что такое бюрократическая система. Если центр выделяет деньги на что-то, надо их израсходовать. Иначе на будущий год ассигнования сократят. А вдруг деньги понадобятся? Спрашивается, а почему не найти преподавателя получше? Но дело в том, что язык изучать было особенно некому, поскольку дипломатов – раз, два и обчелся. Да и лень. А к старичку все уже привыкли.

Не такой уж он был и старичок: я думаю, ему было под шестьдесят. Это был бывший английский офицер, и его облик стопроцентно соответствовал моему тогдашнему представлению об английских офицерах времен колониальной эпохи. В нем чувствовалась военная выправка. Высокий, державшийся исключительно прямо, даже когда он сидел, очень худой, подтянутый, с красивыми, правильными чертами лица, гладко зачесанными назад седеющими волосами – казалось, он просто сошел со страниц книг Киплинга. Именно таким я всегда с тех пор представляю полковника Крейтона – одного из персонажей романа Киплинга «Ким» – в отставке. Возможно, я выдаю желаемое за действительное, но, по-моему, он даже носил пробковый шлем. Во всяком случае, шлем очень подошел бы к его светлым льняным костюмам и рубашкам с воротничками старинного образца. Было ясно, что он нуждается. Пошел ли бы он иначе преподавать в наше генконсульство? К тому же некоторые его костюмы и рубашки были очень аккуратно, даже искусно, заштопаны. Думаю, он сам их и штопал, поскольку жил один. Держался он с удивительным достоинством. Я бы даже сказала, в его повадках угадывался аристократизм. Мне, выросшей в советской действительности, редко приходилось встречать в нашей стране людей, сохранивших аристократическое достоинство в манерах. Пожалуй, единственный человек, кто, как ни странно, имел такие манеры, был мой дед. При этом, как будто для того, чтобы еще больше походить на персонажи именно английской литературы, он постоянно курил трубку. Что роковым образом сказалось на его здоровье. Он умер, едва достигнув шестидесяти лет, от рака легких. Самое удивительное то, что мой дед

был родом из крестьян, из маленького города Кадома Рязанской губернии. Откуда у выходца из глухой провинции такие манеры?

Уже после нескольких уроков английского языка я поняла, что преподаватель мой англичанин – никакой. Но зато он был просто кладезь информации о жизни колониальной Индии. Он провел в Индии практически всю жизнь, приехав туда совсем молодым офицером и оставшись в Калькутте после выхода в отставку. Наши уроки превратились в увлекательнейшие беседы. Вот так получилось, что шла я на свой первый урок из-под палки, а потом ходила с превеликим удовольствием. Чего нельзя сказать о моих занятиях другим языком – французским, который я изучала в институте.

Я узнала, что в Калькутте существует филиал «Альянс Франсэз», организации, пропагандирующей франкоязычную культуру и французский язык. Там были группы, в которых за небольшую плату можно было изучать французский. Большого труда стоило убедить начальство разрешить мне ходить на занятия в «Альянс Франсэз». Разрешение было получено лишь после того, как «соседский» товарищ «проверил» альянс – должно быть, на предмет моей вероятной вербовки вражеской агентурой. В моей группе было несколько западноевропейцев, пара американцев, а остальные – молодежь из довольно состоятельных индийских семей.

И здесь меня ждало первое разочарование. Во-первых, меня поразило, что вне уроков даже между собой они говорили только по-английски. Мои просьбы научить меня элементарному бенгальскому натыкались на недоумевающие взгляды. Некоторые, не стесняясь, признавали, что никогда не говорят по-бенгальски ни дома, ни в школе.

Во-вторых, все они восхищались английской и американской культурой, на худой конец, французской, и при этом довольно пренебрежительно относились к индийской культуре.

Все они мечтали поехать учиться в Англию или США. Большинство надеялись там и остаться. Я задавала себе вопрос: даже если, получив образование, они вернуться в Индию, что привезут они с собой в качестве багажа? Знание того, как эффективно управлять суперсовременными концернами, использующими новейшие технологии? Эти концерны неизбежно обречут на вымирание многочисленные мелкие и средние предприятия, обеспечивающие занятость сотен тысяч человек в Индии, где и так миллионы людей не имеют никакой работы или перебиваются случайными заработками. Или станут супердорогими врачами и будут лечить себе подобных состоятельных людей, в то время как миллионы простых индийцев не имеют доступа к элементарной медицинской помощи?

Это ли нужно Индии?

Много лет спустя, в Женеве, я видела многочисленных детей «новых русских», обучавшихся в Швейцарии, которые напомнили мне моих индийских соучеников из «Альянс Франсэз». Отличались они разве что тем, что все еще говорили по-русски (вернее, это был русский язык, на две трети состоявший, как теперь изящно выражаются, из неформальной лексики) и носили исключительно «фирму». Но менталитет был примерно такой же, и я задавала себе тот же вопрос, что и в 1970 году в Калькутте.

Мои занятия французским продолжались недолго. На одном из уроков мы читали текст, посвященный Второй мировой войне, после чего завязалась дискуссия о том, кто внес вклад в победу над фашизмом. Я слушала, и чем дольше длилась дискуссия, тем больше я недоумевала. Говорили об

американцах, англичанах, о французах, но только не о русских. Создавалось впечатление, что Советский Союз вообще был ни при чем. И тут во мне разыграл патриотизм, который до тех пор ни разу себя не проявлял. Я была бы не так поражена, если бы в классе находились только индийцы. Но там были и англичане, и другие европейцы. Я не выдержала и произнесла проникновенную, как мне казалось, речь. Я попыталась рассказать о той роли, которую сыграла наша страна в войне, о тех жертвах, которые русский народ принес во имя победы над фашизмом. Я говорила и видела, что меня не понимают. Чем горячее я выступала, тем большее недоумение читалось на лицах, обращенных ко мне. Более того, я почувствовала, что мой пафос выглядит смешным. Я смешалась и замолчала. Единственное, что нашел уместным сказать преподаватель француз: «Да, конечно, русские тоже перенесли немало во время войны» (!). После этого я больше даже не пыталась что-либо комментировать, ушла с урока совершенно подавленная и больше в «Альянс Франсэз» не появлялась.

Впоследствии и в гораздо более просвещенной среде мне приходилось сталкиваться с таким же незнанием элементарных вещей, касавшихся нашей страны. Знания среднестатистических европейцев и, особенно, американцев о России ограничиваются набором стереотипов, и редко при упоминании того, что ты из России, можно услышать, что-то иное, кроме как: «О, Кремль! О, русский балет! Санкт-Петербург – Эрмитаж. Космос – спутник! Сталин – репрессии. Писатель – Достоевский» и тому подобное.

Иногда знание бенгальского языка позволяло моему мужу завязывать интересные знакомства. Расскажу об одном из таких случаев. В Калькутте, как и во всех уважающих себя бывших колониальных городах, имелся «Swimming club» – клуб с большим открытым плавательным бассейном и крытым бассейном чуть меньших размеров. Там же, естественно, находилось несколько кафе и ресторанов. Это был настоящий оазис, располагавшийся в самом центре Калькутты. Сравнительно большая территория была засажена пальмами, бугенвиллиями, другими тропическими деревьями, кустами и цветами. Основное здание клуба не смогло бы тягаться в роскоши с нынешними клубами-дворцами, которые, как грибы, расплодились в сегодняшней Москве, но по сравнению с другими обветшалыми калькуттскими строениями оно выглядело верхом совершенства. Обслуживали вас вышколенные индийцы, казалось, еще сохранившие выучку с английских колониальных времен.

Долгое время доступ туда был закрыт для небелых. По этой причине советским дипломатам не разрешалось его посещать. Подразумевалось, что таким образом мы выражаем протест против дискриминации индийского населения. Незадолго до нашего приезда доступ в клуб был открыт для всех, но при этом резко повысили вступительный взнос и ежемесячные платежи. Теперь и нам разрешили посещать клуб, но мало кто из советских дипломатов ходил туда, поскольку пресловутый режим экономии, о котором я уже говорила, исключал такого рода непроизводительные траты. Единственным из советского коллектива, кто посещал бассейн, был генконсул. Но он, естественно, оплатил вступительный взнос не из своего кармана. Зачем существует статья расходов на представительские цели? Естественно, для таких случаев. Где еще генеральный консул Советского Союза может пообщаться в непринужденной обстановке со своими коллегами из других стран, как не в бассейне за кружкой пива? Естественно, в клубе. К такой постановке вопроса придаться трудно. Особенно тем, кто работал в тропических странах, и знает, что такого рода

клубы, действительно, зачастую единственное цивилизованное место в городе, куда стекаются по вечерам, а также по воскресным дням озверевшие от жары, толчеи, шума и гама восточных городов дипломаты. Кто поплавать, кто поесть, а кто просто расслабиться за кружкой пива или чего покрепче.

После того как генконсул начал посещать клуб, мы с Игорем загорелись желанием тоже приобщиться, наконец, к роскошной жизни. Но даже при наших полутора зарплатах (я, как практикант, естественно, получала лишь половину минимальной зарплаты) нам понадобилось около полугода, чтобы накопить на вступительный взнос. Если бы мы в тот момент знали, что побыть членами клуба нам придется всего несколько месяцев, мы, конечно, не стали бы тратить три месячных зарплаты на столь краткосрочное удовольствие. Если бы мы могли знать хоть на пару месяцев вперед то, что нас ожидает, скольких гораздо более серьезных ошибок мы бы избежали. Но, увы...

Во всяком случае, в тот момент мы были наверху блаженства: как только выпадал свободный вечер, а также по воскресеньям мы отправлялись в клуб. Поскольку он находился довольно далеко от нашего консульства, мы добирались туда на такси. Однажды, когда мы там находились, начался ливень. Настоящий тропический ливень, окончания которого, в отличие от обычного ливня средней полосы, дожидаться бесполезно. Тропические ливни непредсказуемы. Они могут длиться полчаса, а могут, периодически чуть затихая, и несколько дней. Поэтому мы оделись и направились к выходу.

Там мы с беспокойством обнаружили, что все такси, которые обычно поджидали у входа, разобраны. Игорь начал сложные переговоры с прислугой клуба, пытаясь уговорить кого-нибудь сбегать и поймать для нас такси. Но никто не хотел мокнуть под дождем. Переговоры затянулись. Велись они, естественно, по-бенгальски. Мы даже не заметили, когда около нас остановился какой-то человек, и обратили на него внимание, поскольку он задал Игорю какой-то вопрос. Игорь радостно заулыбался и ответил: «Ача, бхало». Даже я поняла, что это означает: «Да, спасибо». Как нетрудно догадаться, нас предложили подвезти.

Первое, что заставило меня повнимательнее присмотреться к человеку, проявившему любезность, это появившийся откуда-то «бой» с зонтиком. «Бой» (мальчик) – так в Индии часто называют прислугу, причем возрастная категория прислуги в расчет не принимается. «Мальчику» может быть и десять лет, и все сорок (мне это всегда напоминало нашу странную манеру обращаться ко всем женщинам в возрасте от пятнадцати и до шестидесяти одинаково: «Девушка!»).

Однако вернемся к нашей истории. Итак, появился бой, да еще с зонтиком. До этого никто из покидавших под дождем клуб не удостоивался чести быть сопровождаемым до машины под зонтом. Однако, даже внимательно разглядев нашего спутника, ничего примечательного я в нем не нашла. Довольно молодой индеец, небольшого роста с невыразительным, но довольно интеллигентным лицом. Но когда мы подошли к машине, на которой нам предстояло ехать, я еще более удивилась. Перед нами стоял шикарный старинный «роллс-ройс», какие до того я видела в фильмах из жизни большого света начала века.

Индеец сел за руль, и мы тронулись. Внутри машина поражала роскошью. Сиденья и стены были обиты малиновым бархатом, на стенах – позолоченные светильники, ручки на дверях также позолоченные, как и багет, пущенный вокруг окон. Впереди, в стенку, отделяющую пассажиров от водителя, вделан столик из инкрустированного дерева. В целом внутренность машины больше напоминала карету, чем автомобиль. Хотя я, естественно, никогда в каретах не

ездила, но это сравнение мне сразу же пришло на ум. Наверяно оно было увиденным на сей раз не в фильмах, а в музеях Англии, где в детстве я насмотрелась на эти кареты. Каждый уважающий себя дворец или замок Англии, а их там огромное количество, имеет свою экспозицию карет. И я столько раз, наверное, как каждая девчонка в детстве, мечтала хоть однажды прокатиться в настоящей карете. И вот моя мечта почти осуществилась. И пусть это была не карета, но ощущения у меня были, я уверена, не менее сильные, чем у особ королевской крови, совершающих торжественный выезд в настоящих экипажах.

В Калькутте и в обычное время особенно не разгонишься, а из-за дождя движение совсем застопорилось, и мы еле ползли по направлению к консульству. Наш загадочный знакомец опустил перегородку, отделявшую пассажиров от водителя, и мы разговорились. Поскольку сразу стало ясно, что бенгальского я не знаю, разговаривали мы по-английски, которым наш новый знакомый владел, надо сказать, прекрасно. Выяснилось, что автомобиль, на котором мы ехали, был «роллс-ройс», сделанный на заказ в середине 20-х годов для дедушки нашего собеседника.

А его дедушка, как мы узнали, был магараджей Трипуры – правителем большого индийского княжества, а ныне штата, соседнего с Западной Бенгалией. Магараджи Трипуры принадлежали к одному из богатейших княжеских родов Индии. Индийские властители самых разных рангов, а их в Индии великое множество, и во времена английского владычества сохраняли большую часть своих привилегий и владений. Они лишь платили со своих доходов налоги британской короне, а в остальном их образ жизни зачастую мало отличался от образа жизни их предков – индийских раджей XIX века.

Все изменилось после провозглашения независимости Индии. Многие привилегии были отменены, и конфискована большая часть собственности. Наследный принц Трипуры с грустью в голосе перечислил названия конфискованных земель и дворцов. Мы изо всех сил изображали сочувствие – все-таки человек проявил любезность и везет нас на своей машине. В завершение своей истории о злосчастиях трипурских магараджей, наш водитель сообщил, что в настоящее время немного осталось от прежних легендарных богатств и семье приходится все время расставаться с остатками своей собственности. Вот и сейчас, как оказалось, нынешний магараджа Трипуры приехал в Калькутту с тем, чтобы подыскать покупателя на дом в Калькутте.

Услышав о доме, мы заинтересовались. Дело в том, что нашему генконсульству в тот момент разрешили покупку нового дома. Генконсул как раз поручил Игорю заняться поисками подходящего варианта. Мы решили, что нам в любом случае будет интересно посмотреть на дом, в котором обитали магараджи. Мы сообщили о нашем интересе и договорились созвониться.

И вот, получив разрешение генконсула на осмотр дома и выбрав удобное для нашего знакомого время (он непременно хотел сам показать нам дом), мы отправились по указанному адресу. Дом находился не так далеко от центра, но в очень живописном пригороде Калькутты. Мы уже начали мечтать о том, как будем гулять здесь по вечерам, вдаль от шума, толчеи и запахов калькуттского центра. Но едва мы въехали в ворота владения, наш энтузиазм резко пошел на убыль. Перед нами простиралась обширная территория парка, а вдаль мы увидели здание, к которому больше подходило обозначение дворец, нежели дом. Когда мы подъехали ближе, нам было уже ясно, что вряд ли мы когда-либо будем здесь жить и работать. Но хозяин уже встречал нас у порога,

сопровожаемый несколькими слугами, и нам ничего не оставалось, как изобразить верх заинтересованности и отправиться на экскурсию по дворцу. Это было величественное двухэтажное здание, все отделанное серым мрамором, но при этом не помпезное и холодное, а элегантное и уютное. Мы решили поинтересоваться для приличия ценой и, к своему удивлению, узнали что она не так заурядна.

Секрет такой относительно невысокой цены стал нам вскоре ясен. Когда мы находились в центральном круглом по форме зале, я обратила внимание на то, что стены круглого зала заканчивались на высоте первого этажа, а вся верхняя половина была опоясана очень красивым деревянным резным балконом. Когда мы поднялись на второй этаж, то увидели, что все жилые помещения, находившиеся там, расходились в стороны от своеобразного коридора – балкона, опоясывавшего весь второй этаж по кругу и отделенного от зала той самой ажурной решеткой. Причем, если снизу мы ничего не видели сквозь решетку, то со второго этажа, с этого балкона, прекрасно просматривалось все происходившее внизу. Оказалось, что магараджа Трипуры, построивший этот дворец, был мусульманином и имел восемь жен. Поэтому все в этом дворце было приспособлено для такой ситуации. По сути, дворец представлял собой восьмиконечную звезду – от центральной двухэтажной залы в разные стороны расходилось восемь одинаковых отсеков, состоявших из идентичных спален, гостиных, ванных комнат, комнат для детей и прислуги. А с зарешеченного балкона второго этажа жены могли наблюдать за тем, что происходит внизу без риска быть увиденными гостями магараджи.

Все во дворце было очень рационально и удобно с точки зрения счастливого обладателя восьми жен. И с точки зрения архитектуры он был поистине прекрасен. Но приспособить его для жизни нормальной семьи XX века представлялось весьма затруднительным. Еще менее того подходил он для офиса. Я, правда, пыталась убедить Игоря уговорить генконсула все-таки посмотреть дворец, соблазнив его уникальной возможностью наблюдать за жизнью консульства из-за решетки второго этажа. Но, будучи человеком более трезвым, чем я, Игорь заявил, что хотя он и сочувствует моему желанию пожить во дворце, но даже в глазах генконсула он не хочет выглядеть идиотом и потому честно скажет, что дом не подходит.

Мы посоветовали владельцу этой столь специфической собственности поискать какого-нибудь принца с Ближнего Востока, намеревающегося жениться и попытаться заинтересовать его таким дворцом, в котором он сразу сможет вместо одной жены обзавестись восьмью. Мы сошлись ни том, что это будет нетрудно. Сложнее будет убедить его в преимуществах Калькутты как места резиденции. Пообещав подумать над возможными аргументами, мы распрощались с магараджей и отправились в генконсульство, показавшееся нам после вечера, проведенного во дворце, еще более убогим, чем всегда.

Гастрономические сюжеты

С точки зрения гастрономической человечество делится на гурманов и негурманов – тех, кому абсолютно безразлично что есть. Таков, например, мой папа. Он всегда прибегал домой с работы, заглывал обед, приготовленный мамой или бабушкой, и убегал. Если при этом присутствовала мама, то она иногда не выдерживала и спрашивала: «Ты хоть заметил, что ты съел?» Папа, естественно, убеждал: «Да, конечно, было очень вкусно». Но было ясно, что если потребовать от него уточнения деталей, то он вряд ли сможет это сделать.

По-моему, лишь один раз в жизни он не смог съесть то, что ему подали, и поэтому запомнил тот обед. Дело было во время визита А. Н. Косыгина в Пекин. Папа присутствовал на официальном обеде, делал по ходу обмена речами записи в блокноте и, как всегда, не следил за сменой блюд. И вдруг он почувствовал, что не может проглотить нечто находившееся у него во рту. Настолько оно было отвратительным на вкус. Он решил узнать, что же это было такое. В меню значилось: «Лягушачий жир в сиропе». С тех пор папа, хотя бы во время официальных обедов, предварительно изучал меню.

В отличие от папы, я – гурман. Поэтому присутствие этой главы в моей книге было неизбежным.

За восемь месяцев, что я провела в Калькутте в свой второй приезд, нам удалось несколько расширить круг своих советских знакомых, который раньше ограничивался лишь генконсульством. Оказалось, что в Калькутте есть и советское торговое представительство с большим штатом сотрудников. По вечерам несколько раз в неделю в клубе торгпредства показывали советские фильмы.

Там, в клубе, я познакомилась с двумя симпатичными грузинами. Они оказались сотрудниками чайной лаборатории, созданной не так давно на базе торгпредства. Они занимались тем, что закупали индийский чай для нужд Советского Союза. Чайная лаборатория размещалась в отдельном помещении, находившемся на территории торгпредства. Каждый раз, когда мне удавалось выбраться с каким-нибудь поручением в торгпредство, я обязательно забегала к ним попить чайку и поболтать. От них я узнала много нового для себя о чае и научилась искусству правильно его заваривать и пить.

Началось с того, что в первое мое посещение, когда я положила, по привычке, пару ложек сахара и лимон в предложенный мне чай, ребята переглянулись и один из них спросил меня.

– Ты хочешь иногда заходить к нам попить чаю?

– Конечно, с удовольствием, – ответила я, польщенная приглашением.

Тогда один из них вдруг взял мою чашку и вылил ее содержимое в умывальник. Я в недоумении уставилась на него.

– Если ты действительно хочешь сюда приходить, тебе придется прекратить пить это пойло, которое некоторые имеют наглость называть чаем, и научиться пить действительно чай.

После того как я заверила их в своем желании приобщиться к узкому кругу истинных ценителей чая, последовала серия каких-то показавшихся мне очень сложными манипуляций с чаем, чайником и чашками. И наконец мне налили нечто вызвавшее ассоциации скорее с чернилами, чем с напитком, который я привыкла пить. Я потянулась за сахаром и, к своему ужасу, убедилась, что и сахар, и лимон со столика исчезли. Я попробовала напиток, и

огромным усилием воли мне удалось заставить себя его проглотить. Это было нечто отвратительно горькое.

И тут я вспомнила, что именно таким по вкусу напитком нас потчевали в доме моего деда, когда нас приводили повидаться с ним. Это происходило крайне редко, после длительных переговоров и приготовлений. Дед пил очень крепкий чай. Помню, каким мучением было для нас, детей, пить такой чай, в который также не разрешалось добавлять сахар. А точнее, его просто никогда не подавали к столу. А просить о чем-то, чего не одобрял дед, в его доме было бесполезно.

И вот точно такой чай мне теперь, спустя столько лет, вновь предлагалось пить.

– Послушайте, а нельзя ли мне как-нибудь попроще заваривать? – попыталась выторговать я себе право пить нормальный чай. – Зачем такие церемонии из-за какого-то чая?

– Во-первых, то, как мы завариваем, и так уже упрощенный вариант. На самом деле, вся эта процедура, например, у китайцев или японцев во время настоящей чайной церемонии может длиться несколько часов. Во-вторых, не из-за какого-то чая, а из-за самого благородного и полезного напитка, который когда-либо существовал.

И мне была прочитана целая лекция о том, что такое чай. Естественно, воспроизвести ее в деталях я не смогу, но суть помню до сих пор. Мне было сказано, что чай – это целебный напиток, продлевающий жизнь, усиливающий интеллект, улучшающий функционирование многих органов и к тому же очищающий организм.

Не могу сказать, что я все это восприняла тогда слишком всерьез. Но чего не сделаешь ради общения с двумя очаровательными молодыми людьми. Особенно если учесть, что в Калькутте приятных представителей противоположного пола было просто раз, два и обчелся.

Как ни странно, но я очень быстро не только привыкла к такому чаю, но и пристрастилась к нему. Скоро мне даже трудно было представить, как я могла пить что-то другое, а сладкий чай вызывал отвращение. Игорь поворчал, поворчал, но тоже довольно быстро оценил новую манеру пить этот напиток. Конечно, этому способствовало и то, что в Калькутте можно было купить действительно очень хороший чай. И уж совсем уникальные сорта мне удавалось попробовать в лаборатории.

Я узнала, что качество чая оценивается по десятибалльной шкале. Наивысший балл – десять. В основном чайная лаборатория закупала чай низшей категории, который оценивался в два балла. Он и поступал в торговую сеть в качестве индийского, столь дефицитного, чая. Белые картонные коробочки, на которых была изображена голова слона, являлись долгие годы устойчивой обменной единицей в цепочке «дефицит – услуга» или «дефицит – дефицит». Закупались и небольшие партии более качественного чая, который, как нетрудно догадаться, не попадал на прилавки магазинов. А куда он шел? Об этом мы могли только гадать. Но ребята в лаборатории получали на пробу чай всех категорий, в том числе наивысших, да еще с лучших чайных плантаций. Через какое-то время я уже могла определять разницу между чаем второй и, скажем, шестой или седьмой категории. Угадывала, пью ли я чай, привезенный из Ассама или из Дарджилинга. Ассамский сорт делает напиток несколько более светлым и нежным на вкус, дарджилингский – более темным и терпким. Мне было интересно, кто покупает чай, оцениваемый в десять баллов?

Выяснилось, что ни одна страна не покупает такой чай, чья стоимость определяется едва ли не на вес золота. Ни одна компания не продает даже восьмибалльный чай в чистом виде, его лишь добавляют в лучшие сорта. Чаще же всего, даже покупая приличные марки, мы потом пьем пяти-шестибалльный чай.

Во все времена находились очень богатые люди, которые покупали чай, оцененный десятью баллами. В то время одним из них был еще правивший Ираном шах Пехлеви. Ребята рассказали мне, что для шаха не только закупался в Индии лучший чай, но он и перевозился в Иран особым способом. Для его перевозки в Калькутту приходила специальная шхуна. Трюм этой шхуны изнутри был обит сандаловым деревом. Возвращаясь в Иран, корабль останавливался около Мальдивских островов и стоял на якоре около плантаций роз. Это происходило всегда в одно и то же время, когда цвели розы и ветер дул именно со стороны острова. Таким образом, чай пропитывался не только запахом сандала, но и запахом роз, после чего приобретал совершенно божественный аромат. Не знаю, насколько все это соответствовало действительности, но если это и была выдумка, то очень красивая. До сих пор иногда, когда я пью необычный чай, я вспоминаю эту историю и спрашиваю себя, уж не везли ли этот чудесный чай мимо Мальдивских островов?

А хороший, правильно заваренный чай я стараюсь пить регулярно. Ведь, как ни странно, все, что мне говорили о его целебных свойствах мои грузинские друзья, видимо, соответствует истине. Во всяком случае, обо всем об этом я потом неоднократно слышала и читала. Совсем недавно, например, вычитала, что анализ химического и биологического состава чая позволил ученым выделить более 400 компонентов, входящих в него. По мнению некоторых специалистов, омолаживающее действие чая в 18 раз превышает действие витамина «Е», который называют «витамином молодости».

Стоит ли после этого удивляться, что в Китае чай не только называют божественным напитком, но и «живой сущностью».

А один из китайских императоров – Лу Гай – написал самые знаменитые стихи, прославляющие чай:

Первой чашкой промочил горло;
Второй чашкой разогнал тоску и скуку;
Третьей чашкой размял сухие кишки.
Четвертая чашка гонит чистый пот,
И в спокойной жизни все беспокойные дни
Рассеиваются совсем, выходя через поры.
От пятой чашки и мышцы и кости обретают
чистоту.
А на шестой чашке постигаешь божественность
святости.
Седьмую чашку уже и выпить не можешь,
Чувствуешь только, как чистый ветер рождается у тебя в боках.
А гора Пэн Лай, где она?
И сын нефритовых потоков садится
На этот чистый ветер, желая умчаться туда.

В то же время, когда я обрела друзей в чайной лаборатории торгпредства, мы познакомились с Татьяной и Юрой, очень симпатичными и интеллигентными ребятами, с которыми мы до сих пор поддерживаем

дружеские отношения. Юра также работал в торгпредстве, он занимался закупкой джута в Индии для нужд советской промышленности. Юра вел дела с индийскими бизнесменами, с некоторыми из них он познакомил и нас. Благодаря этим знакомствам мы смогли побывать в таких местах, о которых мы просто никогда не узнали бы.

Так, я впервые в своей жизни посетила китайский ресторан. Но не простой, которых в Калькутте было не так уж мало, а уникальный. Этот ресторан, как объяснили нам индийские знакомые, существовал в Калькутте более ста лет, и там готовились китайские блюда по старинным рецептам. Чтобы попасть туда, надо было заказывать столик чуть ли не за месяц, поскольку ресторан обслуживал за один раз не больше шести-восьми человек и некоторые блюда, как, например, их знаменитая утка, готовились целую неделю.

В назначенный день мы долго добирались до ресторана, плутали по каким-то улочкам и закоулкам старого города. Сами мы никогда не нашли бы этот ресторан. Тем более что он находился в обычном старом, обшарпанном здании, и если там и была вывеска, то я ее не увидела. Уже войдя в дом, мы долго шли по каким-то захламленным помещениям, поднимались по полутемной лестнице. Я даже успела пожалеть, что очередной раз ввязалась в какую-то авантюру. Наконец, мы вошли в комнату, которая выглядела совершенно иначе, чем все предыдущие помещения. Так бывает иногда во сне. Ты плутаешь, плутаешь где-то в помещениях, больше напоминающих развалины, и вдруг оказываешься в прекрасном зале, во дворце. Во дворец мы не перенеслись, залой назвать эту сравнительно небольшую комнату тоже нельзя было, но то, что она могла поразить воображение, – это точно.

Мы оказались в комнате, являвшей собой собирательный образ китайского помещения, каким мы его видим на китайских гравюрах или акварелях. Вдоль стен стояла резная и инкрустированная мебель, на маленьких столиках – расписные вазы, посередине комнаты большой круглый резной стол черного дерева, а вокруг него резные стулья с высокими спинками из того же дерева. Причем ничего бутафорского, что отличает большинство заведений «а la Chine», здесь не было. От всего веяло подлинной стариной, мы как будто перенеслись в другую эпоху. Все в этом ресторане было как в начале прошлого, а вернее, уже позапрошлого XIX века.

Мы расселись, и началось священнодействие. Бесшумно входили и выходили слуги-невидимки, и вы догадывались об их появлении лишь потому, что на центральной вращающейся части стола появлялось очередное блюдо. Было очень вкусно и изысканно. Конечно, для меня в тот момент все было интересно и внове. Но верно одно. Сколько бы потом я ни ходила в китайские рестораны, я нигде не ела ничего подобного. Казалось бы, во всех таких заведениях по всему миру готовят утку по-пекински. Сколько этих уток я перепробовала в надежде напасть хоть на что-то похожее на калькуттский вариант. Ничего подобного больше мне не встречалось. Чаще всего вы едите нечто сухое, резиновое, да еще и приторное.

Когда мы ели, время от времени, чтобы узнать, все ли нам нравится, появлялся китаец – владелец ресторана, сам будто сошедший со старинной гравюры. Он и объяснил мне секрет приготовления настоящей утки по-пекински. Я даже не берусь воспроизвести его здесь, уж не говоря о том, чтобы попробовать сделать ее самой. Рецепт настолько сложен, что в наше время «fast food», концепции, проникшей даже в китайскую кухню, гордящуюся своими

традициями, мало найдется людей, которые хотят и могут себе позволить посвятить неделю приготовлению одной несчастной утки. Ресторан, в котором попытаются это делать, тут же разорится, не выдержав конкуренции.

Не так давно я чуть было не решила, что ошибаюсь, и время «высокой» кухни, по аналогии с «высокой» модой, не ушло окончательно в прошлое. Мы путешествовали по греческим островам. На чудесном острове Микonos экскурсовод посоветовала нам сходить в один греческий ресторан. По ее словам, это уникальный ресторан, в котором не только воспроизведена обстановка и атмосфера Древней Греции, но и блюда готовятся по старинным рецептам, собранным по крупицам в древних манускриптах. Мы загорелись и, хотя цены там были на уровне самых роскошных европейских ресторанов, решили пойти. Воображение уже рисовало картины из фильмов об Элладе. Отделанные мрамором залы, стены, украшенные мозаикой, журчание фонтанчиков, приглушенные звуки арфы, лаконичные и в то же время такие элегантные линии туник, мерцание факелов, простая, но изысканная еда. Стоит заплатить месячную зарплату среднестатистического россиянина за то, чтобы испытать все это и перенестись, пусть на один вечер, в уже невозвратимую эпоху. Именно так, как это было в том калькуттском ресторане.

Из всего вышеперечисленного в ресторане были только факелы. Да и то они скорее были похожи на увеличенный вариант зажженной горелки обычной газовой плиты. Никакого мрамора, поскольку столы располагались в жалком подобии садика, обсаженного чахлыми деревцами. Никаких лож – самые примитивные металлические столы и стулья. Вместо элегантных туник какая-то синтетическая ночная рубашка, особенно нелепо смотревшаяся на мужчинах.

А еда... Я понимаю, что греки – спартанцы. Это не римляне – эпикурейцы. Но думаю, что если бы жены кормили их той убогой едой (не простой, а именно убогой) – пережаренным мясом, малосъедобной зеленью, выдававшейся за салат, и безвкусным черствым хлебом, – то древнегреческая эпоха закончилась бы гораздо раньше. Большинство античных греков неминуемо погибло бы от голода или несварения желудка, а оставшиеся просто покончили бы с собой, раздобыв лисицу и засунув ее за пазуху, как тот хрестоматийный греческий мальчик из наших школьных учебников. Хотя справедливости ради надо сказать, что мальчик не собирался уйти из жизни таким мазохистским способом.

В общем, вечер в ресторане оставил тяжкое впечатление, какое всегда бывает, когда вас надули, причем откровенно и беззастенчиво. Но делать было нечего. Деньги были заплачены заранее, мы приехали целой группой с корабля, на котором путешествовали, да и портить себе настроение во время отпуска не очень хотелось. Несколько эмоциональных испанцев попытались было «качать права», но никто их не поддержал. Все разумно решили не терять времени на скандалы, а поторопиться и постараться успеть хотя бы к окончанию ужина на корабле. Долго еще мы вспоминали этот поход в ресторан. Особенно после того, как, проведя неделю на Родосе, питаясь очень вкусно и, что называется, «от пуза» два раза в день в очаровательной греческой таверне, мы потратили чуть больше, чем за один вечер в том бутафорском заведении.

Так и остался тот калькуттский ресторан единственным и уникальным опытом, когда нам удалось не только приобщиться к изысканнейшей китайской кухне, но и окунуться в атмосферу другой эпохи.

Кто такая Кали?

Если вы хотите жить как можно дольше, то надо научиться каждый день воспринимать как праздник – подарок судьбы. Но это, к сожалению, не всегда получается. В детстве мы ждем праздничного дня, подгоняя ненужные будни. Как минимум для того, чтобы не пойти в школу. Потом, уже не осмеливаясь торопить время, все равно ждем. Хотя бы потому, что можно будет не идти на работу. Конечно, есть счастливицы, для которых каждый день работы – праздник. Но их немного.

Так что мы все и всегда ждем праздника. Однако праздник празднику рознь. Есть такие, от которых кроме противного привкуса во рту и тяжелого чувства даром потраченного времени ничего не остается. Но иногда повезет стать свидетелем такого феерического зрелища, о котором потом вспоминаешь всю жизнь.

В Индии множество праздников. И все они очень красочные, по-восточному шумные, каждый по-своему впечатляющий. Индуистские праздники – это сочетание религиозных обрядов и церемоний с музыкальными и танцевальными представлениями. В праздничные дни повсюду на улицах можно увидеть всевозможных магов, заклинателей змей, фокусников, жонглеров; готовится праздничная еда, покупаются и дарятся подарки, приглашают друг друга в гости. Наибольшее впечатление на меня произвели три индуистских праздника – Холи, Дивали и Дурга Пуджа.

Праздник Холи отмечается в феврале-марте. По преданию, в незапамятные времена в Индии жило племя каннибалов. В этом племени была женщина по имени Холика или Путана. Интересно, связано ли употребление в наше время слова «путана» для обозначения представительниц древнейшей профессии с именем этой каннибалки? Во всяком случае, индийская Холика – Путана пожирала не мужчин, а исключительно детей, чем и вызвала гнев богов. Кто знает, может быть, если бы она сосредоточилась на мужчинах, как это делают сегодняшние путаны, и до сих пор бы процветала. А так последовала неминуемая кара, бог Кришна убил ее и спас множество детей от ужасной участи.

В индийском пантеоне богов есть своя Путана – злая богиня оспы. Путана предложила младенцу Кришне грудь, полную яда, но Кришна высосал все отравленное молоко, и иссушенная Путана погибла.

По другой легенде, объясняющей происхождение праздника Холи, одна женщина должна была постоянно приносить в жертву демону по имени Холика одного за другим своих детей. Один садху – мудрец – посоветовал ей в следующий раз, когда явится дракон, обругать его самыми плохими словами, которые только найдутся в ее лексиконе. Видимо, она была большим знатоком неформальной лексики, поскольку, услышав ее, дракон упал замертво. Я думаю, что если бы таким способом стало вдруг возможно взаправду расправляться с врагами, то не прошло бы и недели, как Россия стала бы единственной супердержавой на этой планете. Правда, если бы по недомыслию русские не изничтожили прежде всего друг друга. В Индии же во время праздника Холи до сих пор разрешается употреблять выражения, которые в обычное время вы редко услышите даже из уст самых отъявленных хулиганов.

Итак, в этот день вас могут обругать, к чему мы, русские, во-первых, привычны, а во-вторых, не понимая хинди, урду или бенгали, вы скорее всего и не догадаетесь, что вас обругали. Гораздо хуже то, что вас могут облить

подкрашенной водой. Хорошо, если из стакана. Но многие норовят облить друг друга из ведра. Особенно стараются мальчишки. От них вас не спасет ни то, что вы иностранец, ни тем более то, что на вас деловой костюм. В этот день все стараются выходить на улицу в старой одежде, поскольку к концу дня ваш наряд будет расцвечен всеми цветами радуги. Я так и не смогла узнать происхождение этой традиции, но была свидетелем того, как в этот весенний праздник жизнерадостно поливают друг друга подкрашенной водой из ведер, из бутылок, из кувшинов не только в Калькутте, но и в Дели. Вообще это праздник розыгрышей, когда много дурачатся и подшучивают друг над другом. В чем-то он схож с праздником, который отмечается в Европе первого апреля и называется «Fools' day» («День дурака» или «День смеха»).

Второй праздник – это Дурга Пуджа или Наваратри. Дурга – это Божественная Мать, частица которой присутствует в любом живом существе. Дурга неразлучна с Шивой – верховным божеством индуизма. Но если Шива воплощает идею созидания и разрушения, то Дурга ассоциируется с умом, милосердием, красотой. Без нее невозможно существование Шивы, но и Дурга не может существовать вне Шивы. Шива неподвижен, статичен, неизменен. Дурга же – воплощение Космической Энергии. Она в основе всех изменений, творящихся в этом мире. От нее в конечном счете все зависит как в целом на земле, так и в жизни каждого отдельного человека. Неудивительно поэтому, что Дурга Пуджа – самый почитаемый праздник индуизма, когда верховному божеству поклоняются как Матери. Но Дурга еще и карающая богиня. Она может быть очень коварной и мстительной. Интересно, что о женщинах, когда они злятся, говорят, что это в них проявляется Дурга. Ее обычно изображают восседающей на льве, десятирукой, держащей в каждой руке различное оружие.

Этот праздник отмечают два раза в году, когда в природе происходят наиболее значительные изменения: осенью, в сентябре-октябре, и весной, в апреле-мае. Праздник длится девять дней. Повсюду возводятся пандалы – возвышения, часто крытые, где помещают сделанные из папье-маше скульптуры богини Дурги. Ее статуи можно увидеть буквально на каждом углу. Чем богаче община, тем больше и красочнее изображение. К подножью пандала каждый желающий может принести подношения – гирлянды цветов, рис, лепешки. Здесь же вы можете прочесть молитвы, тут же музыканты и певцы играют и поют, славя Дургу.

В Западной Бенгалии это самый любимый праздник еще и потому, что в это время вся семья собирается вместе. Мужья, уехавшие на заработки, дети, поселившиеся отдельно, – все возвращаются домой. Жители Бенгалии, как правило, целый год откладывают деньги, чтобы достойно отметить этот праздник. Покупается новая одежда, готовится недоступная в обычное время еда. Интересно, что каждый день женщины должны обязательно готовить два определенных блюда, причем каждый день разные. Приглашаются в гости соседи и родственники, делаются щедрые подношения храмам, щедро раздается милостыня.

На десятый день, после окончания праздника, изображения Дурги торжественно несут к реке и пускают по течению. Все ревниво следят, чья статуя дольше всех будет плыть по реке не перевернувшись. Обитатели общины-победительницы могут рассчитывать на особое благоволение всемогущей богини.

И, наконец, третий праздник – Дипавали или Дивали, что означает «огненная цепочка», «огненная лента». По традиции, в дни этого праздника все

дома, улицы и площади индийских городов украшаются по вечерам тысячами светильников – «дийас». Дийас зажигают в честь Лакшми, богини счастья, богатства и процветания. По периметру домов, вдоль тротуаров, на стенах заборов, внутри дворов расставляются металлические плошки, в которых горит масло, чаще всего сезамовое, или, как его называют у нас, кунжутное. Это масло обладает сильным специфическим запахом, который, по преданию, особенно нравится богам. Кроме того, с помощью рисовой муки стены домов покрывают особым орнаментом, который в дни праздника можно увидеть и на земляных полах домов, а также на тротуарах в городах.

Дивали ассоциируется с возрождением жизни и знаменует начало нового года. Его празднуют практически по всей Индии вне зависимости от религиозной принадлежности. Дивали приходится на конец октября – ноябрь и длится несколько дней. В последнюю ночь праздника в городах устраивается фейерверк и бенгальские огни. Мужья преподносят женам подарки, особенно принято дарить драгоценности. Надо сказать, что в Индии покупка драгоценностей до сих пор рассматривается как вложение денег. Кроме того, по тому, какие драгоценности надеты на жене, судят о благосостоянии мужа. Поэтому индийские мужья гораздо охотнее покупают драгоценности своим женам, чем, например, наши. Даже в очень небогатых семьях стараются к этому дню отложить немного денег, чтобы купить хотя бы дешевенькое колечко жене и браслетик дочери. Ювелирные магазины и лавочки в эти дни всегда забиты народом и торгуют далеко за полночь, получая от продаж больше половины своих доходов за год.

Еще одна традиция Дивали – это приготовление сладостей. Накануне праздника в Калькутте, забывая все другие запахи, несколько дней пахнет имбирем, корицей и другими пряностями. Индийские сладости очень специфические. Я лично их очень люблю. И хотя я научилась готовить многие индийские блюда, но приготовление сладостей осталось для меня непостижимой наукой.

Происхождение Дивали объясняют по-разному. В некоторых районах Индии его празднуют в ознаменование бракосочетания богини Лакшми с богом Вишну. В других – в честь возвращения домой царевича Рамы, главного героя поэмы «Рамаяна», после победы над демоном Раваной. В Бенгалии этот праздник посвящен богине Кали. Я уже писала, что Кали – это одно из воплощений богини Парвати, супруги Шивы. Легенда гласит, что боги никак не могли справиться с демоном Рактабиджа. Каждая капля его крови при соприкосновении с землей превращалась в его подобие. Спустя несколько минут после того, как тело сраженного демона падало на землю, на поле боя появлялись полчища новых Рактабиджей. В отчаянии боги обратились за помощью к Шиве. Но поскольку Шива был погружен в медитацию, они попросили о помощи его супругу Парвати. Богиня, приняв обличие чернокожей Кали, немедленно вступила в битву с драконом. Чернокожая, с красными глазами, с развевающимися волосами, многорукая, верхом на льве, она своим видом внушила ужас дракону. Кали велела богам атаковать дракона, а сама простерла свой язык над землей таким образом, чтобы ни одна капля крови Рактабиджи не упала на землю. Поверженный дракон больше не возродился. Но Кали опьянела от крови дракона. Она носилась по вселенной, убивая каждого, кто бы ни попался ей на пути. Она украсила себя головами, конечностями и внутренними органами (особенно часто ее изображают держащей в одной из рук сердце) своих жертв. Чтобы остановить ее смертоносный бег, Шива

бросился под ноги мчавшейся Кали. Кали остановилась, пришла в себя и вновь превратилась в прекрасную и нежную Парвати. При этом, как я поняла, Шиве и в голову не пришло хотя бы пожурить разошедшуюся супругу за тысячи загубленных жизней.

Не только Кали, но и другие боги индуистского пантеона чрезвычайно кровожадны. Именно такое впечатление у вас сложится, если в один из праздников – будь то Дивали, Дурга Пуджа или другой праздник – вы пройдетесь вечером по улицам индийских городов. Повсюду будут раздаваться душераздирающие вопли – с импровизированных театральных площадок, на которых разыгрываются сцены из индийского эпоса, из репродукторов, также транслирующих аналогичные передачи. Орут, вопят, пищат, завывают, визжат наказуемые, караемые, повергаемые, поджариваемые, разрубаемые и т. д. и т. п. Но все рекорды побиваются во время Дивали, когда изображается разбушевавшаяся богиня Кали.

С этим индуистским праздником у меня связаны самые сильные впечатления. И не только потому, что такого количества душераздирающих воплей я не слышала и надеюсь больше не услышать в своей жизни. В последний день празднования Дивали нас пригласил в гости один из знакомых бизнесменов. После ужина зашла речь о традициях, связанных с этим праздником, и мы узнали, что в Калькутте есть храм, посвященный богине Кали – Калигхат. Нам очень захотелось там побывать. Мы никогда до этого не бывали в действующих индуистских храмах. Не то чтобы это запрещалось, но, поскольку мы не знали правил и традиций поведения в подобных местах, мы не решались этого делать. Наши индийские знакомые явно не были в восторге от нашего предложения отправиться в храм Кали. Доводы против поездки приводились многочисленные: и темно уже на улицах, и храм очень далеко, и передвигаться по улицам сейчас небезопасно. Но, как правило, если я уж очень чего-то захочу, то бываю очень красноречивой. Я так убедительно расписала свою мечту побывать в индуистском храме, что наши знакомые сдались, и мы отправились в путь. При этом жена бизнесмена предпочла остаться дома.

Сначала, когда мы оказались на улице, я была поражена красотой увиденного. Весь ночной город, насколько хватало глаз, был расцвечен огнями. Повсюду: вдоль домов, вдоль тротуаров – мерцали огоньки светильников. Дома побогаче были в дополнение украшены гирляндами лампочек. Все вокруг мерцало, светилось и растворялось в колыпании этих многочисленных «светлячков».

Но очень скоро я поняла, почему жена нашего знакомого благоразумно решила остаться дома. Передвижение по улице, даже на машине, было сопряжено с большим риском. Было около девяти часов вечера, и праздник достиг своего апогея. Я уже писала, что в этот день принято запускать бенгальские огни и фейерверк. Не знаю этимологию выражения «бенгальские огни», но в тот вечер я решила, что либо бенгальцы их изобретатели, либо огни называли так потому, что именно в Бенгалии их особенно любят запускать. Во всяком случае, казалось, что каждый житель Калькутты что-то взрывает или запускает. Повсюду взлетали ракеты, что-то рвалось, что-то свистело или шипело. Всполохи огня вырывались прямо из-под колес. Водитель судорожно бросал машину из стороны в сторону, пытаясь увернуться от очередной запущенной прямо в нашу сторону ракеты. Мы закрыли все окна, но все равно ощущение было не из самых приятных. Особенно когда мы узнали, что статистика смертных и несчастных случаев во время праздника весьма

удручающая. Да это и не удивительно. Пиротехника в те годы не была столь совершенной, как сегодня, а тем более в Индии. К тому же многие люди победнее покупали пиротехнику очень дешевую и соответствующего качества. Надо еще учитывать и то скопление народа на улицах Калькутты, которое и в обычное время создает проблемы, а уж в праздничный вечер превращается в столпотворение, просто «идеальное» место для запуска фейерверка и бенгальских огней. Спокойнее стало, только когда мы выехали за пределы города.

Наконец машина остановилась. Мы вышли и пошли по довольно широкой дороге по направлению к виднеющимся впереди воротам. Я узнала, что нынешнее здание было построено в 1809 году на месте древнего храма. Его старое название – Калигхат. Кстати, именно по названию храма, который англичане, обосновавшиеся в этом месте, называли на английский манер – Каликата, в итоге был назван и город Калькутта.

Почему в этом месте был построен храм? Легенда гласит, что Сати, вопреки воле своего отца, захотела выйти замуж за бога Шиву. Отец не давал своего согласия, и тогда, отчаявшись, Сати бросилась в жертвенный костер. Узнавший об этом Шива, обезумев от горя, начал танцевать, держа в объятиях тело Сати. Его танец был бесконечен, и, чтобы остановить его, бог Вишну рассек тело Сати на 50 кусков и разбросал их по свету. Тогда Сати и возродилась в виде богини Умы, а утешившийся Шива прекратил танцевать. Места же, где упали части тела Сати, стали святыми. В том месте, где был воздвигнут храм Калигхат, упал палец Сати. С тех пор это место – одно из мест паломничества индусов. Храм посвящен разрушительной ипостаси бога Шивы, олицетворяемой богиней Кали.

Интересно, что с именем Сати связывают и традицию саможжения вдов на погребальном костре мужа. Этот обычай так и называется – «сати». В принципе, как и все в индуизме, решение о совершении сати должно быть добровольным. Но хорошо известно, что во многих случаях женщин принуждали к этому акту или они шли на него под давлением родственников, общины. В 1829 году совершение сати было законодательно запрещено в Индии. Однако еще и до сих пор изредка появляются вдруг сообщения, что где-нибудь родственники заставили овдовевшую женщину совершить этот варварский акт. Я не случайно вспомнила об этой традиции именно в храме Кали. И сейчас объясню почему.

От машины до храма идти надо было метров триста. И на протяжении всего этого пути по обеим сторонам дороги высились груды хвороста. Я, естественно, поинтересовалась, зачем столько хвороста около храма. И вот что мы узнали.

По традиции, последователи индуизма сжигают тела умерших, а пепел высыпается в реку. Что лежит в основе этой традиции? Индуизм учит, что тело человека состоит из пяти элементов: земли, огня, воды, неба и воздуха. После смерти надо разделить тело человека на исходные элементы. Индусы считают, что, когда тело сгорает, все элементы разделяются и это позволяет им потом соединиться вновь. Таким образом, процесс возрождения становится возможным.

Те, чьи останки будут преданы сожжению в храме, да еще в тот день, когда отмечается праздник в честь божества, которому посвящен данный храм, будут особенно счастливы и удачливы в своей следующей жизни. И иногда уже за неделю до начала Дивали к храму, посвященному богине Кали, начинают

свозить тела умерших. В течение трех праздничных дней погребальные костры горят днем и ночью. Естественно, хвороста требуется огромное количество, поэтому его постоянно подвозят.

После такого предисловия, я входила в храм с довольно тяжелым чувством. То, что я видела и слышала вокруг, только усугубляло это состояние. Было довольно темно, хотя здесь также было много светильников. Но поскольку территория была очень большой и отдельные здания отстояли друг от друга на значительном расстоянии, то иногда мы оказывались в почти полной темноте. В нескольких местах были установлены подмости, и на них разыгрывались сцены из жизни Кали. Даже здесь, в храме, это также были исключительно эпизоды, рассказывающие о богине, несущей наказание и возмездие за грехи. Со всех сторон раздавались усиленные микрофонами вопли ее жертв.

В рассказе уже упоминавшегося мною Дэна Симмонса о Калькутте я прочитала текст песни, посвященной Кали, который очень похож на то, что мы слышали в храме Кали в ту ночь:

Падите, люди Калькутты, ниц, ибо сходит на грязные, многолюдные улицы вашего города Тьма. Не Тьма ночи – но Тьма погибели.

Склонитесь, люди Калькутты, пред силой, страшнее которой нет ни на земле, ни в небе, ни в пламени ада. Склонитесь пред грозным ликом Кали, Госпожи Смерти. Ибо кровь на деснице ее – и кровью обогрены руки тех, кто служит ей, отнимая чужие жизни.

Слушайте, люди Калькутты, песнь Кали. Песнь боли. Песнь убийства!

Как бы иллюстрируя слова песни, отовсюду на нас смотрели черные мрачные лики Кали. Это многочисленные процессии несли статуи Кали. Храм расположен на берегу реки Хугли, а я уже писала о том, что, по традиции, в последний день все статуи божеств, украшавших в дни праздника город, пускают плыть по реке.

И как будто недостаточно было того, что в многочисленных руках богини были зажаты головы и другие не самые симпатичные детали тел ее жертв, на всех статуях на шее Кали висел обязательный атрибут ее изображений – кольцо из человеческих голов.

Толпа становилась все гуще. Все явственнее мы ощущали тяжелый запах, который забивал запах курений. Не помогал даже сильный запах камфары, которую добавляют в погребальный костер. Вначале мы скорее догадались, чем увидели, что оказались на месте ритуального сожжения тел. Это была большая территория возле храма – с той стороны, где начинался спуск к реке. Здесь находилось множество каменных постаментов, на которых лежали груды хвороста. Протиснувшись к одному из них, я увидела, что хворост укутывал, как одеялом, тело человека. Одна лишь голова оставалась открытой. Вокруг постамента толпились люди. Один из мужчин держал в руке зажженный факел, и в тот момент, когда я подошла, он поднес его к хворосту, и очередной погребальный костер вспыхнул. По традиции, погребальный костер поджигает старший из мужчин – родственников умершего. И вот тут-то, впервые увидев воочию погребальный костер, я невольно представила себе тот ужас, который должна испытывать женщина, которая оказывается не просто свидетельницей сожжения тела мужа, а сама позволяет таким мучительным способом убить себя.

Стараясь больше не смотреть по сторонам, я побыстрее выбралась из толпы и присоединилась к моим спутникам, направлявшимся к реке. От реки веяло прохладой. Здесь было почти тихо, сюда едва доносились вопли, наполнявшие город и храм. Время от времени в воду почтительно опускали очередную статую богини Кали, и можно было наблюдать, как она, подсвеченная пламенем многочисленных светильников на берегу, торжественно плывет по реке. Сцена почти идиллическая, если бы ее не нарушали какие-то резкие всплески, раздававшиеся совсем рядом. По своему всегдашнему любопытству я чуть было не отправилась выяснять, что это такое. Но мне отсоветовали, объяснив, что это сбрасывают в реку останки людей после погребального костра.

– Какие останки? Это же должен быть пепел! – удивилась я.

– В идеале – пепел. Но когда столько народу и всем надо непременно успеть в праздничные дни – тут уж приходится торопиться, – ответил один из индийских знакомых.

– Конвейер! – мрачно пошутил другой.

Я с испугом стала всматриваться в воду, плескавшуюся у самых ног, и, хотя ничего похожего на то, что может привидеться после такого объяснения, не увидела, все-таки предпочла отойти подальше. Идиллическое настроение улетучилось, едва возникнув.

Вскоре мы покинули храм, но запас предназначавшихся нам в этот день сильных впечатлений еще не был исчерпан. Квартира бизнесмена, куда мы вернулись, находилась на последнем этаже нового многоэтажного дома. С ее балкона открывался великолепный вид на Калькутту. Напоследок я вышла еще раз полюбоваться на сказочное море огней и огоньков, мерцавших повсюду, насколько хватало глаз. Границы между небом и землей не было. Миллионы огней города плавно переходили в мириады мерцающих огоньков низко висящего тропического неба. Понять, где кончается земля, а где начинается небо, позволяли вспышки кое-где еще продолжавшего взлетать фейерверка. Я позвала всех полюбоваться на это фантастическое зрелище. Мое восторженное настроение опять было испорчено первой же репликой одной из вышедших на балкон женщин.

– Ой, посмотрите, опять пожары!

– Где, где? – все высыпали на балкон.

– Да вон, смотрите, повсюду.

Я по-прежнему ничего, кроме моря огней, не видела.

– Смотрите, вон там, – это не просто огоньки, а пламя и дым виден.

И тут я увидела то, о чем она говорила. Вдалеке, там, где на окраине находились самые бедные кварталы, огни были более яркими и сливались друг с другом. Вскоре стало совершенно очевидно, что по всему периметру города разгораются пожары. Ветер доносил красиво звучащий на расстоянии звон колоколов пожарных машин. Мы узнали, что это повторялось каждый год во время празднования Дивали. Пожары возникали повсюду, но особенно страдали наиболее беднейшие районы. И это неудивительно, ведь налицо идеальные условия для возникновения пожара – горящие повсюду светильники, свечи, ароматические палочки. И вся эта пиротехника, часто к тому же и самодельная. Добавьте к этому место действия – множество ветхих, стоящих вплотную друг к другу хибар, многие из которых сделаны просто из тростниковых или джутовых циновок или даже из скрепленных кое-как кусков картона. И в обычные дни пожары здесь – дело привычное, что уж говорить о Дивали...

Когда на следующий день мы раскрыли газеты, то все они пестрели цифрами мрачной статистики: столько-то погибло и пострадало в результате пожаров, столько-то покалечено в результате разорвавшейся рядом пиротехники. Меня поразило, что несколько человек погибло от ожогов, когда ракета залетела в открытое окно машины, взорвалась там, и внутри начался пожар. Я вспомнила нашу поездку по ночному городу, треск ракет, врезавшихся в наш автомобиль и в предусмотрительно закрытые окна, и решила, что на следующий год, если буду еще в Калькутте, то никуда не поеду. Пожалуй, лучше оставаться дома в дни праздника Дивали, когда, спускаясь на землю, жестокая, карающая богиня Кали продолжает оставлять за собой кровавый след.

Последние годы я вновь вспоминаю о Дивали – в праздничные новогодние дни в Москве. У нас все больше и больше становится любителей «бенгальских огней». Причем слышишь и читаешь об уже знакомых мне проблемах. Кто-то пострадал, так как не прочитал инструкции, а кто-то потому, что купил фейерверк сомнительного производства. Есть уже и не только пострадавшие люди, но и пострадавшие здания. В конце 2001 года отечественные любители «бенгальских огней» умудрились сжечь «колесницу славы» на арке бывшего сената.

Путешествие в Ориссу

Я родилась под знаком Стрельца. Если верить гороскопам, Стрельцы – авантюристы и путешественники. В моем случае – это довольно близко к истине.

В детстве дремлющий во мне авантюризм, который я всегда в себе ощущала, в основном удовлетворялся активным лазанием на высоченные ели и пихты, с которых я наблюдала текущую подо мной жизнь, до тех пор пока кто-нибудь из взрослых, не заметив меня там и не придя в ужас, не заставлял меня немедленно спуститься с небес на землю.

Позднее ему не давала развернуться моя же зашоренность – сначала в пионерском, потом в комсомольском, а затем и в партийном бытии. Да и дипломатическая среда за границей, скованная искусственными рамками протокола, жесткими параметрами жизни советской колонии, не лучшее место для самовыражения.

Тем не менее этот подавляемый авантюризм периодически прорывался наружу в виде, как говорила моя бабушка, какой-нибудь «дикой выходки». То я исчезала на неделю во время командировки в Индию, чтобы побывать в Раджастане. То удирали от группы на Капри, чтобы провести ночь на маленьком пустынном пляже и вдосталь насладиться каким-то ртутным ночным Средиземным морем, впервые увиденным мною. То плавала часами на валдайском озере, исчезая из виду так надолго, что даже Игорь, привыкший не волноваться по поводу моих марафонских заплывов, впадал в панику и потом устраивал мне разнос.

С годами авантюристические склонности все труднее было реализовать. Но иногда удавалось. В основном, вырываясь в поездки. Поэтому так получилось, что для меня авантюризм и путешествия слились почти в одно целое. И путешествия запомнились главным образом те, которые хотя бы в какой-то мере смогли удовлетворить мою тягу к приключениям.

С конца октября жара в Индии начинает постепенно спадать. Наступает прекрасный период, который, как и наша зима, длится декабрь, январь, февраль. Однако нам трудно назвать этот период зимой. Хотя по ночам в некоторых районах бывает довольно холодно, но днем температура достигает двадцати – двадцати пяти градусов. Идеальное время для путешествий. Я уже побывала в Дели, посмотрела Агру, а Игорь, так мечтавший об Индии, практически ничего кроме Калькутты не видел, в Дели же он был лишь проездом. В те годы поездки по стране, в которой вы находились в командировке, отнюдь не поощрялись. А так как своих машин ни у кого не было, то и поделать ничего было нельзя. И вдруг, о чудо! Бывают же на свете, в конце концов, хоть иногда чудеса. Нам удалось присоединиться к друзьям из торгпредства, которые направлялись на пару праздничных дней в соседний штат – Ориссу.

Мы были просто счастливы, предвкушая поездку. Готовились к ней, изучая книги об Ориссе. Этот штат, граничащий с Западной Бенгалией, находится на восточном побережье Индии. Первое упоминание об Ориссе встречается в III веке до нашей эры, когда здесь находились владения царя Калинги, прославившегося своей незаурядной, даже для того времени, жестокостью и агрессивностью. Но подлинного расцвета этот район Индии достиг в Средние века во времена правления династий Кесари и Ганга. Именно тогда в Ориссе было построено множество уникальных по красоте индуистских храмов, многие из которых сохранились по сей день. Так сложилось

исторически, что самые значительные образцы культовой индуистской архитектуры располагаются на побережье Бенгальского залива. Они являются частью так называемого золотого треугольника Ориссы. Вершины этого треугольника – храм Солнца в Конараке, прибрежный курортный городок Пури, одно из четырех священных мест Индии, и столица Ориссы, город Бхубанешвар. Все эти места и предполагалось посетить.

По закону свинства (так говорят в нашей семье вместо того, чтобы употребить выражение «по закону падающего бутерброда»), как раз накануне поездки я впервые за все время в Индии сильно заболела. У меня поднялась температура, что бывает со мной исключительно редко. Что делать? Не ехать? Так вопрос даже не ставился. Моя главная задача была не подавать виду, чтобы Игорь не испугался за меня и не решил остаться. Всю ночь накануне поездки я практически не спала.

Выехали мы очень рано, еще едва светало. Некоторое время мне удавалось крепиться и поддерживать светскую беседу. Но едва мы выехали за пределы города, машину начало трясти, мы подпрыгивали и подскакивали с периодичностью как минимум в пять минут. Тут уж мне стало совсем плохо. Все тело горело и ломало, глаза слипались. Пришлось признаться во всем. Надо сказать, я понимала, что ничем не рискую: не повернут же они назад и не оставят меня одну на дороге. Главное, чего я хотела, – это чтобы я могла не разговаривать, попытаться подремать. Выход был найден: мы ехали на «Волге», модель «универсал», и было решено, что я просто залезу в багажный отсек и там буду лежать лишь чуть-чуть поджав ноги, благо роста я небольшого. Я залезла в багажник, растянулась на подстеленном пледе и тут же провалилась в тяжелую полудрему. Я смутно чувствовала, что нас по-прежнему трясет, что машина периодически заваливается на бок, что все время что-то гудит и гудит, но реагировать сил не было.

Потом Игорь мне рассказал, что он был даже рад тому, что я отключилась. Езда по индийским дорогам тех лет (не знаю, изменилось ли что-либо с тех пор) не для слабонервных. Во-первых, дороги страшно разбиты, во-вторых, они очень узкие, в-третьих, на дорогах в основном грузовики. Но всем этим не удивить и не испугать русского человека. Опасно другое. Водители за рулем грузовиков в мало вменяемом состоянии. Что и говорить, работа у них тяжелая, никаких профсоюзов, защищающих их права, нет, и они проводят за рулем по нескольку дней и ночей, останавливаясь лишь на час-другой подремать. Чтобы не заснуть, водители все время жуют бетель, добавляя туда еще какой-то слабый наркотик, позволяющий им бодрствовать сутки напролет. Но в итоге за рулем сидит не человек, а зомби.

Обычно грузовик едет точно посередине дороги, водитель полулежит на руле и никуда не сворачивает, даже если вы едете ему навстречу. Это ваша проблема: съедете ли вы на обочину или нет. Мы, естественно, съезжали, причем часто это была и не обочина, а обычная канава, прорытая вдоль дороги. На обратном пути из одной такой канавы мы едва вылезли – пришлось добрых полчаса всем толкать машину сзади. Самое страшное, когда навстречу едет тоже грузовик. Тогда уступает дорогу тот, кто находится в более просветленном состоянии. А если оба уже едва соображают? Тогда в последний момент оба водителя резко берут в сторону, и тут уж как повезет – или пронесет, или свалится один, а то и оба в кювет. Мы с пугающей регулярностью видели остовы перевернутых грузовиков, валявшихся по обочинам дорог.

Смертность водителей грузовиков в ходе аварий на дорогах очень высокая. Но при общей нищете населения в Индии и массовой безработице всегда находится множество людей, готовых рисковать жизнью, чтобы заработать хоть какие-то деньги. Единственное, что остается в такой ситуации, – это уповать на Бога, а лучше на нескольких. Вот и превращаются местные грузовики в какой-то передвижной вариант рекламы богов индуистского пантеона. Едет вам навстречу такое разноцветное чудовище – все борта и кузов сверху донизу расписаны изображениями всевозможных богов и богинь, призванных защитить водителя и запугать потенциальных врагов. А внутри кабина заполнена маленькими статуэтками наиболее почитаемых этим водителем богов. Добавьте к этому еще бумажные гирлянды, обрамляющие статуэтки, и вы будете иметь представление о том, как выглядит индийский грузовик.

От Калькутты до Бхубанешвара, столицы Ориссы, 480 км. Учитывая качество индийских дорог и те сложности передвижения по ним, о которых я рассказывала выше, мы довольно быстро добрались до гостиницы, где собирались остановиться. Это был небольшой отель, построенный еще до войны англичанами. В колониальные времена – «rest house», своеобразный дом отдыха для сотрудников английской железнодорожной компании. Находился он недалеко от Пури, небольшого курортного городка на самом берегу Бенгальского залива. Англичане явно умели выбирать места для отдыха, где ничто не напоминало бы о толчее, грязи и гомоне индийских городов. Вокруг, насколько хватало глаз, простирался великолепный песчаный пляж и росли пальмы. Сама гостиница, небольшое белое приземистое здание, была вся увита розовыми цветами бугенвиллий. Этаким райский уголок, прямо просившийся на обложку туристического проспекта.

Но бывают моменты, когда эти места больше напоминают ад, чем райские кущи. Дело в том, что на прибрежные районы штата Орисса время от времени обрушиваются сильнейшие циклоны, которые образуются в акватории Бенгальского залива. Незадолго до нашего приезда на Ориссу обрушился довольно сильный ураган. Мы видели его следы: поваленные пальмы на берегу, выкинутые на морской берег бревна, несколько каркасов разбитых рыбацких лодок. Но этот ураган был ничто по сравнению с тем «суперциклоном», как его называли в печати, который обрушился на Ориссу в 1977 году. О нем я позже узнала из газет. Во время него погибло десять тысяч человек. И вот как раз когда я писала эту главу, в октябре 2002 года, я услышала, что на Ориссу вновь обрушился сверхмощный циклон. Сила ветра на этот раз достигала безумной скорости – 260 км в час. На прибрежные районы обрушивались чудовищные волны высотой до 10 метров. Шесть районов штата оказались затопленными, и всякая связь с ними была прервана. Даже в Бхубанешваре, находящемся в 50 км от побережья, были повалены деревья и столбы электропередачи. Читая все эти сообщения, я с ужасом представляла себе, что же происходило в дни таких ураганов в районе нашей гостиницы, расположенной на расстоянии всего каких-нибудь ста метров от океана.

В тот вечер, когда мы приехали, вокруг царил мир и покой. Все отправились прогуляться по берегу. Но мне было не до красот. В машине меня сильно растрясло, что не способствовало улучшению моего и без того неважного состояния. Поэтому я сразу ушла в отведенную нам комнату и рухнула на кровать. Рухнув, тут же подскочила: было ощущение, что я упала на голые доски. При ближайшем изучении выяснилось, что практически так оно и

было, поскольку назвать матрасом тоненькую подстилку, положенную на деревянный настил кровати, мог только человек с богатым воображением. Я повертелась, покрутилась и решила, что уж лучше пойти на ужин в ресторан гостиницы, где все собрались в это время.

Этот ужин заслуживает особого описания. У меня сложилось впечатление, что я присутствую на съемках пародийного фильма из жизни англичан в Индии в колониальные времена. Наверное, когда-то это был очень хороший отель. Но большую часть времени после ухода англичан он, очевидно, простаивал пустой. В итоге сильно деградировал, хотя и сохранил еще некоторые претензии на то, чтобы считаться «*comme il faut*». В большом зале, где находился ресторан, была собрана разномастная мебель. Стульев хватало не на всех, некоторым пришлось сидеть на табуретках. Но зато в углу красовались необычной красоты резной буфет и ширма, явно дисгармонирующие с убожеством остальной мебели.

Всем заправлял пожилой индеец, явно претендовавший на роль метрдотеля. Одет он был впечатляюще – белое подобие френча и короткие шорты. На голове белоснежный тюрбан, а на руках не первой свежести белые же перчатки. Он величественно стоял у двери, и по его знаку многочисленная прислуга, одетая не менее экзотично, вносила очередное блюдо. Характерно, что все они были в перчатках; порой перчатки были без пальцев или разного цвета, но это никого не смущало. Ясно, что именно перчатки являлись в глазах нынешней администрации непременным символом респектабельности заведения. Ужин протекал медленно и торжественно, с большими паузами, большая часть предлагавшейся еды состояла из самых обычных блюд индийской кухни. Когда все мы уже порядком утомились, наш распорядитель неожиданно погасил свет. Несколько недоумевая, мы стали вставать из-за столов, решив, что это несколько странный способ оповестить нас о конце ужина. И тут сам метрдотель, сопровождаемый процессией слуг, внес в зал что-то многоцветное, горящее и искрившееся. Насладившись произведенным эффектом, он дал знак, свет зажегся, и мы увидели, что это большущий торт-мороженое, похожий на ледяной дворец. С гордостью метрдотель поведал нам, что это произведение искусства сотворено по рецепту, оставшемуся от повара-англичанина, работавшего здесь в стародавние времена, и что попробовать этот торт приезжали англичане аж из самой Англии. Большинство присутствующих усомнились в правдоподобности данного утверждения, но я их не поддержала, поскольку это давало мне моральное право попробовать торт, несмотря на свою простуду. Надо сказать, что торт был очень вкусный.

После ужина мы вернулись в комнату, и я все-таки заснула. Проснулась я от каких-то странных звуков. Прислушалась. Кто-то явно бежал вдоль стены, стуча коготками по деревянному полу. До боли знакомые звуки.

– Мыши или крысы? – подумала я. – Пожалуй, все-таки мыши. Мало мне их в Калькутте, так и здесь бегают. Хотя странно, если бы их не было в этом старом запущенном строении.

Спать расхотелось. И тут мне показалось, что к родному мышиному постукиванию примешиваются еще какие-то звуки. Я откинула москитную сетку, встала и подошла к окну. Было еще довольно темно, и я ничего не увидела, но со стороны пляжа явно раздавался какой-то шум. Что это может быть? Поблизости нет ни дорог, ни жилья. На шум прибоя это не похоже. Я посмотрела на Игоря. Он сладко посапывал. Жалко было его будить. Придется идти одной. Любопытство, как всегда, оказалось сильнее страха. Я быстро оделась, вышла из гостиницы и пошла по направлению к пляжу.

Вокруг ни души – только пальмы, от которых я иногда шарахалась, принимая в темноте за людей. И вдруг я действительно увидела женскую фигуру, двигавшуюся среди пальм в том же направлении, что и я. Вот еще одна, и еще. Вскоре повсюду вокруг себя в полумгле я видела силуэты женщин, шедших к океану. Все это было непонятно и оттого еще более таинственно. Неясный гул все нарастал. Наконец пальмы кончились, и я оказалась на берегу океана. То, что я увидела, навсегда врезалось мне в память. Представьте. Совершенно неподвижные серые в полумгле воды океана. Подступающие к океану темные силуэты пальм. И узкая полоска песчаного пляжа вся, насколько хватает глаз, заполненная женскими фигурами. Тысячи женщин, стоявших в ожидании чего-то.

– Странно, одни женщины, – отметила я. – Ни одного мужчины. Что это все может означать?

Мне стало несколько не по себе. Я знала, что Пури, около которого находилась наша гостиница, для индусов место священное, центр паломничества. Сюда постоянно съезжаются тысячи людей со всей Индии. Узнала я, что море в Пури также считается священным, и каждый паломник, приезжая в Пури, обязательно совершает омовение в его водах. При этом произносятся примерно следующие слова: «Пусть благодаря купанию в море, куда стекаются все священные реки, очистится моя жизнь». Но почему сегодня здесь не видно мужчин, хотя в Пури мужчин-паломников больше, чем женщин?

А женщины на берегу стояли плотной толпой, подступив к кромке воды, но не заходя в нее. Некоторые переговаривались вполголоса (отсюда и тот мерный гул, который я услышала в гостинице). Но большинство стояли молча, напряженно вглядываясь куда-то вперед, туда, где на горизонте темные воды океана сливались с чуть более светлой полоской неба. Напряжение возрастало. (Ожидание, особенно когда не знаешь, чего, собственно, ждешь, всегда более тягостно.) Небо постепенно становилось все светлее и светлее. И вдруг из-за горизонта, из-за кромки моря в небо вырвался первый ярко-оранжевый луч солнца. А за ним сразу же в небо врезалось еще несколько желтых, красных и оранжевых спиц.

По берегу пронесся гул. Толпа, как будто вся одновременно, вздохнула с облегчением и в тот же момент двинулась к воде. Женщины входили в воду, кто по колени, кто по грудь, совершали омовение, бормоча что-то при этом, и выходили на берег, уступая место следующим. Мне едва удалось вовремя выйти из толпы, чтобы не быть вовлеченной вместе с другими в это, столь раннее, купание в океане. Подобная перспектива мне отнюдь не улыбалась, особенно учитывая мое простуженное состояние. А главное – зачем? Я решила сначала выяснить, что же здесь все-таки происходит, а потом уж принять решение – купаться или не купаться.

Я подошла к группе женщин, которые уже вышли из воды и переодевались в сухие сари на берегу.

– Вы говорите по-английски? – обратилась я к одной из них.

– Нет.

– А вы? – задала я тот же вопрос другой женщине помоложе.

– Немного.

– Скажите, пожалуйста, что здесь делают все эти женщины?

– Совершают омовение.

– А почему только женщины?

– Потому что, по поверью, женщины, не имеющие детей, должны сегодня здесь войти в воды океана и совершить омовение, принести молитву богине Лакшми.

– Почему Лакшми?

– Это супруга Вишну, она богиня счастья, долголетия, но она же помогает избавиться от бесплодия.

– И вы знаете тех, кому это действительно помогло? – не смогла удержаться я от вопроса.

– Конечно, а зачем бы сюда иначе приезжали женщины со всей Индии? – в голосе женщины сквозило удивление столь нелепому вопросу.

Она посмотрела на меня с явным осуждением и в свою очередь спросила:

– А у вас есть дети?

– Нет, – почему-то испуганно ответила я.

– Тогда что же вы не совершили омовения?

Я хотела отделаться очевидным ответом: «Я же не знала, что тут происходит!» Но почему-то не решилась и сказала неожиданно для самой себя.

– Я сейчас пойду.

– Нет, сейчас уже поздно.

– Почему? – удивилась я.

– Посмотрите, солнце уже взошло, – ответила женщина. – А омовение может иметь силу, только если вы совершите его с первыми лучами восходящего солнца.

Надо признаться, что в тот момент я обрадовалась тому, что мне не надо на глазах у всех лезть в холодную воду, а потом еще бежать мокрой до гостиницы. Но позднее, когда прошло несколько лет и, несмотря на наше желание иметь детей, их все не было, я стала все чаще возвращаться в мыслях в то предрассветное утро. Я почти утвердилась в убеждении, что капризное индуистское божество разглядело среди тысяч женщин, совершавших таинственный ритуал в тот день на берегу Бенгальского залива, одну, которая не сделала этого. Не стало со своего высока разбираться, кто это да почему этого не сделала. Оскорбилось. И решило наказать непослушную. Итог? Три года усилий и волнений. Бездна советских гинекологических заведений и ужас грязелечебниц в Саки и в Ессентуках. Но поскольку индуистские божества известны не только своей мстительностью, но и непоследовательностью и жалостливостью, то в итоге оно, очевидно, смилостивилось и послало нам в награду чудное чадо – нашу Олесю.

В тот день после завтрака мы поехали в Бхубанешвар – столицу Ориссы. Бхубанешвар можно перевести как «обитель бога» или «властелин мира» («бхубан» означает мир, а «ишвар» – бог). Название происходит от эпитета Шивы Трибхубанешвара – Властитель трех миров. Это один из крупнейших центров шиваизма. Но есть здесь и храмы, посвященные другим богам.

Не случайно Бхубанешвар еще называют «столицей храмов Индии». Почти за две тысячи лет – за период с III века до нашей эры по XVI век нашей эры – здесь было построено более семи тысяч индуистских храмов. Сегодня сохранилось лишь пятьсот-шестьсот из них. И тем не менее это очень много. Это в десять раз больше, чем сохранилось церквей в Москве. К тому же город очень маленький. Чтобы представить наши ощущения, вообразите, что в пределах Садового кольца в Москве вдруг оказалось пятьсот храмов, многие из которых по размерам не уступают храму Василия Блаженного. А ведь не очень давно почти так и было. За более короткий срок, чем индийцы, мы умудрились

разрушить большую часть своих уникальных архитектурных памятников. И к тому же в Индии большинство исчезнувших храмов – это результат разрушительной работы времени, ведь многие из разрушенных храмов строились тысячу и более лет назад.

Бхубанешвар – это даже не город, это сплошные храмы. Вернее, есть два города – старый и новый. Новый – современный, в котором располагаются жилые дома и административные здания. Он тоже по-своему интересен, тем более что строился по проекту Ле Корбюзье.

Я, естественно, рассказываю о старом городе, который произвел на меня, да и на каждого, кто там побывал, неизгладимое впечатление. Мы ходили по какой-то сказочной местности, больше напоминавшей лес, в котором вместо деревьев росли храмы. Впечатление еще усугублялось тем, что под ногами вместо асфальта была трава, и там, где не было храмов, росли пальмы. В этом фантастическом лесу вы, едва обойдя один храм, уже видели другой, едва ли не более красивый. Я, раз уж возникли ассоциации с лесом, неожиданно почувствовала то же, что иногда ощущаю собирая грибы, если вдруг повезло попасть в грибное место. Сорвала один красавец подберезовик и видишь – а вон там стоит еще один красавец, а вон еще и еще. И глаза разбегаются, и не терпится бежать к следующему. А вдруг это привиделось, вдруг он исчезнет?!

Причем индуистский храм – это не одно здание, а несколько, от двух до четырех соединенных между собой основных зданий и нескольких различных небольших пристроек. Но воспринимаются они как отдельные элементы единого ансамбля. Большая часть основных сооружений, составляющих комплекс храмов в Бхубанешваре, имеет форму сильно вытянутой в высоту ребристой ступы со своеобразной нашлепкой наверху. Если продолжить аналогию с грибами, то больше всего они напоминают, на мой взгляд, столь почитаемые на Западе и совсем непопулярные у нас сморчки. Особенно этому способствует резьба, покрывающая эти здания.

Все индуистские храмы этого периода выстроены из блоков камня, имеющего розоватый или, чаще всего, желтоватый оттенок. Со временем, правда, они сильно потемнели и стали коричневыми. Чем старше храм, тем он темнее. Старые храмы, как правило, невысокие – от 10 до 20 метров. А построенные позже – гораздо выше.

Конечно, осмотреть все здания за один день невозможно. Поэтому мы побывали около нескольких самых интересных, а потом просто бродили по этому городу, который в точном соответствии со своим именем был обителью богов.

Очевидно, камень, из которого построены храмы, достаточно мягкий, поскольку все они сверху донизу покрыты резьбой. Каждый квадратный сантиметр стены украшен растительным орнаментом, изображениями птиц, змей, животных, людей.

И, конечно, богов. Они повсюду, и их множество. Вот со стены на вас несется на льве воинственная Дурга. Вот кружится в своем вечном космическом танце трехглазый Шива, зажав в одной руке трезубец, а в другой чашу, сделанную из черепа. А вот и красавица Сарасвати нежно улыбается, расчесывая свои длинные волосы.

А вот еще незнакомая нам пара – Кришну с Радхой. Кришна – «Черный» – одно из воплощений, аватар, Вишну. Его чаще всего изображают со свирелью в руках, поскольку возникновение культа в своих истоках связано с поклонением божествам древних пастушеских племен. Кришнаизм, ставший одним из

самостоятельных направлений в индуизме, в последние годы нашел много почитателей и последователей на Западе. Некоторые адепты кришнаизма на первый план выдвигают эротические эмоции. Но это неправильно. Коротко можно сформулировать суть кришнаизма как «Бог – это любовь». Идея о необходимости и важности любви типична не только для кришнаизма, но и для индуизма в целом. Но за этим стоит не только и не столько эротика и сексуальность. Любовь детей к родителям и родителей к ребенку, любовь мужчины к женщине, супруги к мужу, слуги к господину, любовь к природе. Причем даже в любви женщины и мужчины на первый план выдвигается нежность, почитание, чистота чувств.

Вот уже знакомый нам бог с головой слоненка – Ганеша. Вот еще один получеловек-полуживотное – Хануман, изображаемый с головой обезьяны и являющийся символом преданности и верности. Часто изображаются целые сцены из легенд и мифов. На верхней части храмов скульптурные изображения могут достигать огромных размеров – до десяти метров. Естественно, они очень хорошо видны даже снизу. Можно часами ходить вокруг одного храма, рассматривая всю эту красоту.

Правда, ходить надо осторожно, не забывая поглядывать время от времени себе под ноги. На земле много камней, остатков обвалившихся храмовых сооружений. Там ютятся змеи. Змей в Индии не убивают, с древних времен здесь распространен культ змей. Они – хранители морей, рек, водоемов, колодцев. Они обитают в подводных дворцах, где охраняют подводные богатства. Все индусы почитают тысячеголового змея Шешу, на котором покоится Вишну на дне мирового океана. Вишну чаще всего и изображается сидящим на кобре, которая служит ему ложем. Змеи же стерегут вход в любое помещение, они охраняют двери, и поэтому их часто изображают на входах в храмы.

Змей много и около храмов, посвященных богу Шиве. А в Бхубанешваре таких множество. Например, главный храм Бхубанешвара посвящен этому богу, о чем можно догадаться даже из заглавия – Шивалингама. Согласно преданиям, змеи составляют свиту Шивы, и один из его атрибутов – гирлянда из змей на шее. На юге Индии особенно почитают кобр. Поэтому на храмах Бхубанешвара вы часто можете увидеть изображение Шивы с возвышающейся над его головой коброй.

На меня особенно сильное впечатление произвели два храма. Храм Паршумешвар – один из старейших храмов Бхубанешвара, построенный в VII веке до нашей эры. Он потрясающе сохранился, даже скульптуры и барельефы на его стенах. Невозможно поверить, что все это было изваяно около полутора тысяч лет назад. И второй – храм Лингараджа, построенный в одиннадцатом веке и который по праву можно назвать жемчужиной индуистской архитектуры. Он очень величествен и в то же время изящен. Храм Лингараджа также посвящен богу Шиве, и его стены покрыты удивительной красоты барельефами и скульптурами, прославляющими это верховное божество индуистского пантеона и повествующими о его жизни и деяниях. В комплекс храма входит около 150 различных сооружений. Особенно много на его территории скульптурных изображений лингама, сделанных из того же камня, что и храмы, или отлитых из металла. Слово «лингам» присутствует, если вы заметили, даже в названии храма.

В индуистской религии лингам, или мужской детородный орган в состоянии эрекции, является символом созидательной силы мироздания,

символом неизбежного торжества жизни над смертью. Лингам также символизирует верховенство космического мужского начала над земным женским началом. Парадоксально, что лингам, ассоциирующийся с созиданием, с победой жизни над смертью, является символом бога Шивы – самого грозного и беспощадного индуистского божества, обладающего воистину гигантской разрушительной силой. Еще Шопенгауэр заметил эту странность индуизма. Но, возможно, в этом и заключается основополагающая идея, логика индуизма. Тот, кто разрушает, тот и воссоздает. Наверно, и разрушает меньше, отдавая себе отчет в том, насколько сложнее процесс воссоздания, чем разрушения. Может, в этом и корни индийского пацифистского менталитета: два понятия – разрушение и созидание с детства сливаются воедино. Собираясь разрушить, невозможно не подумать, а как и что будешь создавать? Сакраментальный вопрос, который изначально антагонистичен русской душе. Для нас главное разрушить, а уж потом начать разбираться, что создавать, как и зачем.

Если изображения лингама с большой натяжкой можно отнести к эротической скульптуре (часто не сразу и поймешь, что это за столбик стоит во дворе храма), то в Конараке, который мы посетили на следующий день, я впервые увидела действительно эротические монументальные скульптурные изображения.

Конарак находится в 64 километрах от Бхубанешвара на берегу океана, в очень живописном и уединенном месте. Храм со всех сторон окружен пальмами, и, чтобы попасть к нему, вы должны пройти через пальмовую рощу. Храм возникает неожиданно. Он построен из черного камня и кажется довольно темным, недаром одно из его названий – Черная Пагода. Этот храм также называют храмом Солнца, поскольку он посвящен богу Солнца – Сурье. Построен он был в XIII веке по приказу царя Нарисимхи I из династии, носившей гордое имя Ганга.

Сейчас храм оказался в трех километрах от океана, но в момент постройки его ступени спускались к водам Бенгальского залива. Пальмовые деревья не закрывали его, и моряки использовали огромное здание как своеобразный ориентир. За много веков храм сильно пострадал от штормов, достигавших его стен, от ветра и солнца. Но даже то, что от него осталось, производит неизгладимое впечатление. Недаром этот храм считают выдающимся образцом индуистской архитектуры. На строительстве храма одновременно работало более тысячи человек, и тем не менее он строился около двадцати лет.

Никто толком не знает, почему храм был воздвигнут именно в этом, столь пустынном, месте. И как всегда бывает в таких случаях, существует множество легенд, пытающихся дать этому объяснение. Вот одна из самых распространенных и поэтических. Самба, сын бога Кришны, страдал нарциссизмом. Мало того, видимо и умом он был награжден в меньшей степени, чем красотой, и имел обыкновение часто подсмеиваться над одним почитаемым святым по имени Нарада. Нарада был человеком гордым, и в отместку однажды увлек Самбу к бассейну, в котором купались многочисленные жены Кришны. Когда Кришна узнал о том, что его сын уподобился «а рееринг Том»¹, он, естественно, разгневался и в наказание наслал на сына проказу. Вскоре ему стало известно, что Самбу, по сути дела, кроме как в глупости, ни в чем не виноват. Но не наказывать же святого. А отменить проклятие не позволяла жесткая этика поведения богов. Поэтому единственное, что он сделал, как это часто бывает в подобных ситуациях, это переложил ответственность на другого: Кришна посоветовал сыну молить о

милосердия бога Солнца Сурью, по совместительству целителя болезней. Самбу понадобилось тринадцать лет (!) (вряд ли какое другое законодательство сравнится по жестокости с законодательством индуистских богов), чтобы бог солнца Сурья его услышал. Тринадцать лет страданий всего лишь за один недостойный проступок! Сурья посоветовал Самбе искупаться в водах океана. Тот, естественно, после купания исцелился и воздвиг на этом месте храм. У него все-таки хватило ума посвятить его не родному отцу, столь жестоко поступившему с ним, а богу Солнца.

Храм напоминает гигантскую колесницу, в которой Сурья каждый день совершает путешествие по небу с востока на запад. В основании колесницы, представляющей собой платформу четырех метров толщиной, вырублено двадцать четыре больших колеса – двенадцать с одной и двенадцать с другой стороны колесницы. На одних колесах изображены символы двенадцати месяцев года, на других – знаки, обозначающие часы суток. Изначально впереди храма стояли статуи семи лошадей – по количеству дней в неделе. Большинство из них не сохранилось. Но и то, что сохранилось, производит неизгладимое впечатление. Ведь весь храм, начиная с цоколя и до завершающей плиты, называемой «амалака» и весящей несколько сотен тонн, покрыт скульптурами, каменной резьбой, барельефами.

Первоначально храм украшала высоченная башня, увенчанная медным сосудом, напоминавшим по форме перевернутую гигантскую чашу. «Калаша» – так забавно называется эта часть, традиционное завершение многих индуистских храмов. Интересно, не является ли слово «калоша», пришедшее к нам из французского языка, родственником «калаши»? Мне это предположение не кажется таким уж абсурдным, особенно если учесть, что эти предметы очень близки по своему функциональному назначению. Калаша призвана предохранять ноги от воды, а калаша – защищать каменное строение от дождя.

Говорят, башня была построена таким образом, что, когда первые лучи восходящего солнца касались ее верхушки, блеск металла был настолько силен, что возникала иллюзия, будто весь храм растворяется в лучах солнца. В этот момент бог Сурья и возносился в своей колеснице на небо. Когда в начале XVII века здесь появились мусульманские завоеватели, они решили, что калаша сделана из золота, и похитили ее. Это положило начало разрушению башни, поскольку металл предотвращал проникновение воды в стыки между камнями. Окончательно башня рухнула после сильнейшего урагана в 1848 году. Позднее, читая в газетах об уже упоминавшихся мною необычайной силы ураганах, обрушивавшихся на прибрежные районы Ориссы, я каждый раз с замиранием сердца искала известия о том, что храм в Конараке разрушен. К счастью, таких сообщений я не встретила. Надеюсь на чудо – храм устоит перед натиском очередных гигантских волн и штормовых ветров, и по-прежнему каждое утро колесница бога Сурьи будет уносить его в путь по небосклону. Но, боюсь, если в ближайшие годы не будет предпринято никаких мер по защите здания, то недолго еще нам удастся любоваться красотой храма Солнца.

Одна из достопримечательностей храма уже давно хранится в более надежном месте. Это статуя самого бога Сурьи. Раньше она находилась в святилище внутри здания. За несколько лет до вторжения мусульман местный магараджа, справедливо опасаясь за ее сохранность, велел перенести статую в музей в Пури. Статуя была сохранена, но, правда, после этого храм потерял большую часть своей притягательной силы для верующих. Популярность Конарака еще больше упала после его осквернения мусульманами. Постепенно

о храме вспоминали все реже и реже, все меньше народа посещало его, и он начал приходить в запустение.

Несмотря на значительные разрушения, которые здание претерпело за семь веков, большинство барельефов и статуй прекрасно сохранилось. Обычно по низу индийских храмов идет растительный орнамент, выше – барельефы с изображениями животных, птиц и змей, а еще выше – сцены из индийского эпоса или различные сюжеты из жизни того или иного божества, которому посвящен храм. Создатели храма Солнца придерживались традиций. Действительно, на фризах храма внизу идет растительный орнамент, который иногда прерывается изображениями животных. Даже обода и спицы колесницы покрыты растительным орнаментом и изображениями животных. Но вдруг, рассматривая колеса, я заметила, что многие животные изображены в весьма специфических позах. Помнится, не поняв сразу в чем дело, я сказала Игорю, показывая на изображение двух слонов, один из которых стоял, взгромоздив передние ноги на спину впереди стоящего слона:

– Ой, смотри, уже тогда слоны выступали с теми же номерами, что и сейчас в цирке!

Игорь, взглянув на изображение, хмыкнул и снисходительно обронил:

– Даже если предположить, что в данном случае присутствовала публика, то уверяю тебя, в отличие от обычного циркового выступления, на этот раз слоны получали не меньшее удовольствие от своего занятия, чем зрители.

Посмотрев на фризы под этим углом зрения, я быстро убедилась, что по изображениям нижнего яруса можно смело изучать способы соития в животном мире. Не могу сказать, чтобы они отличались большим разнообразием.

Судя по скульптурным изображениям, находившимся выше, человек, хотя бы в этом плане, сильно продвинулся вперед по сравнению с животными. Во всяком случае, говорить об однообразии позиций не приходится. И люди, и боги на стенах храма заняты или любовью, или приготовлением к ней. Если в нижней части здания изображения небольшие, то наверху фигуры достигают, я думаю, метров десяти, если не больше. Надо сказать, что они не только выполнены с огромным мастерством, но их создателей еще отличало и чувство юмора. Например, мне запомнился один барельеф. На нем были изображены три женщины, каждая на свой лад ублажавшая стоявшего мужчину, который избрал так и оставшийся непревзойденным метод стимулирования их изобретательности – в поднятой руке он держал мешочек с деньгами. Помню, с каким сожалением я вынуждена была оставить в Калькутте все фотографии с «эротическими» сюжетами, отснятыми в Конараке. Если бы их обнаружили при таможенном досмотре, то нас могли бы обвинить в попытке провоза порнографических материалов.

Скульптурные изображения Конарака – это своеобразная иллюстрация к приобретшей столь скандальную известность книге «Камасутра». Храм в Конараке иногда так и называют – «Камасутра в камне». Девяносто девять процентов людей, знающих о существовании этой книги, никогда ее не читали. И я в том числе. Если вы спросите, что такое «Камасутра», большинство без колебаний ответит: это книга, в которой изображены все или почти все положения, в которых можно заниматься любовью. Долгое время эта книга рассматривалась как эротическая литература и была запрещена к ввозу в Советский Союз. Так же, как и книги, посвященные храму Кхаджурахо недалеко от Дели, стены которого, как и стены храма Солнца в Конараке,

покрыты барельефами, иллюстрирующими богатые возможности занятий любовью.

Я думала, что Кама – это бог любви. Недавно узнала, что «кама» – означает «желание», «чувственная страсть», «наслаждение». И бог Кама отвечает, скорее, за сферу чувственных наслаждений, имеющих, конечно, к любви отношение, но все же не тождественных ей. Каму, сына Брахмы, изображают в виде прекрасного юноши, сидящего на попугае. Кама близок греческому богу Эросу. Он, как и Эрос, держит в руках лук и поражает из него свою жертву, вызывая у нее любовную страсть. Но вместо тетивы у его лука пчелы. И стреляет он цветочными стрелами. Иногда Каму называют Ананга, что значит «лишенный тела». Кама попытался соблазнить Шиву, и тот, разгневанный, испепелил его своим взглядом. Но потом смилиостивился и вернул к жизни.

«Сутра» буквально означает «нить», на которую нанизывались жемчужины. Позже сутрами стали называть лаконичные фразы и тексты, составленные из подобных фраз.

Так что «Камасутра» можно перевести как тексты о чувствах, желаниях, наслаждениях. Возможен и более поэтический перевод – «Жемчужина чувств».

Текст «Камасутры», в котором описываются «позы любви», – лишь часть одной из 35 глав книги, не считая вступления. В основном книга посвящена семейной жизни – в ней описывается подготовка к свадьбе, рассказывается о различных обрядах, трактуются отношения между родственниками, перечисляется, что должна уметь жена, как она должна себя вести в разных ситуациях, возникающих в семейной жизни.

До нас дошло очень мало достоверных сведений о «Камасутре». Известно, что написана она была в Индии человеком по имени Ватсьяяна, который, как он сам утверждает, в момент ее написания находился в Бенаресе и был целиком посвящен размышлениям о сущности божественного и в первую очередь о божественной сущности любви. По мнению большинства людей, анализировавших книгу (и, надеюсь, ее читавших), Ватсьяяна писал ее в весьма преклонном возрасте.

Вполне возможно, они ошибаются – исходя из ложной посылки, что молодой человек не мог обладать столь обширными познаниями в области семейных, и особенно сексуальных, отношений. Но поскольку большая часть людей, давших себе труд прочесть книгу, жила задолго до нашего «продвинутого» в этом плане века, то чему тут удивляться? Продвинутость продвинутостью, но если учесть, что «Камасутра» была написана в Индии где-то между I и VI веками до нашей эры, то есть почти 2 тысячи лет тому назад (!), то, я думаю, все согласятся, что пик изобретательности, по крайней мере в этой сфере человеческой деятельности, явно остался позади.

Описание различных «поз любви», как это видно даже из соотношения глав, меньше всего занимало Ватсьяяну. Его больше волновал вопрос: что такое вообще любовь, каковы ее проявления? Рассказывая о кришнаизме, я уже говорила, что в индуизме большое место отводится проповеди любви ко всему сущему, необходимости любить всех и вся. И лишь постольку поскольку она является естественной составляющей любви между мужчиной и женщиной, физическая любовь важна для Ватсьяяны. И он пытается понять, как она возникает и как проявляется. Ватсьяяна очень откровенно касается всех тех тем, которые даже в наше время находятся под запретом во многих странах, в том числе и в Индии, и при этом его книга, как отмечают все, кто ее читал, не имеет

ничего общего с порнографией и эротикой в западной интерпретации этих понятий.

Возвращаясь к Конараку, отмечу, что с культом бога Солнца не связано никаких специфических традиций и культов, намеки на которые встречаются иногда в книгах европейских авторов. Единственным «экзотическим» элементом индуистской храмовой культуры можно назвать «дэвадаси» – храмовых танцовщиц. Дэвадаси (что переводится как «рабыня бога») считались служительницами божества, которому посвящен храм. Изначально дэвадаси исключительно обслуживали храмовые ритуалы. Именно в этих целях они и изучали искусство танца.

Но постепенно их функцией стало и развлечение брахманов, магарадж и богатых паломников. В итоге во многих местах дэвадаси превратились в храмовых проституток. В некоторых храмах Индии дэвадаси можно встретить и сегодня, но официально институт дэвадаси давно упразднен.

Орисса славилась своими танцовщицами, создавшими особый стиль танца, «одисси», который существует и поныне. В комплекс многих храмовых построек Ориссы входили здания, которые назывались «Натамандир», или «Зал для танцев». Кстати, именно в Конараке сохранился прекрасный экземпляр такого здания. Его стены как снаружи, так и внутри покрыты барельефами, изображающими различные музыкальные инструменты, музыкантов, играющих на этих инструментах, танцовщиц, застывших в танцевальных позах стиля «одисси».

До сих пор раз в год, в начале декабря, древний храм оживает на несколько дней. Сюда, в Конарак, со всей Индии съезжаются танцовщицы на традиционный фестиваль классического танца. Я представляю, насколько это должно быть незабываемое зрелище. Вечер, солнце зашло, и небо полно звезд. Шумят пальмы. Двор храма. На стенах статуи, застывшие будто в своеобразных танцевальных позах. И танцовщицы в разноцветной одежде, позванивая многочисленными браслетами на руках и ногах, как будто соперничают с богами в красочности поз и замедленных движений. Индийский танец – это не просто танец. Это целое представление, рассказ. Существует настоящий язык жестов. Движения рук, ног, пальцев, выразительная мимика, особая ритмика, голосовое и музыкальное сопровождение – используя все это, индийская танцовщица рассказывает зрителям захватывающую историю, чаще всего какой-нибудь эпизод из жизни все тех же богов.

К сожалению, нам не суждено было стать свидетелями этого, судя по всему, уникального зрелища. Когда мы приехали в Ориссу, фестиваль уже закончился.

Но зато, когда вечером мы проезжали через Пури (городок, около которого находилась наша гостиница), там была в разгаре церемония, происходящая очень редко. Праздник этот проводится в честь главного божества Пури, покровителя города – Джаганнатха. Храм, посвященный богу Джаганнатху и носящий его имя, был построен в XI–XII веках нашей эры и входит в число самых почитаемых храмов Индии. Пури – одно из четырех священных мест Индии. Естественно, главный храм этого города особенно любим индуистами.

Бог Джаганнатх – «Господь вселенной» или «создатель вселенной» – одно из проявлений бога Кришны, а следовательно, и бога Вишну (я уже писала, что Кришна – это «аватара», то есть воплощение Вишну). Полагают, что корни этого божества уходят в глубокую древность и когда-то Джаганнатх был

местным божеством. Об этом свидетельствует, в частности, его изображение, сделанное более примитивно, чем обычно принято при изображении богов. Оно как будто вырублено топором из одного куска дерева. Сначала кажется, что бог трехголовый. При ближайшем рассмотрении видишь, что эту иллюзию создают три соединенных вместе фигуры. Позже нам объяснили, что бог Джаганнатх всегда изображается справа, слева – его брат, Балабхадра, а сестра, Субхадра, как ни странно, – в центре. Они окрашены в разные цвета. Джаганнатх – в черный цвет, Балабхадра – в белый, а Субхадра – в желтый.

И, наконец, в качестве еще одного свидетельства местного происхождения Джаганнатха приводят тот факт, что здесь издавна проживает племя савара (или шавара), члены которого традиционно из поколения в поколение являются служителями – «дайитас» – этого культа. Они, в частности, изготавливают статуи божества. Несмотря на то, что члены племени савара принадлежат к касте неприкасаемых, они считают себя кровными родичами Джаганнатха. В качестве оправдания таких высоких претензий они ссылаются на одну из легенд о происхождении культа Джаганнатха. Согласно этой легенде, бревно, из которого потом по указанию самого Вишну вырубили его образ, вытащили на берег брахман и человек из племени савара.

Главный праздник, посвященный Джаганнатху, – Праздник Колесниц – проходит каждый год в июне – начале июля. В этот день его статуя из главного храма – Джаганнатх – переносится через весь город в другой храм. На этот грандиозный праздник съезжается от 50 до 100 тысяч человек.

Мы, как выяснилось, присутствовали не на самой главной церемонии. Но и то, что мы увидели, впечатляло. Это был незабываемый вечер. Старый город, до этого такой пустынный, наполнился людьми. Мы случайно оказались около храма, посвященного богу Хануману – богу с лицом обезьяны. Мы заглянули в храм и тут же выскочили обратно. Само здание, деревья вокруг него и двор буквально кишели обезьянами, причем вели они себя довольно агрессивно. Наверное, им передалось возбуждение, царившее в городе. Но вот показалась процессия, возглавлявшая огромную красочную платформу, на которой возвышалось трехголовое божество.

Красочную колесницу тащило огромное количество народа. Говоря «огромное», я нисколько не преувеличиваю. Когда я попыталась уточнить число мужчин со счастливыми лицами, заменявших лошадей, или, что более типично для Индии, буйволов, мне сказали, что на сей раз их очень немного. А вот во время большой, главной процессии около тысячи мужчин тащат три огромных колесницы. Я узнала, что высота главной колесницы примерно четырнадцать метров и у нее четырнадцать колес. Правда, размеры даже той колесницы, на которой перевозили статую в тот вечер, превосходили все виденное мной до сих пор.

Единственное, что неприятно поразило меня, – это группа полуобнаженных мужчин, которые шли в самом начале процессии. Я сразу даже не поняла, что за странные движения они делают. Но когда они подошли поближе, я увидела, что эти мужчины – причем среди них были и совсем мальчишки, и глубокие старики – на ходу хлестали себя по обнаженной груди и по спине кто веревкой, кто кнутом, кто металлическим прутом. А у некоторых в руках были кинжалы или просто какие-то режущие предметы, и они кололи себя то в грудь, то в плечо. Тела многих мужчин были сплошь покрыты кровоточащими ранами. На меня эти самоистязания произвели тяжелое впечатление. Позже я пыталась выяснить, что все это означало. Но кроме того,

что эти люди принадлежали к какой-то секте, названия которой я не запомнила, я ничего не узнала.

А вокруг неистовствовала толпа. Каждый старался пробиться поближе к колеснице, дотронуться до нее или хотя бы до толстых веревок, окрашенных в красный цвет, за которые ее тянули красочно одетые разгоряченные мужчины. По поверью, человеку, однажды увидевшему Джаганнатха, когда его везут на колеснице, обеспечено счастливое возрождение. Жаль, что я не последовательница индуизма, вряд ли эта привилегия распространяется на приверженцев другой веры. Хотя в тот момент я была некрещеная, может, у меня и был шанс....

Здесь, я думаю, будет уместно небольшое отступление, посвященное тому любопытному феномену, о котором я уже говорила выше, – распространению культа Иисуса Христа в южных районах Индии, в том числе и в Ориссе.

Не так давно мне попала в руки книга некоего Леви Х. Доулинга с претенциозным названием «Евангелие Иисуса Христа эпохи Водолея». Доулинг жил в США во второй половине XIX века. Врач по профессии, он оставил медицину для того, чтобы написать книгу. Якобы еще в детстве ему было видение о том, что он построит «белый город». Это видение повторялось трижды в его жизни. В итоге он написал евангелие, что и почитал созданием «белого города». Обычно я не читаю такого рода литературу. Но в данном случае заинтересовалась, поскольку нашла в книге Доулинга своеобразное объяснение того, в чем корни особого почитания Иисуса Христа на юге Индии.

В «Евангелии Иисуса Христа эпохи Водолея» рассказывается о том, как некий принц из Ориссы, путешествуя по миру в поисках мудрости, услышал об Иисусе, когда тот был еще ребенком. Принц, которого звали Раванна, отправился в Назарет, встретился с Иисусом, был поражен его мудростью и пригласил его посетить Восток, чтобы изучить мудрость брахманов. Что Иисус и сделал, испросив разрешения родителей. И вот они приезжают в Индию, в Ориссу. И что же происходит дальше? Совершенно удивительное: Иисуса принимают учеником в храм Джаганнатх, и там он изучает веды и основные законы индуизма. Иисус проводит в храме Джаганнатх четыре года, причем не только в качестве ученика, но и в свою очередь разъясняя брахманам собственное понимание истины, мудрости, спасения и веры.

Почему у американца Доулинга, который, насколько я знаю, вообще не был в Индии, Христос оказывается в малюсеньком городке Пури, где и находится храм Джаганнатх, и почему именно здесь происходит своеобразный первичный обмен между провозвестником христианской веры и проповедниками индуизма, для меня так и осталось загадкой. Доулинг давно умер. А я, когда была в Пури, еще не читала его книги. В противном случае я постаралась бы разузнать в храме Джаганнатх, есть ли там какие-то следы пересечения двух религий. Или же это просто одна из тех легенд, которую ты или принимаешь на веру, не подвергая пристальному анализу, или отбрасываешь как очередное порождение нездоровой психики.

На следующий день, буквально переполненные впечатлениями, мы отправились в Калькутту. По дороге назад мы увидели еще много интересного. Мы заехали в пещеры Удайягири и Кандигири, вырубленные джайнскими монахами в I–II веках до нашей эры. Эти пещеры так же, как и местечко Даул, где сохранились выбитые на скале указы царя Ашоки, заслуживают отдельного описания. Но я боюсь, что мои мемуары уже и так стали больше напоминать

путеводитель по уникальным местам Ориссы. Поэтому ограничусь советом побывать там, если вы когда-либо окажетесь в Бхубанешваре.

Вернувшись в Калькутту, мы с энтузиазмом начали обсуждать планы будущих поездок. Но мечты мечтами, а у судьбы, как это бывает почти всегда, имелся иной сценарий развития событий...

ГЛАВА II. БАНГЛАДЕШ – НЕ ОЧЕНЬ СЛАДКИЙ ЯД ВОСТОКА

Куда приводит идеализм?

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что иногда мы оказывались в тех местах, где происходили крутые повороты истории. Так было в Калькутте, когда мы присутствовали при рождении по соседству с нами нового государства – Бангладеш, а потом были свидетелями первых лет его жизни.

Иногда, наоборот, события происходили вдали от нас. Но мы были там, откуда они воспринимались в необычном ракурсе, невидимом тем, кто был в это время в гуще событий. Так было, когда мы «болели» за перестройку и переживали все подъемы и спады постперестроечного периода, находясь в Женеве.

А порой мы оказывались в местах, где только что произошли серьезные потрясения. И мы открывали страну, регион тогда, когда все там еще корчило от пережитых трагедий, и прикосновение к истории становилось таким же болезненным, как прикосновение к еще свежей, незатянувшейся ране. Так получилось, когда в начале нового века я открывала для себя Балканы.

3 декабря 1971 года началась война между Индией и Пакистаном. Я была в это время в Калькутте. Незадолго до этого в Восточном Пакистане, граничащим с Западной Бенгалией, на выборах победила партия «Авами Лиг». Она выступила с требованием предоставления этому району Пакистана большей автономии. Правительство Пакистана ответило репрессиями. Лидер партии – шейх Муджибур Рахман был арестован. В Восточном Пакистане начались массовые аресты активистов партии и симпатизирующих ей. В Западную Бенгалию хлынули тысячи беженцев из восточной провинции Пакистана. К концу года на территории Индии, в основном в Западной Бенгалии, оказалось около десяти миллионов беженцев. Репрессии лишь усугубили ситуацию. В Индии сторонники Муджибура Рахмана сформировали временное правительство. Партия, которая вначале выступала лишь с лозунгами большей автономии, теперь заявила о своем намерении добиваться независимости.

До боли знакомая ситуация. Сколько раз с тех пор события в самых различных частях света развивались по этой же схеме. Зачем далеко ходить за примерами, достаточно вспомнить, как начинались события в Чечне.

Обстановка на субконтиненте накалялась. Пакистан обвинял Индию в поддержке сепаратистов, а Индия обвиняла Пакистан в том, что, преследуя сторонников партии «Авами Лиг», бежавших в Западную Бенгалию, пакистанские войска нарушают индийскую границу. Разобраться, кто прав, а кто виноват, как всегда во время такого рода конфликтов, было сложно. Тем более, что к тому моменту история конфликта исчислялась уже не годами, а десятилетиями.

После образования на субконтиненте двух государств их отношения развивались непросто. Оба государства стремились занять главенствующее положение в Южной Азии. При этом притязания Пакистана изначально поддерживали Соединенные Штаты Америки. А интересы Индии защищал Советский Союз. Биполярный мир 50-х – 80-х годов существовал на всех уровнях. На глобальном, где друг другу противостояли две сверхдержавы, и на

региональных уровнях, где те же державы умело подогревали противоречия враждующих сторон. История тех десятилетий богата подобными примерами.

В случае Индии и Пакистана, действительно, многое разделяло и продолжает разделять эти страны. Безусловно, в значительной степени конфликт не затухал из-за политических гегемонистских претензий правящих элит этих стран. Но существовали и объективные факторы, способствовавшие сохранению напряженности на субконтиненте. Это и различия в религиях, и оставшиеся в наследие от раздела Индии нерешенные территориальные проблемы, а также некоторые нюансы в социально-политической ориентации. Пакистан сразу же и однозначно встал на путь капиталистического развития. Индийская социально-политическая модель общественного развития, хотя и была по сути капиталистической, но имела, по крайней мере на том этапе, и элементы, характерные для социалистической модели экономики, – значительный государственный сектор в промышленности, государственное регулирование, широкую программу социальной помощи. В Индии допускали определенные социалистические эксперименты, которые, правда, чаще просто декларировались – в определенной степени не без подсказки Советского Союза и в угоду ему, – чем действительно осуществлялись. Индия постоянно «заигрывала» с коммунизмом. И не только в силу своей ориентации на Советский Союз. Индуизм, как религиозный и философский феномен, мне кажется, имеет элементы, роднящие его с коммунистической идеологией. Этим, по-моему, объясняется, помимо всего прочего, и тот факт, что в Индии всегда относились к коммунистическим идеям с большим интересом и даже симпатией.

После начала конфликта в 1971 году Соединенные Штаты, естественно, оказались на стороне Пакистана, а Советский Союз однозначно поддержал Индию, обвинив Пакистан в подавлении освободительного движения в Восточном Пакистане и в провокационных действиях, направленных против Индии. Вряд ли при этом кто-то на деле пекся о независимости каких-то восточнопакистанцев, о существовании которых еще вчера большинство у нас в стране, а тем более в ее руководстве, и не подозревало. Просто Индия – наш традиционный союзник, и действовала логика: все, что хорошо для Индии, хорошо и для нас.

На мой взгляд, в данной ситуации позиция индийского правительства выглядела далеко не безупречно. Индия просто руководствовалась столь естественным желанием ослабить своего давнего противника – Пакистан. И действовала очень решительно. Одной из причин такой решительности, помимо того, о чем уже говорилось выше, было и намерение не допустить, чтобы «смута» перекинулась на Западную Бенгалию. Раньше я уже писала о том, что идеи «великой единой Бенгалии» еще были живы в то время и в этом районе Индии. Существовали и партии, эти идеи культивировавшие. Любое затягивание конфликта вокруг Восточного Пакистана могло, как бумеранг, ударить и по Индии. Пакистан же, наоборот, нуждался во времени, для того чтобы перебросить дополнительные войска из Западного Пакистана в Восточный. Однако этого времени у него уже не было. Индийские войска стремительно наступали, к тому же население Восточного Пакистана встречало их повсюду как освободителей. В итоге уже 16 декабря пакистанская армия в Восточном Пакистане сложила оружие, и война была закончена. Муджибур Рахман вернулся в Восточный Пакистан и возглавил правительство вновь образованного государства, названного Бангладеш.

Сказать, что все эти события, происходившие совсем рядом, сильно волновали нас, было бы преувеличением. Естественно, мы были в курсе того, что происходило: Игорь в силу своих служебных обязанностей был обязан следить за развитием индо-пакистанского конфликта. А меня больше всего волновало, когда все это кончится и отменят введенный в Калькутте в начале войны комендантский час, а с ним и еще более жесткие, чем всегда, ограничения в генконсульстве на выход в город. Помню также неприятное ощущение, которое возникало, когда с наступлением ранних зимних сумерек город погружался в темноту. Опасались налетов пакистанских бомбардировщиков, и в городе ввели светомаскировку. В генконсульстве, зажигая по вечерам свет, мы каждый раз должны были плотно зашторивать окна. Иначе солдаты, патрулировавшие улицы, начинали звонить в ворота, и потом приходилось выслушивать замечания от начальства. Но все это продолжалось недели две, не более, и потом жизнь Калькутты, а с ней и наша, вошла в обычное русло.

В один далеко не прекрасный февральский день Игорь поднялся к нам в комнату, когда я еще только собиралась с силами для спуска вниз, дабы приступить к выполнению несуществующих обязанностей. Вид у него был несколько озадаченный, даже встревоженный.

– Что случилось?

– Генконсул вызывал, беседовали.

– О чем?

– Да вот, Москва предлагает перебраться в Дакку.

– В Дакку?!

Это было настолько неожиданным, что сначала я даже не испытала никаких чувств: ни испуга, ни тем более радости.

– Ну да, в Дакку. В Бангладеш открывается посольство, и ищут специалистов-бенгалистов. Прислали телеграмму, предлагают мне поехать работать в посольство.

Тут до меня полностью дошел смысл сказанного Игорем, и я почувствовала, что начинаю испытывать чувство легкой паники.

– Игорь, но у тебя же через полгода заканчивается командировка. Мы же решили, что ты вернешься в Москву летом. И потом какая-то Бангладеш, говорят, что там еще хуже, чем здесь!

– Да, да, ты права. Но все-таки там посольство, а не консульство. Работа интересней. К тому же мне предлагают должность атташе.

– Игорь, я не хочу в Бангладеш. Мало того, что я в Калькутту поехала, теперь еще почище – Бангладеш. Не страна, а какой-то анекдот. На днях, как нарочно, ребята в чайной лаборатории рассказали новый анекдот про Чапаева. Слышал?

– Нет.

– Спрашивает Петька: «Василий Иванович, слышь, Бангладеш какая-то образовалась». «Да ничего, Ванька, – отвечает Чапаев. – Ты, главное, не чеши, сама пройдет».

Игорь натянуто улыбнулся и поспешил выдвинуть контраргумент.

– Зато какая песня Харрисона о Бангладеш.

Действительно, песня, написанная одним из битлов, Джорджем Харрисоном, в то время звучала повсюду, и мне она, а вернее, ее мощный припев довольно нравился. Но я все-таки не удержалась от ехидного замечания.

– Вот он твой идеализм к чему привел. Надо же тебе было взять этот дурацкий бенгальский язык!

– Да ты не волнуйся, я еще не согласился, они сказали, что можно подумать.

Но было ясно, что Игоря соблазняет возможность оказаться в только что созданном государстве, в посольстве, которое только открывается, получить возможность самостоятельной работы.

Наверное, во всех нас, и тем более в мужчинах, дремлет до поры до времени инстинкт первопроходцев. К тому же его, естественно, подкупал и шанс получить досрочно первую дипломатическую должность – атташе. В глубине души я уже была уверена, что обречена. Но все-таки пыталась сопротивляться. Упросила Игоря посоветоваться с начальством и попробовать отказаться. Реакцию шефа предугадать было не сложно. Он решительно не советовал Игорю отказываться. Он утверждал, что все уже заранее решено и запрос не более чем формальность. Предупреждал, что в противном случае Игорь может поставить крест на своей карьере. Подозреваю, что хотя генконсул и был перестраховщиком, в данном случае он был недалек от истины. Возможно, он даже по-своему проявлял заботу об Игоре – ведь с его отъездом генконсульство на какое-то время оставалось без бенгалиста.

Наша участь была решена. В очередной раз с начала мидовской карьеры ход нашей жизни неожиданно резко менялся. С той небольшой разницей, что на сей раз я хотя бы предприняла небольшую попытку сопротивляться. Но была заранее обречена на поражение, поскольку мидовская бюрократия на этот раз действовала по принципу: разделяй и властвуй! Она посеяла сомнения в душе Игоря, соблазнив его обещаниями более высокой должности.

Игорь дал согласие на перевод в посольство СССР в Бангладеш. Мне не оставалось ничего другого, как начать готовиться к отъезду в Москву.

Вскоре я смотрела в последний раз в иллюминатор на уплывающую вдаль Калькутту, а в ушах звучал мощный рефрен из песни Харрисона «Бангладеш, Бангладеш...». Я постаралась успокоить себя: вряд ли жизнь в Бангладеш будет так уж сильно отличаться от жизни в Индии. В конце концов, в прошлом это была вообще одна страна. А от Калькутты до Дакки на самолете всего двадцать минут.

Пройдет всего несколько месяцев, и я узнаю, как сильно ошибалась в тот момент.

Вид на Дакку с крыши виллы

После окончания института я выбрала так называемое свободное распределение, а по существу, осталась без работы и в июле 1972 года приобрела статус «домашней хозяйки». Ничего другого не оставалось, как ехать вести домашнее хозяйство в Дакку, к мужу. Надо признаться, что ехать в Бангладеш мне очень не хотелось, и я всячески оттягивала этот момент. Тем не менее в августе, упаковав огромную коробку с продовольствием (Игорь писал, что с продуктами в Дакке неважно), я отправилась в путь.

В то время полет в Дакку назвать легким было никак нельзя. Перелет занимал пятнадцать часов. Летали мы первое время на турбовинтовом Ил-18. Говорят, что это очень надежный самолет. Я помню следующий эпизод. Несколько лет спустя из аэропорта Дакки улетал последний Ил-18. На линии Москва – Дакка вводились рейсы более современного Ил-62. И вот представитель «Аэрофлота» в Бангладеш чуть не плакал и пытался доказывать всем, что нет лучше на свете самолета, чем Ил-18. Не берусь спорить, но, как пассажир, предпочитаю самолеты, на которых вы не испытываете острых ощущений, сопоставимых с катанием на американских горках. А тем более в течение 15 часов. К тому же я летела вместе с большой группой – человек двадцать советских моряков, направлявшихся на работу в крупнейший порт Бангладеш – Читтагонг. Все они безостановочно «смолили», прикуривая одну от другой жутко вонявшие папиросы. И хотя я сама покуриваю, но в этот раз я была уверена, что если самолет все же и не рухнет после очередной встряски, то я уж точно умру от удушья раньше, чем мы долетим до Дакки. Зато как я была счастлива, когда мы приземлились. Даже Бангладеш уже больше не пугала. Все лучше, чем лететь дальше на этом самолете!

Состояние, в котором я вышла из самолета, не способствовало критическому осмыслению действительности. И тем не менее то, что я увидела, обескураживало. Убогое здание аэропорта, грязь, удушающая жара и влажность. Начинаясь прямо от аэропорта, вдоль центральной улицы тянулись проволочные ограждения, и за ними находились сотни изможденных, грязных, одетых в лохмотья людей. Многие стояли, прижавшись к проволоке, и с тоской глядели, как мне казалось, прямо на нас. В памяти невольно возникли кадры из документальных фильмов времен Второй мировой войны о немецких концентрационных лагерях.

– Это что – концлагерь? Кто эти люди? – спросила я Игоря.

– Это жители Восточного Пакистана, в основном выходцы из Бихара, которые не хотят оставаться в Бангладеш, а пытаются выехать в Западный Пакистан.

– А почему?

– Бихар – это же штат Индии, граничащий с Восточным Пакистаном. Эти люди мусульмане. Они уехали из Индии после раздела. Уехали в Пакистан. И хотят жить в Пакистане, а не в Бангладеш. Они даже говорят не на бенгальском языке, а на урду. Кроме того, у многих из них семьи остались в той части Пакистана.

– А чего же их держат как преступников за решеткой? – не унималась я.

– Во-первых, среди них есть и те, кто сотрудничал с прежним режимом, активно помогая предотвратить отделение Восточного Пакистана. В других странах их вообще могли бы судить или по-тихому разделаться с ними да и все. А тут их просто отпускают в Западный Пакистан. Во-вторых, есть и те, кто

хочет уехать, так как не согласен с нынешней политикой, с курсом на социалистические преобразования, национализацию, дружбу с нами. А потом, где ты хочешь, чтобы их держали? Гостиниц – раз-два и обчелся, да и вообще жилье – здесь понятие относительное. Так что им просто около аэропорта отгородили пространство, где разрешили пока жить.

То, что в Бангладеш с жильем еще хуже, чем в Индии, уже было ясно. Больших домов, пусть и запущенных, как в Калькутте, практически не было. Вдоль дороги, по которой мы ехали, тянулись ряды полуразвалившихся хибар. Жильем это можно было назвать с большой натяжкой.

Поразил меня и нищенский вид людей на улице. Мне казалось, что нищеты я уже тоже насмотрелась. Но здесь нищета была просто вопиющая, угнетающая. А ехали мы по центральной улице города. Центральные улицы Калькутты, и тем более Дели, заполняли в основном чисто и опрятно одетые люди. И вообще индийская толпа, даже состоявшая из бедных людей, выглядела красочно, особенно благодаря ярким цветам сари женщин. Здесь женщин на улицах почти не было. Те же, что изредка попадались, в основном были одеты в сари какого-то неопределенного бело-серого цвета. Тогда же я увидела и совсем редкое для Индии зрелище – женщин, с ног до головы скрытых черными балахонами.

Недавно одна моя подруга побывала там по долгу службы. Ранее, наслушавшись моих рассказов, она ужасно не хотела и боялась туда ехать, всеми правдами и неправдами пыталась отказаться от этой поездки. Но ехать все-таки пришлось. Каково же было мое удивление, когда после возвращения она мне заявила, что теперь Дакка – вполне приличный город и ей там даже понравилось. Правда, как выяснилось из более детальных рассказов, она вместе с другими членами делегации жила в новом, недавно построенном отеле «Хилтон» и выбиралась оттуда только на кондиционированных машинах в министерства, где у них были встречи. Да и пробыла там всего четыре дня. Поэтому мы решили, что на основании ее впечатлений еще рановато рекомендовать нашим друзьям выбирать Бангладеш в качестве следующего места проведения отпуска.

В тот августовский день Дакка произвела не меня удручающее впечатление. К счастью, район, где жили практически все иностранцы и богатые бангладешцы, был довольно симпатичным. Назывался он тоже красиво – Гульшан, находился на окраине Дакки и состоял исключительно из недавно построенных вилл. Повсюду росли мои любимые бугенвиллии, причем самых разных оттенков – от пунцового до белого, что окончательно покорило меня. Наш дом находился почти на самом берегу небольшой речки и выглядел довольно прилично: белое двухэтажное здание в центре небольшого, но все же садика.

Однако когда мы вошли в наши апартаменты, настроение мое опять упало. Малюсенькая комнатенка: два шага от двери – и я уперлась в кровать. Встав с другой стороны кровати, вы сразу же упирались в холодильник, поскольку кухня была тут же, около кровати. И крошечная ванная с туалетом рядом с этими восьмью–десятью метрами жилой площади. Но главное, что меня поразило, – ни одного окна. Нам явно не везло с окнами. Шесть окон в Калькутте, с которыми я не знала что делать, пока Игорю не пришла в голову гениальная по простоте мысль закрыть их, повесив шторы по всей длине стен. И ни одного окна здесь. В этом отсутствии окон было что-то совсем угнетающее.

Прямо тюрьма какая-то, да и только. Еще и туалет прямо в комнате. Только металлической двери не хватает.

Первые месяцы в Бангладеш я посвятила прорубанию «окна в Европу», как шутил Игорь. Я уже сказала, комнатуха была совсем крошечная. Практически всю ее занимала кровать. Лежа на ней, я всегда вспоминала бабушкину восьмиметровую комнату в коммунальной квартире на Мещанской улице.

Эврика! Я даже подскочила на своей кровати в Бангладеш. Я поняла, чего мне здесь так не хватает. Окна. Хотя бы одного. После небольшой разведки я поняла, что моя мечта вполне осуществима. Рядом с нашей комнатой, через коридор находилось пустовавшее складское помещение, в котором было целых два окна. К тому же оно выходило на крышу первого этажа. Таким образом, мы могли получить не только вождеденные окна, но и возможность выходить на крышу и использовать ее по своему усмотрению.

В результате развитой мною бешеной активности где-то через месяц, благодаря двери, прорубленной в стене нашей комнаты, мы имели выход в складское помещение, которое приспособили под гостиную. Завхоз сделал широкий жест и отдал нам кое-какую списанную мебель. Одно было плохо – по штату Игорю был положен лишь один кондиционер, который и был у нас изначально в выделенной комнате. Второй ему не был положен до тех пор, пока он не продвинется на одну ступень по дипломатической лестнице. Так что у Игоря появился дополнительный стимул работать лучше, чтобы получить в соответствии с лозунгом, определявшим нашу жизнь, «по труду».

Хотя, по Хрущеву, мы должны были уже жить при коммунизме, но дорога по-прежнему не пылилась. Помните старый анекдот хрущевских времен, когда дед спрашивает внука: «Посмотри, Ванюша, не пылится ли дорога, не идет ли коммунизм?» Поэтому все еще действовал принцип социалистического общества: «От каждого по способностям, каждому по труду». Обидно, что так и не пришлось никому из нас посмотреть, а будет ли работать в жизни принцип коммунистического общества: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Правда, чем дольше я живу, тем больше у меня сомнений, что подобный принцип жизнеспособен.

Без кондиционера пользоваться новой комнатой можно было лишь месяца три – четыре в году, когда не было настоящей жары. Но и это было уже что-то. Я разрисовала стены комнаты «под кирпич», на улице вырыла пару кактусов и посадила их в горшки, повесила занавески из простого джута, и получился довольно оригинальный интерьер. Во всяком случае, было где принимать людей, да и самим посидеть вечером, полюбоваться на замечательные бангладешские закаты. Таких полыхающих всеми цветами радуги закатов я больше нигде не видела. Они напоминали мне картины Тернера, которому, на мой взгляд, как никому другому, удавалось передать непостижимую игру небесных красок.

Вид из окон нашей вновь обретенной гостиной был замечательный. А самое главное – мы приобрели огромный балкон. Вернее, это был не балкон, а просто крыша первого этажа, на которую мы теперь могли выходить гулять из нашей гостиной. Эта крыша значительно скрасила мою жизнь в Дакке. Я получила возможность гулять. Для тех, кто не жил в Бангладеш, это звучит, наверное, странно. Почему гулять по крыше, а улица на что? Я уже говорила, что Гульшан, район, где мы жили, находился далеко от центра и здесь улиц как таковых просто не было. Даже если бы они и были, вам бы вряд ли захотелось

гулять по ним, поскольку вы через пару минут оказывались окруженной кучей детей, подростков, стариков и старух, которые просили «бакшиш», то есть милостыню. Позже я поняла, что большинству из этих казавшихся древними стариками и старухами людей не было и сорока лет. Нищета, какую я увидела в Бангладеш, была настолько вопиющей, что даже мне, закаленной опытом Калькутты, было невозможно смотреть на эти изможденные лица, торчащие кости, вздутые животы детишек, жуткие лохмотья вместо одежды.

Кроме того, в период муссонов, а это три месяца – июль, август и сентябрь – у нас не было недостатка в доказательствах того, что Бангладеш больше, чем любая другая страна, подвержена наводнениям. Дакку, и даже наш относительно благополучный, с этой точки зрения, район, постоянно затапливало. Бывали дни, когда мы вообще не могли выйти на улицу. Гульшан превращался в плохонькую, но Венецию. А один раз мы целую неделю вообще вынуждены были вести затворнический образ жизни. Надо ли говорить, что даже тот факт, что во время наводнений нам не надо было ходить на работу, поскольку гондолы и обычные лодки еще не использовались (не знаю, как сейчас), не заставил нас относиться к этому стихийному бедствию с симпатией. А ведь в любой нормальной стране возможность проманкировать службу заставляла бы лишь радоваться.

Да и другие сезоны не очень благоприятны для пеших прогулок, поскольку в Дакке почти всегда жарко и влажно. Варьируется лишь степень жары и влажности. Несмотря на достаточное однообразие погодных условий, сами бангладешцы умудряются различать шесть сезонов: бошонтто – весна (март–май); гришшо – жаркий сезон (май–июль); борша – сезон дождей, о котором я уже говорила, что он длится с июля по сентябрь; шорот – ранняя осень (сентябрь–ноябрь); хемонто – поздняя осень (ноябрь–январь) и наконец шит, что, как вы уже догадались, означает зиму. Это единственный нежаркий сезон, когда термометр днем не поднимается выше отметки 30 градусов, а ночью температура «падает» до 13–15 градусов.

Теперь, наверно, всем понятно, почему крыши домов в Бангладеш всегда плоские. Это единственное доступное место прогулок для любителей подышать пусть относительно, но все же свежим воздухом. Особенно по вечерам, когда спадет жара и можно выходить на воздух без риска получить через полчаса солнечный удар.

Я отношусь именно к той части человечества, которая просто вымерла бы, как динозавры, если бы не имела возможности хотя бы час в день, невзирая на любую погоду, гулять. Этот вид имитации физических упражнений я раз и навсегда обозначила немецким словом «марширунг», что означает ходить по любой местности – будь то лес, поле, сад, дорога, горы, берег океана, лишь бы на открытом воздухе. Должна без ложной скромности сказать, что я внесла свою лепту в развитие этого вида спорта, изобретя марширунг по крыше. Правда, зачастую мои прогулки по крыше больше напоминали метания тигрицы, запертой в клетке. Как правило, это происходило в сезон дождей, после того, как мое заключение в домашней тюрьме переваливало за двое суток.

Помимо того, что здесь я получала хоть какой-то заряд физической энергии, я могла еще и наблюдать жизнь, протекавшую за пределами нашего дома. Наша вилла стояла на самой окраине Гульшана на берегу небольшой реки. А за рекой, насколько хватало глаз, казалось, до самого океана, простирались рисовые поля, однообразие которых нарушали одиноко торчавшие пальмы.

Во второй половине дня в реке можно было разглядеть черные силуэты буйволов, которые, отработав рано утром на полях, прятались здесь от полуденной жары. Их мощные тела почти сливались с мутными темными водами, и над поверхностью торчали лишь головы с изогнутыми рогами. К реке часто приходили женщины из окрестных деревень постирать белье. Хотя я с трудом представляю, как можно было что-то отстирать в этой илистой воде. Эта река служила, как это часто бывает в Азии, и своеобразным мусоропроводом. Она безропотно принимала в свое лоно весь мусор и нечистоты окрестных городков и деревень.

Однажды во время очередных вечерних посиделок в нашем доме несколько мужчин поспорили, кто из них быстрее переплывет речку туда и обратно. Те, кто был потрезвее, попытались их отговорить. Но куда там. Русский кураж, помноженный на значительное количество выпитых стаканов виски, толкал их на подвиг. Заплыв состоялся. Мужчины целыми и невредимыми вылезли из воды. Но узнать их было трудно. Вместо вошедших в воду двух представителей белой расы перед нами стояли какие-то не то слишком светлые негры, не то чересчур темные мулаты. Их тела были сплошь покрыты черным жирным илом. Хорошо, что тогда еще в доме была вода. Но ванную после их мытья пришлось отмывать несколько дней. С тех пор даже в самую жару в Бангладеш ни у кого из нас не возникало желания пойти окунуться в речке.

Недалеко от дома росли два огромных дерева. Я так и не запомнила их название. Удивительным было то, что большую часть года они стояли практически голыми. У них были мощные стволы и толстые, красиво изломленные ветви. А листья – совсем маленькие, их почти не было видно. Но зато где-то в конце февраля или начале марта на этих деревьях распускались необыкновенной красоты и величины пурпурные цветы, нечто среднее между цветком камелии и магнолии. Цветы как будто «сидели» на черных изломанных голых ветвях. Чем-то это напоминало цветение кактусов. На кактусах цветки тоже иногда кажутся приклеенными, настолько неорганичны они на этих колючках. К восхищению фантастической красотой этого дерева всегда примешивалась и грусть. Его цветение знаменовало окончание относительно нежаркой «зимы» и наступление очередного периода тропического «лета».

После того как опадали пурпурные магнолии, на дереве появлялись совсем иного рода «цветочки» – грифы. Эти малосимпатичные птицы облюбовали мои любимые деревья, наверное, потому, что они находились около реки, в которую, как я уже говорила, периодически сбрасывали что-то, вплоть до трупов умершего скота. Чисто эстетически они очень хорошо подходили друг другу. Черные, как будто обгоревшие, искривленные деревья и тоже черные огромные носатые птицы с белым жабо на длинной голой шее. Лицезрение этой бангладешской икебаны неизменно навело на меня мистически-трагическое настроение. Вблизи грифы походили на портреты испанского короля Филиппа II кисти Веласкеса. Облаченные в своеобразные черные камзолы с белыми кружевными воротниками, они с высоты взирали на вас с тем же усталонадменным видом.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, которые возникали при виде деревьев в их траурном обрамлении, я начинала наблюдать за жизнью нескольких бангладешских семей, чьи лачуги примостились прямо под стенами нашего дома. Там всегда кипела жизнь. Бегала куча пузатых полуголых ребятишек. Женщины что-то варили в котелке, пристроившись на корточках

возле маленького костра, разведенного тут же около лачуги, подметали двор и пол дома или отправлялись за водой. Когда выпадала свободная минута, они занимались своим туалетом: мазали кокосовым маслом кожу и волосы, болтали о чем-то, сидя, опять же на корточках, в тени деревьев.

В их обязанность входило также лепить из бычьего навоза пополам с соломой лепешки, которые после высыхания использовали как топливо, вместо хвороста (его, как нетрудно догадаться, в Бангладеш мало). Чтобы лепешки высохли, их налепляли на стены хижин. Получался довольно живописный орнамент, особенно если смотреть издали. Я долгое время любовалась этой своеобразной лепниной в полной уверенности, что она создана для украшения жилищ. Прошло несколько месяцев. Наступил прохладный период, и женщины по вечерам начали изымать элементы «орнамента» и уносить в дом, а потом оттуда потянуло довольно зловонным приторным дымком. Вот тогда я и поняла, в чем дело. Но дымок, хоть и вонючий, все равно настраивал на мирный и несколько философический лад.

«Вон люди как живут, и ничего, – успокаивала я сама себя, – как-нибудь продержимся, ведь нам остался всего один год до конца командировки».

Мы часто жалеем о том, что будущее скрыто от нас. Но иногда лучше не знать, что тебя ожидает. Я не представляю, что бы я испытала в тот момент, если бы узнала, что мне предстоит провести в этой стране не год, а целых четыре. Все обещания, что пребывание в Бангладеш будет рассматриваться как продолжение командировки в Индию, оказались ложью, рассчитанной на таких неопытных людей, какими были мы в тот момент.

Приближалась годовщина нашего пребывания в Дакке. Игорь послал в МИД просьбу о замене. В этот день он должен был получить ответ. Я с нетерпением ждала его возвращения. Вдруг вижу: он идет явно удрученный.

– Ну что, когда замена? – спрашиваю, затаив дыхание.

– Никакой замены не будет, – едва выдавливает из себя Игорь.

– Как?

– А вот так. Обвели нас вокруг пальца, как щенков.

– Не может быть...

– Очень даже может. Новая страна, новая должность – значит, и новая командировка.

– И когда же замена?

– Через три года!

– Что? – завопила я. – Как через три года?

– А вот так. Это вторая командировка. А вторая длится не два года, а как минимум три. Значит, не раньше чем через два года я могу просить о замене. Да и то не факт, что пришлют.

Игорь как в воду глядел. Через два года замену нам не нашли. Много ли желающих ехать в эту дыру. И удалось нам уехать из Бангладеш только через три года, да и то с большим трудом.

Итак, очередное вмешательство МИДа в нашу жизнь – перевод на работу в Бангладеш – на этот раз по своим последствиям для нашей жизни оказалось самым драматическим. Четыре года жизни в стране, о которой и вспоминать не очень хочется.

Нужны ли нам «ножки Буша»?

Итак, приехав в Бангладеш, я не обнаружила там ничего из того, что так привлекало меня в Индии. Но поскольку жить в стране и не интересоваться тем, что в ней происходит, не для меня, я решила сделать своим хобби политическую жизнь Бангладеш. Все-таки не каждый день присутствуешь при рождении нового государства. Моему решению способствовало и то, что произошло событие, о котором я, честно говоря, даже и не мечтала. Меня пригласили на работу в посольство СССР. В первый и в последний раз в своей жизни именно в Бангладеш я немного поработала «дипломатом». Кадров в новом посольстве не хватало. И тут, не без подсказки Игоря, вспомнили, что я тоже как-никак МГИМО окончила. Я, конечно, согласилась. Не потому, что так хотела стать дипломатом. Вовсе нет. Просто за два месяца сидения в почти одиночном заключении я так озверела, что пошла бы уже на любую работу, даже уборщицей. А тут вдруг – референтом-переводчиком в посольство. Счастье, да и только.

Моим первым и последним начальником на дипломатическом поприще был тогдашний советник посольства Юрий Николаевич. Высокий, полный, с довольно солидным животиком, он при этом был крайне подвижен, спортивен и эмоционален. Прекрасно играл в теннис и проводил на теннисном корте многие часы, невзирая на любую жару. Да и что ему было еще делать, когда он почти все время был в Дакке один. Его жена, звезда телеэкрана Валечка, не часто баловала его и всех нас своим присутствием. И эта было понятно. Как же заснут миллионы советских детей без очередной сказки, рассказанной им тетей Валей с помощью Хрюши и Степашки?

В принципе Юрий Николаевич был американистом, и почему он оказался в Дакке, для всех было непонятно. Да это теперь уже и не важно. Важно то, что он поручил мне заниматься женскими и студенческими организациями, а также поручил следить за развитием американско-бангладешских отношений. И тем самым предопределил сферу моих интересов и даже профессию на много-много лет вперед. Вот вам еще один из примеров всевластия случая.

Скорее от нечего делать, чем потому что мне это было так нужно, я начала собирать материал и писать работу об американско-бангладешских отношениях. Работа, как ни странно, пригодилась. Вернувшись в Москву, я защитила в Институте США и Канады кандидатскую диссертацию «Американско-бангладешские отношения».

Сейчас много говорят о «тайных» пружинах американской дипломатии. А такие ли уж они «тайные»? На мой взгляд, основные методы американской дипломатии, которые позволяют им решающим образом воздействовать на позицию любой страны, лежат на поверхности и неизменны вот уже многие годы. И, прежде всего, это традиционная политика кнута и пряника. Причем роль и того и другого выполняет... американская экономическая помощь.

Казалось бы, при чем здесь Бангладеш? Дело в том, что именно в Бангладеш тридцать лет тому назад я убедилась, каким эффективным рычагом влияния является американская экономическая помощь.

Чтобы проверить правильность своих ощущений, я недавно даже перечитала написанную мною на основе диссертации и выпущенную в 1982 году книгу «Бангладеш, Южная Азия и политика США».

Что-то в ней мне показалось наивным, многое чересчур пропагандистским. Но кое-что в ней, на мой взгляд, даже с высоты двадцати лет все-таки не

устарело и по-прежнему звучит актуально. Это, прежде всего, рассказ о том, что я наблюдала воочию: как американцам, не прибегая ни к каким интервенциям, не провоцируя переворотов, удалось за два года поставить на «правильный» путь страну, скандировавшую антиамериканские лозунги и всю размахивавшую социалистическими знаменами.

Отношения США и Бангладеш сразу после образования этого государства были очень плохими. В стране господствовали резко антиамериканские настроения. В периодической печати Бангладеш в то время регулярно появлялись материалы, в которых рассказывалось о поддержке правительством Р. Никсона позиции Пакистана во время его борьбы против движения за независимость Восточного Пакистана и в ходе индо-пакистанского конфликта. Так ли это было на самом деле?

Надо сказать, что Вашингтон не был заинтересован в развитии конфликта между Западным и Восточным Пакистаном, справедливо опасаясь, что подобный конфликт не оставит безучастной Индию, и, таким образом, события, как это и произошло, выйдут за рамки одной страны. Кроме того, Вашингтон стремился к сохранению единого Пакистана, считая, что отделение Восточной Бенгалии повлечет за собой ослабление Пакистана – традиционного союзника США в этом регионе. Что, кстати, также произошло.

На первом этапе развития конфликта между Западным и Восточным Пакистаном США попытались «умиротворить» восточную провинцию, посылая туда значительные поставки продовольствия. Однако по мере углубления конфликта и особенно после того, как в Восточном Пакистане возобладали силы, провозгласившие курс на отделение, США прекратили оказание даже гуманитарной помощи этой провинции.

Правительство Никсона ни разу не высказало публично никаких критических замечаний в связи с действиями Пакистана. В те редкие случаи, когда на события в Восточном Пакистане обращалось внимание, их комментировали как внутреннее дело Пакистана, в которое США не имеют права вмешиваться. США даже не попытались оказать экономическое давление на центральное правительство с тем, чтобы остановить репрессии в Восточном Пакистане. Более того, даже в разгар гражданской войны в Восточном Пакистане США не прекратили поставок оружия центральному правительству. Когда же началось вооруженное столкновение между Индией и Пакистаном, правительство Никсона перешло к политике активной поддержки Пакистана. В воды Бенгальского залива было послано американское соединение ВМС во главе с авианосцем «Энтерпрайз».

Естественно, особенно на фоне той поддержки, которую с самого начала оказал Советский Союз движению за отделение Восточного Пакистана (в соответствии с нашей тогдашней терминологией это называлось борьбой за независимость), американская политика не могла не восприниматься как враждебная в Бангладеш.

Какие же силы находились у власти в это время в Бангладеш? Как я уже писала, после завоевания независимости к власти в стране пришло правительство Муджибура Рахмана. Сам Муджибур был харизматической личностью. Даже чисто внешне он отличался от большинства бенгальцев, так как был очень высокого роста, крепкого телосложения, с крупными чертами волевого лица. Его издали можно было заметить в любой толпе, над которой он всегда возвышался. Народ называл его Бангабандху, что значит Большой Друг. Муджибур был человеком страстным, увлекающимся, в большей степени

идеалистом, чем политиком. Он восхищался Фиделем Кастро, в чем-то даже подражал ему. Во всяком случае, оратор он был очень неплохой, но, так же как и Фидель Кастро, начиная говорить, забывал о времени и на первых порах выступал часами. В пылу борьбы за независимость он, охваченный энтузиазмом, провозгласил антикапиталистическую ориентацию, и по его предложению была разработана целая программа радикальных социально-экономических преобразований. Теперь, придя к власти, их надо было осуществлять. Однако большинство членов руководства партии, так же как и сам Муджибур, были выходцами из средних слоев, получившими западное образование и тесно связанными в силу происхождения и родственных связей со средними и относительно крупными земельными собственниками. Их интересы они и были призваны отражать. А эти люди совсем не горели желанием получить у себя в стране азиатский вариант Кубы.

Тем не менее после прихода к власти возглавляемая им партия «Народная лига» осуществила часть обещанных преобразований. Муджибур Рахман даже настоял на включении в конституцию страны статьи, в которой декларировалось намерение Бангладеш следовать антикапиталистическим курсом. Были национализированы крупные предприятия таких отраслей промышленности, как джутовая, сахарная и текстильная. Однако национализация не дала ожидаемого эффекта. Наоборот, на государственных предприятиях заметно участились случаи хищений, злоупотреблений. К послевоенной разрухе и общему тяжелому положению в экономике прибавился еще и небывалый разгул коррупции на всех уровнях административной системы.

Аграрная реформа свелась к весьма формальному введению «потолка» землевладения. Реформа не привела к улучшению положения крестьян. Кроме того, серьезный ущерб сельскому хозяйству нанесли два неурожайных года и сильнейшее наводнение 1974 года. Это привело к резкому ухудшению продовольственного положения страны, начался голод. Впервые за 30 лет в Бангладеш случаи голодной смерти приобрели массовый характер.

Бангладеш остро нуждалась в иностранной помощи. Еще в марте 1972 года правительство Муджибура Рахмана разработало программу восстановления разрушенной экономики страны, для осуществления которой нужно было отыскать по крайней мере 1 млрд. долларов. Откуда могли взяться такие деньги в этой и так беднейшей стране, а в тот момент еще и разоренной войной? Естественно, извне и, прежде всего, из США. Поэтому уже с осени 1972 года правительство Бангладеш начало пытаться наладить отношения с США.

Надо сказать, что на протяжении 20 лет народ Восточной Бенгалии зависел от американской пшеницы, посылавшейся сюда в порядке помощи. Однако именно теперь, когда Бангладеш так нуждалась в американском продовольствии, США отнюдь не спешили прийти ей на помощь. Американское правительство перестало оказывать помощь продовольствием. Бангладеш стала закупать у США продовольствие на коммерческой основе. К лету 1974 года Бангладеш оказалась не в состоянии оплатить продовольствие, которое она заказала. Представители Бангладеш обратились с просьбой о займах к банку «Чейз Манхэттен Бэнк», но получили отказ. Правительство США также отказалось осуществить поставки зерна в кредит. Были даже приостановлены и поставки зерна, осуществляемые при чрезвычайных обстоятельствах по «закону 480». А в это время голод в стране был особенно острым. Как выяснилось

впоследствии, одной из причин столь жесткой линии в отношении Бангладеш было недовольство Вашингтона тем, что правительство М. Рахмана развивало торговые отношения с Кубой, в частности, поставляло джут в эту страну. Почти в течение года правительство Никсона успешно использовало заинтересованность Бангладеш в получении помощи для оказания давления на правительство М. Рахмана. В итоге помощь была возобновлена, когда Бангладеш в одностороннем порядке прекратила торговлю с Кубой. Подчинив свою политику задаче получения иностранной помощи, Бангладеш предприняла и другие шаги для того, чтобы «умилостивить» тех, кто может эту помощь предоставить в наибольших размерах. Правительство М. Рахмана согласилось выплатить часть долгов бывшего Восточного Пакистана (этот вопрос давно ставился западными странами, в том числе и США), отменило ограничения на деятельность частного сектора, пересмотрело политику по ограничению иностранных капиталовложений, увеличило срок гарантий от национализации.

По мере того как во внутренней политике правительство Муджибура Рахмана отходило от ранее провозглашенных принципов, а во внешнеполитической жизни страны все четче прослеживалась тенденция к развитию связей с США, увеличивалась и американская помощь. Так, если в 1973–1974 годах США предоставили Бангладеш помощь на сумму в 86 млн. долларов, то в 1974–1975 годах – на сумму примерно в 320 млн. долларов. У меня, к сожалению, нет данных о помощи, предоставленной Бангладеш Советским Союзом. Но, по некоторым оценкам, за весь период с момента образования Бангладеш и по 1975 год объем советской помощи составил всего 56 млн. долларов. А объем американской помощи за этот же период достиг примерно 600 млн. долл. Американская помощь составила более 35% всей помощи, предоставленной Бангладеш за этот период. Как говорится, комментарии излишни.

Попытки правительства М. Рахмана использовать иностранную продовольственную помощь для облегчения бедственного положения населения не смогли кардинально изменить кризисную ситуацию. Причины неэффективного использования иностранной помощи были связаны не только с отсутствием опыта у администрации, но и с ростом коррупции среди функционеров партии. Коррупция приобрела такие масштабы, что практически была парализована деятельность правительства как по распределению иностранной помощи, так и по осуществлению каких-либо реформ. В итоге это привело к падению авторитета не только правящей партии, но и неизбежно Муджибура Рахмана.

Чем хуже становилось экономическое положение и очевиднее неспособность правительства решить проблемы, тем активнее действовала оппозиция, обвинявшая М. Рахмана в том, что по его вине страна оказалась на грани катастрофы. В этой ситуации, как это часто, к сожалению, бывает, демократ Муджибур Рахман встал на путь укрепления режима личной власти. В конце 1974-го – начале 1975 года в стране была введена президентская форма правления и однопартийная система. Начался процесс явного ограничения демократических свобод. Однако эти чрезвычайные меры не дали ожидаемого результата, а привели к дальнейшему росту оппозиции и обострению внутривластной ситуации. Ошибкой правительства было и все большее привлечение армии к проведению операций по поддержанию «законности и порядка».

В области внешней политики также происходили значительные перемены. Все было подчинено задачам получения как можно большей иностранной помощи. Правительство стремилось расширить связи с богатыми арабскими странами, а также, конечно, с США и со странами Западной Европы. Все это, естественно, на фоне ослабления отношений с Индией и с Советским Союзом.

Усиление изоляции режима внутри страны, отсутствие позитивных сдвигов в экономике, непоследовательность во внешней политике – все это, безусловно, благоприятствовало замыслам организаторов переворота, который и был совершен 15 августа 1975 года группой молодых офицеров. Муджибур Рахман сначала был арестован и содержался под домашним арестом со своей семьей, а через какое-то время при весьма загадочных обстоятельствах и он, и все, кто находился в доме ночью, были застрелены. Была запрещена всякая политическая деятельность, распущены все партии, арестованы и расстреляны сподвижники Муджибура Рахмана. Так печально закончился один из самых ярких периодов истории этой только что возникшей страны.

После военных переворотов 3 и 7 ноября 1975 года фактическим главой государства стал генерал-майор Зиаур Рахман, провозгласивший курс на дальнейшее укрепление связей с западными странами, а в области экономики – на создание рыночной экономики. Начиная с этого момента проблем с американской помощью у Бангладеш, естественно, больше не было.

Правда, эффективность использования помощи от смены правительства не изменилась. Тех, кто хотел бы больше узнать об этом периоде развития Бангладеш и в более широком плане – об американской политике в этом регионе мира того периода, отсылаю к своей книге.

Что было после этого? На посту главы государства один военный сменял другого, иногда не брезгуя для этого прибегать к убийству своего предшественника. Из четырех президентов Бангладеш три были убиты. Сегодня пост премьер-министра страны занимает женщина – Хасина Вазед, дочь Муджибура Рахмана. В ту ночь, когда вырезали всю семью тогдашнего президента, она, по счастливой случайности, была за границей.

Вот уже почти тридцать лет Бангладеш оказывается огромная иностранная помощь. По объему предоставляемой помощи эта страна все время стоит на одном из первых мест в мире. Другой вопрос: так ли уж впечатляющи результаты этой помощи.

На мой взгляд, итоги этих массивных вливаний, мягко говоря, оставляют желать лучшего. Большинство проблем страны как были, так и остаются нерешенными или даже обостряются.

Население страны продолжает бедствовать, что в то же время не мешает ему расти впечатляющими, а скорее, пугающими темпами. Все зависит от того, с какой точки зрения смотреть. Во всяком случае, если в то время, когда мы жили в Бангладеш, население этой страны насчитывало 75–80 млн. человек, то сейчас там проживает уже 140 млн., т. е. за двадцать лет население почти удвоилось.

Уже известен сценарий апокалипсиса в отдельно взятой стране – Бангладеш. Эту страну ожидает настоящий, а не библейский потоп. На Бангладеш наступает океан. Все мы слышали о том, что уровень воды в Мировом океане регулярно поднимается. Это результат потепления климата на Земле, таяния ледников. Вода наступает на сушу. Бангладеш будет первой страной, которая скроется под водой в результате наступления морей и океанов.

Уже в конце XXI века, как ожидается, воды океанов поднимутся еще на один метр. А по расчетам специалистов, если в районе Бангладеш воды Бенгальского залива поднимутся хотя бы на 80 сантиметров, то половина всех земель, пригодных для земледелия, окажется под водой. Разразится голод, невиданный даже в этой вечно страдающей от нехватки продовольствия стране.

Но серьезные проблемы начнутся гораздо раньше. По прогнозу ООН, уже к 2030 году под водой может оказаться территория, на которой сейчас проживает примерно 24 млн. человек.

Мини-потопы происходят в Бангладеш с завидной регулярностью. В сезон муссонов эта страна практически вся затапливается водой. Если в такое время вы подлетаете к Дакке на самолете, то видите лишь торчащие из воды пальмы, небольшие островки суши с расположенными на них домишками. А все остальное – вода, вода, вода. Эта ситуация, ставшая довольно привычной, но от этого доставляющая не меньше проблем, приобретает характер трагедии, когда на Бангладеш обрушивается ураган. В 1991 году во время одного из сильнейших циклонов, пронесшихся над страной, вода в Бенгальском заливе за несколько часов поднялась на десять метров, и большая часть страны оказалась под водой. Жертвы исчислялись десятками тысяч, а по некоторым оценкам погибло около ста тысяч человек.

Было много проектов, как защитить страну от наводнений. Самым логичным казалось построить дамбы. Так, бывший президент Европейского банка реконструкции и развития (МБРР) предложил построить дамбы вдоль всех рек Бангладеш. Первая проблема – деньги. Осуществление проекта обошлось бы в 700–800 млн. долл. У Бангладеш таких денег, естественно, нет. Кое-как собрали с помощью международных доноров деньги на строительство дамбы вокруг Дакки. Но тут же возникли проблемы. Куда переселять крестьян с земель, занятых гигантскими сооружениями? Чем будут жить оставшиеся на своих землях крестьяне? После строительства дамб воды в этих районах недостаточно для традиционных занятий рисоводством и рыболовством. И множество других проблем. В результате строительство дамб было отложено на неопределенное время.

В последние годы страсти разгорелись вокруг новой проблемы. В конце 70-х годов по инициативе МБРР в Бангладеш начали создаваться фермы по выращиванию креветок. Бангладешские креветки нашли спрос на международном рынке, поскольку выращивается там сорт гигантских креветок, которые имеют отличный вкус. Владельцы ферм начали получать большие прибыли. Разведение креветок не требует больших вложений, для работы на фермах не надо много работников. Ферм стало создаваться все больше и больше. Для этого искусственно затапливались большие участки земли. В Бангладеш и так мало территорий, пригодных для земледелия. Сильно пострадали крестьяне, выращивавшие рис, овощи. Пострадало и рыболовство, так как при создании ферм перекрываются многие реки и каналы и рыба не проходит внутрь территории. Во многих «креветочных» районах населению все чаще нечего было есть.

В итоге началась борьба крестьян против дальнейшего развития креветочных ферм под лозунгом: «Рис против креветок». Но за владельцами креветочных ферм стоят крупные землевладельцы и бюрократия на местах, а также в центре, получающая свою долю доходов от креветочного бизнеса. Борьба приобретает все более ожесточенный характер. Сотни активистов движения против создания креветочных ферм были убиты.

Вся ситуация вокруг креветочного бизнеса – верх абсурда. Поневоле вспоминаешь слова одного из самых уважаемых мною журналистов англичанина Джона Симпсона, ведущего журналиста Би-би-си. В одной из своих книг «A Mad World, My Masters» он написал примерно следующее: «Если наш мир и безумен, а так оно и есть, то это, скорее не сумасшествие как таковое, а постоянное проявление абсурда».

Действительно, ну не абсурд ли это – в стране, большая часть которой и так покрыта водой, затапливать новые земли, чтобы создавать креветочные фермы! И это в Бангладеш, где все уменьшается количество земель, на которых можно что-то выращивать, чтобы прокормить быстрорастущее население. В итоге тот же МБРР, с чьей легкой руки началось развитие креветочного хозяйства в Бангладеш, вынужден изыскивать новые возможности для оказания помощи стране, которая все в меньшей степени способна себя прокормить. Зато у населения Западной Европы нет проблем с креветками. Но откуда берутся деньги для оказания помощи Бангладеш? Из карманов налогоплательщиков той же Западной Европы. Образуется порочный замкнутый круг.

Пример Бангладеш, как мне кажется, как никакой другой страны, свидетельствует о том, что иностранная помощь не панацея. Так же, как и опыт, привнесенный извне, не всегда идеален для решения проблем данного государства.

И это, безусловно, относится не только к Бангладеш. Сегодня я все чаще думаю об этом, когда вижу, как наша страна все больше и больше уповает на иностранную помощь, все чаще пытается решать проблемы, слепо используя чьи-то рецепты.

Да, мы нуждаемся в притоке капитала из-за рубежа. Нам надо внедрять новые технологии с помощью западных партнеров. Нам надо поощрять инвестиции в те области экономики, которые мы не можем развивать сами. Но нельзя делать этого без учета национальной специфики, без учета опыта, накопленного Россией веками.

Каждая страна, как и каждый человек, неповторима. Чужой опыт, чужая помощь – это, конечно, важно, но нужно пытаться искать и находить свой путь в этом мире.

Как выжить без воды и хлеба?

Во все времена в непростых ситуациях помогает чувство юмора. Однако нам стало не до смеха, когда вскоре после нашего приезда в Бангладеш в доме, в котором мы жили, начались перебои с водой. Сначала перебои приходились на вечернее время, после целого дня активного мытья, стирок и готовок. Как-никак на нашей вилле, рассчитанной на одну семью, умудрились разместить пять. Мы установили четкий график мытья, стирки, уборки. Но это мало помогло. У нас в доме воцарилась атмосфера коммунальной квартиры. Этакая коммунальная вилла «а la sovietique». На кухне все чаще раздавались возмущенные голоса жильцов, сражавшихся за право мыться двадцать минут, а не пятнадцать, как было решено на общем собрании. Кто-то кричал, что не может мыться один раз в день, и отдавал свое право на стирку в обмен на дополнительные десять минут мытья по вечерам. Другие, наоборот, готовы были мыться лишь раз в неделю, но за это требовали льгот на стирку. Продлилась эта ситуация чуть дольше, и славный коллектив советской колонии, я думаю, недосчитался бы нескольких своих членов, отправленных в Москву за рукоприкладство.

Но обстановка разрядилась сама собой, поскольку исчезла первопричина склок – вода. Она просто прекратила течь вообще. Иногда что-то вдруг начинало урчать в трубах, и мы как сумасшедшие кидались наполнять все возможные емкости жидкостью, тонкой струйкой текшей из кранов. Но скоро урчание прекращалось, и жизнь на нашей вилле вновь замирала. И так продолжалось не месяц и не два, а полгода.

В течение этих шести месяцев мы были самыми трудолюбивыми сотрудниками посольства. Мы регулярно после окончания рабочего дня, отобедав дома, возвращались обратно на работу. А куда деваться – дома ведь и туалеты не работали.

За это время мы лишились многих друзей. Каждый вечер, наметив очередную жертву, мы отправлялись «в гости», что на нашем тогдашнем языке означало – пойти к кому-то помыться. Не мыться при сорокаградусной жаре даже один день было для меня пыткой. Если учесть, что советская колония в то время была относительно небольшой, то можно представить, как мы надоели всем со своими «банными визитами». Тем более что к себе, естественно, мы никого в тот период не приглашали.

Единственное, что было лично для меня позитивным в это время, – отпала необходимость готовить. Вернее, появился благовидный предлог не готовить. Нет воды – невозможно ни помыть продукты, ни вымыть посуду. Эта проблема решилась самым безболезненным образом. Мы стали едва ли не единственными европейцами – регулярными посетителями местных забегаловок. Выпив предварительно для дезинфекции по полстакана виски и взяв бутылку с собой, почти каждый вечер мы отправлялись в «ресторан», как гордо именовались некоторые из них.

Раз уж я заговорила о дезинфекции, доведу эту тему, применительно к Бангладеш, до конца. Конечно, в этой стране мы вели себя уже гораздо более осторожно, чем в Индии. Но, как показал мой опыт, не всегда и не от всего можно уберечься. Особенно распространены в Бангладеш всякие желудочные инфекции. Я всегда считала, что мужчины нарочно преувеличивают опасность подхватить какую-нибудь зловредную амебу для того, чтобы иметь больше оснований для проведения регулярных сеансов «дезинфекции» с помощью любимого колониального напитка – виски.

Но, как мы убедились, к сожалению на собственном опыте, они были недалеко от истины. Стоило Игорю по причине проблем с почками перестать пить (сказались два года в Калькутте, где была очень плохая питьевая вода), как он подхватил какую-то гадость, с которой долго и нудно пришлось сражаться.

Не все истории борьбы с инфекцией, подхваченной в Дакке, кончались так благополучно. Мой однокурсник Вася, при нас приехавший на работу в посольство, умер несколько лет спустя, также подхватив какую-то желудочную бактерию. Многие считали, что инфекция передалась ему от обезьянки, которая жила у него дома. Эту забавную обезьянку он купил на рынке, и она прожила у него пару лет, а потом вдруг умерла. А вскоре заболел и Вася. Его долго лечили в Бангладеш и потом в Москве, но ничего не смогли сделать. Когда он умер, ему было около тридцати лет. Эта была первая смерть моего сверстника. Я опять вспомнила о Васе и его обезьянке не так давно, когда посмотрела американский фильм, наверное, его можно перевести «Тревога!», в котором рассказывается о страшной эпидемии, поразившей целый город. А источником эпидемии, как выяснилось, была маленькая, очаровательная, очень похожая на Васину, обезьянка. Только завезена она было не из Азии, а из Африки.

Что же представлял из себя даккский «ресторан»? Чаще всего это был просто открытый дворик, огороженный со всех сторон циновками, и несколько более-менее чистых столиков по кругу. Освещалось все это великолепие простой лампочкой, прикрытой выжженной солнцем и засиженной мухами бумагой, подвешенной на каком-то допотопном сооружении над столиками. Посередине находилась обязательная принадлежность такого заведения – вылепленная из глины печь. В ней готовились лепешки – «чапати» – и курица, промаринованная в красном остром соусе – «чикен тика». И курица, и лепешки, кстати, были очень и очень вкусными. Таких «чикен тика» я больше никогда не ела, даже в хороших индийских ресторанах.

Еще одним позитивным моментом отсутствия воды стало преодоление психологического барьера, не позволявшего нам общаться с иностранцами за рамками чисто рабочих отношений. Как раз в то время, о котором идет речь, в международной политике началась полоса разрядки напряженности. Отцы разрядки и не подозревали, что новые веяния, которые были вызваны к жизни этой политикой, не только приведут к позитивным сдвигам на международной арене, но и облегчат быт простых смертных в далекой Бангладеш. Спустя почти тридцать лет каюсь: я использовала разрядку в своих корыстных целях.

В это время наше посольство, видимо, получило инструкцию из Москвы о необходимости развивать неформальные отношения с посольствами западных стран, а не только стран социалистического лагеря. Помню исторический волейбольный матч между командами посольства СССР и США. Впервые в нерабочее время в шортах и майках, а не в костюмах и строгих платьях мы вторглись на территорию враждебного государства, отношения с которым было велено начать разряжать. Ну наши мужчины и разрядили. Они проиграли американцам с таким счетом, что ушли сразу же после матча, злые на проклятых американцев более чем когда-либо. Даже не остались на коктейль, на котором планировалось и углубить процесс разрядки. Вот она опасность личных контактов. Американцы из абстрактных классовых врагов, не любящих которых полагалось, как говорится, по должности, враз превратились в конкретных личных соперников. И отношения вместо того, чтобы улучшиться, заметно ухудшились.

Но я решила: раз коллектив призван воплощать в жизнь новую политику, я тоже должна внести свою лепту. Тем более что я уже измучилась таскать воду из дома наших ближайших советских соседей, находившегося довольно далеко. А тут прямо напротив нашей виллы находился дом, в котором жила английская пара. Самое большее, на что мы до этого отваживались, – говорить им по утрам «good morning» и «good evening», встречая их по вечерам.

И вот в один прекрасный день, увидев, что воды опять нет, а руки мыть надо, я решилась, благо Игоря не было дома. Зачем лишний раз травмировать человека? Он, безусловно, был горячим сторонником разрядки напряженности, но одно дело на международной арене, а другое дело – в своем собственном доме. Я взяла ведро и отправилась к англичанам. Дома была одна жена. Мне пришлось вкратце изложить историю наших страданий на почве отсутствия воды и в ответ получить три конкретных предложения. Первое – переехать на время к ним, поскольку у них есть несколько свободных комнат, и дожждаться, пока появится вода. Я, естественно, вежливо, но твердо отказалась. Второе – переехать на время в гостиницу «Интерконтинентал». На это я ответила, что подумаю, и тут же прикинула, на сколько дней хватит нашей месячной зарплаты для проживания в этой гостинице. Третье – подать в суд на владельца дома. Я поняла, что надо ретироваться. Наполнив ведро водой и поблагодарив за предложения и советы, я поспешно удалилась.

Надо ли говорить, что в дальнейшем я ходила к англичанке за водой лишь в безвыходных ситуациях. Пожалуй, раньше многих политиков, с восторгом в то время толковавших о новых политических веяниях, я поняла, что разрядка напряженности долго не продлится. Ну не готовы мы к этому процессу. У нас совершенно разные модели жизни и разные менталитеты. Как при этом можно понимать друг друга и нормально общаться? Придется разрядку отложить. Что и произошло. И новая разрядка началась всего каких-то двадцать лет спустя. Но кое в чем я все-таки ошиблась. Для того чтобы она началась, нам пришлось не просто поменять менталитет, но и заменить одну страну на совсем другую.

Наши мучения с водой кончились лишь после нашего переезда на другую виллу. Там, кроме нас, еще жила всего одна семья. Так что воды вдоволь хватало на всех. Да и виллу только построили, и все там функционировало нормально. Тот день, когда мы переехали и смогли спокойно, не торопясь, принять впервые за полгода ванну, был самым счастливым днем нашей жизни в Бангладеш. Если не считать того дня, когда нам сообщили, что мы можем, наконец, уехать из Дакки.

Совсем недавно я прочитала о человеке, который знает ответ на вопрос, вынесенный в заголовок этого рассказа. Вот уже более двадцати лет японец Мюразе Макото пытается помочь тем районам, городам, странам, где возникают проблемы водоснабжения. «Как?» – спросите вы. Используя дождевую воду. Свой первый проект использования дождевой воды Макото осуществил в Токио. В этом огромном перенаселенном городе уже давно существовали проблемы водоснабжения. А с дождевой водой, как и везде, боролись, делая все, чтобы после дождей она исправно уходила из города через систему канализации. Макото предложил собирать эту воду в огромные танкеры и использовать. Его идеи вызвали лишь насмешку или недоумение. Но он оказался упорным человеком. И установил на одном из стадионов Токио свой первый танкер для сбора дождевой воды, который успешно использовался.

Этот танкер, вмещающий 1000 кубических метров воды, установлен на крыше стадиона, и вода оттуда используется для канализации, для системы противопожарной безопасности и даже, в экстренных случаях, для питья.

Этот проект имел такой успех, что с тех пор подобные танкеры для сбора дождевой воды стали устанавливать на крышах многих административных зданий японских городов, а также на крышах частных домов. Только в Токио установлено более 700 таких танкеров. Макото подсчитал, что если использовать всю дождевую воду, выпадающую в виде осадков на Токио, то можно полностью покрыть потребности этого города в воде. Он создал уникальную «Энциклопедию дождевой воды» и открыл музей дождевой воды.

Макото начал пропагандировать свой опыт по всему миру. В 2001 году он опубликовал энциклопедию дождевой воды – «Rainwater and you – 100 ways to use rainwater». Эта книга была переведена на английский, корейский, китайский и португальский языки. Его идеи заинтересовали администрацию таких городов, как Манила и Джакарта, которые в ближайшие годы вплотную столкнутся в проблемой нехватки воды. Уже сейчас дождевую воду собирают не только в Японии, но и в Австралии, а также в... Бангладеш. Да, там, где три муссонных месяца страну затапливает от избытка воды. А потом в течение девяти месяцев многие районы страдают от ее нехватки.

Первый проект – строительство двух танкеров – был осуществлен в городе Фаридпуре, где население страдало от нехватки питьевой воды. Там на местном химическом предприятии произошла авария, и вода, поступающая из обычной системы водоснабжения, стала непригодной для питья из-за оказавшихся в ней ядовитых веществ. В 2002 году Макото планировал начать осуществление в Бангладеш широкомасштабного проекта по использованию дождевой воды. Я надеюсь, что его проект будет осуществлен. Тем более что в 2002 году Макото получил весьма престижную премию – «Rolex Awards for Enterprise», присуждаемую компанией «Ролекс» за проекты, осуществление которых может принести реальную помощь людям.

И тогда такие истории, как рассказанная мною про наши мытарства в Бангладеш без воды, будут казаться не очень оригинальной выдумкой.

Тяжелая экономическая ситуация в Бангладеш, пик которой пришелся на 1974–1975 годы, не могла не сказываться на нашей жизни в этой стране. В Бангладеш нам пришлось столкнуться с отсутствием не только воды, но и многих элементарных продуктов, без которых мы не можем представить нашу жизнь. Так, когда начались проблемы с поставками американского зерна, очень быстро исчез хлеб. В Бангладеш, так же как и в Индии, люди едят особые лепешки – чапати. Обычный белый хлеб продавался лишь в единственном в то время очаге цивилизации – отеле «Интерконтинентал». Один из мужчин с утра пораньше отправлялся в отель, чтобы купить на всех желающих хлеба. Вдруг хлеб исчез. Какое-то время я даже радовалась. Хлеб есть – только калории накапливать. Обойдемся без него. Но чем дальше длилось мучное воздержание, тем труднее оно давалось. Закончилось тем, что мне по ночам стали сниться французские булочки, филипповские калачи и калорийные булочки. В обед и за ужином без хлеба еще можно обойтись, а вот за завтраком... Сказывалась многолетняя привычка есть бутерброды или тосты. Как-то раз утром, когда мы сели завтракать, Игорь, тяжело вздохнув, неожиданно отодвинул очередную папайю, поставленную перед ним.

– Ты почему не ешь? – естественно поинтересовалась я.

– Надоели, – последовал ответ, которого я давно ожидала.

Зная, чем мне это грозит, я не сразу сдалась.

– Папайя очень полезна. Доказано, что она имеет антиканцерогенные свойства.

– Хлеба хочется, – мечтательно произнес мой муж.

– Папайю у нас только для членов политбюро специально привозят, – это был мой последний, прибереженный для чрезвычайной ситуации аргумент. Но и он не помог.

– А вот я слышал, некоторые женщины сами стали хлеб печь. Может, ты попробуешь?

– Да кто тебе такое рассказал? Не может быть! – попыталась возмутиться я.

– Да мне уже давали попробовать, очень вкусно получается. Мне обещали пару кило муки одолжить, пока мы не достанем свою.

Я поняла, что раунд проигран, и мне придется начать печь хлеб. Я уже давно слышала разговоры о некоторых умелицах, которые начали сами печь хлеб из присылаемой из Москвы муки. Пройдя ускоренный курс обучения у посольских кулинарок, я с грехом пополам освоила профессию пекаря, и в течение года мы ели хлеб, который я пекла дома в свободное от работы время.

Хуже стало, когда исчезло молоко, в том числе и порошковое. Человечество еще не придумало иного способа его получения, кроме как от коровы. Перспектива обзавестись собственной коровой мне как-то не улыбалась. Хотя Игорь уже начал выяснять, какие породы имеются в Бангладеш и сколько стоит покупка и содержание бурёнушки в доме. Он даже начал убеждать соседей объединиться и разместить корову в гараже при нашем доме. Дело в том, что суворовское прошлое не привило Игорю отвращения к кашам. Наоборот, он их всю жизнь обожал и продолжает предпочитать каши любой другой еде. Причем нам даже в голову не приходило, что в этом факте можно усмотреть какой-то негативный подтекст, и по простоте душевной я не скрывала, что часто готовлю мужу кашу. Это было моей роковой ошибкой. Вскоре мы стали с удивлением замечать, что в гостях хозяйки участливо подкладывают Игорю мясо. А он как раз никогда не был, в отличие от меня, «мясной душой», как говаривала моя бабушка. Поэтому мне приходилось есть все эти добавочные порции. Вскоре, поняв, что это не случайность, я принялась выяснять, в чем же дело. И выяснила, что по колонии распространился слух о бедном муже и злодейке жене, из экономии морящей его голодом и кормящей исключительно кашами.

Но проблема с молоком была вскоре решена. Мы узнали, что какие-то предприимчивые немцы создали недалеко от Дакки молочную ферму, куда мы и стали ездить за молоком.

Но Бангладеш не позволяла нам расслабиться. Скоро исчезли почти все импортные продукты, которые имелись в некоторых бакалейных лавочках. Кое-что можно было купить в посольском магазине. Но большинство продуктов – масло, кофе, чай, сыр, колбасу, консервы, крупы – приходилось заказывать по каталогам из Сингапура или из Дании. Морем заказы шли очень долго. Приходилось заказывать самолетом. За доставку часто платили в два раза дороже, чем за сами продукты. А тут еще прошел слух, что бангладешское мясо чем-то заражено и лучше его не покупать. Надо сказать, что мяса и так был небольшой выбор. Свинины не было, поскольку мусульмане свинину не едят. Чтобы поесть баранины, нужно было покупать целого ягненка, которого

осилить вдвоем мы были неспособны. Да и вкус у этой баранины был неважный. А источником поступления говядины в Бангладеш, я подозреваю, были вконец замученные работой на полях буйволы, которых пускали на мясо по старости или за непригодностью для чего-либо другого.

Коров я никогда не видела в этой стране. Иногда я себя ловила на том, что, гуляя по Гульшану, поглядываю, а не идет ли где-нибудь корова? И не без легкого налета кровожадности вспоминала священных коров, прогуливавшихся в большом количестве повсюду в Индии. И почему эти бангладешцы не индуисты!

Для того чтобы прожевать буйволиное мясо, надо было иметь воистину стальные челюсти. При своих нынешних зубах я была бы обречена в Бангладеш стать вегетарианкой. Но и вегетарианство в Бангладеш было нелегким делом. В этой стране не было и половины тех овощей и фруктов, которые были в Индии. Выращивать многие из них начали еще англичане. В Бангладеш же выращивалось только то, что традиционно росло в этой стране. Может быть, за небольшим исключением. Выбор к тому же зависел от времени года, чего в Индии тоже не было. Кроме того, из-за обилия инфекционных заболеваний врачи нам настойчиво рекомендовали не только тщательно мыть все фрукты и овощи, желательнее с мылом, но и выдерживать в растворе марганцовки. Так что к тому моменту, когда я доводила фрукт или овощ до съедобной кондиции, у меня уже начисто пропадало желание его есть. Особенно после того, как, съездив на местный рынок, я стала выдерживать все, что мы ели, в растворе марганцовки по меньшей мере по полчаса.

Однажды я отправилась на рынок в надежде найти что-то, чтобы разнообразить наш стол.

Мужчины заявили, что мясные ряды на бангладешском рынке – это зрелище не для слабонервных, и посоветовали мне ограничиться лицецерением фруктов и овощей. Я попыталась сопротивляться. Тогда мне был задан вопрос в лоб: готова ли я стать вегетарианкой? Поскольку я, как вы уже знаете, была «мясной душой», то я заколебалась.

Перед моим мысленным взором сразу же предстал один мой знакомый в Москве – вегетарианец. В обеденный перерыв он вместо того, чтобы идти со всеми в столовую, оставался один в кабинете и мрачно жевал морковку и листья капусты, закусывая их тыквенными семечками. Вместо походов на кофе, он ограничивался смакованием каких-то крайне неаппетитных и на вид, и на вкус ростков, которые он, по системе Брега, самостоятельно проращивал в блюде на подоконнике. Перспектива превратиться в это мизантропическое травоядное меня не прельщала, и я не пошла в мясные ряды. Мы договорились, где и во сколько встретимся.

Поскольку я была единственной женщиной, отправившейся на рынок, я осталась одна. Сначала все шло хорошо. Даккский рынок, конечно, не шел ни в какое сравнение с калькуттским по богатству продуктов, но не уступал ему по размерам. Я бродила по рядам в поисках чего-нибудь вкусенького, отбивалась от атак настырных мальчишек-попрошак, тянувших свое вечное «Бакши-и-ш! Бакши-и-и-и-и-ш!», и не заметила, как подошло назначенное время встречи.

Тут я оглянулась и поняла, что понятия не имею о том, где нахожусь. Повсюду тянулись одинаковые ряды, и им не было конца. Умение хорошо ориентироваться на местности никогда не относилось к числу моих бесспорных достоинств. Я судорожно начала метаться по рынку и окончательно заблудилась. А тут еще стало быстро темнеть. Вокруг меня собралась уже

приличная толпа, состоявшая из одних мальчишек и мужчин, причем настроенных довольно агрессивно. Я огляделась вокруг. Даже те немногие женщины, которых я встречала до этого, видимо, отправились, как образцовые жены, по домам готовить мужьям ужин. Прошло уже минут сорок после назначенного времени.

Я впала в легкую панику: «Как быть? Денег у меня с собой больше нет – то, что было, я истратила на покупки. Даже если я найду выход с рынка, как добраться домой? Рынок совершенно на другом конце города. К тому же в старом городе единственный транспорт – это рикши. Я не имею права на них ездить. Нарушителю запрета грозят серьезные кары, вплоть до высылки из страны. По крайней мере, таковы были правила в Калькутте. Телефонов здесь нет. Что же делать?»

– Where is the entrance to the market? – обратилась я по-английски к окружившим меня уже плотным кольцом мужчинам.

В ответ только смешки и какие-то выкрики на бенгальском.

– Entrance, entrance! – еще раз попыталась я.

Реакция все та же.

Положение мне показалось совсем безвыходным. На глаза навернулись слезы. И тут я увидела, что настроение толпы начало меняться. Мне кажется, большинство почувствовало, что я действительно в отчаянии. Любопытство уступило место сочувствию. Вперед вышел какой-то старичок и начал что-то возбужденно говорить, обращаясь к толпе. Я поняла только повторившееся несколько раз слово «сааб», что означает господин, а также уважительное обращение к любому мужчине. Несколько мальчишек помоложе сорвались с места и разбежались в разные стороны. Не прошло и десяти минут, как один из них вернулся, отчаянно жестикулируя и показывая куда-то позади себя. И тут я увидела, что ко мне направляется мой муж в окружении ребят, которые радостно галдели. Как рассказал позднее Игорь, к нему подбежал мальчик и, не зная, что Игорь говорит по-бенгальски, взял его за руку и потащил за собой. Игорь сначала растерялся и попытался сопротивляться, а потом понял из невнятных восклицаний, что мальчишку послали разыскать белого «сааба», чья женщина потерялась.

Не знаю, кто был счастливее: мы или народ вокруг. Все вокруг радовались как дети. Игорь попытался дать деньги мальчишкам. Те было уже протянули руки, но тут все тот же старик что-то сказал, и они быстро ретировались. Так денег с нас никто и не взял. Не знаю, чем я была больше потрясена – своим спасением или отказом моих спасителей от денег. Мы настолько привыкли за те годы, что провели на Востоке, видеть вокруг себя людей, просящих милостыню, что это казалось просто невероятным.

Дома мне, конечно, досталось от Игоря не на шутку. Нечего и говорить, что на базар я больше никогда не ездила.

– А рыба где же? – спросит дотошный читатель. – В стране, в которой куда ни глянь – повсюду вода и где водится 200 видов пресноводной и морской рыбы, можно, наверное, питаться только рыбой?

Как это ни парадоксально звучит, но с рыбой в Бангладеш было очень плохо. Речную рыбу есть не рекомендовалось, так как реки, особенно в районе Дакки, были очень загрязнены нечистотами, а морскую рыбу в Дакку в то время почти не привозили из-за отсутствия необходимых транспортных средств.

На каком-то этапе мы воспряли. В Читтагонге, морском порту Бангладеш, начали работать советские моряки, прибывшие помогать своим бангладешским коллегам. Вернее, приехали они раньше. Возможно даже, это были те самые, что едва не отравили меня табачным дымом во время перелета Москва – Дакка. Но тут к нам в посольство стали завозить в больших количествах результат их труда – креветки. Да не простые, а королевские, которые значительно больше и вкуснее обычных. Мы с Игорем креветки обожали. И вот пошло: на обед креветки по-китайски, на ужин – в кляре, на следующий день – креветочный коктейль. Так продолжалось с месяц. Через месяц, когда на столе в очередной раз появились креветки, у нас дома почти в точности была воспроизведена сцена из фильма «Белое солнце пустыни». С той только разницей, что там герой не может сдержать гримасы отвращения при виде миски с черной икрой, поставленной перед ним женой.

Но все эти гастрономические проблемы мы переносили в общем-то с юмором. Да советскому человеку и не привыкать к перебою с продуктами и недостаточно разнообразному питанию. Мы подсмеивались над «западниками», которые на приеме с трагическим придыханием жаловались нам, например, на отсутствие сыра в Бангладеш. Подумаешь, тоже мне трагедия. Мы и в Москве-то бывали рады, если удавалось вдруг раздобыть хоть какой-то сыр.

Парадоксально, но в Бангладеш, где поначалу жизнь отнюдь не баловала нас, мы пережили и недолгий «колониальный» период. Колониальным я его называю потому, что первый и последний раз наш образ жизни напоминал жизнь белых колонизаторов в Азии или Африке.

Он начался, когда мой муж поднялся на одну дипломатическую ступеньку вверх и получил первую «серьезную» мидовскую должность – стал третьим секретарем посольства. До этого он был атташе. Мне лично всегда казалось, что «атташе» звучит гораздо красивее, чем какой-то «секретарь». К тому же у меня слово «атташе» ассоциируется с такими солидными должностями, как военный атташе или, скажем, атташе по культуре, атташе по печати. И, наверное, не только у меня. Мой папа, который представлял в 50-е годы в Англии Совинформбюро, официально именовался «атташе по печати». Он рассказывал, как расстроился один посольский начальник, когда на мероприятии, куда они вместе приехали, организаторы объявили: «А сегодня у нас в гостях советник советского посольства и сам господин атташе с супругой». И потом весь вечер обращались с папой как с главным гостем. Уж если такие дотошные в вопросах протокола люди, как англичане, отдают предпочтение званию атташе, то что уж говорить обо мне.

Повышение в должности повлекло за собой улучшение жилищных условий – мы переехали в отдельный дом. Ну не совсем отдельный. Мы делили его, как я уже говорила, с еще одной семьей, но все-таки не с шестью, как в Калькутте, или с четырьмя, как в предыдущем в той же Дакке. Дом и его территория были поделены на две части, и мы жили на своей половине совершенно изолированно от другой семьи.

Второй приметой колониального быта стало появление слуг. Сначала мы на двоих наняли мальчика убирать дом и следить за садом. Следующим «логическим» шагом был наем повара. Предлогом было отсутствие кондиционера на кухне. Готовка в таком помещении, когда на улице и без того плюс 45 градусов по Цельсию, конечно, было нелегким испытанием. Поэтому для начала мы решили нанять повара лишь на самые жаркие месяцы. Но комфортная жизнь развращает. Кроме того, могу засвидетельствовать на своем

личном опыте, что классики марксизма-ленинизма не всегда ошибались. Во всяком случае, я убеждена в справедливости утверждения Маркса о том, что бытие определяет сознание. После нескольких месяцев жизни на вилле, да еще избавленная от необходимости убираться и каждый день после работы стоять у плиты, я быстро вошла во вкус. В итоге Игорю было заявлено, что лучше я сокращу свои аппетиты в отношении одежды, чем вернусь к прежней жизни. Игорь, будучи любящим и нежным мужем, естественно, не принял такой жертвы с моей стороны. Он поступил как истинный джентльмен: сократил какие-то свои расходы, и повар у нас остался.

Правда, с первым поваром нам не очень повезло. До нас он работал у англичан и был очень высокого мнения о своих кулинарных способностях. К тому же он очень гордился своим знанием английского языка. По-английски он действительно говорил вполне сносно, а вот готовил... Я бы предпочла, чтобы он готовил так, как говорил по-английски, и наоборот. Но доказать ему что-либо было невозможно. Он с неизменным высокомерием отвергал все мои жалкие попытки показать ему что-то из русской кухни. На завтрак мы должны были есть исключительно «eggs and bacon», а на обед жесткий как подошва «steak» с картошкой фри. Если это меню и варьировалось, то очень незначительно.

Бекон, а попросту говоря грудинку, я отказалась выписывать из Сингапура, как он предложил, и как это, очевидно, делали его предыдущие хозяева. Подсчитав, что такой бекон по стоимости сравняется с черной икрой, я гордо заявила, что мы не любим грудинку. Тогда неугомонный повар нашел ему заменитель в виде нашего консервированного колбасного фарша. И хотя до этого я нормально относилась к этому продукту, через неделю я уже не могла смотреть на него. Тем более по утрам. Просто же сделать обычную яичницу или сварить кашу наш повар отказывался. А я настолько робела перед своим первым в жизни персональным слугой, который к тому же был раза в два старше меня, что при первых же стычках сдавала позиции без боя.

Нам повезло. В один прекрасный день он с гордостью заявил, что уходит от нас в другую семью. Я могла бы даже и не уточнять в какую. Естественно, в английскую. Я робко поинтересовалась:

– Не могли бы вы порекомендовать на ваше место кого-то?

– Нет, повара подходящего для вас, мэм, я не знаю.

В его взгляде я прочитала суровый приговор: семья, которая не может позволить себе выписывать бекон, вообще не имеет морального права держать поваров!

– Но я могу прислать мальчика, который был у меня учеником и занимался подсобными работами: ходил на рынок, чистил и мыл овощи. Ему еще многому надо учиться, но он старательный и аккуратный.

– Он говорит по-английски?

– Нет, но немного понимает.

– Хорошо, приведите его завтра. Я с ним поговорю, а потом решим.

Селим, так звали нашего нового повара, мне сразу понравился уже тем, что был молод и явно неопытен. С ним я не испытывала никаких комплексов, как это было с предыдущим поваром. Он не смотрел на меня свысока, когда я пыталась давать советы. В итоге, постояв с ним на кухне пару недель, я научила его всем нашим любимым блюдам, которые он с удовольствием и готовил. Особенно ему удавался украинский борщ, рецепт которого мне перед отъездом в Бангладеш раскрыл отец Игоря – Николай Тихонович, украинец по происхождению, чьи предки были выходцами из запорожских казаков. Мы так

и называли этот борщ – «борщ Тихоныча». От всех остальных борщей он отличался, прежде всего, остротой. Николай Тихонович клал туда невообразимое количество острого красного перца. До поездки на Восток после ложки такого, как говорил свекор, казацкого борща, я долго, выпучив глаза, разевала рот и пыталась понять: все мои внутренности прожгла эта адская смесь или нет. Но после нескольких лет на Востоке любая обычная европейская еда казалась мне ужасно пресной.

По моей просьбе Селим разнообразил наше меню блюдами национальной кухни. А бангладешская и индийская еда – это примерно одно и то же: все те же милые нашему сердцу еще со времен Калькутты мясные и овощные карри, тандури чикен, самосы, дхал и рис с различными добавками.

К тому же Селим был безупречно честен, аккуратен и ненавязчив. Он никогда ни на что не жаловался и не попрошайничал. А его жизнь была хотя и лучше жизни многих его соотечественников, но отнюдь не легкой. Его семья оставалась в деревне. Я предлагала ему привезти в город жену и детей. Но кто-то должен был работать на рисовом поле, принадлежавшем ему в той деревне, из которой он был родом. Так что жена выращивала рис, а он регулярно брал отпуск и ездил в деревню, когда надо было помогать собирать урожай. Почти все свое жалование он откладывал и отправлял жене и детям. Один раз я не удержалась и спросила его:

– Ты когда вернешься в деревню?

– Летом.

– Да нет, насовсем.

– Насовсем?

– Да, насовсем.

– Когда накоплю денег.

– Как же ты накопишь, если ты все отдаешь жене?

– Да, сейчас дети маленькие. Вот они подрастут, будут тоже работать, тогда можно будет больше откладывать.

– А сколько детям лет?

– Дочке – два года, а сыну – год.

– Так сколько же тебе ждать еще?

– Если Аллаху будет угодно и все будет хорошо, то через пятнадцать лет я смогу накопить немного денег. Я смогу купить еще немного земли рядом с моей, и тогда можно будет продавать часть урожая и тем жить.

Селим проработал у нас два года с лишним. В итоге я так привыкла к нему, что, когда пришло время уезжать из Бангладеш, единственное, о чем я жалела, покидая эту страну – это о необходимости впредь обходиться без его услуг. Полушутя-полусерьезно я говорила Игорю:

– Давай я оставлю все свои вещи. А в чемодане просверлю дырочки и увезу Селима с собой.

Самое забавное, что Селим тоже не возражал отправиться с нами в Москву. Я пугала его русскими холодами. А он в ответ говорил, что в Москве он еще лучше освоит русскую кухню и потом, вернувшись, сможет открыть русский ресторан в Дакке. Эти проекты не были беспочвенны, поскольку тогда русских в Дакке было довольно много. Да и многие иностранцы любят русскую кухню. Я поддержала планы Селима и даже достала ему книгу с описанием русских блюд на английском языке. С момента нашего разговора с ним прошло почти тридцать лет. Я надеюсь, что дети его уже выросли, Селим смог накопить денег и мирно живет, как он и мечтал, со своей женой в деревне. А может быть,

он все же дерзнул. И сейчас где-нибудь в Дакке или Читтагонге существует ресторан «У Селима» и там подают борщ, приготовленный так, как когда-то давным-давно меня научил готовить его Тихоныч.

Homo Sapiens – какой он в Дакке?

В Бангладеш, согласно справочникам, водится почти 250 видов млекопитающих, 150 видов рептилий и 200 видов пресноводной и морской рыбы. В богатстве бангладешской фауны я убедилась в первые же дни своего пребывания в Дакке. Я с любопытством наблюдала за передвижениями огромного варана, обосновавшегося в саду нашей виллы. У варана был устрашающий вид, но впоследствии выяснилось, что на самом деле он имел характер чрезвычайно обходительный. Я с опаской обходила во время прогулок большие камни, попадавшие мне на пути, так как оттуда в любой момент могла выползти змея. И мне совершенно не хотелось разглядывать, принадлежит ли данная особь к разряду немногочисленных безвредных рептилий или же к гораздо более распространенному разряду ядовитых представительниц этого класса.

Я еще расскажу, как оказалась вовлеченной в Дакке в охоту за экзотическими экземплярами крайне многочисленного класса членистоногих беспозвоночных и пресмыкающихся. Но логично до этого поведать о представителях высшего отряда класса млекопитающих, к которому, как я уже говорила, принадлежит «Человек разумный». Кстати, напомним, что их в Бангладеш было крайне много – население страны составляло уже тогда более 75 млн. человек. Но мы еще меньше, чем в Индии, общались с местным населением. Как и в любой другой стране, круг общения советского человека в Бангладеш был ограничен в основном рамками советского коллектива.

Мы были убеждены, что в Дакке с представителями группы *Homo sapiens* нам не повезло. Нам казалось, что в советской колонии в Бангладеш не так много симпатичных и тем более интересных людей, поскольку, естественно, сюда попадают не самые лучшие кадры. А зато в посольствах в США или в Европе сплошь работают суперинтеллектуалы и просто интересные люди.

В дальнейшем мне пришлось посетить посольства большинства европейских стран, прожить в коллективе нашей миссии в Женеве в общей сложности девять лет. И я поняла: люди везде одинаковые. Повсюду вы встретите и очень умных, и не очень, и очень вам неприятных, и очень симпатичных. Поэтому, если вы живете в каком-то, как вам кажется, медвежьем углу и думаете, что вам страшно не повезло на интересных людей, вы, скорее всего, ошибаетесь.

Как я теперь понимаю, не так уж нам не повезло в этом плане в Бангладеш. Во всяком случае, там были весьма и весьма разные люди. И очень симпатичные, и крайне несимпатичные, и очень интересные. Именно в Дакке у нас были самые лучшие соседи – милейшая супружеская пара, с которой мы два года прожили душа в душу. После тридцати лет кочевой жизни я понимаю, какая это была удача.

В Дакке у меня был и самый хороший начальник. Проработав в общей сложности уже более тридцати лет и сменив как минимум двадцать начальников, я могу сегодня утверждать это с уверенностью. Он был архитектором, приехавшим строить новое здание торгпредства. А я при нем – помощницей, выполнявшей роль секретаря и переводчика. Володя был крайне оригинальной личностью. Вероятно, сказывалась и кавказская кровь, смешанная в нем пополам с еврейской. Он был полуармянин, полуеврей, всю жизнь проживший в Тбилиси. Небольшого роста, нескладный, но очень подвижный, с большущим носом крючком, он в то же время был полон обаяния.

Его еврейская кровь позволяла ему быть хорошим бизнесменом, уверенно хозяйствовать на строящемся объекте, не позволять, во всяком случае уж слишком явно, надувать нас многочисленным подрядчикам. А его кавказская кровь заставляла его бурно жестикулировать, вязываться в бесконечные споры с торгпредом, наблюдавшим за строительством, совершать мальчишеские поступки и в то же время быть джентльменом.

Со мной он вел себя безукоризненно. И даже более того. Без каких-либо претензий на нечто большее, чем чисто дружеские отношения. Когда была работа, он был достаточно требователен. А когда ее не было, первый предлагал пойти поплавать в находившемся тут же в торгпредстве бассейне или половить насекомых (это был разгар моей энтомологической эпопеи). Все это, безусловно, не могло не вызывать раздражения остального коллектива, зажатого в узкие рамки служебной дисциплины. Коллектив пожаловался торгпреду. Торгпред вызвал моего архитектора «на ковер». Ну, скажите, кто в такой ситуации стал бы отстаивать права подчиненного, да к тому же права весьма сомнительного свойства. Действительно, где это записано, что если у работника нет работы, то он может заниматься чем ему вздумается? А Володя стал и, более того, отстоял. Так что я, на зависть всему коллективу, продолжала регулярно совершать заплывы. А чтобы меня меньше критиковали, Володя, когда у него выдавалась свободная минутка, приходил к бассейну и делал вид, что он тоже купается, хотя терпеть не мог плавать.

С ним и работать было интересно. Работал он азартно. Невзирая на жару, мы мотались по подрядчикам и по фирмам до тех пор, пока он не убеждался, что нашел именно то, что нам надо. Не зная языка, он все схватывал на лету и поражал меня тем, что на переговорах даже без моего перевода понимал, о чем идет речь. Он никогда не кичился своими знаниями. И когда я не могла перевести что-то или правильно сформулировать мысль в письме, он с удовольствием и с большим терпением объяснял технические стороны строительства, непонятные мне. Много вы встречали таких начальников? Мне, к сожалению, больше таких не попадалось.

В Бангладеш же я впервые столкнулась и с одним из самых несимпатичных мне человеческих типов. Это был молодой дипломат, более того, однокурсник Игоря. Следуя этим исходным данным, мы попытались наладить дружеские отношения с ним и его женой. Но быстро отказались от своей затеи. То, что происходило, было бы смешно, если бы не было так противно. Стоило нам накануне пообщаться и, допустим, обсудить растущие цены на бензин, как на следующий день Игоря вызывало начальство и отчитывало за распространение панических слухов о грозящем кризисе с топливом в Бангладеш. Любовь к сплетням и злопыхательству сослужили ему плохую службу. Всего через несколько лет его выгнали из МИДа. Случай довольно редкий.

Если я и вспоминаю об этом самодовольном и неумном человеке, то только потому, что у него была очень интересная и неглупая жена – Лена. Причем Лена оказалась внучкой Демьяна Бедного. Вскоре после их возвращения из Бангладеш, они, к счастью для всех, развелись. А мы долгие годы продолжали общаться с Леной. Надо признаться, что я с удовольствием встречалась с ней в ее квартире, где они жили с бабушкой – женой Демьяна Бедного. Кстати, одной из тех редких женщин, про которых и в старости хочется сказать, что они красивы.

По их квартире я ходила, как по музею: столько там было по-настоящему редких и красивых вещей. Я впервые тогда узнала, что пролетарский поэт Демьян Бедный был отнюдь не таким уж и бедным. Напротив. Он очень любил и ценил комфорт, красивые вещи и красивых женщин. И вообще в пролетарии он попал исключительно в силу дурного характера, которым отличался с детства. Правда, его можно понять. Он был незаконным сыном, если не ошибаюсь, фрейлины двора и одного из великих князей. Поэтому у него и такая странная настоящая фамилия – Придворов. Мальчик рос при дворе, ни в чем не нуждался, но положение его было весьма сомнительным и унижительным. В результате – язвительный характер, писание пародий на окружающих, афронт, а позднее и сближение с революционерами, дружба с Лениным и все, что за этим последовало. Не знаю, как теперь; возможно, эти детали жизни Демьяна Бедного стали частью его официальной биографии. Но в начале 70-х годов я обо всем этом услышала впервые.

В Дакке я встретила немало интересных и очень неглупых людей. Одного из них, Леонида – корреспондента советского радио и телевидения, сегодня вспоминаю чаще других. К тому моменту, когда мы встретились, Леонид уже сильно пил. Именно поэтому он и оказался в Дакке. А до этого много поездил по миру и много повидал, о чем всегда очень интересно рассказывал. И вот однажды я задала ему вопрос, который я никогда не решалась задать никому другому.

– Леня, скажи мне: есть ли все-таки в нашей системе что-то хорошее, чего нет у них, на Западе? Ты знаешь, я ведь жила в Лондоне, когда была маленькой. А Бангладеш – ну ты сам понимаешь. Живя здесь, на этот вопрос не ответишь.

– Да, есть, – немного подумав, ответил Леня. – Чувство безопасности, «security», как там говорят.

– Почему? – не поняла я. – При чем здесь безопасность? Война, если будет, то будет, и все одинаково пострадают.

– Не в этом смысле безопасность. Я имею в виду «security» скорее как уверенность.

– Уверенность?

– Ну да, уверенность в завтрашнем дне. Ты понимаешь, они там гораздо большую ношу несут на своих плечах. Им часто психологически тяжелее. Особенно в ранней молодости, когда человек и так уязвим, и в старости, если не обеспечил себе все тылы. Поняла?

– Не совсем.

– Ну и хорошо. Я имею в виду хорошо, что не понимаешь. И желаю тебе никогда не понять, как плохо, когда нет этой самой уверенности в завтрашнем дне. Да, и еще. Желаю не узнать, как тяжело, когда все время надо самому делать выбор и при этом у всех вокруг возможности для выбора разные.

К сожалению, его пожелание не осуществилось. Нам всем пришлось узнать и понять, что такое неуверенность в завтрашнем дне. Мы с ностальгией вспоминаем о том, как не надо было беспокоиться, чтобы отложить на обучение детей, на оплату врачей, на старость, наконец. Все было, не бог весть какое, но было.

Поняла я и то, что тогда мне показалось совсем уж странным. Нам всем так не хватало именно свободы выбора и разнообразия, что его последнее пожелание я восприняла как чудачество.

Но зато теперь, когда в большинстве случаев тебе самой постоянно приходится решать, сделать так или этак, ты понимаешь, как это непросто.

Раньше твоя жизнь по многим параметрам была predetermined. Октябренок, пионер, комсомолец, желательный член партии. Квартиру получил, где дали. Огромное счастье. К поликлинике районной прикреплен – ну и ходи туда. Путевку достал в местное куда-нибудь. Не важно куда – уже хорошо, что достал. В магазине кефир после работы застал – боже, как повезло. Не жизнь, а сплошная радость.

Впервые я подумала о том, что он, пожалуй, был и в этом прав, вскоре после начала перестройки. Мы находились в командировке в Швейцарии. В то время разрешили приглашать родственников в гости. И к нам приехала мать Игоря – Надежда Андреевна. Она впервые в жизни оказалась за границей. Женева ей понравилась, но не более того. Все воспринималось ею довольно спокойно и без лишних эмоций. И вот однажды мы с ней вместе пошли в магазин за продуктами. Надежда Андреевна зашла в огромный зал, заставленный полками с продуктами, и вдруг как-то притихла.

– А это что у них, все магазины такие или этот только... особенный какой?

– Какой особенный? – не поняла я.

– Ну, я не знаю... Может, потому, что здесь иностранцев, вроде вас, много живет.

– Да нет, иностранцы здесь везде живут.

– Ну не знаю... Может, у них здесь сегодня съемки какие... или кто из начальства приезжает...

Тут я поняла, что имеет в виду свекровь.

– Да нет, Надежда Андреевна, у них тут все магазины такие. Везде все есть.

Она недоверчиво посмотрела на меня.

– Надежда Андреевна, что купить на обед? – спросила я ее.

– Не знаю, все равно, – ответила она как-то неуверенно.

– Ну а все-таки, чего вам хочется? Может быть, рыбу купим или баранину?

– Да мне все равно...

– А что из овощей и из фруктов? – не унималась я, стараясь растормошить ее.

– Наташенька, знаешь что, – вдруг как-то нервно сказала свекровь, – ты купи что хочешь, а я пойду постою на улице.

По лицу Надежды Андреевны я поняла, что ей нехорошо. Мы вместе ушли из магазина. По дороге домой она молчала и не отвечала на мои расспросы. А придя домой, вдруг расплакалась. И потом, сколько я ни предлагала, она никогда не соглашалась пойти со мной в магазин. И я в результате поняла, что это для нее просто психологически тяжело.

Всю жизнь Надежда Андреевна что-то «доставала». Сколько я помню ее, после работы она бежала по магазинам и выстаивала часами, чтобы что-то купить. Потом, нагрузив сумки, невзирая ни на погоду, ни на плохое самочувствие, ни на мои попытки убедить ее, что у нас все есть, ехала через всю Москву из своего Кусково к нам на Юго-Запад. И надо было видеть, с какой гордостью она выгружала многочисленные упаковки на стол, и какой радостью светилось ее лицо, когда она слышала восторженные вопли своей внучки: «Ой, апельсины, как здорово! А это что? Торт вафельный, мой любимый!» И Надежда Андреевна была счастлива...

А что сейчас? Сплошные страдания. Все время приходится выбирать. И что особенно удручает – не у всех одинаковые возможности. Вы выбираете то,

что вы можете себе позволить, исходя из своих, допустим, пятидесяти долларов. А рядом кто-то выбирает, исходя из суммы в сто, а то и в тысячу раз большей. Это перенести, согласитесь, тяжелее всего.

Так что прав оказался, к сожалению, Леонид. Ему, возможно к его счастью, дожить до этого времени не довелось. Вернувшись из Бангладеш, он окончательно спился и умер. Типичная судьба русского интеллигента.

Приобщение к энтомологии

Самым нелегким делом в Бангладеш было занять себя. В Дакке, как и в Калькутте, мы начинали работать рано, в восемь часов, и заканчивали в час. И вот в час дня вы являетесь домой. Ну поели обед, приготовленный поваром, поспали пару часов.

А дальше? Дальше делать было абсолютно нечего. Гулять негде, да и жарко или все залито водой. Телевидения, этой палочки-выручалочки современного человека, можно считать, что не было. Единственное исключение – это шедший раз в неделю и полюбившийся мне с тех пор сериал «Коломбо», знакомый теперь и российским зрителям. Узнала я об этом, застав не так давно своего папу, обычно довольно равнодушного к телевизионным утехам, за исключением спортивных передач, в неурочный час на даче у телевизора. Пригляделась. Вот тебе и встреча. Тридцать лет спустя. На экране – вновь все тот же хитроватый, но такой добродушный с виду – лейтенант Коломбо.

Все остальное на бангладешском телевидении было «несмотрительным», если так можно выразиться.

Назвать библиотекой комнату, в которой покрывались плесенью подшивки газет и пропагандистские брошюры, засланные из Москвы в чрезмерном, даже учитывая огромное население Бангладеш, количестве, можно лишь с большой натяжкой. И мы обменивались журналами и книгами, привезенными из Москвы и зачитанными до дыр.

Допустим, почитали по третьему разу журнал «Новый мир» за прошлый год. Ну написали еще пару страниц будущей диссертации. А времени все еще шесть часов вечера. И еще два часа до сеанса кино в посольстве. Правда, фильмы показывали по столько раз, что пленка не выдерживала и постоянно рвалась. Ее склеивали, и некоторые сцены просто исчезали навечно. Вы, например, могли без замиранья сердца смотреть конец фильма «Белое солнце пустыни». Полюбившийся вам таможенник, которому вы так сопереживаете, выйдя в море на заминированном корабле, не погибнет. Взрыва не будет. Последнее, что вы видите, – это уплывающий в море корабль. И только некоторым чудачкам, не смотревшим фильм, непонятно, чего это его жена потом так убивается на пляже? Бросил он ее, что ли?

На каком-то этапе я даже начала вязать. Никогда не верила, что паду так низко. В моих ушах, как проклятие, звучали слова брата Игоря, Олега. Олег всегда немного подсмеивался над моими поползновениями избегать банальностей в мыслях, поведении, отношениях. Провожая меня в Индию, он, не без некоторого ехидства, сказал:

– Да, никуда тебе не деться. Скоро ты станешь как все. Будешь образцовой дипломатической женой. Станешь толстой и будешь целыми днями вязать.

И вот вторая часть его пророчества сбылась. Я начала вязать. Но, видимо, поскольку это занятие в моей голове прочно связалось с первой частью предсказания относительно набора веса, я не получала удовольствия от этого процесса. И вместо того, чтобы расслабляться, что обычно ассоциируется с вязанием, все время нервничала. В результате плодом моих усилий становились не красивые свитера и кофты, а какие-то уродцы. Вершиной моего вязального творчества так и остались шарфы. Но сколько нужно иметь шарфов, особенно в Бангладеш? Правда, я нашла им применение. Выходя на балкон на очередную

прогулку, наматывала шарф на голову на манер тюрбана, памятуя, что именно так в Средней Азии защищаются от жары.

От дальнейших вязальных искусов, а возможно, и от того, чтобы сбылась первая часть пророчества Олега – превращение в толстую матрону, меня спасла гениальная идея Игоря заняться теннисом. Сказано – сделано. Прежде всего, мы экипировались. Для моего мужа это всегда было наиважнейшим этапом начала любой спортивной активности. Не важно, если потом все накопленное дорогое снаряжение оказывалось невостребованным и пылилось где-нибудь в шкафах на радость моли. По-моему, он получал больше удовольствия от процесса подготовки к какому-нибудь занятию, чем от самого занятия. И вот ракетки и форма выписаны, мячи прибыли, сетка закуплена, тренер найден. Дело осталось за малым. Построить теннисный корт.

Мы с энтузиазмом взялись за дело. Пустырей было множество, мы выбрали один, поближе к дому, и начали разравнивать его и выковыривать из ссохшейся земли камни и траву. Труд был воистину сизифов. Не успевали мы ликвидировать на каком-то участке всю траву, как на этом месте – стоило пройти небольшому дождю – появлялась новая растительность. С помощью мальчишек, с интересом наблюдавших за нашей работой, мы все-таки создали некое подобие площадки для игры в теннис.

И вот день назначен. При полном параде, облаченные в форму от «Адидас» и вооруженные ракетками «Уилсон», мы явились с тренером на наш корт на первый урок игры в теннис. Тренер весьма скептически обозрел площадку, но... деньги есть деньги, и он начал тренировку. Но что это? Он подает мяч. Игорь, приняв красивую позу, готовится его отбить, но мяч, отскочив от неровной поверхности, улетает куда-то совсем не туда, куда должен был лететь. И так происходит каждый раз. И лишь мальчишки, выступавшие в роли зрителей, были довольны игрой. Они с удовольствием бегали за мячами, причем чаще всего возвращались с пустыми руками и заявляли, что мяча не нашли. Так что вскоре тренировку, за отсутствием мячей, пришлось прекратить.

Мы благоразумно решили отложить наше приобщение к аристократическому миру тенниса до лучших времен – окончания строительства спортивного комплекса в нашем посольстве. Ни я, ни Игорь предпочитали не вспоминать о нашей теннисной эпопее и о часах, проведенных под палящим солнцем, когда мы создавали «теннисный корт». Но это было трудно. Еще долгое время детвора вокруг играла желтыми теннисными «потерянными» мячами, отбивая их плоскими дощечками. В конце концов, мы философски заключили, что наша инициатива не пропала даром, возможно, мы стоим у истоков появления чемпионов по теннису в Бангладеш.

Когда мы переехали в новый дом, я занялась обихаживанием его абсолютно голой территории. Земля Бангладеш оказалась удивительно благодатной для экспериментов такого несведущего и нетерпеливого садовода, какой была я. Стоило воткнуть палку в землю, как она начинала расти, и через несколько месяцев вы имели уже небольшое деревцо. Помню, с каким изумлением, вернувшись после трех или четырех месяцев отсутствия, я взирала на наш дом. Его едва было видно за разросшимися кустами и деревьями. А скоро мы уже ели бананы и папайи из собственного сада.

Но через некоторое время и садоводство исчерпало себя, поскольку сажать растения было уже некуда. И тут на выручку пришел мой младший брат, тоже Олег. Он был намного младше меня, в то время ему было лет десять. С самого

раннего детства он обожал книги про животных и особенно был неравнодушен к различным насекомым.

Я помню такую сцену. Брат, едва научившийся читать, возлежит с важным видом на диване с толстенным словарем по энтомологии, едва удерживаемом на животе. Я, естественно, полагаю, что он просто смотрит картинки. Не подозревая, какую роковую ошибку совершаю, я задаю совершенно невинный вопрос.

– Тебе нравятся насекомые на картинках?

– Какие?

– Ну, я не знаю, бабочки, например, или жуки? – И я уже собираюсь продолжить путь. Но не тут-то было.

– Какие бабочки? Какие жуки?

– Что значит какие? Ну, я не знаю, красивые... – я уже понимаю, что так просто не отделаюсь.

– Ты что, не знаешь, что бабочки и жуки – это разные отряды насекомых? Вы же в школе проходили, я видел твой учебник по зоологии.

– Да, мы вроде проходили что-то, но давно, я уже забыла.

Я смиряюсь со своей участью, сажусь на диван и выслушиваю целую лекцию о классе членистоногих беспозвоночных. Как оказывается, так по-научному величают насекомых.

С годами интерес Олега к насекомым не угасал, а только прогрессировал. Полным цветом его энтомологические склонности расцветали летом на даче. Он сам целыми днями носился по окрестностям с сачком в руках и нам не давал покоя, демонстрируя все задатки тирана и требуя, чтобы мы оказывали ему всяческое содействие в поимке какого-нибудь очередного жесткокрылого.

Во время отпуска в Москве меня несколько насторожил его повышенный интерес к миру членистоногих беспозвоночных в Бангладеш. Я неосторожно подтвердила, что, действительно, летает и ползает там множество всякой гадости. Более того, имела глупость рассказать о допекавших нас огромных тараканах, которые, в отличие от их московских собратьев, еще и летали. Заходишь в комнату, включаешь свет, и с кровати поднимается маленькая эскадрилья этих неистребимых насекомых.

В своем стремлении развлечь брата я, наконец, совершила роковую ошибку. Вспомнила о недавнем происшествии, когда, спросонок не обзрев окрестности, опустила одну ногу на желтый коврик, лежавший около кровати, затем приготовилась опустить вторую и посмотрела вниз в поисках тапочка. И тут заметила какое-то движение на коврике около кровати. Надо сказать, сначала я не поняла, что это такое, совсем не испугалась и даже подумала: «Жалко было бы раздавить такую красивую ящерицу». И тут же засомневалась в том, что это ящерица. Это насекомое мне явно напоминало кого-то. Я напрягла память. И вот перед глазами возникли заглавные кадры столь любимого в детстве сериала, который мы обожали смотреть в Лондоне. Фильм шел раз в неделю и назывался очень просто – «Скорпион». На желтом ковре во всей своей красе стоял, подняв в боевой готовности хвост, небольшой скорпиончик. Еще минута, и моя вторая нога опустилась бы прямо на него.

После всех этих рассказов глаза брата загорелись охотничьим блеском. Он, правда, не преминул заметить, что только такой профан, как я, мог назвать ящерицу насекомым. Тогда как ящерица – типичный представитель класса пресмыкающихся, или рептилий. Я попыталась исправить свою ошибку и отвлечь его внимание от энтомологических сюжетов. Рассказала о

многочисленных встречах с представителями этого класса, также во множестве водившимися в Бангладеш. Во время сезона дождей змеи выползали на шоссе в поисках сухого места и становились своеобразной частью пейзажа. Повела о гораздо более симпатичных для меня пресмыкающихся – варанах – большущих ящерицах, похожих на ихтиозавров. А может, и действительно их потомков, переживших бронтозавров, динозавров и прочих доисторических животных, не сумевших вовремя перебраться при наступлении холодов в благодатный для них климат Бангладеш.

Но, увы, было уже поздно. Олег едва слушал меня. И вскоре по приезде в Дакку я получила от него письмо со строгими инструкциями относительно немедленного начала отлова всех имеющихся в окружающей среде насекомых.

Делать было нечего, и я приступила к систематическому отлову различных тварей. Сначала я делала это непрофессионально, используя все подручные средства, попадавшие под руку в момент появления очередного насекомого, – кепки, туфли, чашки и т.д. Но вскоре от Олега последовал выговор за повреждения, нанесенные беспозвоночным. Через некоторое время один из вернувшихся из отпуска знакомых, как-то подозрительно ухмыляясь, вручил мне посылку из Москвы. Это было нечто длинное, завернутое в бумагу. Развернув ее, я обнаружила... сачок. Вскоре уже вся колония знала о «моем» хобби. В это время я работала в торгпредстве. Когда Игорь звонил и не заставлял меня на месте, то на свою просьбу позвать меня к телефону он слышал: «Ее нет. Наверное, опять пошла охотиться на...» И дальше в зависимости от изобретательности или язвительности собеседника следовало – на тараканов, бабочек, козявок.

По-моему, испокон веков личность энтомолога – это либо нечто весьма комичное, либо очень и очень подозрительное, а то и вовсе ненормальное. На память сразу приходят персонажи известных литературных произведений. Вспомним зловещую фигуру натуралиста Стэплтона из «Собаки Баскервилей» всеми нами любимого в детстве Шерлока Холмса. Или более свежие примеры из произведений, на мой взгляд, одного из самых интересных современных писателей, тоже англичанина Джона Фаулза. Главный герой романа «Любовница французского лейтенанта» – Чарльз, чье увлечение энтомологией призвано подчеркнуть его нестандартность, некоторую странность. Ну и, наконец, герой романа «Коллекционер». Коллекционер бабочек, хотя и изображен Фаулзом с большой симпатией, просто сумасшедший.

Сначала я явно относилась к племени комических персонажей. Представьте себе: молодая белая женщина в азиатской стране то ходит, как кот в сказке Пушкина, кругами вокруг какого-нибудь дерева, на котором она заметила заинтересовавших ее жесткокрылых, то вприпрыжку несется куда-то, размахивая руками, за необычным экземпляром прямокрылых.

На втором этапе я переключалась в разряд подозрительных представителей племени энтомологов. Дело в том, что началась жара, а Олег требовал все новых и новых жертв. К тому же я сама, будучи натурой весьма азартной, не на шутку увлеклась охотой за насекомыми. Тем более что их в Бангладеш великое множество и они очень разнообразны.

В итоге я перешла на ночной, а вернее, вечерний отлов. С наступлением темноты, а она наступала в Бангладеш, как и везде в тропиках, рано, я отправлялась на охоту. Далеко ходить было не надо. Очень скоро я поняла, что это самое лучшее время для ловли многих видов летающих насекомых. Стоило подойти к одному из фонарей, освещавших въездные ворота вилл... и только

успевай поворачиваться. Куча самых разнообразных букашек и таракашек с упорством камикадзе летят, карабкаются, ползут на чем-то интригующий их свет. Обойдя в течение часа несколько окрестных точек, я каждый раз получала что-то новенькое для коллекции.

В итоге, выдержав насмешки сотрудников посольства и торгпредства и подозрительные взгляды редких ночных прохожих, я собрала неплохую коллекцию для Олега.

Ну а чем же закончилось увлечение брата энтомологией? К сожалению, ни во что конкретное оно не вылилось. А вернее ему не дали вылиться. Олег не стал поступать на биологический факультет университета, как хотел. Как и все мы – я, его сестра, и средний брат Миша, Олег поступил в МГИМО. Кто знает, может, и зря родители убедили его в том, что ему не светит ничего хорошего по окончании биофака. Возможно, поступи Олег туда, куда хотел, и на свете было бы еще на одного человека, любящего свою профессию, больше. А ведь это такая редкость и такое ни с чем не сравнимое счастье!

Единственное, что напоминает о его былом увлечении, – это экземпляры экзотических бабочек и жуков, украшающие стены бильярдной комнаты на даче.

Куда бы съездить в Бангладеш?

Спектр развлечений в Бангладеш, как нетрудно догадаться, был весьма ограниченным. Основным средством убивания свободного времени было хождение в гости. Сегодня Ивановы идут к Петровым, а завтра – Петровы к Ивановым. При таком времяпрепровождении неизбежны были застолья. А где застолье, там у русского человека, естественно, и выпивка. Тем более такой убедительный предлог всегда под рукой – борьба с инфекцией.

Поскольку спиртное по обыкновению потреблялось с устрашающей быстротой, а в Бангладеш никакого алкоголя не продавалось, то бутылка горячительного напитка была самой верной единицей расчета. Особенно когда местная валюта – «така» – по своей нестабильности могла сравниться лишь с рублем в середине 90-х годов. Как и в России другого, не менее запомнившегося периода – горбачевской антиалкогольной кампании, за ящик, правда, не водки, а, желательнее, виски, можно было совершить такое, за что в нормальное время и в нормальной стране понадобилось бы заплатить не одну тысячу денежных единиц. Причем гораздо более весомых, чем советский и тем более русский рубль.

Как-то в Читтагонг, самый крупный порт Бангладеш на побережье Бенгальского залива, прибыла заказанная нами музыкальная система. Как назло, начался период муссонов. Многие дороги затопило, и грузовое сообщение между Даккой и Читтагонгом осуществлялось крайне нерегулярно. Нам, а вернее, моему мужу, ждать было не вмоготу. Он связался с советскими вертолетчиками, прибывшими оказывать помощь пострадавшим от наводнения районам Бангладеш и базировавшимся в Читтагонге, и договорился с ними полюбовно: они в свободное от помощи местному населению время «забросят» нам наши коробки с техникой, а мы компенсируем их усилия парой ящиков виски.

И вот в одно прекрасное воскресенье над нами раздался стрекот вертолета. С окрестных деревьев с недовольным видом взлетели обеспокоенные грифы. Летчик мастерски посадил вертолет на небольшую лужайку около дома, еще оставшуюся не затопленной водой. Публика, наблюдавшая за процессом с окрестных крыш, разразилась аплодисментами. Мужчины с серьезными лицами выгрузили несколько больших ящиков. В свою очередь в вертолет они занесли несколько ящиков поменьше. Все были чрезвычайно довольны состоявшимся товарообменом, а соседи бесплатным развлечением. Единственно, кто пострадал, – это семья бангладешцев, чья хижина прилепилась к нашему дому. У них при посадке вертолета снесло крышу. Но и они не остались внакладе. Наши мужчины сообща водрузили их крышу на место и даже закрепили ее так, что она потом уже не поддавалась никаким натискам самых сильных ветров.

«Народный контроль» в лице жен безуспешно сражался с этим повальным пороком мужчин. Но женщины порой уезжали в Москву, у многих там оставались дети. А после военного переворота 1974 года, во время которого убили Муджибура Рахмана, жен и детей эвакуировали на родину, и в течение шести-семи месяцев мужчины были предоставлены самим себе. Вот уж тут они вволю порезвились. Когда мы вернулись, только и разговоров было о «подвигах» того или иного мужа.

Расскажу лишь об одном таком подвиге, который вошел в анналы истории советского коллектива в Бангладеш.

Один сотрудник посольства посидел как следует в теплой компании и отправился, будучи сильно подшофе, поздно вечером домой. Был он, к тому же, очень лихим водителем. На очередном крутом повороте наш водитель не совладал с машиной и врезался в стену какой-то виллы. Машина была крепкая – советская «Волга». Не случайно я ее всегда называла танком. А забор был хлипким, отнюдь не советским, а бангладешским. Короче, машина пробила забор и оказалась на лужайке виллы. А на лужайке шел прием. Стояли дамы в длинных платьях, мужчины в костюмах и вели светские беседы. Вилла оказалась резиденцией одного из послов, аккредитованных в Бангладеш. Господа и дамы, естественно, были несколько ошарашены таким лихим прибытием на официальное мероприятие. Но наш герой не растерялся, попытался завести мотор и дать задний ход, но машина не завелась. Тогда он вышел из машины, извинился и гордо удалился в брешь, проделанную машиной.

Однако домой не пошел. Видимо, мысль о нанесенном ущербе чужому имуществу и возможных последствиях лихой езды для его карьеры не давала ему покоя. И тут его осенила, как он решил, гениальная мысль: надо заделать дыру в заборе. Нет дыры, нет и доказательств. Сказано – сделано. Тем более в Бангладеш даже ночью ничего не стоило отыскать нужную мастерскую и рабочих. Как правило, все спят там, где и работают. Забор за ночь заделали, и наш герой спокойно отправился почивать. А на следующий день раздался звонок, и между нашим послом и послом пострадавшей виллы состоялся примерно такой разговор.

– Доброе утро, господин посол.

– Доброе утро, – отвечает наш посол. – Как дела? Все в порядке?

– Все хорошо, спасибо. Забор восстановлен очень хорошо.

– Какой забор? – удивляется советский посол, которому предусмотрительный сотрудник, естественно, ничего не сообщил, тем более что в это время он вообще еще спокойно отсыпался дома после трудов не очень праведных.

– Да забор моей виллы. С ним все в порядке. Ваши ребята хорошо потрудились, и даже следов дыры не видно.

– Я что-то не понимаю, о чем вы. Здесь, наверное, какое-то недоразумение.

– Да нет, это ваш сотрудник был, советский дипломат.

– Не может быть, вы обознались, – еще не очень понимая в чем дело, но, на всякий случай пытаюсь защитить честь мундира, заявил наш начальник.

– Да нет, дело в том, что дыру-то заделали, а машину во дворе на лужайке так и оставили. Ваша машина, чья же еще – «Волга» и номер советского посольства.

– Как?!

– Да, жалко. Опять придется забор разбирать. Выезда из двора нет, не дом же сносить. Так что вы уж там распорядитесь, чтобы рабочих прислали, ну и машину заберите. Договорились?

Забор опять разобрали, машину завели и вывезли, а несчастный забор заделали в очередной раз. По счастью, это была резиденция посла одной из стран социалистического лагеря. Поэтому все обошлось относительно тихо и спокойно. Посол принял мудрое решение не высылать провинившегося дипломата. Едва ли не худшим наказанием для него было остаться в Дакке и в

течение еще по крайней мере года до своего отъезда выслушивать остроты в свой адрес и ловить на себе насмешливые взгляды.

Подобные эксцессы были, конечно, скорее исключением, чем правилом. Может быть, частично это объяснялось и тем, что машин в личном пользовании практически не было. Автомобили были закреплены лишь за «старшими» дипломатами, начиная с советников.

Зато у всех «соседских», как тогда называли сотрудников спецслужб, были машины, причем все одинаковой марки и чуть ли не все одинакового бежевого цвета.

Каждый день, вернее, дважды в день, утром и днем, после окончания работы можно было наблюдать следующую картину. Из маленьких ворот посольства СССР выходили один за другим советские дипломаты и их жены, из тех, которые работали там же, и вяло разбредались в разные стороны. Причем некоторым, как, например, нам, приходилось минут двадцать брести по жаре. В это же время из автоматически открывавшихся главных ворот одна за другой выезжали одинаковые машины, вроде бы с такими же советскими дипломатами за рулем. Обдав пылью понуро бредущих коллег, их гордые владельцы лихо мчались к своим домам. Любой, кто взял бы на себя труд постоять в такие моменты у ворот советского посольства, мог без труда вычислить, кто в этом заведении выполняет какие функции.

Как-то, когда я в очередной раз была в отъезде, Игорь решил купить машину. Подозреваю, что ему сильно надоело ловить на себе снисходительные взгляды высокопоставленных обладателей лимузинов. Решил и сделал. И вот когда я прилетела, в аэропорту Дакки меня встречал страшно гордый муж на своей первой личной машине – маленькой белой «Мазде». Уже в первые минуты мне стало очевидным безумие этой затеи.

Игорь не умел водить, а улицы Дакки были еще менее подходящим местом для обучения езде, чем улицы Калькутты. Движение здесь было гораздо более хаотичным. И к тому же по Дакке ездили не просто рикши, а велорикши; то есть рикша ехал впереди на велосипеде, а сзади к велосипеду была прикреплена коляска на двух колесах. А так как это был практически основной транспорт на даккских улицах, велорикши вели себя гораздо более самоуверенно, чем простые калькуттские рикши. И даже порой агрессивно. Для них не существовало никаких правил движения. С завидным упорством игнорируя сигналы светофоров, они поворачивали в любой момент там, где им приспичило, не подавая никаких сигналов. И ни за что не хотели уступать дорогу машинам, а поскольку сооружения, которыми они управляют, довольно неустойчивы, то лобовые атаки на автомобили и запоздалые маневры в последний момент, с тем чтобы избежать столкновения, как правило заканчивались для них плачевно. Велосипед и коляска оказывались перевернутыми на обочине или в овраге вдоль дороги. Но это не умеряло пыла велорикш в их стремлении навсегда закрепить за собой приоритет на дорогах Дакки. Уже после нашего отъезда власти города предприняли попытку навести порядок на улицах. Они посягнули на святая святых – гегемонию рикш. Для них на улицах была отведена крайняя полоса, которую оградил невысоким бордюром. И что же? Очень быстро бордюры оказались разобранными, и рикши опять стали всевластными хозяевами улиц.

В результате каждая поездка с Игорем за рулем в центр Дакки превращалась в тяжелое испытание для моей нервной системы. Да к тому же и ездить туда было особенно незачем. Разве что в торгпредский бассейн по

воскресеньям. Но вскоре на территории посольства также построили бассейн. Так что даже этот повод для выезда в город на своей машине отпал.

Ездить на работу? Но к этому моменту мы переехали в дом, находившийся совсем близко от посольства. Мы решили совершать поездки по стране. Вот тут-то и выяснилось, что ездить, собственно говоря, некуда. По крайней мере, поблизости от Дакки. А забираться куда-либо подальше мы побаивались, так как не везде было безопасно и к тому же негде было остановиться. Даже при нашем довольно спартанском в то время отношении к комфорту провинциальные бангладешские гостиницы назвать этим словом можно было, только будучи сверхнепритязательным человеком и большим оптимистом.

До этого, правда, нам довелось как-то провести ночь, сидя вдвоем на одном стуле, а однажды даже лежа на столе, почему-то оказавшемся в умывальной комнате женского туалета. Но это было во время путешествий по России, в славные годы застоя, когда к проблемам отсутствия мест, даже заранее заказанных в гостиницах, относились как к неизбежному злу. Кроме того, к своим микробам мы уже адаптировались. К тому же был холод собачий, который, по моим прикидкам, должен был напавал сразить 99% микробов. Другое дело Бангладеш...

Летать на выходные, как это делали наши западные коллеги, на близлежащие курорты Малайзии или Таиланда мы не могли. Вплоть до конца восьмидесятых годов советские дипломаты не имели права выезжать за пределы страны, в которой они были аккредитованы, то есть находились в командировке. Естественно, это ограничение не имело ничего общего с общедипломатической практикой. Это было одним из многочисленных правил, придуманных советской бюрократией. Оно было призвано, как и все другие инструкции такого рода, предотвратить не вызванные служебной необходимостью контакты с иностранцами и облегчить задачу постоянного контроля над советскими заграничниками. Чего стоит одно это слово – «заграничники». Оно само по себе воплощает целую эпоху советского бюрократизма. И вот многие поколения этих самых заграничников с вождением смотрели, как их коллеги из всех других стран, за исключением, естественно, большинства стран социалистического лагеря (еще одно прелестное словосочетание, которое неизбежно вызывает самые «приятные» ассоциации), в выходные или в отпускные дни отправляются в поездки в соседние страны.

Но поскольку путешествовать хотелось, мы все-таки начали выезжать в окрестности Дакки.

Сегодня, когда я смотрю на фотографии, запечатлевшие те поездки, мне немного смешно. Не от лицемерия бангладешского пейзажа. Пейзаж довольно унылый и однообразный. Везде одна и та же картина. Рисовые поля, редкие пальмы и убогие деревушки на возвышениях.

Мне смешно смотреть на себя на этих фотографиях. Вот я на фоне рисового поля. На мне, как говорят в таких случаях англичане, «Sunday best», то есть праздничная одежда, только что полученная по выписке из журнала «Quelle» или какого-нибудь другого журнала, по которому мы выписывали одежду из Европы. Вот я опять-таки в весьма смелом туалете, окруженная группой улыбающихся, но донельзя оборванных и грязных детишек. Все это выглядит довольно нелепо. Напоминает пахнущие, на мой взгляд, дурным вкусом некоторые современные рекламные фотографии из модных западных журналов, на которых модели, разодетые в пух и прах, позируют в какой-

нибудь нищей африканской или азиатской деревне в окружении людей, одетых, пусть порой и в красочные, но лохмотья. Подразумевается, что это выглядит экзотично. На мой взгляд – это скорее отдает кощунством, чем экзотикой.

Наши поездки по стране очень быстро исчерпали себя. Посещать, за неимением чего-то другого, приходилось маленькие деревушки, все удивительно похожие одна на другую. Хижины, слепленные из глины или составленные, как карточные домики, из джутовых щитов, а то и просто из кусков железа, картона и бог знает еще из чего. Подобие заборов из высушенных стеблей кукурузы, чахлые огородики, на которых росла в основном неприхотливая местная разновидность кабачков – цукини. Не то быки, не то коровы (они были настолько тощими, что трудно было определить), редкие пугливые куры. Вот и вся живность. Люди – не просто худые, а какие-то высохшие, с ввалившимися щеками и даже не грустными, а просто пустыми глазами. Голые чахлые детишки, все как один с торчащими рахитичными животами. На все это было очень грустно смотреть. Более того, мы чувствовали здесь себя неловко и неуютно. И не только из-за моих туалетов – вскоре я поняла их неуместность и одевалась очень просто. Нет, просто мы приезжали туда из любопытства. А на фоне такой нищеты и беспросветности любопытство было безнравственным. Становилось стыдно за свою сытость, одетость, благополучие. Туда надо было или приезжать, чтобы пытаться как-то помочь, что-то сделать, или не приезжать совсем. Мы предпочли не приезжать.

Я до сих пор вижу иногда лица этих людей. Олицетворение безнадежности. В отличие от городских жителей, они не попрошайничали. Даже дети. Возможно, оттого что ты не слышал привычного заунывного завывания «Бакшиш! Бакшиш!», становилось особенно не по себе. Можно ли было как-то помочь им? Сейчас я думаю, что да. Собрать кое-какую одежду, купить и привезти хотя бы риса, соли, муки. Это была бы чисто символическая помощь, но все-таки лучше, чем ничего. Но тогда мне даже в голову не приходило, что можно и нужно сделать что-то для этих людей.

Принять реальное участие в жизни бангладешцев, а не просто отсиживать в качестве сотрудника, «ответственного за женские организации» Бангладеш на протокольных мероприятиях, означало бы увидеть и признать, что их мир – это и мой мир. И два этих мира неразделимы. Но ни по своему воспитанию, ни по своему мировоззрению я тогда не была к этому готова.

Мы, сотрудники посольства, и жители Бангладеш с их проблемами существовали как бы в параллельных мирах, соприкасаясь лишь на официальных мероприятиях или во время вот таких редких «эскапад» за пределы нашего дипломатического гетто. В определенной степени мы на микроуровне воспроизводили схему макроотношений, сложившихся в мире. В то время наша страна, а также, в чуть меньшей степени, страны социалистического лагеря и весь остальной мир существовали в изоляции друг от друга. Два мира, каждый день доказывавшие себе и другим, что две параллельные прямые никогда не пересекутся.

И лишь один раз за четыре года жизни в этой стране я смогла хоть краем глаза взглянуть на то, что происходило за пределами нашего дипломатического гетто.

Как вы уже поняли, в Бангладеш – этой «стране на воде» – за пределы Дакки мы практически не выезжали. Но одна поездка, заслуживающая того, чтобы о ней рассказали, все-таки состоялась. Как-то весной 1973 года Игорь собрался в командировку в Кхулну, столицу одноименной провинции

Бангладеш. Поводом для командировки стал отчет даккского главы ССОДа (ССОД – Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами). Эта организация, призванная развивать культурные связи с различными странами мира, имела свои представительства за рубежом. Так вот, согласно отчету, в Кхулне количество членов Советско-бангладешского общества дружбы перевалило уже за миллион. И хотя население Бангладеш тогда, как я уже писала, было около 75 млн. человек, отчета попахивало очковтирательством.

Встал вопрос – как туда добираться. Поскольку в тот момент у бангладешской авиакомпании «Биман» возникли какие-то технические проблемы с полетами в Кхулну, было решено добираться единственно оставшимся путем – водным. Вот тут я и напросилась ехать с Игорем.

Отплывали мы из речного порта Дакки вечером. Мы сели на судно, которое действительно можно было назвать пароходом, во всяком случае, в начале его навигационной жизни. А было это, как мы позже выяснили, ни много ни мало как в 1898 году. Наш корабль был построен в Манчестере специально для «Бритиш Ист Индиа Компани». Пароход украшала огромная труба, которая исторгала из себя не только облака черного дыма, но и истошный рев. Конечно, движение по реке было интенсивным, и, наверное, иногда сигналы, издаваемые нашим кораблем, помогали расчищать дорогу. Но мне кажется, что капитан просто получал удовольствие, посылая звуковые сигналы, потому как делал он это, едва завидев любое встречное плавучее средство. Разговаривать мы могли не иначе, как крича друг другу в ухо. В результате к концу путешествия мы все немного оглохли и уже с трудом воспринимали нормальную речь.

Билеты на пароход стоили довольно дорого для простого бангладешца, и народу было немного. Наши каюты «высшего» класса располагались на верхней палубе. К типу «люкс» эти каюты были отнесены, вероятно, потому, что в них имелся такой предмет роскоши, необходимый в путешествии, как телевизор. Телевизор, правда, не работал, но это уже детали.

Долго не удавалось нам нормально умыться. Рукомойник, установленный в наших каютах, действовал на основании системы, привнесенной на Восток англичанами. Смесителей нет. Есть два крана. Один – с обжигающе горячей водой. Другой – исторгает воду очень холодную. Для того чтобы получить теплую, надо закрыть умывальник пробкой, сделать нужную смесь и затем полоскаться в свое удовольствие. Возможно, в этой системе и есть какой-то потаенный, недоступный простому смертному смысл, объясняемый особым представлением англичан о гигиене. Но я лично предпочла бы скорее вообще не умываться, чем полоскаться и чистить зубы в сомнительной чистоты умывальнике, и тем более в Бангладеш. Этот проклятый умывальник впервые поколебал мою веру (основанную на безупречных дезинфицирующих свойствах виски) в англичан как неоспоримых авторитетов в области борьбы с инфекцией.

К ночи жара спала, и пассажиры первого класса собрались в небольшой кают-компани. Мы узнали, что большинство наших соседей – все те же неугомонные путешественники – англичане, разбавленные несколькими скандинавами. Все они работали в различных международных организациях, оказывающих помощь Бангладеш.

Утром мы проснулись от гомона, доносившегося снаружи. Выглянув, мы поняли, что пароход куда-то причалил. Это был Барисал – первый пункт нашей инспекционной поездки. Быстро одевшись, мы вышли на берег, решив произвести небольшую ориентировку на местности. Однако когда я огляделась вокруг, то мне стало не по себе. Везде мой взгляд наталкивался на людей с

проваленными носами и какими-то гноящимися ранами вместо ртов и ушей. Их руки и ноги были замотаны грязными тряпками, а на иссохших телах болтались лохмотья. Сцена, достойная фильма ужасов. Случись мне оказаться там до Индии, и я, наверное, впала бы в истерику. Но к этому моменту я уже насмотрелась в Калькутте на больных проказой. Правда, никогда я не видела столько прокаженных в одном месте и таких запущенных. Мы предпочли спокойно отступить на заранее подготовленные позиции.

От соседей, благоразумно оставшихся на корабле, мы узнали, что в Барисале находится международный медицинский центр, занимающийся поиском новых средств лечения проказы. И сюда со всей Бангладеш стекаются люди, страдающие этой болезнью, которая до сих пор остается во многом неразгаданной. Как выяснилось, сегодня больные вышли встречать долгожданных гостей – двух знаменитых врачей-англичан, которые приплыли в Барисалу на нашем пароходе.

Дождавшись, когда схлынет толпа прокаженных, мы опять сошли на берег. Подразумевалось, что нас будут встречать представители местного отделения Советско-бангладешского общества дружбы. Но нас явно никто не ждал. Мы двинулись в город и с трудом, но все же разыскали следы существования этого общества. Объявились даже президент и вице-президент. Вечером состоялось заседание членов общества.

Мне оно несколько напомнило заседание общества «Союз меча и орала», которое с таким блеском провел Остап Бендер в Старгороде. Во всяком случае, собравшиеся люди, и особенно президент и вице-президент, выглядели крайне неуверенно, если не испуганно. Напомню, что дело происходило весной 1973 года. Всего через несколько месяцев после нашей поездки в стране произойдет переворот и Муджибур Рахман будет сначала арестован, а потом убит.

Уже на протяжении всего 1972 года авторитет Муджибура Рахмана и его партии таял на глазах. И соответственно росло разочарование в его лозунгах построения социализма. Уменьшался и энтузиазм в отношении Советского Союза. Еще бы, как я уже писала, нам было просто не угнаться за размахом помощи, оказываемой Бангладеш США и странами Западной Европы. С ростом недовольства политикой правительства возрастала активность оппозиции.

Все это хорошо чувствовалось даже в провинции. Было очевидно, что, если бы не традиции бангладешского гостеприимства, пришедшие на встречу предпочли бы избежать общения с нами и не афишировать своего участия в лишившемся своего прежнего ореола обществе.

Не исключаю, что собравшихся посещали те же мысли, что и участников собрания общества «Союз меча и орала»: «В лучшем случае два года со строгой изоляцией». Но тем не менее собрание прошло нормально. У нас даже был свой «гигант мысли, отец русской демократии, особа, приближенная к императору». Его роль исполнял коллега Игоря по посольству. Он, в отличие от Ипполита Матвеевича, имел весьма солидный рост и вес, что всегда внушало шуплым бенгальцам уважение. Игорь прочел доклад, после которого состоялся концерт бенгальской музыки, и все с облегчением разошлись, довольные друг другом. Мы – тем, что все-таки отыскивали каких-то членов общества Советско-бангладешской дружбы. Они – тем, что мы от них ничего не требовали и вообще пообещали завтра же отправиться дальше. Даже мзды, в отличие от наших коллег со страниц «Двенадцати стульев», мы не собирали, а лишь попросили где-нибудь разместить нас на ночь, поскольку никакой, даже самой паршивенькой гостиницы в Барисале не существовало. Сомневаюсь, что она там

появится в ближайшие сто лет. А может, ее не строят из прагматических соображений? Зачем, когда через сто лет все равно эти места, скорее всего, затопит?

Ночевали мы в какой-то хибаре под громким названием «guest house». Мы-то с Игорем ничего, уже не первый год на Востоке. А вот для нашего попутчика, только что приехавшего в Бангладеш, да еще из Швеции, где он перед этим работал, это было серьезным испытанием. Он не решился даже раздеться и улечься спать, что называется «в полной выкладке», сняв лишь галстук, приняв перед этим еще и изрядную дозу «успокоительного», которым служило все то же незаменимое на Востоке виски. Но даже виски не помогло, и всю ночь он то и дело будил нас. То ему казалось, что его кто-то укусил, то чудились подозрительные шорохи снаружи, и он убеждал нас, что это «экстремистские элементы» готовятся разделаться с нами. В результате вторую половину ночи он провел сидя в кресле у нас в комнате.

На следующее утро наши хозяева попытались компенсировать недостаточно теплый прием накануне. Мэр города предложил организовать для нас охоту в окрестных джунглях на бенгальского тигра – красу и гордость Бенгалии. Он сообщил, что у него для таких почетных гостей имеется лицензия на отстрел этого хищника, ставшего теперь большой редкостью. Затем мэр с гордостью представил нам свое «воинство». Это был группа сомнительного вида людей, вооруженных допотопными ружьям, и больше напоминавшими музейные экспонаты. Мы с Игорем уже чуть было не согласились, но тут наш коллега, сказав, что нам надо обсудить предложение, отвел нас в сторону.

– Вы что, с ума сошли? – почти закричал он, сделав большие глаза.

– А что, ты не хочешь? Это же так интересно! – за нас двоих ответил Игорь.

– Да как можно! Неизвестно с кем! Посмотрите на них – это же какие-то подозрительные типы. Вы уверены, что они не из экстремистов? Заведут в джунгли, а потом ищи-свищи.

Дались ему эти экстремисты! Мы попытались уговорить его, но все было напрасно. И поскольку он был старший по званию и возглавлял нашу «делегацию», мы были вынуждены подчиниться.

Так нам и не пришлось поучаствовать в этом действе, воскрешающем в памяти колониальные «забавы» англичан в Индии эпохи Киплинга.

Вместо охоты мы отправились дальше в путь и к вечеру были уже в Кхулне. Здесь к нашему прибытию явно подготовились, и все прошло на гораздо более высоком уровне. Тем не менее вывод был однозначен: миллион членов Советско-бангладешского общества дружбы в Кхулне существовал лишь в богатом воображении главы отделения ССОД в Дакке. По крайней мере, 999 тысяч членов были очередными мертвыми душами.

Неожиданно возникли трудности с отъездом. В этом районе началось очередное наводнение, и аэропорт опять оказался закрыт. Когда же мы пришли в порт, чтобы отправиться изведанным речным путем, то увидели там столпотворение. Все пытались покинуть город, улицы которого все больше напоминали венецианские каналы. На пристани царил настоящая паника. Это напоминало кадры из фильмов, повествовавших об эвакуации белых из Севастополя. Люди штурмом брали пароходы. Правда, «пароход» – слишком громко сказано. Большинство плавательных средств представляло собой убогие суденышки размером с большую лодку. Люди висели на них гроздьями. Когда

они отплывали, то тяжело кренились на тот или другой борт, в зависимости от того, где больше прилепилось народа.

Мы решили, что не будем принимать участие в этой попытке коллективного самоубийства. Нас совсем не прельщала перспектива быть упомянутыми на следующий день в газете «Амрита Базар Патрика» в статье под заголовком «В дельте Ганга опять перевернулся пароход с 700 пассажирами на борту. В живых никого не осталось». После всего увиденного у меня больше не вызывали удивления регулярно появлявшиеся в местной печати сообщения о том, что произошла авария, очередное речное судно перевернулось, и при этом погибло столько-то человек. Короче, мы наотрез отказались принять участие в штурме парохода.

Тогда провожавшие нас члены общества посоветовали нам обратиться к губернатору Кхулны, в распоряжении которого был личный катер. Что мы и сделали. Губернатор согласился предоставить его нам, и вот мы уже на другой пристани, где под парами стоит личное плавательное средство губернатора.

Это оказалось нечто среднее между маленьким пароходом и большим катером и напоминало старый морской буксир. На мачте развевалось аж два флага – бангладешский и губернаторский. Нас ждал капитан в безупречно белой одежде и в перчатках... с дырками на пальцах. Команда из двух человек была одета на тот же манер и тоже при перчатках. Я немедленно вспомнила обслуживающий персонал из описанного мною отеля на берегу Бенгальского залива в Ориссе. Там тоже все были в перчатках, невзирая на жару. Определенно, англичанам удалось убедить население своих колоний в том, что перчатки, не важно, в каком они состоянии, непременный атрибут джентльмена.

Наше путешествие в Дакку началось. Оно прошло без приключений. В памяти остались равнинные однообразные пейзажи Бангладеш, довольно живописные деревушки по берегам, буйволы, отмокавшие в воде, множество утлых суденышек, сновавших по реке. На берегу мужчины копошились возле лодок, женщины стирали белье, ребятишки плескались в воде. И так три дня – примерно одно и то же.

Единственным нашим развлечением было купание. Но, естественно, не в реке, а в ванне. Уж не знаю, по прихоти какого из губернаторов, но в центре каюты была установлена огромная для такого суденышка ванна. Ее наполняли чуть подогретой для этих целей водой, и мы по очереди принимали ванну. Самое оригинальное заключалось в том, что, когда мужчины принимали ванну, во главе ее стояли двое матросов с опахалами, сделанными из пальмовых листьев, и помахивали ими. Создавалась иллюзия морского бриза. Мне с трудом удалось убедить их в том, что я не нуждаюсь в их услугах. Что было неправдой. Честно скажу, если бы там оказалась женская прислуга, я бы не отказалась от такого сервиса, особенно если учесть, что царил настоящая тропическая жара.

Через несколько месяцев после нашего путешествия произошел переворот, о котором я уже рассказывала. Ситуация в стране была взрывоопасной, и большинство посольств эвакуировали женщин и детей. Такое же решение приняла и Москва. Я не была в Дакке семь месяцев. А вскоре после моего возвращения пришло долгожданное сообщение со Смоленской площади о том, что Игорю готовится замена, и мы с радостью уехали из Дакки. Так закончилась наша бангладешская эпопея, продлившаяся в общей сложности четыре года.

Интересная деталь. По случаю нашего отъезда мы устроили прощальный вечер, на который, как это принято, многие принесли подарки. Среди подарков оказался поднос с видом Швейцарии. Откуда он взялся в Дакке – уже

непонятно. Также не знаю, кому и почему пришла в голову мысль подарить нам в Бангладеш поднос с видом альпийских гор и деревушек, но подарок оказался пророческим. В наше следующее несколько затянувшееся «путешествие» мы поехали именно в Швейцарию. Правда, произошло это ни много ни мало спустя десять лет.

Заканчивая свое повествование о Бангладеш, я решила посмотреть (так же, как я сделала, когда завершала рассказ о Калькутте), что есть на русских сайтах интернета о Бангладеш. И была приятно удивлена. Заголовки статей и материалов, посвященных Бангладеш, звучали довольно оптимистично. «Страна тысячи рек», «Бангладеш: еще одна грань Востока», «В Бангладеш не только вода», «Новая страна на древней земле» и тому подобное. Если бы я не побывала там, я бы, наверное, подумала: «А не поехать ли мне туда в туристическую поездку вместо того, чтобы лететь опять на забытый русскими Кипр?»

Интересный парадокс: насколько мрачные материалы попались мне о Калькутте, настолько завлекательные – о Бангладеш. Но если о своем пребывании в Калькутте ни я, ни мой муж никогда не жалели, то посетовать на потерянные годы в Дакке было одним из наших любимых занятий. Реплика «не надо было нам ехать в Бангладеш!» была одной из любимых при перечне ошибок, совершенных в жизни.

Надо сказать, что ни у одной другой нации я не встречала такой мазохистской любви к пережевыванию обстоятельств прошедшей жизни, как у русских. А американцев, например, это вообще повергает в изумление. Я помню, как одна моя американская знакомая присутствовала при очередном нашем с Игорем обмене репликами типа: «Да, не надо нам было...». Она послушала, послушала, а потом спросила:

– А когда вы ездили в Бангладеш?

– Да где-то лет тридцать тому назад. Это была наша вторая командировка.

– А вам что, опять предстоит туда ехать?

– Да нет, ты что, не дай бог!

– А почему вы сейчас об этом заговорили?

– Да просто так, мы часто это обсуждаем. Не надо было Игорю соглашаться вообще туда ехать.

– Когда? – буквально вытаращив глаза от изумления, завопила моя американка.

– Да тогда, тогда... – удивлялась я ее непонятливости.

– Да вы что... Вы всерьез обсуждаете то, что было тридцать лет назад? – обычно такая невозмутимая, она не на шутку возбудилась.

– Да, конечно. А как же иначе? Это же наша жизнь. Мы переживаем.

– Но это же бессмысленно! Это потеря времени! Вы же ничего уже не можете изменить. Вы только травмируете себя такими разговорами.

Ее удивление и недоумение были настолько неподдельными, что задели меня. И я впервые всерьез задумалась о том, что ведь и вправду то, чем мы занимаемся, крайне нелепо.

Жизнь была другая. Мы были другими. Обстоятельства складывались так, что способствовали принятию этого решения, а не иного. Прошли годы. Все изменилось. Вы изменились, обстоятельства стали другими, вы приобрели опыт, вы испытали разочарования на избранном пути. И вот тут, с высоты нового опыта, совершенно иного, порой, мироощущения начинаются терзания.

Особенно сильны в этом мы, русские. Сколько негативных ненужных эмоций, без которых вполне можно было бы обойтись.

И вместо этого вспоминать то, что все-таки было хорошего в Бангладеш. Потрясающие бангладешские закаты. Вкус свежих, только что с дерева, манго, папай и личи. Мою первую и, боюсь, последнюю почти персональную виллу. Точно уж единственного персонального повара Селима. И тех людей, благодаря которым наша жизнь в Бангладеш стала уникальным опытом жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАМЕТКИ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

ГЛАВА I. ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ. ВНОВЬ В ИНДИИ

Все дороги ведут в... Дели

Третий раз я попала в Индию десять лет спустя после нашего отъезда из Калькутты. Я уже писала, что после возвращения из Бангладеш я начала работать в институте США и Канады. Работала в отделе внешней политики США и занималась проблемами отношений США со странами Южной Азии. Поскольку в США в командировку поехать было очень сложно, я решила: а почему бы мне не отправиться собирать материал по политике США на южно-азиатском континенте в свою любимую Индию? Разузнала, в каких городах из тех, где мне хотелось бы побывать, имеются научно-исследовательские центры, занимающиеся международными исследованиями, составила программу и начала ходить по начальству, пытаюсь пробить эту необычную для нашего института командировку. Но, очевидно, я правильно рассчитала. Отправить сотрудника в Индию было все-таки и дешевле, и проще, чем в США. Во всяком случае, в то время.

И вот спустя всего лишь год мои хождения по начальству увенчались успехом. Впереди целый месяц путешествий по Индии. Да еще одной. Да еще по каким местам – Джайпур, Мадрас, Бомбей.

Но из какой бы страны вы ни отправлялись в путешествие по Индии, куда бы потом ни лежал ваш маршрут, почти всегда вы начнете его из Дели. Вы прибудете сначала в столицу, а уж затем на самолете местной авиакомпании полетите дальше. Так что для большинства туристов Индия по-прежнему начинается с Дели и кончается в Дели.

А уж в советские времена, когда мы все пользовались исключительно услугами «Аэрофлота», иначе добраться до Индии было и невозможно. Тем более если вы отправлялись туда в официальную командировку.

И вот я уже в третий раз в Дели. Этот город не вызывал у меня особо теплых чувств. После Калькутты он мне казался каким-то пресным, почти европейским. Однако в тот момент, после десятилетней разлуки с Индией, я с нетерпением ждала встречи и с ним. Но начало моего путешествия было мало обнадеживающим.

Сначала я решила, что меня никто не встречает. Хотя должны были встречать как минимум три человека: представитель делийского Центра стратегических исследований (моя, так сказать, официальная принимающая сторона), сотрудник АПН (я должна была поселиться на несколько дней своего пребывания в Дели в жилом комплексе АПН) и знакомый мужа из посольства (это уже Игорь явно перестраховался). И вот я стою, озираюсь по сторонам, а ко мне никто не подходит. Прошло десять минут, двадцать, полчаса. Толпа прилетевших и встречавших схлынула. Все пассажиры уже ушли, я осталась в большом зале практически одна. И вот тут я увидела сначала одного мужчину, а потом и второго, которые, совершенно не обращая на меня внимания, продолжали выжидающе смотреть на двери, выпускавшие вновь прибывших. Я подошла к ним.

– Здравствуйте, вы случайно не Беглову встречаете?

– Да, Беглову, – ответил один из них.

– Так это я и есть, Беглова Наташа, – радостно сообщила я. – Хорошо, что вы приехали, а то я уже волноваться начала.

Тут к двум русским мужчинам, заинтересовавшись нашим разговором, присоединился индеец, оказавшийся третьим встречавшим.

– Да мы все здесь уже давным-давно. Честно говоря, мы вас не заметили.

– Да? – я почувствовала себя явно уязвленной после такого признания. – Надо же...

– Да вы очень на индианку похожи, вот мы и не обратили внимания.

Думаю, мужчины, увидев, что я явно задета (а какая женщина не будет расстроена после того, как ее не заметили три встречавших мужчины?), просто пытались найти хоть какое-то объяснение происшедшему. А может все-таки прав был мой муж, утверждая, что у меня восточная внешность?

Вчетвером мы двинулись за багажом. На полу одиноко лежал чемодан, очень похожий на мой. Та же жуткая желто-коричневая окраска. Та же пупырчатая, под гусиную кожу, выделка. Все то, да не совсем. Я сразу заподозрила, что чемодан не мой. Дрожащими руками я стала совать ключ в замок. Самое интересное, что ключ подошел. Чемодан открылся. И нашему взору предстали детские ползунки, бутылочки для детского питания и прочее в таком же роде. Немая сцена. Второй раз за этот день я впала в легкую панику. Что я буду делать в Индии без своего чемодана? Там все мои летние вещи. Прилетела я в теплой куртке и свитере – на дворе конец октября, в Москве уже настоящий холод. В чемодане – все документы с адресами индийских исследовательских центров, куда я должна была ехать после Дели. Хорошенькая ситуация. У меня на глаза навернулись слезы. Мои мужчины, чувствуя свою вину за случившееся – опознай они меня сразу, я раньше пришла бы за багажом и, возможно, мой чемодан был бы еще на месте, – кинулись по инстанциям. Вдруг мой чемодан еще не выгрузили или где-то затеряли. Но безрезультатно... Весь багаж был доставлен и разобран. Значит мой чемодан кто-то по ошибке забрал вместо своего.

С одеждой проблему мы быстро решили. Заехали на ближайший рынок и я обрядилась в шальвар и камиз – одежду, любимую мною еще по Калькутте. Шлепанцы купить – тоже не проблема. Волновалась я больше из-за пропавших бумаг. Но на второй день мой чемодан нашелся. Как я и подозревала, его по ошибке забрала женщина, летевшая тем же самолетом. Она узнала мои координаты и приехала ко мне извиниться. Оказалось, что она жила не в Дели, а в небольшом городке недалеко от столицы и не смогла в тот же день вернуться

в аэропорт. Самое интересное, что женщина эта была русской, вышедшей замуж за индуса. Я уже писала о подобных ситуациях, когда рассказывала о калькутском периоде своей жизни.

Анна встретила мужа в Москве, где он учился в Университете имени Патриса Лумумбы. Они поженились и, когда ее муж окончил институт, уехали в Индию. Здесь у них родился ребенок, и сейчас Анна вернулась из Москвы, куда она впервые возила дочку показать русским бабушке и дедушке. Анна непременно хотела, чтобы я приехала к ним в гости, и мы договорились, что я это сделаю в один из воскресных дней.

В этот раз моя жизнь в Дели была не в пример разнообразней, чем в последний мой приезд. Тогда, поскольку мне не терпелось к мужу в Калькутту, я проводила почти все дни в библиотеке, стараясь побыстрее собрать материал. На этот раз спешить было некуда – в Дели так или иначе я должна была по плану пробыть неделю. Кроме того, сбор материала на сей раз был скорее предлогом посетить страну, чем реальной необходимостью. И наконец, я была совершенно предоставлена сама себе. Лишь в первый день, как положено, я «отметилась» в посольстве, а потом в течение всего моего пребывания, целого месяца, никто не интересовался ни где я, ни что со мной. Впервые я оказалась за границей не в группе, не при ком-то, а сама по себе. Свободная делать все, ну, скажем, почти все, что захочу. Это было совершенно новое, ни с чем не сравнимое ощущение.

Поскольку я уже была в Дели раньше, мне не хотелось повторять своих прежних маршрутов. Гуляя как-то по территории Красного форта, который в свое время возводился как новая столица государства, я задумалась: а сколько всего было стольных городов на территории Дели? Стала читать, расспрашивать знакомых. Оказалось, что Дели можно назвать городом восьми столиц. Во всяком случае, на его территории и в окрестностях находятся остатки семи столиц, построенных в различные эпохи индийскими правителями. Добавьте к ним Новый Дели – современный административный центр города, вот и получится цифра восемь. Мне показалось, что будет интересно посетить все бывшие столицы: это даст мне возможность побольше узнать об истории Индии, с которой я до этого была знакома весьма поверхностно. И вот я набрала книг, благо, в библиотеки по утрам я все-таки исправно ходила, и отправилась в путешествие по истории Дели. Неизбежно это стало путешествием и в индийскую историю.

Если верить древнеиндийскому эпосу «Махабхарате», в древнейшие времена на месте Дели существовал город Индрапрастха. Он был столицей героев этого эпоса братьев-воинов Пандавов. Это был великолепный город с мощными крепостными сооружениями и чудесными дворцами.

Раскопки, проведенные в районе крепости Пурана Кила, где, вероятно, находился Индрапрастха, подтвердили, что там приблизительно в первом тысячелетии до нашей эры существовал город. Но постепенно значение этого города падало. Начали процветать такие города, как Матхура, а о Дели на протяжении многих столетий ничего не было слышно. Даже точно не известно, когда появилось название «Дели». По некоторым источникам, так стали называть город, возникший на развалинах Индрапрастха, в честь тамошнего властителя – Делу.

По другой версии, правильнее называть город Дилли. Именно под таким именем город был упомянут Птолемеем, посетившим Индию во II веке. В последнее время все упорнее говорят о том, что именно так вскоре и будет

именоваться город. По мнению многих в Индии, это было бы логичным продолжением процесса переименования основных индийских городов, призванного вернуть им исконно индийские названия. Помимо Калькутты, о чем я уже писала, по-новому названы такие крупнейшие города Индии, как Бомбей и Мадрас.

Первой крепостью на территории Дели была Лал Кот – «Красная крепость», построенная в XII веке царем Анангпалом II из раджпутской династии Томаров. Ее развалины находятся на территории археологического парка Мехраули, там же, где стоит знаменитая башня Кутб-Минар. Посетив этот парк, вы, по сути дела, побываете там, где когда-то находилась первая столица Дели – Раи Питхора.

Чья же это была столица? Ответом на этот вопрос является само название города, поскольку он носит, как это часто бывает, имя своего создателя. Под таким именем вошел в мусульманские хроники один из представителей индийской династии Чауханов, правившей в Раджпутане, – Притхвираджа. Он не только укрепил старую крепость, построенную Томарами, но и значительно ее расширил. Внутри вновь построенных бастионов были возведены многочисленные служебные постройки и храмы. Однако Притхвираджа Чаухан недолго владел Раи Питхорой.

Средневековую Индию, как и средневековую Европу, характеризовали крайняя раздробленность, неустойчивость политических структур. Разобщенность индийских князьков, постоянные междоусобные войны ослабляли субконтинент и привлекали новых завоевателей. Уже с конца X века индийские территории подвергались нашествию войск из Афганистана. Перед лицом угрозы индийские властители объединились, но было уже поздно. В 1192 году произошло знаменитое сражение, в ходе которого раджпутский правитель Притхвираджа, возглавивший индийские войска, потерпел поражение от мусульманского завоевателя Мухаммада Гури, присоединившего к своему государству все северо-западные области Индии, включая Пенджаб. Афганские завоеватели продолжали двигаться на юг, завоевывая индийские территории, в том числе и территорию Дели.

Мухаммад Гури передал захваченные земли и соответственно власть своему тюркскому рабу-гуляму, вольноотпущеннику, ставшему военачальником. Когда в начале XIII века Кутб-уд-дин Айбек – так звали военачальника – стал императором, он сделал Дели, вернее то, что оставалось от этого города, своей столицей. При Кутб-уд-дине в истории Индии начался период, называемый Делийским султанатом, который длился почти три с половиной века.

Обосновавшись в Дели, Кутб-уд-дин прежде всего разрушил двадцать семь индуистских и джайнских храмов, существовавших на территории Раи Питхоры, а затем начал здесь строительство новых сооружений, призванных сделать его город действительно столицей уже разросшегося к тому времени государства. Ему был подвластен север, включая Лахор, центральная часть Индии – джуречье Ганга и Джамны, а на юге его власть распространялась на Бихар и Бенгалию.

Именно он построил первую мечеть на индийской земле – Кувват-уль-ислам. Эта мечеть должна была ознаменовать победу ислама над язычеством и прославить могущество ислама (ее название в переводе с арабского и означает «мощь, могущество ислама»). Но при ее строительстве Кутб-уд-дину не удалось избежать влияния этого самого язычества. Мечеть носит явные следы

воздействия индийского архитектурного наследия. И это неудивительно, если учесть, что при ее строительстве были использованы колонны и другие детали тех самых разрушенных храмов. Это сооружение считается первым, построенным в индо-мусульманском стиле.

Он же заложил фундамент того, что впоследствии станет знаменитой 72-метровой башней Кутб-Минар.

Вторая столица возникла также в период Делийского султаната. Развалины этого города – Сири – находятся не так далеко от первой столицы. От Сири практически ничего не осталось. Лишь полуразвалившиеся стены, возвышающиеся в нескольких местах, напоминают о когда-то существовавшей здесь крепости.

Крепость Сири, а по ее названию так стал именоваться и город, была построена Ала-уд-дином Хилджи, вторым султаном из династии Хилджи, правившей также в эпоху Делийского султаната. В это время население Индии сильно страдало от набегов монгольских племен. В конце XIII века в Индию вторглось сначала стотысячное войско монголов, а на следующий год – двухсоттысячное. Монголы дошли до Дели, но тогда Ала-уд-дину удалось отстоять город. Вскоре после этих набегов Ала-уд-дин и начал строительство мощной крепости, которая должна была защитить население города. Строительство крепости и города внутри нее было завершено в начале XIV века.

Набеги монголов повторялись неоднократно. Но крепость Сири была в итоге разрушена не монголами, а самими же индийскими правителями, которые использовали ее камни в качестве строительного материала для создания своих столиц. Особенно этим отличился император Хамаюн, строивший шестую столицу триста лет спустя.

В истории правления императора Ала-уд-дина меня особенно поразил такой факт. Этот император, вынужденный постоянно защищаться от вторжения монгольских, как сказали бы теперь, агрессоров, сам отнюдь не отличался миролюбием. Он постоянно вел завоевательные войны, пытаясь расширить свои владения за счет захвата земель, лежащих к югу от султаната. Ему явно не давали покоя лавры Александра Македонского. И надо сказать, что Ала-уд-дину нельзя отказать в отсутствии талантов имиджмейкера. Масс-медиа тогда не существовали, но он нашел оригинальный способ пропагандировать то, что ему хотелось. Когда будете в музее в Дели, обратите внимание: на монетах того периода император Ала-уд-дин провозглашается... Александром Вторым.

Правда, у меня появились большие сомнения в его качествах полководца, поскольку очень часто султан оставался в Дели, а войны вел его военачальник Малик Кафур. Именно на его счету множество побед. Малик Кафур прославил своего султана, не только присоединив к Делийскому султанату новые земли, но и привезя из одного из своих походов уникальное сокровище. Речь идет об огромном алмазе «Кохинор», что в переводе означает «Гора света». Название не удивляет, если знать, что изначально, как утверждают, алмаз весил 900 карат. На своем веку, как и все самые знаменитые алмазы, он неоднократно подвергался переделкам, уменьшаясь в размерах, сменил множество владельцев и оброс горой легенд. Долгое время камень украшал не менее легендарный трон могольских властителей – Павлиний трон, находившийся посреди зала аудиенций в Красном форту. В XVIII веке камень попал к персидскому правителю Надир-шаху. Зная, что разбитый в сражении могольский император спрятал камень в чалме, Надир-шах предложил тому в знак примирения

обменяться головными уборами. Заинтересованный в перемирии, индийский правитель предпочел согласиться на обмен. Однако вскоре шах был убит и камень оказался в Афганистане, но в итоге вновь вернулся в Индию.

Кстати, все тот же Надир-шах пытался увезти из Индии в качестве трофея и знаменитую железную колонну, одну из главных достопримечательностей Дели. Эта колонна, состоящая почти на 100% из чистого железа, несмотря на то, что ее возраст, как считают многие историки, исчисляется не столетиями, а тысячелетиями, не имеет следов ржавчины. Так вот, Надир-шах не смог вытащить колонну из грунта. Вне себя от злости, он велел обстрелять ее из пушек. Незначительные следы, оставленные ядрами на поверхности колонны, сегодня показывают туристам, когда рассказывают эту историю.

«Кохинор» недолго пробыл в Индии. Индия стала английской колонией, и камень был преподнесен королеве Виктории в качестве подарка. Надо сказать, что он ей почему-то не понравился, и она велела огранить камень по-новому и вставить в брошь. В результате камень стал весить всего 90 карат, то есть уменьшился в десять раз. Но, как это часто бывает с такими камнями, ценность его все продолжала увеличиваться. После смерти Виктории «Кохинор» украсил государственную – парадную – корону Великобритании.

Третья столица находилась там, где сейчас можно увидеть остатки когда-то весьма впечатляющей Туглакабадской крепости, также относящейся к периоду Делийского султаната. Она была построена во время правления основателя династии Туглаков – Гийас-уд-дина Туглака.

Сейчас от города, находившегося внутри мощных крепостных стен, мало чего осталось – лишь весьма живописные развалины. Сохранились, правда, описания дворца Туглака, поражавшего современников. Дворец ослепительно сверкал на солнце, поскольку снаружи был позолочен.

Но толстенные – больше шести метров и высоченные – до 22 метров стены крепости дают представление об основательности, с которой создавался этот город, подвергавшийся все более частым монгольским набегам. Город был рассчитан на то, чтобы выдержать длительную осаду. В некоторых местах крепости можно увидеть что-то вроде подвальных помещений. На самом деле это то, что осталось от существовавшего здесь подземного дворца, в котором император Туглак мог укрыться в случае необходимости.

Когда я, устав бродить по живописным развалинам, присела передохнуть на какое-то подобие каменной скамьи, рядом присел худошавый и как будто высушенный на солнце, но вполне прилично одетый старичок-индеец. Он о чем-то спросил меня и, поняв, что я иностранка, перешел на очень неплохой английский. Мы разговорились. Он оказался бывшим археологом, когда-то работавшим на местах многих раскопок в Дели. Я, естественно, заинтересовалась.

– А почему новая столица возникла здесь?

– Видите, отсюда открывается неплохой вид. Это ведь возвышенность.

Согласно легенде, когда Гийас еще был рабом, он предложил правившему тогда султану из династии Хилжди построить крепость на этом скалистом месте. Султан высмеял его и заявил, что он сможет это сделать тогда, когда станет императором. И Гийас, как ни странно, стал им. И построил Туглакабадскую крепость и город, который назывался Туглакабад.

– Надо же, еще один раб, ставший императором, – удивилась я. – Ведь уже был один, Кутб-уд-дин Айбек. Тот, который первую столицу создал. Забыла, как она называлась.

– Раи Питхора, – уточнил мой собеседник. – Но их было больше, я имею в виду рабов, становившихся императорами. После Кутб-уд-дина в Индии еще почти сто лет правили рабы и их отпрыски; это была династия Гулямов. Злые языки их так и называли – династия рабов. Потом была династия Хилджи.

– Я знаю, – не удержалась похвастаться я, – они еще построили вторую столицу – Сири.

– Да, я там тоже копал, это была мощная крепость. Даже Тимур, когда он захватил Дели, не разрушил крепость Сири, настолько она поразила его воображение. Кстати, если будет время, сходите в археологический музей Пураны Кила. Он небольшой, но там много предметов, которые мы нашли во время раскопок в крепости Сири.

– Спасибо, я постараюсь туда сходить.

– Ну так вот, Туглак был первым императором следующей, третьей династии Делийского султаната – династии Туглаков. Но править ему пришлось недолго, всего четыре года.

– А что случилось?

– Кто его знает, что произошло на самом деле. Но почему-то именно с этим императором, правившим так недолго, и его городом связано много легенд. Первую вы уже слышали. Вторая легенда гласит, что император обидел одного святого, Низам-уд-дина, очень почитавшегося тогда, да и до сих пор. Съездите, посмотрите, есть деревня, которая носит его имя, и там его могила, которая чтится мусульманами как святыня. И вообще там много интересных памятников. Так вот, согласно легенде, этот Низам-уд-дин проклял императора.

– А почему?

– Им обоим нужны были рабочие. Гийас строил крепость, а Низам строил водоем. И император велел не пускать рабочих на строительство водоема.

– И из-за этого он его проклял?

– Я думаю, это была последняя капля, переполнившая терпение святого. У них постоянно происходили стычки, может, власть не поделили.

– Вроде бы святым негоже устраивать суету вокруг такой недолговечной и преходящей вещи, как власть, – не удержалась я от непочтительного замечания.

– Тем более что, как я читала, Низам-уд-дин был суфистом. А суфизм подразумевает не только отказ от материальных благ, но и от политических амбиций, а главное, милосердие.

– Поскольку я исповедую индуизм, я мог бы сказать, конечно: чего вы хотите от мусульманина? Но я этого не скажу. Некоторые наши святые тоже не всегда вели себя достойно. Но мне продолжать или мы перейдем к спору на тему, какая религия достойней?

– Продолжайте, пожалуйста, извините, что перебила.

– Так вот, Низам проклял Гийаса, сказав две фразы, показавшиеся странными. Первая была об императоре, находившемся тогда в Бенгалии, и означала примерно следующее: «Дели еще очень далеко». А вторая касалась его детища, нового города, и звучала примерно так: «Или он обезлюдеет, или там поселятся люди из Гуджара». Оба предсказания сбылись. Император погиб, не доехав до Дели. А его город был вскоре заброшен, и лишь племена гуджаров пасли там скот.

– А как он погиб?

– Здесь много неясного. В одном все сходятся: смерть императора была подстроена его же сыном. Он умер на приеме, устроенном сыном в его честь. А вот отчего? Одни говорят, что на него обрушился деревянный балкон,

специально плохо закрепленный на здании. Другие – что, когда он въехал на слоне в павильон для приемов, на него обрушился потолок.

– Не надо было на слоне в помещение въезжать, – не нашла я сказать ничего более оригинального. – А правда, что у него был целый подземный дворец?

– Дворец не дворец, а то, что под землей были помещения, и обширные, это я сам могу подтвердить. Мы, когда здесь вели раскопки, много интересного обнаружили. Пойдемте, я вам кое-что покажу.

И бывший археолог, видимо, обрадовавшись тому, что обрел слушателя, долго еще водил меня по тому, что когда-то было Туглакабадом. Под конец он подвел меня к хорошо сохранившемуся мавзолею, построенному еще при жизни императора. Но, впрочем, в такой заботе о своих бранных останках тот был не оригинален. Гораздо более необычно другое. Мой новый знакомый показал нечто действительно уникальное в своем роде. Недалеко от входа в мавзолей императора находится маленькое надгробие. Здесь похоронена любимая... собака Туглака.

Четвертая столица была построена тоже императором из династии Туглаков, которого звали Мухаммадом. Кстати, во времена его правления территория Делийского султаната охватывала уже практически всю Индию, за исключением самого юга и Кашмира. Мухаммад задумал соединить Раи Питхора (первую столицу) и Сири (вторую столицу), построив между ними крепость, которую назвали Джахан Панах. Но эта столица просуществовала очень недолго. В XIV веке сильно расширились владения Делийского султаната. И вот Мухаммаду Туглаку пришла в голову мысль, что Дели находится слишком на периферии его империи и столицу надо перенести в ее центр. Его выбор пал на Даулатабад, находящийся на плоскогорье Декан. Недолго думая, он повелел всем жителям покинуть Дели и перебраться туда. И вот тысячи людей, с поклажей, кто на повозках, а большинство пешком, были вынуждены проделать путь длиной более тысячи километров, разделяющий два города. Многие не перенесли тягот пути и погибли, не дойдя до новой столицы. А тем, кто дошел, через семнадцать лет пришлось проделать этот путь еще раз в обратном направлении – султану разонравилось в Даулатабаде.

Пятую столицу заложил султан Фирозшах в середине XIV века. Назвал он ее, как нетрудно догадаться, Фирозабад. От этого города сохранились развалины мечети, нескольких зданий и еще одна достопримечательность, известная под названием «колонны Ашоки». По приказу Фирозшаха она была привезена в Дели из Пенджаба, где ее обнаружили, на специально построенной для этого повозке с 84 колесами. Эта колонна, высеченная из цельного куска песчаника, как полагают, была создана в правление императора Ашоки, основавшего в третьем тысячелетии до нашей эры на севере субконтинента первое централизованное государство, распавшееся после его смерти. Так что этой колонне более двух тысяч лет.

Я была удивлена тем, что от Фирозабада остались практически лишь развалины. Почему? Ведь многие здания более позднего периода, например на юге Индии, сохранились. Я довольно быстро нашла ответ на свой вопрос. После смерти Фирозшаха в конце XIV века, на территорию Индии обрушились орды Тимура, или Тамерлана, правителя Самарканда. Тамерлан прославился не только своими военными талантами, но и своей крайней жестокостью, превосходившей жестокость Чингисхана. Он сравнял Дели с землей. Современники писали, что в течение нескольких месяцев после его набега

повсюду в городе лежали трупы, дымились развалины домов, земли вокруг города обезлюдели.

Делийский султанат так и не смог оправиться после нашествия Тамерлана. И XV век стал веком его постепенного умирания. Во главе султаната встали ставленники Тамерлана – Сайиды, чья власть ограничивалась Дели и ближайшими окрестностями.

Мечтой возродить былую славу Дели загорелся другой пришелец из Центральной Азии – император Хамаюн. Хамаюн был сыном Бабура, первого императора из плеяды Великих Моголов. Бабур был правителем Кабула, потомком Тамерлана. Его настоящее имя – Захир-уд-дин. Прозвище Бабур («Тигр») он получил за отвагу, не раз проявленную в сражениях.

Бабур вторгся в 1526 году в Индию и разбил в сражении при Панипате последнего императора из династии Лоди – Ибрахима Лоди. Во время этого сражения погиб и сам Ибрахим Лоди, мужественно сражавшийся до конца. Тем самым был положен конец Делийскому султанату. Началось правление Великих Моголов, закончившееся почти двести лет спустя со смертью Аурангзеба, последнего из них.

Сразу после победы над Лоди Бабур поселился в Агре, которую сделал столицей своей империи. А вот его сын Хамаюн попросил у отца разрешения поселиться в Дели, который он решил восстановить. И вот, в середине XVI века началось строительство шестой столицы Дели, известной сегодня под названием Пурана Кила – «Старая крепость». Началось оно, как и следовало ожидать, с мощной крепости, которую Хамаюн назвал, как и вновь создаваемый им город, Дин Панах – «Прибежище веры». Как я уже говорила, предполагают, что именно на этом месте когда-то находился город, упоминаемый в «Махабхарате», – Индрапрастха. После смерти Бабура, Хамаюн, ставший императором, перенес столицу в Дин Панах.

Однако Хамаюн не долго оставался императором. В 1540 году из Афганистана вторгся еще один претендент на делийский престол – Шер-шах Сури. Он изгнал Хамаюна из города и разгромил большую часть из построенного. Пять лет Хамаюн провел в Иране при дворе персидского шаха. Тем временем Шер-шах Сури на территории Дин Панаха, который он, как и следовало ожидать, переименовал в Шергарх, построил мечеть, сохранившуюся до наших дней. Сохранилось еще одно здание, построенное Шер-шах Сури, – башня Шер-Мандал. Если я упоминаю об этой башне, то потому, что она, по преданию, сыграла печальную роль в судьбе Хамаюна. Этому императору, так мечтавшему о новом прекрасном городе на территории Дели, удалось вернуться в него лишь в 1545 году. Но уже год спустя он умудрился оступиться, поднимаясь по ступенькам башни Шер-Мандал, которую он использовал как библиотеку. Хамаюн поднялся на крышу башни, чтобы совершить вечерний намаз, запутался в полах одежды и сильно разбился, скатившись вниз по лестнице. Через несколько дней он умер.

Усыпальница Хамаюна считается одним из самых красивых сооружений города. Известный персидский архитектор, строивший мавзолей, разбил вокруг него парк. С тех пор это стало традицией всех памятников могольской архитектуры (вспомним хотя бы сад-парк перед мавзолеем Тадж-Махал).

После смерти Хамаюна интерес к Дели был надолго утерян. Следующий император предпочел, как и Бабур, обосноваться в Агре, которая почти на сто лет превратилась в столицу империи Моголов.

Вновь Дели стала столицей лишь в 1639 году, когда Шах-Джахан, покинув Агру, замыслил построить совершенно новый город. Размах строительства при нем затмил все то, что делали его предшественники. Седьмая столица, естественно, стала называться Шахджаханбад. Начали его строить, как вы уже догадались, с крепости. Крепость назвали Кала-и-Мубарак, что в переводе означает «благословенная крепость». Она является одной из главных достопримечательностей Дели и известна под названием Лал Кила – «Красный форт». Город был создан в рекордно короткие сроки – за десять лет. Шахджаханбад потрясал видевших его своим великолепием. Парадокс истории: мало кто знает о том, что Шах-Джахан построил Красный форт. Зато миллионам людей он известен как человек, который построил прекрасную усыпальницу – Тадж-Махал – для своей любимой жены, а потом по приказу собственного сына был заточен в тюрьму, откуда он до конца своих дней мог любоваться на Тадж-Махал. Вот что значит романтическая история.

В ансамбль Шахджаханбада входила не только крепость, но и вновь построенные улицы и здания вокруг нее. Так, недалеко от Красного форта находится очень красивая мечеть – Джамии Масджид, тоже являвшаяся частью нового города. Эта самая большая в Индии мечеть была построена все тем же Шах-Джаханом. В принципе все то, что сейчас называют старым Дели, было когда-то частью столицы Шах-Джахана.

Кстати, не одни мужчины принимали участие в строительстве нового Дели. Так, дочь Шах-Джахана, Джаханара Бегам, велела построить большой канал, который соединил форт и мечеть Джамии Масджид, превратив их в единый архитектурный ансамбль. Это место, которое называли «площадью полной луны» и считавшееся одним из самых красивых мест города, теперь, к сожалению, застроено домами. Любимая дочь Шах-Джахана, вероятно, внесла бы гораздо больший вклад в украшение Дели, если бы ее не ждала такая же участь, как и ее отца. Она была посажена «под домашний арест» в Агре, и там, в заключении, она и скончалась. Однако похоронена она в Дели, недалеко от могилы святого Низам-уд-дина. Причем ее захоронение по-своему уникально. Для нее не построили мавзолея, как это было принято. Согласно ее желанию, похоронена она в обычной могиле, украшенной лишь небольшим надгробием с выгравированной на нем трогательной надписью, смысл которой сводится к тому, что простая трава будет лучшим украшением для той, кто была так несчастна в жизни.

И действительно, несмотря на то, что Джаханара была любимой дочерью императора Шах-Джахана, к тому же от его любимой жены, ее жизнь не назовешь счастливой. Отец осыпал ее драгоценностями и различными подарками, но жизнь ее во дворце была непростой. Она шагу не могла ступить за порог женской половины дворца. Кроме того, ее детство и юность были отравлены интригами, убийствами, тревогой за будущее близких и свою собственную судьбу.

Ее отец, великий император, не мог справиться со своей мачехой, которая постоянно плела интриги против него и держала двух его сыновей, Аурангзеба и Дару, у себя как заложников. Аурангзев, младший и любимый брат Джаханары, с которым она была раньше очень близка, возвратился во дворец отца совершенно другим человеком. Он был полон злобы и ненависти ко всему миру, мечтал о власти, и Джаханара понимала, что во имя этой власти он пойдет на все. Что в итоге и произошло. Аурангзев сверг с трона собственного отца и заточил его, как и когда-то любимую сестру, в крепости в Агре.

Красный форт оставался главной резиденцией могольских императоров до 1857 года когда, после подавления англичанами восстания, вошедшего в историю под названием сипайского, в изгнание отправился последний индийский император и было введено прямое правление британской короны в Индии. Об этой крепости столько написано, что я не буду здесь повторять всего того, что вы можете прочесть в любом путеводителе по Дели.

Однако есть и восьмая столица, Нью-Дели. Она была заложена 15 декабря 1911 года английским королем Георгом V, и сюда из Калькутты была перенесена столица Британской Индии.

Поскольку раньше я видела эту часть Дели лишь из окна машины, то решила, что стоит обследовать Новый Дели поосновательней. Но этот город – с его широкими проспектами, величественными домами, высоченными стандартными зданиями европеизированных отелей – по-прежнему оставил меня довольно равнодушной.

Но все-таки в этот раз я прониклась даже к Нью-Дели более теплыми чувствами, чем раньше. И объясняется это не только тем, что я лучше его узнала. Большую роль в том, что я почувствовала себя там уютнее, сыграло и то, что в Дели в тот момент оказались наши с Игорем калькуттские друзья – Неля и Сурат. Сурат возглавлял в тот момент делийское отделение Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами (ССОД). Это было одно из крупнейших отделений ССОДа за рубежом. В Нью-Дели было построено прекрасное здание – Культурный центр. Там организовывались многочисленные мероприятия, просмотры советских фильмов, проходили занятия русским языком, имелась и хорошая библиотека.

Квартира Нели и Сурата находилась в самом Культурном центре, и каждый вечер, завершив свои дела, я отправлялась туда. Радовало общение с очень симпатичными мне людьми, но кроме того, нахватавшись за день кусков в разных забегаловках, я предвкушала очередное пиршество в их доме. И Неля, и Сурат готовили прекрасно, но когда дело доходило до плова, то Сурат не подпускал жену к плите. А поскольку я в первый же день, попробовав плов Сурата, заявила, что готова есть такую вкуснотищу хоть каждый день, то проблема готовки для Нели была решена как минимум на неделю.

Кстати, плов очень популярное блюдо в Индии. Он был привнесен сюда в эпоху Великих Моголов и прижился на местной почве. Так что, наслаждаясь пловом Сурата, я оставалась, так сказать, в контексте страны. Называется он в разных районах страны по-разному и готовится с добавлением других специй, но все-таки это безусловный родственник узбекского плова.

Где сейчас Неля и Сурат? Последний раз мы виделись в середине 90-х годов в Москве, куда Неля приехала, чтобы отправить свою младшую дочь на учебу в Америку. Я не могла представить, как это она решилась расстаться со своей любимой младшенькой. У девочки в детстве были серьезные проблемы со здоровьем, и Неля долгие годы со свойственной ей самоотверженностью и энергией боролась за то, чтобы решить их. В итоге, когда мы встретились, я увидела милую и изящную молодую девушку. И лишь некоторая скованность движений напоминала о прежних проблемах. Зато вместо прежней жизнерадостной, удивительно красивой Нели я увидела погрузневшую женщину с погасшим лицом. Исчез блеск ее вечно смеявшихся глаз. Да и сам смех, звучавший всегда так заразительно, изменился и больше стал похож на нервное покашливание.

– Ну как вы там? – задала я традиционный вопрос.

– Да так, сложно все, – в лучших традициях того момента ответила Неля.

– А где Сурат?

– Сурату пришлось уйти с работы. По собственному желанию.

– Да ты что? У него же такой опыт, у вас мало людей в Узбекистане, кто так знает Индию. Он же прекрасный работник.

– Да кого сейчас интересует, какой ты работник, – усмехнулась Неля, – важно, к какому клану, семье ты принадлежишь. Сейчас у власти клан, который всегда враждовал с кланом, к которому принадлежал Сурат.

– Слушай, о каких кланах ты говоришь? Первый раз слышу, что в Узбекистане какие-то кланы.

– Просто раньше это, естественно, скрывалось. Но все равно было. Мусульманские структуры, клановые, семейные структуры – все это всегда существовало. Но как бы подпольно. А сейчас считай, что официально.

– Надо же, а я буквально накануне развала СССР была на встрече, где выступал один очень высокопоставленный партийный деятель из вашей республики, и его спросили как раз о том, существуют ли в Узбекистане какие-либо мусульманские силовые структуры. Так он так убежденно заявил, что впервые слышит о таких вещах, что даже я поверила.

– Ну за то и держали, что убедить мог самого себя в чем хочешь, не только других.

– А как ты? По-прежнему заведешь своей кафедрой в университете?

– Какое заведование? Меня вообще сразу выгнали.

– Как! За что?

– Вдвойне виновата. Во-первых, татарка, а не узбечка, а во-вторых, женщина.

– А при чем тут то, что ты женщина?

– Женщина должна сидеть дома.

– У вас что, фундаменталисты появились?

– Ну, пожалуй, до фундаменталистов у нас еще дело не дошло, но, во всяком случае, подборники внедрения исламских законов в жизнь имеются.

– И что, это уже так заметно и в Ташкенте? Вроде такой был европейский город, судя по вашим рассказам.

– Да, на улицах появились же женщины в парандже, и вообще женщин стало меньше на улицах. Ну ладно – я. У меня уже жизнь позади. А вот дочку жаль. Пусть уж лучше в Америке пока учится. Она очень способная к математике, получила стипендию от американского университета. А потом посмотрим. Во всяком случае, не хочу, чтобы моя дочь паранджу надела. А к этому все идет.

В тот момент, когда состоялся этот наш с Нелей разговор, я уже не понаслышке знала, что такое паранджа. Я видела женщин в Индии, и особенно много в Бангладеш, больше похожих на привидений, чем на людей. Если, конечно, исходить из того, что привидения бывают черными. Более того, я сама провела один день своей жизни в парандже, о чем вы еще прочитаете позднее. И ощущения были не из самых приятных. В то же время я понимала: паранджа не главное, что беспокоит мою знакомую. Паранджа – лишь символ того, что навязывало новое узбекское общество ее дочери. Неля всегда была очень независимой и самостоятельной женщиной, и для нее была неприемлема мысль, что кто-то за нее и, главное, за ее ребенка будет решать, как жить и что делать. Вот этого-то она и боялась, этого и не желала. И если Неля не видела

возможности избежать для своей дочери подобной участи иначе, как в разлуке с ней, то в этом не вина ее, а ее трагедия.

Соотечественницы

Девушка, с которой я познакомилась благодаря перепутанным чемоданам, уже несколько раз через дежурную жилого комплекса АПН, где я остановилась, напоминала мне о моем обещании выбраться к ней. От моих десяти дней в Дели оставалось уже меньше половины, и я решила больше не откладывать свою поездку к Ане. Тем более что небольшая деревня Сурадджунд находится недалеко от Дели, а вернее, она часть большого Дели. От центра до Сурадджунда всего около 20 километров, и туда ходят рейсовые автобусы.

Добралась я без приключений. Впоследствии меня многие спрашивали, как я умудрялась спокойно путешествовать по Индии, часто в одиночестве, и не сталкиваться с тем, что особенно угнетает иностранных туристов в Индии – с постоянной толпой нищих и просто желающих развлечься мальчишек вокруг тебя? Главное, естественно не для тех, кто путешествует в составе туристической группы, – это маскировка и мимикрия. Когда я писала о Калькутте, я уже рассказывала об уроке, полученном на всю индийскую жизнь – первом выходе в одиночку на рынок в мини-платье. Тогда мне пришлось сразу же ретироваться с поля боя под натиском превосходящих сил противника – мгновенно окружившей меня толпы нищих и просто любопытствующих. С тех пор, будь то в Индии или в Бангладеш, если я отправлялась куда-либо одна, я всегда старалась выглядеть так, чтобы, по крайней мере, сойти за

европеизированную жительницу данной страны. Это значительно облегчает вашу жизнь. До тех пор, естественно, пока вы не раскрыли рот. Поэтому рот лучше не раскрывать. Я всегда старалась также максимально выяснить все детали похода или поездки – куда, когда, как и почему – до, а не во время поездки. И еще одно. Как бы вы ни замаскировались, если вы будете все время смотреть вокруг, раскрыв не только глаза, но и рот, то, естественно, сразу станет ясно, что вы иностранка. Тем более, если в руках у вас путеводитель или карта. Если я уж никак не могла обойтись без них, то маскировала и их, вложив в какую-нибудь индийскую газету или журнал.

Написав все это, я вдруг подумала: хорошо мне, темноволосой и смуглолицей, давать такие советы. А как же быть блондинкам? Выхода два. Первый – смириться с тем, что вы будете в Индии только туристкой и ездить с группами. Второй – пожертвовать на какое-то время своими чарами блондинки и перекраситься в брюнетку, плюс темная тональная пудра. Ну или уж на крайний случай замаскируйтесь под правоверную мусульманку и ходите везде, надев паранджу. Конечно, это сопряжено с определенными неудобствами, но анонимность гарантирована. Проверено на собственном опыте, о чем я еще расскажу.

Дом Анны я легко нашла, он находился неподалеку от автобусной остановки. Это был типичный индийский дом городского типа – двухэтажный, без всяких изысков, оштукатуренный и покрашенный белой краской. Снаружи дом мне показался довольно большим. Но когда я после последовавших вперемешку русских и индийских приветствий – здравствуйте! намасте! – вошла внутрь, то это ощущение мгновенно испарилось. Было такое впечатление, что я попала то ли на небольшое собрание общности близлежащих домов, то ли на съезд родственников по случаю какого-то семейного торжества. Но оказалось, что это ни то, ни другое. Просто было послеобеденное субботнее время, и дома собралась вся семья. Вернее, как потом выяснилось, почти вся. Ясно было, что поговорить спокойно нам с Анной в доме не удастся. Мы нашли благовидный предлог для того, чтобы поговорить наедине, – надо же мне показать местные достопримечательности. Разрешение свекрови было получено, за ребенком попросили присмотреть другую невестку, а мы с Анной отправились на экскурсию по городу.

Собственно, посетили мы лишь одно место, которым прославилась эта деревня. Само название деревне дал искусственный водоем, построенный, согласно легенде, в конце X века или начале XI века раджпутским правителем Сураджджом из династии Томар. Правители династии Томар считали, что они ведут свое происхождение от солнца. Поэтому и название деревни можно перевести как «солнечный» («сурадждж» – солнце, «кунд» – водоем, бассейн). Считается, в X веке здесь был построен храм Солнца, но от него ничего не сохранилось. Давно, когда еще существовал храм и в водоем по многочисленным каменным ступеням стекала дождевая вода с окрестных холмов, вероятно, это было очень живописное место. Но сейчас оно не произвело на меня особого впечатления – вода в водоеме была довольно грязной, а ступени поросли травой и разрушались. Тем не менее, место было довольно зеленое, как впрочем, и сам Сураджджкунд, и гулять там было довольно приятно.

Тем более что нам с Анной было о чем поговорить, помимо обсуждения местных памятников старины. По ее лицу я сразу же поняла, что мне предстоит

услышать не очень веселые вещи. Но я попыталась сделать вид, что ничего такого не замечаю.

– Такая большая семья. Тебе здесь, должно быть, не приходится скучать, – это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Да, здесь не поскучаешь. Вечно вокруг толпа народа.

– А сколько человек в семье?

– Я до сих пор толком не разобралась. И не хочу разбираться.

– Подожди, не горячись, кто живет в доме?

– Дом принадлежит родителям мужа. У них семь детей. Три дочери и четыре сына. Слава богу, хоть не одни сыновья. Поэтому я еще не всю родню видела.

Я поняла, что она имела в виду. По индийским традициям дочери после замужества переходят жить в дом мужа, так что сестры ее мужа не жили в доме родителей.

– А сыновья? Все в доме у вас?

– Да. Все четверо. Плюс четыре невестки. У всех дети. Если считать с моим – уже десять детей. А скоро еще у старшей невестки прибавление ожидается.

– Другие невестки откуда?

– Да все местные, я одна – инородка.

– Что ты говоришь такое, инородка. Что, к тебе плохо относятся?

– Да нет, вроде ничего. Но не в этом дело.

– А в чем?

– Да я шагу не могу сама ступить.

– Ну уж прямо, ты скажешь.

– Хоть прямо, хоть криво, а так и есть. Всем заправляет свекровь. Даже муж ее с ней во всем советуется. Сыновья ее тоже слушаются, а уж от нас, невесток, ожидается полное послушание.

– А муж?

– А что муж? Муж вечно на работе. Он же инженером на заводе в Дели работает. Он уезжает рано и приезжает поздно. А мне куда деваться? Даже выйти некуда.

– Да ты его хоть любишь вообще-то?

– Любила, когда замуж шла. И сейчас, наверное, еще люблю, но долго я так не выдержу. Я ему уже сказала.

– Что сказала, что уедешь?

– Ну почему уеду, вместе надо. Он же, наверное, в Москве тоже может работу найти. Ты не можешь узнать, какие правила для иностранцев?

– Я, честно говоря, не знаю, но думаю, что ему лучше тогда взять наше гражданство. Он согласится?

– Да ни за что. Он так-то не хочет к нам ехать. Чего он там забыл? Он в Москве вечно от холода дрожал. А здесь ему хорошо. Семья, работа, друзья. Все свое, все знакомое.

Анна рассказывала о своей жизни в семье мужа, и я еще раз убеждалась, что любовь любовью, но следует семь раз отмерить, прежде чем решиться связать свою судьбу с человеком совсем другой культуры. При этом я вспоминала наш с мужем опыт общения с женщинами, вышедшими замуж за индийцев и оказавшихся в Калькутте.

Работа в генконсульстве, как у меня, так и у Игоря, скорее исключала, чем предполагала встречи с иностранцами, в том числе с соотечественниками.

Кстати, даже это слово в применении к бывшим гражданам Советского Союза я услышала лишь много лет спустя, уже после перестройки. А тогда, лишаясь советского паспорта, вы автоматически перемещались в разряд иностранцев. Встречи с нашими девушками – это один из немногих примеров таких санкционированных встреч.

Дело в том, что в задачу генконсульства в Калькутте входило оказание помощи советским гражданам, находившимся в Западной Бенгалии. Несколько раз к нам обращались за помощью женщины, вышедшие замуж в Советском Союзе за индийских студентов, обучавшихся в нашей стране, и затем приехавшие с ними в Индию. Надо сказать, что в то время у нас обучалось очень много молодых людей из Индии, не только в Москве, например, в Университете имени Патриса Лумумбы, где в основном учились студенты из развивающихся стран, но и в самых различных вузах, особенно в тех, где готовили врачей, инженеров, специалистов сельского хозяйства. В те времена, как, впрочем, и в нынешние, выйти замуж за иностранца было верхом мечтаний для многих девушек. И вот по окончании учебы приезжает такая девушка в Индию, и сплошь и рядом оказывается, что мечты – это одно, а реалии – совсем другое.

Большинство русских женщин, с которыми нам пришлось столкнуться в Калькутте, оказались в довольно тяжелом положении. Все приходило с одной и той же просьбой: помочь им вернуться в Союз. С некоторыми из них мне также пришлось встречаться, разговаривать и утешать. Истории все были примерно одинаковые.

Семьи их мужей, как правило, оказывались очень небогатыми. Да иначе и быть не могло, поскольку и тогда молодые люди из богатых семей ездили учиться отнюдь не в Советский Союз, а по традиции в Англию или, все чаще, в США. Семьи в Индии и до сих пор очень большие. А тогда кампания по планированию семьи только начиналась, но шла она с большим скрипом, встречая огромное сопротивление со стороны религиозных лидеров, как индуистской, так и особенно мусульманской общин. Поэтому семьи, в которых было шесть–восемь человек детей, встречались очень часто. Таким образом, любая индийская семья – это целый клан, достигающий порой нескольких десятков человек. В такой клан входят родители, женатые сыновья с женами и детьми, неженатые сыновья и еще не вышедшие замуж дочери.

И вот представьте себе, что вся эта большая семья – родители, дети, бабушки, дедушки, внуки, правнуки – живут вместе, в одной квартире в городе или в одном небольшом доме, если это загород, так как с жильем в Калькутте плохо и оно дорогое. Новых жилых домов практически не строилось, а большинство старых домов было в страшно запущенном состоянии. По сравнению с ними вилла генконсульства, с ее мышами, тараканами, сыростью и плесенью, была просто роскошным жильем. К тому же в каждом доме жило намного больше людей, чем предусматривала самая либеральная санитарная норма. Калькуттские дома буквально кишели людьми. Уже от одного этого можно прийти в отчаяние.

Простые семьи в Индии жили и живут более чем скромно. Питаются в таких семьях соответственно очень просто: основная еда – рис, овощное карри, лепешки чапати. И пару раз в неделю вместо овощного – мясное карри.

Место женщины строго ограничено, а тем более не в столице, где уже заметнее западные веяния. Просто так, – куда захотела, туда и пошла, как наши девушки привыкли у себя дома, – не могли. В семье соблюдается строгая

иерархия. Как правило, всем в доме заправляет самая старшая из женщин, которая и решает, кому чем заниматься, когда и как. Обычно это свекровь. А затем по старшинству невестки, то есть старшая невестка имеет приоритет перед более младшими. Порядок нарушается в том случае, если невестка родила девочку. Тогда она автоматически опускается на ступеньку ниже в семейной иерархии. И особенно тяжело приходится той невестке, которая оказалась бездетной, – вот уже кому не позавидуешь. Ею командуют все в доме, даже незамужние дочери. И вообще ее в любой момент могут отправить домой к родителям. Хотя в принципе до недавнего времени разводы были в Индии запрещены, но мужчина имел всегда право развестись с бездетной женой. А это означало быть опозоренной на всю жизнь.

Конечно, всегда можно найти предлог выйти из дома. Но ведь это мало что дает. Ходить, особенно одной, тем более белой девушке в Индии и некуда и, как я уже говорила, некомфортно. Муж целый день на работе, а бедная жена оказывалась практически запертой в четырех стенах – без денег, без друзей, без..., без..., без... Культурный, бытовой и психологический шок был неизбежен.

И это еще хорошо, если муж оказался из индуистской семьи, а если из мусульманской... Тут могли быть сюрпризы и похуже. Помню московскую весьма эмансипированную девицу, которая, приехав в Калькутту, выяснила, что она всего-навсего третья жена. Не легче пришлось и другой девушке, приехавшей из маленького городка недалеко от Калькутты. У ее мужа было три брата. И в семье придерживались уже давно заклеянного, но все еще живучего древнего обычая Индии – братской полиандрии. Полиандрия – это редкий вид группового брака, при котором женщина имеет несколько мужей. В случае братской полиандрии – это братья. Так что бедной девушке приходилось по очереди спать с четырьмя мужчинами. Я помню, что ее история настолько потрясла всех, что ей довольно быстро смогли помочь, и, несмотря на сопротивление ее новой родни, она уехала обратно в Москву. Тем более что она сохранила советское гражданство, и ее родные прислали ей денег на то, чтобы купить билет на родину.

Но особенно в тяжелом положении оказалась одна украинка. Ее муж не смог найти работу по специальности, ему удавалось лишь изредка подрабатывать то там, то здесь. У них уже было двое маленьких детей. Жили они в ужасающей нищете. Вполне понятно, что эта женщина пыталась вернуться на родину. Но у нее уже не было советского паспорта. Для того чтобы она могла вернуться, ее должен был пригласить кто-то из родственников и прописать. А единственная ее родня – тетка, с которой она до этого жила, – отказывалась это делать. Ей, очевидно, не хотелось вновь делить, теперь уже с тремя родственниками, доставшуюся ей после отъезда племянницы в единоличное пользование квартиру.

Один раз Игорю пришлось поехать к этой семье, чтобы передать какое-то письмо. Помню, в каком ужасе он был от того, что увидел. Жили они буквально в какой-то хижине на окраине города. Как и во всех индийских лачугах пола как такового не было, а была утрамбованная земля, по которой и ползали, играя в какое-то подобие игрушек, два грязных рахитичных малыша. Сцена совершенно обычная для Индии. И она не произвела бы особенно удручающего впечатления, если бы не тот факт, что оба малыша были в маму – светлокотые и светловолосые. Явление, кстати, крайне редкое. В смешанных семьях дети чаще наследуют темную кожу, темные глаза и темные волосы, так как они являются более «сильными» генетическими признаками.

Когда мы уже уезжали из Калькутты, дело не сдвинулось с мертвой точки. Так я и не знаю, удалось ли ей с детьми вернуться домой. А может, и сегодня где-то по индийским дорогам ходят, вызывая иногда недоуменные взгляды, два теперь уже взрослых голубоглазых и русоголовых индийца.

Положение Анны было куда лучше, чем положение всех тех калькуттских девушек. Но Анне оттого, что кому-то было еще хуже, легче не станет. Тем более что она была из Москвы, из вполне благополучной семьи и с детства привыкла к очень активной и самостоятельной жизни.

Здесь она сразу же оказалась в очень замкнутой, изолированной среде, которая к тому же, если и не запрещала, то, во всяком случае, не поощряла самостоятельности. При этом свекровь, слава богу, не была ни злой, ни властолюбивой женщиной. Просто так было принято. В том, что касается жизни семьи, хозяйства, решающее слово принадлежало ей. А Аня, мало того, что была иностранкой, но к тому же младшей невесткой, – подразумевалось, что она должна слушаться и жен старших братьев. Хорошо, что у нее родился сын, и уже одно это обеспечивало ей определенное уважение в семье. Прибавьте к этому то, что выходить ей в любом случае было особенно некуда, да и маленький ребенок не позволял, языка она еще не выучила и телевизор поэтому не смотрела, муж бывал дома только по вечерам, книги, привезенные из Москвы, она уже все давно перечитала, – и вы будете иметь далеко не полную картину ее проблем. В общем, бедная Анна почти всю нашу прогулку прорыдала, а я, как могла, ее утешала.

Небольшую пользу наше общение все-таки принесло. Во-первых, Анна выплеснула накипевшее – в Москве перед родителями, которые были против ее замужества, она старалась держаться и не давать повода для фраз типа: «А, ну вот видишь, мы же говорили...». А во-вторых, я рассказала ей о том, что в Дели есть Центр советско-индийской дружбы (такие центры, курируемые Союзом советских обществ дружбы с зарубежными странами, существовали в столицах многих стран третьего мира). Этот центр в тот момент возглавлял, как я уже писала, мой хороший знакомый, Сурат. Сурата и его жену Нелю я знала еще по Калькутте. Я сказала, что обязательно попрошу Сурата прислать ей программу мероприятий, проводимых в центре, и хотя бы иногда она сможет, возможно, выбираться туда, чтобы пообщаться с людьми и развлечься. Тем более что там есть неплохая библиотека русской книги. Мы решили, что вечером я расскажу за ужином об этом центре и тем самым подготовлю почву для будущего разговора Анны с мужем и свекровью.

Несмотря на свою любовь к Индии, я уже не в первый раз подумала о том, что одно дело – восхищаться этой страной, приезжая сюда пусть и надолго, но не навсегда. И совсем другое дело – жить здесь постоянно, стать частью этой культуры, которой так приятно и интересно восхищаться со стороны. Иностранцу непросто адаптироваться в любой стране. Но особенно тяжело, когда твою родину и ту страну, где ты поселился, разделяет практически все: климат и религия, язык и еда, одежда и традиции. Для того чтобы адаптироваться в такой ситуации, нужно или очень любить того, ради кого ты приехал или приехала в эту страну, или очень полюбить саму страну. Или, на худой конец, очень невзлюбить что-то, что ты оставил на родине.

Когда мы вернулись, выяснилось, что до ужина еще остается время, и мне предложили сходить посмотреть на семейное производство. Оказалось, что семья владеет небольшим предприятием по производству тканей. Я, естественно, с удовольствием согласилась. Мы отправились туда с хозяином

дома. Предприятие, а вернее, небольшая мастерская была расположена в одноэтажном здании совсем недалеко от дома. Несмотря на вечернее время, там еще находилось с десяток человек. Как я поняла, хозяин раньше работал на большом текстильном предприятии, а не так давно, уйдя на пенсию, организовал что-то вроде ремесленной артели, которая занималась тем, что пыталась восстановить утраченные способы окраски тканей. Я вскоре поняла, что для моего нового знакомого ткани – это не просто хобби, а дело жизни. Много лет он собирал и изучал старые книги, в которых воспроизводились способы окраски и нанесения рисунков на ткани. Мне была прочитана небольшая лекция на эту тему. Я, естественно, многое не поняла, но что-то показалось очень интересным.

Я знала, что Индия издавна славится своими тканями. Теперь я узнала, что разные районы страны специализируются на различных материях. Речь не идет о грубых тканях, которые носят бедные люди или садху – так в Индии называют аскетов и людей, почитаемых святыми. Примитивные ткани производились всегда и повсюду. Речь идет о тканях, которые носила раньше только индийская знать и которые были предметом экспорта. Это муслин (особенно им славилась Бенгалия), шелк (лучшие образцы его производились в Дели), и шерсть. Тут даже я догадалась, что эту ткань прославили ткачи из Кашмира. Да, и еще из Индии везли материи, шитые золотом и серебром. Такими тканями особенно славился Гуджарат. В Гуджарате же производились и лучшие хлопчатобумажные ткани.

Для окраски традиционно использовались исключительно естественные красители, получаемые, например, из куркумы, индиго, шафрана, чили, гранатовых корок. Меня поразило, как много нюансов различных цветов различают индийские ткачи. И названия оттенков очень поэтичны. Например, существует целых четыре обозначения различных оттенков белого цвета – цвет жасмина, цвет луны в августе, цвет облаков после дождя, цвет пены волны.

Мне рассказали и показали основные этапы окраски хлопчатобумажной ткани. Сначала белую ткань окрашивают в какой-то базовый цвет. Для этого ее вымачивают в большом медном чане, в котором разведен, допустим, желтый краситель. Затем, когда она высохнет, наносят рисунок. Рисунки отпечатывают с помощью деревянных резных тампонов, на которых вырезан узор. Таких резных тампонов множество. И каждый имеет свой особый рисунок, вырезанный мастером. На одних – цветочный орнамент, на других – фигуры людей, животных. Есть тампоны, на которых вырезаны целые сцены. Тампон окунают в чан с краской, и затем изображение отпечатывается на ткани. Для нанесения сложных рисунков иногда используют до десяти тампонов различных цветов и с различным орнаментом. Процесс трудоемкий и занимает много времени. Естественно, цена тканей, окрашенных таким способом, довольно высока. Неудивительно, что ткани, окрашенные вручную натуральными красками, практически полностью вытеснены тканями, произведенными на больших текстильных фабриках, где все делается машинами и используются синтетические красители. Сейчас даже в Индии не так много мастерских, где ткани окрашиваются вручную. Среди ценителей особенно славятся те, что изготовлены в небольшом городке, ставшем пригородом Джайпура, – в Санганере.

Мы вернулись домой как раз к ужину. Первый раз я оказалась за столом в индийской семье. Сказав «за столом», я должна уточнить. Стол был, но не такой, как у нас, вернее, его трудно вообще назвать столом. Это была, скорее,

широкая длинная столешница на очень низких ножках, накрытая тканью. Все уселись вокруг нее на подушках, кто поджав ноги под себя, кто сложив их в позе лотоса, то есть положив одну ногу на другую, чего я так до сих пор и не научилась делать. Для меня и раньше, когда приходилось присутствовать в Дакке на собраниях бангладешских женщин, просидеть два-три часа, даже просто поджав под себя ноги, было пыткой. На сей раз я умудрилась засунуть их под столешницу. Что было роковой ошибкой. Почему? Это станет ясно позже.

Еда окупала те небольшие неудобства, которые я при этом испытывала, сидя не за привычным европейским столом. Блюда следовали одно за другим. Сначала шли блюда, которые вполне можно назвать закусками. Там были и нескольких видов чапати (лепешки, выпекаемые особым способом), и самосы (нечто вроде треугольных пирожков, начиненных картошкой и горохом и сдобренных различными специями), и кюфту (мясные шарики, поливаемые острым пряным соусом). Все это я любила еще в Калькутте. Но было и много закусок, мне незнакомых. Я пыталась разобраться, что есть что, но потом поняла, что лучше будет просто наслаждаться едой – вряд ли мне когда-либо доведется попробовать еще раз такой вкусотищи. Хозяева, увидев, что я не жалею на остроту блюд, стали предлагать мне все более и более острые соусы. В итоге, отправив в рот очередную самосу, обильно полив ее соусом весьма невинного зеленого цвета (я почему-то до того дня считала, что самые острые соусы должны быть красного цвета), я сначала просто оглохла и ослепла от пронзившего меня огня, а потом, задержавшись всеми конечностями и пытаясь унять полыхавший внутри меня пожар, перевернула стол. После этого я во-первых, не брала зеленых соусов, которые, как выяснилось, делаются из свежего молодого чили какого-то особого сорта, а во-вторых, на всякий случай убрала ноги под себя.

На горячее подали сначала чикен-тика – курицу, нарезанную мелкими кусочками, вымоченную в маринаде и зажаренную, выражаясь европейским языком, на гриле. Потом последовал лал маас, традиционное блюдо в Раджастане. Это нечто вроде рагу из баранины, сдобренное большим количеством красного перца. В качестве гарнира, был, конечно, рис. Но было еще два блюда, которые я раньше не пробовала. Раджма карри – карри из красной фасоли и райта – очень вкусное блюдо, которое делают из запеченных баклажан, сбитых потом в густую массу с добавлением йогурта и специй. Сейчас, описывая эти блюда спустя столько лет, я чувствую, как у меня буквально текут слюнки.

Когда мы приходили в себя после обильного, даже по русским понятиям, ужина, хозяйка предложила мне попробовать каву. Большинство членов семьи предпочли черный чай с молоком. Этот напиток, перенятый индийцами у англичан, очень популярен повсюду в Индии. Но я, естественно, решила попробовать то, что я никогда раньше не пила.

Кава – это не кофе, как я сначала подумала, когда мне предложили напиток. Это зеленый чай, в который добавлен сахар, кардамон и корица. В принципе я никогда до этого не видела, чтобы в Индии пили зеленый чай. Как мне объяснили, этот напиток типичен для Кашмира, откуда родом хозяин дома. Но кава мне не понравилась. Если в Калькутте мне так трудно было привыкнуть к чаю без сахара, то теперь я не могла понять, какое удовольствие можно получать от сладкого варианта этого напитка. Поэтому, отказавшись от второй чашки, я попросила налить мне обычный черный чай с молоком.

Поскольку мне очень понравилось блюдо из баранины – лал маас, – я не удержалась и спросила.

– Скажите, пожалуйста, а это сложно приготовить?

– Да нет, не очень, главное – хорошее мясо.

Я приготовилась услышать нечто из области рецептов в наших старинных книгах: «Пойдите к своему мяснику и попросите его, чтобы он вам отрезал такую-то часть, очистил ее от жил и жира и нарезал ее таким-то образом». Но в данном случае ответ прозвучал еще более оптимистично.

– Нужно взять определенную часть барашка, – начала хозяйка.

– Важно, чтобы он был такой-то породы, – добавила одна из невесток, видимо, желая показать себя хорошей хозяйкой в глазах свекрови.

– И хорошо бы знать, на каких пастбищах его выгуливали, – добавила вторая, переглянувшись с первой невесткой и едва удерживаясь от того, чтобы не рассмеяться.

– А вообще-то лучше взять барашка из своего собственного стада, а то вдруг вам на рынке подсунут не баранину, а говядину, – вступила в игру третья.

– И как ты такое можешь даже говорить, – возмутилась свекровь, – мало того, что демонстрируешь свое невежество, – какая хорошая хозяйка перепутает баранину с говядиной. А потом такого быть не может, что за святотатство – торговать говядиной. Ты еще чего придумай.

– Да ничего я не придумываю. Это вы просто всю жизнь у одного человека мясо покупаете. А в Дели, например, на рынке любое мясо продают. Там же и мусульмане покупают, и иностранцы, а они все едят говядину.

– Какой ужас! – искренне возмутилась свекровь. А потом, посмотрев на меня и спохватившись, добавила уже спокойней. – Больше, пожалуйста, мне мяса из Дели не привозите. Пока я жива, как здесь покупали, так и будем покупать.

Тут вмешался муж, до этого, видимо, считавший ниже своего достоинства вмешиваться в женские разговоры.

– Ну даже если вдруг такое несчастье и случится и мы по ошибке съедим говядину, это не трагедия.

– Как не трагедия! – возмутилась его жена.

– Да вот так. Даже Кришне однажды из злого умысла подсунули говядину в еду. И он съел, не подозревая об этом.

«А как же Кришна, если он такой великий бог, не распознал обмана?» – подумала я про себя, но вслух не решилась задать такой бестактный вопрос.

И что? Когда он узнал об этом, он просто обошел все святые места и совершил там омовения. И тем самым очистился от скверны. Вот Чандрак поедет завтра в Матхуру, совершит омовения и помолится Кришне, чтобы он и нам простил этот грех, если мы его вдруг по незнанию совершили.

Было видно, что подобные доводы не убедили его жену, но она предпочла не продолжать разговор на эту тему. Анна позднее мне рассказала, что свекровь еще раз собрала всех невесток и строго настроено запретила им покупать отныне мясо, заявив, что этим будет заниматься только она сама.

Я, конечно, знала, что в Индии приготовление еды – дело серьезное. Но выяснилось, что это в прямом смысле слова священнодействие. С древнейших времен сохранились правила, определявшие очень строго все этапы приготовления еды. Для тех, кто следует этим правилам, все имеет значение: какой сегодня день недели, какая фаза луны (темная фаза – время постов), обычный это день или праздник, для кого готовится еда и многое другое.

Например то, к какому типу, согласно квалификации, принятой в аюрведе, вы относитесь. Каждому аюрведическому типу показаны разные овощи, фрукты, мясо, специи, приправы. Так, если, допустим, вы относитесь к типу Капха и любите сладкое, вам придется пострадать, поскольку вашей натуре сладкое противопоказано. Зато если вы Вата, считайте, что хоть в этом плане вам повезло – сладкое вам очень даже показано. И так во всем – то, что показано одним, совершенно не нужно есть другим. Я убеждена, что индийские повара, которые действительно готовят еду в соответствии с рекомендациями аюрведы, неизбежно приобретают вторую профессию – они становятся отличными врачами.

Есть, конечно, одно, что характеризует любую индийскую еду и объединяет все индийские кухни. Еда повсюду острая. Но и здесь существуют нюансы. На юге блюда гораздо более острые, чем на севере страны, хотя поначалу вы, возможно, этого и не почувствуете. Вам и северная еда покажется очень острой, так как и в ней достаточно различных специй – перца, чеснока, чили, имбиря и многих других. Добавление специй, это не только вопрос вкуса, но в значительной степени необходимость. Ведь многие специи являются хорошими антисептиками и помогают организму справиться с многочисленными бактериями, для которых влажный и жаркий климат – идеальная почва для размножения. Я уж не говорю об отсутствии гигиены и откровенной антисанитарии многих мест, где питаются простые индийцы. Даже местные врачи подтверждают, что люди, продолжающие в Индии питаться на европейский лад, в гораздо большей степени подвержены всевозможным инфекционным заболеваниям.

Например, имбирь имеет не только антисептические свойства, но поможет вашему желудку переварить самую тяжелую пищу. И, кроме того, он обладает очень эффективными стимулирующими свойствами, говоря по-научному, это афродизиак. Говорят, что искусные в готовке индийские жены издавна научились манипулировать желаниями своих мужей, усиливая или уменьшая дозы имбиря в вечерних трапезах.

Когда мы разговорились на эту тему в тот вечер, я узнала для себя нечто новое. Оказалось, что острота вовсе не обязательный отличительный признак специи, обладающей антисептическими свойствами. Я была удивлена, когда узнала, что уникальными антисептическими свойствами обладает шафран, совершенно не придающий остроты еде. До сих пор я считала, что эта специя обладает лишь довольно тонким вкусом и к тому же придает пище, например рису, красивый желтый цвет. Мне рассказали, что в Индии его используют на манер нашей хлорки. Порошок шафрана разбавляют в воде и эту воду разбрызгивают по дому для дезинфекции. Мне посоветовали делать это дома или на работе, когда рядом есть больные инфекционным заболеванием. Я поблагодарила за совет, но подумала, что такой метод борьбы с инфекцией в Европе могут себе позволить лишь очень небедные люди. Ведь шафран – одна из самых дорогих специй.

Кухни различных регионов Индии отличаются друг от друга. Каждый район особо гордится теми или иными блюдами. Например, в Калькутте я не могла устоять перед бенгальскими сладостями, они по праву считаются лучшими в Индии. Я уже говорила о том, что на традиционную кухню Индии сильное влияние оказали Великие Моголы, привнесшие в нее многие элементы кухни Центральной и Средней Азии. Моголы привезли в Индию и тандур – особой конструкции печь, в которой и сегодня готовят в Индии

знаменитую тандури-тика, то есть запеченную в этой печи курицу, и многое, многое другое.

Конечно, в будние дни еда гораздо проще, чем в праздничные. Понятно, что речь не идет о тех, для кого горстка риса и пара бананов – это уже большая радость. А таких повсюду в Индии немало. Но даже в деревнях, где люди довольствуются довольно скромной едой, свадьбы, религиозные праздники, приход гостей – это повод приготовить что-то повкуснее. А в индийской кухне термин повкуснее – это практически всегда синоним слова «посложнее». Приготовление некоторых блюд занимает несколько дней.

Когда я спросила хозяйку дома, не жалко ли ей терять на приготовление еды много времени, она посмотрела на меня с удивлением.

Терять? Почему терять? Ведь еда – это одна из немногих радостей в жизни, которую мы можем доставить себе и своим близким. А радостей в жизни не так уж много. Почему же я буду жалеть о времени, потраченном на то, чтобы порадовать своего мужа, детей, друзей, ну и, конечно, себя? К тому же, готовя хорошо, я сохраняю им и себе здоровье, а значит, продлеваю жизнь. Что может быть важнее этого?

Мне осталось лишь согласиться и констатировать, что я явно не отношусь к числу женщин, доставляющих своему мужу каждодневную радость и постоянно радеющих о его, да и своем, здоровье.

Матхура – родина Кришны

Во время ужина я разговорилась со старшим сыном хозяев, которого звали Чандрак, и узнала, что он собирается завтра, в воскресенье, поехать в Матхуру.

– А это интересный город? – поинтересовалась я.

В комнате повисло неловкое молчание. Как будто я сказала какую-то нелепость.

– Ну откуда она может знать? – поспешила мне на помощь Анна. – Она только неделю как в Индии.

– А, ну тогда, конечно, – с явным облегчением в голосе сказал хозяин дома. – Матхура – это один из семи священных городов Индии, место рождения Кришны.

– А это далеко?

– Да нет, пару часов езды. А что, вы хотели бы съездить?

– Конечно, если это возможно.

– Ну тогда оставайтесь у нас ночевать, а завтра пораньше отправитесь с Чандраком.

– Ой, да разве это удобно? – для приличия попыталась возразить я, отлично сознавая, что сама напросилась на подобное предложение. Но что делать, мне, естественно, очень захотелось побывать в святом городе.

– Ничего страшного, ляжете с Анитой в комнате, а Кумар (муж Анны) поспит в другой комнате, – разрешила последние мои сомнения хозяйка.

– А ты, Чандрак, для такого случая можешь взять машину.

А затем, уже обращаясь ко мне, добавил:

– Чандрак часто туда ездит. Ведь мы ему имя дали в честь Кришны.

И тут я узнала, что «чандрак» означает «перо павлина», а павлинье перо наряду с флейтой – один из атрибутов Кришны. Иногда он держит перо павлина в руках, но чаще всего перья павлина украшают его прическу или являются частью его головного убора. Когда я поинтересовалась, с чем это связано, то услышала несколько объяснений. Кто-то сказал, что павлин в Индии – олицетворение красоты, неотразимости. А из всех богов индийского пантеона Кришна считается самым красивым и неотразимым. Другой добавил: павлин – это символ романтической любви, а что может быть романтичнее, чем любовь Кришны и Радхи?

Но особенно заинтересовала меня история, рассказанная хозяйкой дома. По ее словам, в древние времена считалось, что перья павлина приносят несчастье. Услышав об этом, Кришна подобрал павлинье перо и украсил им свой головной убор. Тем самым он хотел показать, что все земные твари достойны любви и уважения и никто не может приносить несчастья.

Почему меня так затронул этот простой рассказ? Дело в том, что в Москве на стене в моей спальне висела очень красивая вышивка шелком, привезенная когда-то дедом из Китая. На ней с огромным искусством была изображена ветка цветущего огромными экзотическими цветами дерева, и на ней во всем своем великолепии, словно живой, восседал павлин. Я очень любила эту вышивку. Но последние годы удовольствие, которое я получала от ее созерцания, было слегка омрачено. Моя свекровь, придя первый раз к нам домой и увидев эту вышивку, всплеснула руками и запричитала: «Наташенька, ты что? Как же можно держать в доме изображение птицы, а тем более павлина? Это очень плохая примета!» Я никогда особенно не верила в приметы, в гадания и тому подобные вещи. Но и не могу сказать, что я абсолютно свободна от суеверий. Вышивку я не сняла, но

тем не менее перестала испытывать прежнюю радость при взгляде на красавца павлина. Мне он даже стал казаться излишне пестрым и уж чересчур самоуверенно взирающим на мир. Я стала подумывать, какое бы найти для самой себя оправдание подостойнее, чтобы снять его со стены и засунуть куда-нибудь подальше.

И вот теперь, услышав эту историю, я успокоилась. Уж если один из самых симпатичных мне богов индийского пантеона избрал в качестве атрибута павлинье перо, значит, все эти разговоры о том, что изображение павлина в доме принесет несчастье, – явная чепуха. Уезжая из Индии, я даже купила букет из павлиньих перьев и поместила их – на счастье – в большой вазе своей московской квартиры.

Когда мы уже оказались вдвоем с Анной в ее комнате, она вдруг сказала.

– Вот только в Матхуре завтра будет очень много народа, это же воскресенье и праздничный день.

– Ну и что? – удивилась я, – тем более интересно.

– Ты, конечно, похожа на индианку, но там ты начнешь смотреть по сторонам, и сразу станет ясно, что ты иностранка. И потом, даже одетая как индианка, ты не будешь знать, где и как себя вести. К тому же в этом городе святое дело – дать милостыню. Поэтому попрошаек там пруд пруди. И уж если иностранку увидят, проходу не будет. Поэтому надо замаскироваться под мусульманку.

– Ну и что ты советуешь?

– Надо будет просто тебе взять с собой паранджу и надеть, когда пойдете в город.

– А у тебя есть паранджа?!

– Да, я специально купила. Здесь это называется «purdah», не знаю, как по-русски произнести: «перда», «пурда» – и так, и так звучит ужасно. Собственно, название достойное одежды. В общем, надеваю эту пурду иногда, когда езжу в Дели на рынок. Но только ты никому не говори. Про это только муж знает. Свекрови это не понравится. А с Чандраком я договарюсь. Скажу, что для тебя достала. Он парень хороший. Не выдаст. А ты наденешь ее, когда вы уже в Матхуру приедете.

– А ничего, что мусульманка в святом месте индуистов?

– Да что ты. Там же не только индуисты бывают. Там кого только не увидишь! Пойдем, если хочешь, дам тебе почитать кое-что о тех местах. Мы не так давно с мужем ездили туда, и мне свекор давал почитать книгу об индийских святынях, что-то в этом роде. Все пытается меня образовывать. Хочешь?

Я, естественно, захотела и до того, как лечь спать, успела кое-что узнать о местах, куда я должна была отправиться завтра.

Даже если бы Матхура и не была, как я узнала, священным городом, местом, где родился Кришна, туда явно имело смысл съездить хотя бы потому, что это очень древний город. Точно никто не может сказать, когда он был основан, но при раскопках находят предметы, которые датируют первым тысячелетием до нашей эры. В книге, например, я увидела очень забавные женские фигурки из терракоты, найденные именно в районе Матхуры, датированные даже началом первого тысячелетия. Таким образом, этому городу как минимум две тысячи лет.

Каждый город – это история в камне. Открывая для себя Дели, я также познавала историю Индии. Но, когда начался расцвет Дели, золотой период

Матхуры уже был далеко позади. Процветание этого города пришлось на гораздо более ранний период, когда одна за другой возникли и пришли в упадок три древних индийских державы – Маурийская, особенно прославившаяся в период правления императора Ашоки, Кушанская и держава Гуптов. Хотя город существовал задолго до того, как эти династии правили в Индии. Матхура хранит память о важнейших периодах становления Индии.

Об арийском периоде. Так называют время проникновения в Индию арийских племен. Этот период, начавшийся где-то в начале второго тысячелетия, растянулся на много веков. Его еще называют ведическим. Именно в эту эпоху, по мнению большинства исследователей, были написаны «Махабхарата» и «Рамаяна». А Матхура упоминается в «Махабхарате» как место, где родился и провел свое детство Кришна. Справедливости ради надо отметить, что никто точно не знает, когда была написана «Махабхарата». Но об этом несколько позднее.

О буддийском периоде. В это время на востоке Индостана возникли и достигли расцвета царства Магадха, Ватса и другие. В IV веке до нашей эры в Индию вторгся Александр Македонский. Ему удалось разбить войска индийского царя Пауравы. Его конница оказалась гораздо более эффективной, чем индийские формирования из боевых слонов. Сначала слоны внесли панику в ряды пехоты Александра. Слоны просто топтали пеших воинов. Но, когда Александр ввел в действие кавалерию, победа осталась за ним. Слоны не такие уж неповоротливые, какими кажутся, но, конечно, кони и быстрее и мобильнее. В одном из музеев Индии, к сожалению, не помню в каком, я видела занятную монету, которую Александр Македонский повелел чеканить в ознаменование своей победы над индийцами. На ней изображен македонский всадник, атакующий индуса, сидящего на слоне.

Матхура оказалась в числе городов, присоединенных завоевателем к своей империи. Но вскоре Александр был вынужден покинуть Индию из-за мятежа, начавшегося в его войсках.

В это же время начало формироваться Маурийское государство, частью которого и стала Матхура. Матхура оказалась на перекрестке торговых путей Древнего мира. Путь на запад приводил в торговые центры Западной Азии и Римской империи, дорога на север вела в Центральную Азию и в Китай, то есть Матхура была по сути частью Великого шелкового пути. Через этот город проходили многочисленные торговые караваны, и здесь происходила встреча самых разных культур – индийской и китайской, римской и персидской. И это столкновение и взаимопроникновение культур в Индии продолжалось на протяжении всего периода ее древней истории.

В III веке до нашей эры это государство возглавил Ашока, которого считают одним из самых великих и мудрых правителей Индии. Он настолько расширил территорию Маурийского государства, что его стали называть империей. Почти весь север субконтинента впервые в истории Индии оказался объединенным единой политической властью. Ашока начал, как и многие правители того времени, отнюдь не в соответствии с репутацией, которую он заслужил позднее. Он незаконно захватил трон, убил всех соперников, да и потом какое-то время вел себя как тиран. Однако под воздействием ряда причин (о жизни Ашоки написаны многочисленные книги, но, естественно, истинных причин никто не знает, остается лишь строить догадки) Ашока изменился. Он прекратил войны, провозгласил миролюбивую политику в отношении соседних стран, занялся обустройством своего государства, облегчил участь крестьянства

и многое другое. И что не менее важно, он не только отошел, как бы сказали сейчас, от позиций мусульманского фундаментализма, но и заинтересовался другими религиями, особенно буддизмом. Некоторые считают, что он даже перешел в буддизм. Но большинство специалистов избегают утверждать это и предпочитают говорить о «беспорном интересе» Ашоки к буддизму.

И вот мы снова слышим о Матхуре. Именно сюда неоднократно совершает паломничество Ашока, он строит в городе и недалеко от него несколько буддийских храмов, сохранившихся до наших дней.

В конце прошлого тысячелетия начинается постепенный распад Маурийского царства. В Индию вторгаются скифы. Их власть распространилась и на этот город.

Однако в I веке нового тысячелетия на северо-западе Индостана возникает второе крупное политическое образование – Кушанская держава, названная по имени племени кушан, пришедших из Центральной Азии. Правление кушанских царей, и особенно царя Канишки, – период расцвета буддизма. Именно в это время буддизм проникает из Индии в Центральную Азию и на Дальний Восток. Матхура пользуется особым покровительством кушанских правителей. Ее слава как буддистского центра выходит за пределы Индии. Матхура прославилась также в это время и своей скульптурой. Скульптура, произведенная в Матхуре из особой красной глины, импортировалась во многие страны Азии. Кстати, в музее Матхуры хранится много образцов этой скульптуры. Особенно известна статуя царя Канишки, правда, без головы. Но это, как и в случае со скульптурой Венеры Милосской, не умаляет ее выразительности.

Жизнь в городе еще более оживилась с наступлением эпохи Гуптов. Правители династии Гуптов в период, продолжавшийся с IV века нашей эры до середины VI века, не только восстановили былую славу Маурийской империи, но и приумножили ее. Держава Гуптов простиралась от Аравийского моря до Бенгальского залива. В истории Индии этот период называют золотым. Процветали искусства, развивалась наука.

Но в V–VI веках на территорию Индии начали совершать регулярные набеги гуннские племена, и в середине VI века империя Гуптов фактически прекратила свое существование. В X веке в Индию постоянно вторгаются афганские эмиры, а в начале XI века один из них, Махмуд Газни, разбил индийские войска и присоединил к своему государству северо-запад Индии, включая Матхуру. Он начал процесс разрушения и разграбления Матхуры, сравнив с землей множество уникальных буддийских и индуистских святынь.

Процесс разрушения города продолжили правители Делийского султаната, особенно в этом отношении отличился в XV веке Сикандер Лоди, а несколько позднее и небезызвестный своим фанатизмом могольский император Аурангзеб. Он разрушил, как рассказывают, очень красивый индуистский храм – Кесава Део – и построил на его месте мечеть. А довершил то, что не успели разрушить до него, уже в XVIII веке еще один афганский правитель, который поджег город.

Казалось бы, после всего этого мало что должно было остаться в городе. Но это не так. Матхура буквально напичкана храмами, храмиками, святилищами. В Индии говорят, что легче сосчитать частицы пыли на земле, чем количество святых мест в Матхуре. Кроме того, в Матхуре находятся и одни из самых знаменитых в Индии гхат – спусков к воде священной реки или озера. С них, приехав в город, мы и начали свое паломничество.

В Матхуре гхаты находятся на реке Джамна или, как ее называли в древности, Ямуна. В наиболее простом виде гхат – это ступеньки, спускающиеся к воде. Люди приходят сюда, чтобы совершить омовение, очиститься от грехов. Многие приносят кувшины, набирают в них священную воду, чтобы увезти с собой. Есть гхаты, которые служат местом кремации. Их особенно много, как вы должны догадаться, на берегах реки Ганг.

Считается, что человек, умерший на берегах священной реки, освобождается от всех грехов. Особенно это относится к тем, кто умер в священном городе Варанаси. Поэтому в предчувствии или просто в ожидании смерти в Варанаси съезжается так много больных и очень старых людей.

Погребальный обряд довольно единообразен повсюду в Индии. Умершего омывают водой из Ганга, мужчин завертывают в белый саван, женщин – в красный. Тело водружают на носилки, и мужчины несут его к месту кремации, повторяя: «Рам Нам Сатъя Хе», что означает приблизительно «В имени Рамы – истина». Вот что, оказывается, распевали увиденные мною и так поразившие меня на улице Калькутты мужчины, несшие погребальные носилки. Очень важно, чтобы погребальный костер зажег старший сын умершего. А если нет сыновей, что довольно редко в Индии, то ближайший родственник-мужчина. Официальный траур соблюдается в большинстве семей двенадцать дней. Так же, как и у нас, у индусов есть дни в году, когда принято поминать умерших, читать молитвы за упокой их душ.

Наиболее знаменитые гхаты – это целые комплексы сооружений. Причем чаще всего это не одно здание, а множество маленьких зданий, построенных в различные периоды и часто весьма отличающихся по стилю. Нередко эти места украшают скульптурные изображения богов. Сначала эти комплексы показались мне очень хаотичным нагромождением зачастую весьма разноплановых строений. Но затем они стали мне нравиться именно своей «незапланированностью», из которой легко возникали своеобразие и живописность. Именно таков самый знаменитый спуск к священным водам Джамны в Матхуре – Вишрам гхат. Он находится в том месте, где, по преданию, Кришна отдыхал после того, как сразился и убил тирана Кансу – история, к которой мы еще вернемся.

Всего в Матхуре, как мне сообщил Чандрак, 25 гхат. И паломники обходят их один за другим или же выбирают те, которые в соответствии с их верованием наиболее важны. Каждый гхат связан с именем Кришны. Здесь он отдыхал после того, как разделался с Кансой, там его мать наказала за то, что он утащил масло, а вот здесь он отдыхал с Радхой, и так далее, и так далее...

Чандрак, казалось, задался целью обойти все гхаты и повсюду совершить омовение. Мне, слава богу, делать этого было не надо. Ведь я, по совету Аниты, на сей раз выступала в роли мусульманки. Чему я была очень рада. Иначе я довольно неловко себя чувствовала бы, не совершая омовения. Я уже один раз испытала такое чувство неловкости, если вы помните, на берегу Бенгальского залива, в Пури.

Чтобы завершить рассказ о гхатах, добавлю только, что вечером, перед отъездом, мы вернулись в Вишрам гхат. Каждый вечер паломники там спускают на воду маленькие свечи, чаще всего установленные в своеобразных подсвечниках, сделанных из листьев бамбука. Это завораживающее зрелище – сотни, а в дни праздников – тысячи светлячков, плывущих по реке.

Не только гхаты и храмы, но и весь город неразрывно связан с легендой о Кришне. Употребит слово «легенда», конечно, только человек, не

исповедующий индуизм. Для индуиста, какого бы течения он ни придерживался, Кришна – это отнюдь не легенда, а реальная история, которая произошла как минимум две с половиной тысячи лет назад.

Кто же такой этот темнокожий бог, изображаемый часто танцующим, с флейтой в руках, в окружении девушек и на фоне пасущихся неподалеку овец? Я уже писала о том, что в индуизме верховными божествами почитаются Брахма, Вишну и Шива. Вишну имеет десять аватар, то есть воплощений. Индуист может почитать Вишну во всех его воплощениях или в одном из них. Так вот, восьмым воплощением Вишну и является Кришна.

Зачем понадобилось Вишну воплощаться в Кришну? Ответ на этот вопрос дает «Махабхарата», к которой так часто приходится возвращаться, когда мы говорим об истории Индии. И это не случайно. «Махабхарата» – это не только мифы и легенды, в ней содержатся философские и религиозные размышления, а также излагаются основные нравственные законы. За какой бы информацией вы ни обратились, рассказывая об Индии, вы почти всегда наткнетесь на ссылку из этого эпоса. «Махабхарату» не случайно называют энциклопедией индуизма.

Я уже говорила в том, что ученые до сих пор спорят о том, когда была написана «Махабхарата». Разрыв очень большой: некоторые полагают, что это произведение было написано задолго до ариев – в шестом тысячелетии до нашей эры. Но все-таки большинство считает, что написание эпоса началось в первом тысячелетии до нашей эры и закончилось в основных чертах в середине первого тысячелетия уже нашей эры, то есть писался он чуть ли не полторы тысячи лет. О сроках можно спорить, что с успехом до сих пор и делается, но ясно одно – писалась «Махабхарата» очень долго, в ней более 90 тысяч двустиший. Неудивительно, что там отразились не только легенды, сказания, но и реальные исторические события, происшедшие в первом тысячелетии до нашей эры. А уж нам только остается попытаться понять, где реальные события, а где сказки, мифы.

В «Махабхарате» излагаются лишь некоторые моменты из жизни Кришны, а также в части, называемой «Бхагавадгита», что переводится как «Песнь Господа», излагаются основные моменты его учения. Жизнь Кришны позднее более подробно описана в «Бхагавате» – одной из основных пуран, написанной, как считается, в X–XI веках нашей эры. Пураны – это священные тексты индуизма, восемнадцать из них считаются важнейшими.

История жизни Кришны вкратце такова. В древности существовало царство ядавов со столицей в Матхуре. Канса, свергнув своего отца, незаконно захватил трон. Он был настолько жесток и доставлял столько страданий людям, что сама земля, приняв облик коровы (отсюда идет почитание коровы как священного животного), обратилась к богам с просьбой избавить людей от этого царя. Вишну решил воплотиться в Кришну и его брата Балараму. Причем, согласно «Махабхарате», Баларама произошел из белого волоса Вишну, а Кришну – из черного. Отсюда его темнокожесть. Они должны были появиться на свет в семье некоего Васудевы у его жены по имени Деваки. Деваки была двоюродной сестрой того самого царя Кансы. Когда свадебный кортеж Васудевы и Деваки проезжал мимо Матхуры, Канса услышал голос, предсказавший ему, что он будет убит восьмым сыном женщины, которую он сопровождает в данный момент. Канса решил убить свою сестру. Васудева умолил Кансу не убивать жену и пообещал, что он будет отдавать ему всех рожденных ею детей. Канса согласился, но на всякий случай заключил Васудеву и Деваки в тюрьму. Он убил шестерых детей Деваки. Старший брат Кришны,

Баларама, волшебным образом до своего рождения был перенесен в утробу другой жены Васудевы и благодаря этому остался жив. Скоро Деваки родила темнокожего мальчика, которого и назвали Кришна («кришна» означает «смуглый», «темный»). Васудеве удалось тайком вывезти сына из тюрьмы. Он отвез его в деревню Гокулу, расположенную неподалеку, и оставил на воспитание пастуха и его жены. Кришна рос в доме пастуха.

Когда ему исполнилось пять лет, его приемные родители поселились в лесной местности Вриндаван, которая также находилась неподалеку от Матхуры. Кришна стал пасти коров, научился чудесно играть на флейте. К тому же он отлично танцевал и очаровывал своей игрой и танцами местных девушек. Он был настоящим проказником и забавлялся, например, тем, что, выкрыв у купальщиц одежду, отдавал ее лишь тогда, когда она соглашалась танцевать с ним. Его возлюбленной стала тоже местная девушка – Радха, – которая приходила к нему на зов его флейты. В итоге Кришна вместе с братом Баларамом вернулся в Матхуру и, как полагается в конце всех сказок, добро восторжествовало над злом. Царь-демон Канса был убит, Кришна остался править в Матхуре и совершил еще много подвигов и чудесных деяний. Так, например, он помог благородному принцу Арджуну, у которого родственники обманом отняли трон, победить всех своих врагов.

Именно в беседах с Арджуну, подробно излагаемых в «Махабхарате», Кришна сформулировал многие основные свои идеи. Впоследствии все диалоги, рассуждения, идеи будут интерпретированы, дополнены, развиты его последователями и в итоге лягут в основу того, что мы сегодня подразумеваем, когда говорим о кришнаизме как учении.

Земная жизнь Кришны закончилась, когда однажды в лесу, где он оплакивал смерть своего сына и любимого брата Баларамы, погибших незадолго до этого, он был принят охотником за лань и убит стрелой, выпущенной из лука. После этого произошло воссоединение Кришны с Вишну.

Как уже ясно даже из этого крайне сжатого рассказа о жизни Кришны, с его именем связана не только Матхура, но и множество мест в окрестностях города. Это и небольшой городок Гокул, где прошли его первые годы, и лес Вриндаван, место его детских игр, а позднее романтических встреч с Радхой, и Махабан, где прошла его юность. Это и Говардхан, в котором Кришна, приподняв одним пальцем холм, находящийся в центре городка, дал жителям возможность укрыться под ним от страшного ливня, обрушившегося на землю, и Барсана – город, где жила Радха, верная подруга Кришны.

Матхура, Гокул, Вриндаван, Махабан, Барсана, Говардхан и некоторые другие городки, деревушки и просто определенные места на берегу Джамны – сегодня это все этапы на пути людей, проходящих и приезжающих в этот район, часто также называемый Брэдждхуми, что означает «Земля Бога». Он стал одним из важнейших центров паломничества Индии. Чтобы посетить все основные места Брэдждхуми, хотя они и расположены неподалеку друг от друга, нужно обойти или проехать примерно 300 километров. Настоящие паломники, естественно, проделывают этот путь пешком.

Мне Матхура показался сказочным городком. И не потому, что он блистал красотой. Скорее наоборот. Город производил впечатление очень запущенного. Большая его часть состояла из небольших, очень старых и ветхих строений. Но повсюду множество храмов, храмиков, храмчиков, святилищ. И в их окружении даже ветхость обычного, на первый взгляд ничем не примечательного, дома начинала казаться признаком уникальности и старины. К тому же почти каждое

здание, мимо которого мы проходили, тоже тем или иным образом оказывалось связано с жизнью либо Кришны, либо Радхи, либо его брата или же кого-то из его родственников. А если и не сам дом, то, по крайней мере место, где он стоит, – это точно. Вот уж про какой город и можно сказать, что каждая пядь земли в нем священна, так это про Матхуру.

Как я чуть не стала кришнаиткой

В этот день народу в Матхуре было очень много. Отмечался какой-то праздник, естественно, также связанный с Кришной. Но не главный, которым считается его день рождения, когда в город съезжаются десятки тысяч паломников. Происходит это в июле, во время дождей, характерных для сезона муссонов, когда в Индии стоит удушающая жара. И я, несмотря на свою любовь к индийским праздникам, с облегчением вздохнула: слава богу, что я приехала в Матхуру не во время празднования дня рождения Кришны.

Даже в этот второстепенный праздничный день на улицах не протолкнуться. Толпа очень красочная. Вот степенно выступают богатые индианки, завернутые в праздничные раззолоченные сари, а рядом как-то бочком, стараясь никого не задеть, семенит полуголый садху. Вон там – целая группа темнолицых, почти черных, больше похожих на африканцев жителей Кералы, а им навстречу гордо вышагивает особенно светлолицый на их фоне сикх с арийскими чертами лица. Европейской одежды почти ни на ком не видно. Даже на мужчинах в основном или пестрые вешти, или традиционно белые дхоти и белые рубашки. Мое внимание привлекают бритоголовые со странно торчащей сзади тоненькой косичкой мужчины, одетые в однотонные оранжевые одеяния. Я уже знаю, что это – кришнаиты. Их очень много в городе. Отовсюду, часто заглушая шум толпы, доносится: «Харе Кришна, Кришна, Кришна...».

Если бы я не была уверена, в каком веке нахожусь, то впору было засомневаться. Эти здания, эта толпа, эта одежда, эти лица – вне времени. Все, что я видела вокруг, могло происходить и сегодня, и сто лет назад, и пятьсот и, наверное, даже больше. И не только здания были теми же, но и люди выглядели бы примерно так же. Ну не было бы у некоторых из них часов на руках. Вот, пожалуй, и вся разница. После долгого хождения по городу мне начало казаться, что я совершенно не удивлюсь, если вот сейчас мы завернем за угол очередного ветхого сооружения, и нам навстречу появится очаровательный темнокожий пастушок, который окажется не кем иным, как самим Кришной. Наверное, как и всем женщинам, этот его образ был мне симпатичней, чем образ царя-воина.

Необычность и сказочность всего происходящего вокруг усугублялась тем, что я была с ног до головы укутана в черный балахон и вся информация извне поступала через небольшое, размером примерно тридцать на пятнадцать сантиметров прямоугольное сетчатое отверстие. Хорошо еще, что сетка была сделана из обычных нитей, а не из конского волоса, как делали раньше. Я такие видела в музеях и иногда в деревнях. Такая сетка гораздо жестче, и она неприятно щекочет лицо, я бы от нее еще и чихать начала.

С одной стороны, я была рада, что так оделась, – на меня действительно никто не обращал внимания. Но с другой стороны, я поняла, что носящие эту одежду женщины подвергаются каждодневной пытке. Уже одно то, что на тебе такое одеяние, действует на психику. Да, на тебя не обращают внимания. Но постепенно и ты сама перестаешь себя воспринимать как нормальное существо. Да и существо ли? Какой-то черный обтекаемый объект – не поймешь, что же ты такое.

Позднее, читая «Венецианские тетради» Иосифа Бродского, я натолкнулась на фразу, которая отнюдь не относится к парандже. Но тем не менее она удивительно точно передает то ощущение, которое я испытывала, передвигаясь по городу в необычной для меня одежде. «Немного времени, – три-четыре дня, – и тело уже считает себя только транспортным средством глаза, некоей субмариной для его то распаханного, то сощуренного перископа». Мне понадобилось не три-четыре дня, а всего лишь три-четыре часа для того, чтобы почувствовать себя чем-то вроде субмарины, чей контакт с миром ограничен маленьким окошечком-перископом.

Такое «транспортное средство» и толкнуть ничего не стоит, и на ногу ему наступить, и даже головы не повернуть в его сторону – на кого смотреть, перед кем извиняться? Перед этим черным обтекаемым объектом? Никогда в жизни меня так не толкали и не пинали, даже в московском метро в часы пик, как в тот день в священном городе Матхуре. К тому же я и сказать ничего не могла, боясь привлечь к себе внимание. Так что узнала, хотя бы чуть-чуть, что такое быть неосвобожденной женщиной Востока.

В довершение с непривычки я все время спотыкалась из-за чересчур длинной одежды, ведь Анна была гораздо выше меня. А один раз, засмотревшись на особенно колоритного старичка, с samozабвением совершавшего омовение, сама забыла об осторожности и запуталась в полах дурацкой то ли пурды, то ли перды, как выражалась Анна. А поскольку это произошло на ступеньках очередного гхата, то я чуть не свалилась в реку, едва не совершив, таким образом, незапланированное омовение. Хорошо, что Чандрок оказался рядом и успел подхватить меня.

После этого инцидента я жалобно попросила Чандрака немного передохнуть и по возможности перекусить где-нибудь. Как-никак мы бродили по городу уже часа три. Чандрак укоризненно посмотрел на меня – вот и бери таких с собой – и сказал, что он еще не обошел и половины мест, которые собирался посетить. Но потом он куда-то решительно направился, сделал мне знак следовать за ним. И я, как послушная мусульманская женщина, засеменила за ним.

Через минут пятнадцать мы оказались практически на окраине города. Народа здесь уже почти не было. Дома имели еще более старый и запущенный вид, чем большинство домов в городе. Мы подошли к воротам одного из них. На воротах было что-то написано, и я спросила Чандрака:

– Это что, ресторан?

– Нет, это просто место, куда каждый, кто исповедует кришнаизм, может прийти отдохнуть, поговорить, посоветоваться...

– А, что-то вроде кришнаитского клуба...

– Ну, можно и так сказать.

– А зачем мы сюда пришли?

– Я здесь всегда отдыхаю, да и перекусить, может быть, дадут.

– А что, любой может прийти сюда?

– В принципе да. Но у меня здесь друг есть. Мы в школе и в институте учились вместе. А потом он стал кришнаитом.

– А он что, был очень религиозным?

– Да нет, нормальным. Кончил учиться, работал в компании, женился, ребенок родился. Все шло как у всех. Ну, может быть, он больше нас интересовался всегда именно учением Кришны. А потом однажды решил все бросить и ушел сюда в Матхуру, стал членом общества «Харе Кришна».

Мы вошли в комнату – просторную, совершенно пустую, в том смысле, что там не было никакой мебели. На стенах висели лубочные изображения Кришны и несколько портретов каких-то людей (как я узнала позднее, это были портреты виднейших деятелей общества «Харе Кришна»).

Несколько человек сидело на полу в разных углах комнаты. Чандрак попросил меня подождать и ушел куда-то. Я огляделась. Некоторые из находившихся в комнате разговаривали вполголоса, другие что-то исступленно бормотали. Через несколько минут Чандрак вернулся в сопровождении молодого человека, одетого в оранжевый хитон, наголо постриженного. Лишь сзади оставались волосы, заплетенные в косичку. Чандрак сказал, что он уйдет еще на часик, а я могу посидеть здесь и поговорить с его другом, которому он меня представил.

Имя моего нового знакомого показалось мне довольно странным. Поскольку я его не запомнила, назовем его, например, Бриджмохан, что означает Кришна. Он провел меня в другую комнату поменьше, предложил снять мой черный балахон, принес мне кое-что перекусить, целую кучу брошюр и даже несколько книг. Уж не знаю, что такого наговорил Чандрак своему другу, но Бриджмохан явно решил, что я очень интересуюсь кришнаизмом. Признаваться, что я попала в Матхуру случайно и кришнаизм до сегодняшнего дня меня совершенно не волновал, было неудобно, и я принялась для приличия задавать вопросы. Ответы Бриджмохана были очень краткими, он как бы выдавливал их из себя.

– А вы давно стали членом общества «Харе Кришна»?

– Пять лет назад.

- Но вы видите с женой и детьми?
- Вступив в общество, вы посвящаете себя Кришне.
- А как вы это делаете?
- Мы служим Кришне.
- А как? – меня не устроил такой абстрактный ответ.
- Мы ничего не делаем просто для собственного удовлетворения и совершаем все дела во имя Кришны, во славу его.
- А чем вы занимаетесь целый день? – не унималась я.
- Познаем ведические мудрости, повторяем святое имя Господа, занимаемся медитацией, йогой.
- А как вы занимаетесь изучением ведических мудростей, каждый сам по себе?
- Нет, под руководством духовного наставника, мастера.
- А вы общаетесь с внешним миром?
- Да, мы несем учение Кришны в мир.
- А как?
- Предлагаем литературу, устраиваем вегетарианские угощения для паломников.
- А откуда вы берете средства?
- Пожертвования, – получила я лаконичный ответ на свой не совсем тактичный вопрос.
- А что означают белые полосы у вас на лбу? – я имела в виду белые линии на лбу Бриджмохана, образовавшие что-то вроде латинской буквы «У». Я видела такие на лбу большинства кришнаитов.
- Это особый знак. Называется «тилак».
- А что делают люди в той комнате, молятся?
- Проявляют любовь к Кришне.
- Как? Они все время что-то бормочут.
- Они не бормочут, они повторяют святое имя Господа. Говорят мантру.
- А, молятся.
- Не молятся, а говорят мантру Харе Кришны.
- А что надо говорить?

Тут Бриджмохан что-то быстро сказал, но я разобрала лишь часто повторяемые слова Кришна, Харе, Рама. Позднее я узнала, что эта мантра звучит так: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна, Кришна, Харе, Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама, Рама, Харе, Харе». И надо читать эту мантру ни много ни мало 1728 раз в день. Почему? Потому что ее надо повторить, перебрав как минимум 16 раз четки, которые состоят из 108 бусинок. Это называется сделать 16 кругов из 108 мантр. Вот и считайте.

Видимо, после моих вопросов Бриджмохан убедился в моей полной непросвещенности и решил не тратить своего драгоценного времени на беседу с такой невеждой. Он вежливо извинился, сказал, что зайдет проведать меня попозже, и предложил мне пока почитать брошюры, в которых, по его словам, я найду ответы на все вопросы.

Он ушел, а поскольку делать мне было нечего, я решила просмотреть брошюры. А вдруг, прочитав 1728 раз мантру, я тем самым обеспечу себе счастье на веки вечные? Кто знает? Надо разобраться.

Начала с самых тоненьких, содержащих краткий рассказ об истории и основных принципах кришнаизма.

Я уже писала раньше о том, что во главе индуистского пантеона стоят три главных божества – Брахма, Шиву, Вишну. Издревле в индуизме существовали течения брахмаизм, шиваизм и вишнуизм, последователи которых в большей степени почитали соответствующее божество. А Вишну почитали во всех его десяти ипостасях, в том числе и в ипостаси Кришны. И лишь гораздо позднее, в конце XIV – начале XVI века появился самостоятельный культ Кришны. Его основателем считается некий Махапрабху Чайтанья. Он учил, что Кришну является верховным божеством, лишь однажды проявившимся в образе Вишну. И вообще все боги и божества являются лишь проявлениями одного-единственного бога – Кришны. Соответственно лишь в любви к нему, в служении ему лежит путь к спасению. Эта любовь и служение должны выражаться в регулярной медитации и постоянном повторении имени Кришны. Идеи Чайтаньи были очень просты и доступны. Кроме того, привлекателен сам образ Кришны. Это, пожалуй, самый земной из всех индуистских богов. Бог, живший среди людей, грешивший, любивший, – такой человеческий и понятный. Неудивительно, что у Чайтаньи нашлось множество приверженцев и учеников.

Как я уже говорила, индуизм очень либерален и терпим к тому, что проповедует каждый отдельный гуру, – учитель, возглавляющий то или иное течение, группу и т.д. В Европе за такие отклонения от генеральной линии, которые позволены в индуизме, и гуру и его последователей уже давно бы обвинили в ереси. В Индии же никто не препятствовал развитию кришнаизма. На улицах индийских городов появились красочные процессии людей, которые под бой барабанов и перезвон бубенцов славили Кришну.

Учение Чайтаньи дополнил и развил его ученик – поэт и философ из Бенгалии – Рупа Госвами. Но по-настоящему культ Кришны расцвел, можно сказать, вышел на международную арену, еще позднее, уже в середине XX века. И это заслуга одного из самых знаменитых гуру с длинным именем – Шри Шримад А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Эти три человека – Чайтанья, Госвами и Прабхупада – почитаются кришнаитами за воплощение Кришны.

Прабхупада был очень интересной личностью и прожил долгую жизнь, достойную пера писателя. Он родился в 1896 году в Калькутте. В этом городе многие помнят его семью. Его отец был весьма состоятельным человеком, который смог дать сыну прекрасное по индийским меркам образование. В молодости Прабхупада боролся за независимость Индии, участвуя в пацифистском движении, возглавляемом Ганди. В остальном его жизнь была похожа на жизнь большинства его сверстников из той же среды. Учился, работал, женился, у него родилось пять детей. Правда, все свое свободное время он отдавал изучению кришнаизма. И вот в 1954 году, в один прекрасный день (хотя, надо полагать, отнюдь не для его семьи), когда его жена продала одну из священных книг, чтобы купить чаю и сладостей, Прабхупада порвал с семьей и начал новую жизнь. Ему в тот момент было 58 лет.

Я уже говорила о «Бхагавадгите» – одной из частей «Махабхараты», которую называют религиозно-философской поэмой, поскольку она по существу в более популярной форме преподносит многие знания, содержащиеся в ранних и поздних ведических текстах. Так вот, Прабхупада написал книгу «Бхагавадгита как она есть», в которой дал свою трактовку содержания «Бхагавадгиты». «Бхагавадгита как она есть» стала настольной книгой настоящего кришнаита. Прабхупаду также часто называют миссионером кришнаизма. Он многое сделал для того, чтобы кришнаизм лучше узнали на Западе, в том числе в Советском Союзе, где

Прабхупада побывал в 1971 году. Именно при нем общество «Харе Кришна» превратилось в довольно мощную и сплоченную организацию – «Международное общество сознания Кришны» (МОСК). Предложение обрести душевный покой и физическое здоровье не могло не найти спроса у людей, уставших от бездуховности и меркантилизма, от стресса и одиночества. Были созданы отделения этой организации во многих странах. Обычно центры МОСК группируются вокруг кришнаитских храмов, которых во всем мире насчитывается около 350. Имеются и специальные проповеднические центры. Видимо, в одном из таких центров в Матхуре я и находилась.

Надо сказать, что к тому моменту, как я стала просматривать книгу «Бхагавадгита как она есть», я прониклась симпатией к кришнаизму. Наверное, объяснялось это моей симпатией к Кришне. Если уж выбирать из трех индуистских божеств, то, конечно, Кришну. В этом я, должно быть, не оригинальна. Какая женщина предпочтет загадочного и непонятого Брахму или сурового Шиву этому очаровательному пастушку, играющему на флейте, неравнодушному к женским чарам, любящему танцы, плачущему по убитому брату, щедро помогающему нуждающимся в его помощи?

Основополагающие идеи кришнаизма мне показались привлекательными. О главной я уже говорила: Кришна – это единый абсолютный Бог, все остальные (кстати, в том числе и Иисус Христос) – его проявления. Кришна – это не столько Бог, сколько живая сущность, жизнь всех живых существ. Поэтому каждый человек – неотъемлемая часть Кришны. Кришна – отец всех людей. Отсюда идея о том, что все люди братья и все должны помогать друг другу. Живя ради служения Кришне, а не ради удовлетворения своих низменных потребностей, человек постигает подлинную духовную истину и может таким образом освободиться от беспокойства, прийти к состоянию бесконечного блаженного сознания. Кришнаизм печется не только о душевном здоровье своих последователей, но и о физическом. Кришнаитам рекомендуется питаться исключительно вегетарианской пищей, отказаться от курения и употребления спиртных напитков, заниматься йогой.

Даже конкретное служение Кришне обретает формы, которые гораздо легче принять современному человеку, особенно молодому. Кришнаит должен участвовать в обрядах и церемониях поклонения Кришне, которые, как я видела и в Дели, и в Калькутте, проходят под звук барабанов и перезвон бубенцов, иногда сопровождаются даже чем-то вроде танцев. Обязательными являются также медитация и повторение мантр. Все это должно происходить под руководством истинно просвещенного человека – гуру. Роль духовного учителя в обществе очень велика.

Проповедь идеалов духовности и осуждение корысти и погони за материальными благами, провозглашение всеобщего братства и работа по просвещению тех, кто еще не обрел истины, – что здесь плохого?

Во всем этом просматриваются не столько мистика и религиозность, сколько, как теперь модно говорить, общечеловеческие ценности, что, впрочем, характеризует не только кришнаизм, но и любое другое религиозное учение.

В любом случае, к моменту, когда вернулся Чандрак, я была готова уже всерьез порасспрашивать Бриджмохана о «Харе Кришне». Но Чандрак сказал, что уже поздно и пора возвращаться в Дели. Как-никак дорога занимает примерно три часа.

В Москве я продолжила свое знакомство с кришнаизмом. И вот тут-то меня поджидали первые разочарования. В брошюрах, полученных в Матхуре, я

вычитала много такого, что несколько охладило мою начинавшую зарождаться решимость стать членом общества «Харе Кришна».

Я не испытала большого внутреннего сопротивления, когда прочитала, что Прабхупада называет наш век «веком Кали». Если помните из моего предыдущего повествования, от богини Кали ожидать чего-то хорошего не приходится. Несколько насторожило его заявление о том, что в этот век большинство людей рождаются шудрами. Шудры – это члены низшей касты в Индии. Для Прабхупады шудры – это люди невежественные. Причем если брать критерии Прабхупады, то практически про любого человека можно сказать, что он погряз в невежестве. Ведь для этого достаточно, чтобы он надрывался на тяжелой работе, питался несвежей пищей, наслаждался материальными благами, занимался любовью не в целях воспроизведения рода, ходил в кино, читал мирские книги. Список далеко не полный. Даже любителям подольше поспать не удалось скрыться от указующего перста Прабхупады. Они тоже оказались в разряде невежд. А под конец, когда я наткнулась на то, как Прабхупада разделяет всех людей просто на две категории – бхаты (кришнаиты) и демоны (соответственно не следующие кришнаитским принципам) на меня вообще пахнуло чем-то из эпохи инквизиции.

Не понравилось мне и пренебрежительное отношение к женщинам. Оно проскальзывает у Прабхупады везде, но особенно четко сформулировано не в «Бхагавадгите как она есть», а в другой его книге, «Шримад Бхагаватам», отрывки из которой приводились в одной из полученных мной брошюр. Эта книга буквально насыщена фразами о женщинах, от которых меня прямо-таки корбило. Из нее я с удивлением узнала, что «женщины, торговцы и рабочие не слишком разумны». В следующий раз, когда я увидела, что перечень людей с низким интеллектом открывают женщины, я уже меньше удивилась. А уже дальше идут шудры и падшие представители дважды рожденных. Так что женщины – отнесены к еще более низкому разряду людей, чем даже шудры, погрязшие в невежестве.

Пожалуй, не столько не понравилось, сколько насторожило то место, какое отводит Прабхупада наставникам, гуру. Послушание, даже повиновение наставнику – это одно из главных условий постижения учения. Причем повиноваться надо не рассуждая. К этому моменту своей жизни я уже точно знала, что мне совсем не хочется больше следовать чьим-то наставлениям, не оставляющим свободы выбора.

Короче говоря, чтение брошюр, полученных от Бриджмохана, привело к обратному результату. Я решила, что достаточно мне принадлежности к одной религии – марксизму. Нечего менять шило на мыло. Тем более уже явно обозначились признаки того, что скоро, возможно, и шило можно будет запрятать куда-то подальше за ненадобностью. Правда, я всегда с тех пор следила за материалами, появлявшимися у нас и за границей о кришнаизме, и особенно о Международном обществе сознания Кришны. Вокруг этого общества постоянно разгорались споры и дискуссии, в особенности в постсоветские времена, когда оно официально развернуло свою деятельность в России. Надо сказать, что почва оказалась благодатной. Это вполне объяснимо. После стольких лет повального атеизма люди кинулись в другую крайность – повальную религиозность. Появился интерес не только к христианству, но и ко многим другим религиям, течениям, сектам. О привлекательных сторонах кришнаизма я уже писала. Поэтому меня совсем не удивило, когда я узнала, что это учение нашло в нашей стране множество последователей, особенно среди

молодежи. Лидеры МОСК говорят о миллионах приверженцев в России. Критики этого общества приводят совсем другие данные, говорят о десятках тысяч последователей. Наверное, как всегда, истина где-то посередине. Но о распространении кришнаизма у нас свидетельствует, например, то, что, по данным МОСК, на территории России и бывших союзных республик имеется 100 храмов и 150 проповеднических центров этой организации. Они открыты практически во всех мало-мальски крупных городах страны. А недавно я прочитала одно сообщение, которое окончательно убедило меня в том, что популярность кришнаизма в России – это не миф, а реальность. А иначе, скажите, зачем было Российской академии госслужбы не далее как в 2002 году организовывать специальный ознакомительный курс по кришнаизму для служащих региональных органов власти России?

Матхура... Казалось бы, этот город должен всегда ассоциироваться у меня с Кришной, с кришнаизмом. Но это не совсем так. Я часто вспоминаю о Матхуре, когда вижу затянутые с ног до головы в черное женские силуэты. Сразу же вспоминаю один день своей жизни, прожитый в одежде женщины – мусульманки. Так Матхура, оплот индуизма, стала ассоциироваться у меня и с исламом.

Третья ассоциация совсем уж странная. С Венецией. Конечно, прежде всего виноват в этом Бродский с его подаренными мне субмаринно-перископными метафорами.

Но не только он. Виноваты и сами эти два города, на первый взгляд такие непохожие, но имеющие и общие черты. В Матхуре мы с моим спутником почти все время бродили вдоль реки Джамны, где находились гхаты. Так что Матхура, как и Венеция, для меня – это вода, вода и еще раз вода. Вода, плещущаяся у стен старинных домов, часто облупленных; дворцов, порой сильно обветшалых; зданий, с явными следами разрушений на старинных фасадах. А еще, так же как и в Венеции, многочисленные ступени, спускающиеся к воде. И, наконец, в Венеции – толпы туристов, а в Матхуре – толпы паломников.

И последняя ассоциация. Оба эти города для меня принадлежат прошлому, а не сегодняшнему дню. Есть много городов, богатых историей. Но в них, наравне с историей, вы видите и жизнь современную. В Матхуре я не могла представить, что где-то здесь неподалеку есть современные кварталы, где живут обычные люди, что они учатся, ходят на работу, занимаются домашними делами. То же самое чувство я испытывала позже каждый раз, бывая в Венеции. Этой современной жизни не просто не было видно, как случается, когда вы находитесь в историческом центре какого-то города. Ее просто там не должно было быть. А если она где-то и была, в это верилось с трудом. Наверное, именно поэтому, когда говорят или пишут о таких городах, как Венеция или Матхура, то чаще всего их называют городами-сказками. Ведь что такое сказка, как не донесенное до нас прошлое? Ну, может быть, лишь чуть-чуть приукрашенное нашим воображением.

ГЛАВА II. РАДЖАСТАН

«Земля царей»: первые впечатления

Десять дней в Дели пролетели очень быстро. И вот пора отправляться дальше. В Джайпур, в столицу Раджастана, где я запланировала провести неделю. В этом городе был университет. А в этом университете имелся центр, тематика исследований которого дала мне предлог включить его в план научных заведений, которые мне необходимо посетить.

Почему я так стремилась попасть в Джайпур? Будет неправдой сказать, что я всегда мечтала туда попасть. Признаюсь, что, планируя поездку, я почти ничего не знала об этом районе Индии. Я читала, что Раджастан многие века первым встречал набеги завоевателей, вторгавшихся в Индию, слышала, что там сохранилось много величественных крепостей. И еще я помнила из когда-то прочитанных книг, что жили в этих крепостях воины-герои, которых называли раджпутами. Сумбурный героико-романтический образ, как ни странно, в общих чертах оказавшийся верным.

Вылетела я из Дели рано утром. Полет продолжался совсем недолго. Вроде только взлетели, а уже приземляемся. На сей раз приехавший в аэропорт представитель университета сразу опознал меня, и мне не пришлось, как это было в Дели, волноваться и методом опроса выявлять, кто же меня встречает. К тому же он оказался очень симпатичным и приветливым молодым человеком, с которым мы сразу же нашли общий язык.

Пока дожидались получения багажа, я разглядывала народ в аэропорту. Уже по некоторым деталям одежды можно было сделать вывод, что я нахожусь в другом штате. У мужчин на головах намотаны разноцветные повязки. Они совсем не похожи на строго зафиксированные, с приподнятым верхом, в основном белые или черные тюрбаны сикхов. Тюрбаны раджастанцев – чаще всего ярких цветов, многослойные, вроде бы небрежно намотанные, иногда с одним концом ткани, ниспадающим на плечо или, наоборот, браво торчащим сверху, – очень красочны.

– Какие тюрбаны красивые, – не удержалась я от восклицания.

– У нас тюрбан, в зависимости от его формы, называют сафа, а еще пагри или панша, – отозвался на мою реплику встретивший меня в аэропорту молодой человек, которого звали Нанди.

– А что так много разных форм?

– О, в Раджастане сафа – это не просто мужской головной убор. По его форме, цвету, по качеству ткани, по тому, какой у нее рисунок, – можно многое узнать о человеке.

– Неужели? Ну что, например?

– По форме можно определить, из какого человек района. Форма тюрбана меняется примерно каждые 20 километров. Какое социальное положение он занимает, также приблизительно ясно, поскольку разные касты по-разному заматывают ткань.

– Интересно, а сколько идет ткани на тюрбан?

– Вы знаете, столько же, сколько на сари.

– Не может быть!

– Да, что-то около девяти метров. И ткань широкая, как у сари. Так что на голове, если это дорогая ткань, например та, которую магараджи используют для парадных тюрбанов, может быть намотано целое состояние. К тому же магараджи и раджи украшали тюрбаны очень дорогими украшениями. В штате каждого уважавшего себя правителя был специальный человек, отвечавший за тюрбаны. Ну и знать помельче тоже старалась не отставать. Поэтому у нас ювелирные изделия были не только привилегией женщин. Будете в музее в Джайпуре, посмотрите на коллекцию украшений для тюрбанов. Очень есть красивые экземпляры. Ну а цвет...

– Извините, что перебиваю, я что-то совсем запуталась во всех этих титулах в Раджастане. В книгах чего только нет – султаны, магараджи, раджи. А кто-то просто пишет: король, царь.

– Король, царь – это для простоты используют западные титулы. Султан – это тоже не наше. Этот титул был принят у могольских правителей. А в Раджпутане, так до независимости назывался Раджастан, в разных княжествах правители именовались по-разному. Раджа – это царь. Магараджа – великий царь. В других династиях употребляли соответственно титулы рана и махарана, равал и махаравал. Кстати, а вы знаете, что слово «раджпуты» означает «сыны царей»?

– А Раджпутана – это, наверное, «Земля сынов царей»?

– Ну да.

– Так, а теперь у вас название страны еще более величественное.

– И не говорите! На мой взгляд, чересчур – «Земля царей». Мне больше нравится старое название. И звучит не так претенциозно, и оригинальнее. А то теперь мы как все – Пакистан, Афганистан...

– Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, – продолжила я начатый им ряд. – Правда, это не государства, а наши республики Средней Азии, но все они имеют это слово в своем названии. Хотя нет, не все, вот у Киргизии – его нет.

Мне и в голову не могла прийти мысль, что пройдет совсем немного времени, и моя оговорка о том, что это не государства, а республики, да еще наши, уже будет звучать как минимум анахронизмом. Более того, так легко и приятно звучащая для русского уха «Киргизия» перестанет оригинальничать и превратится во что-то такое труднопроизносимое для русского человека, что каждый раз, выговаривая новое название, мне кажется, что я сломаю челюсть. Но зато со словом «стан» – Кыргызстан. Наверное, могли бы лишь добавить «стан», но оставить неизменной первую часть названия и получить нечто гораздо более привычное и удобоваримое для русского уха – Киргизстан?

Написав это, я задумалась. А вот название индийского штата, где я нахожусь, как правильно писать? Почему-то последнее время мне везде встречался Раджастан, с буквой «х». И я так начала писать. А почему не Раджастан? Во всяком случае, в Большой советской энциклопедии так написано. И это, по-моему, логично. Ведь в его состав также входит слово «стан», которое в соответствии с «Толковым словарем» Ожегова означает

«лагерь, место стоянки». Стан – место, где стояли, жили определенные племена. Отсюда и пошли названия государств. Туркменистан – место, где стояли, жили туркмены, страна туркмен и т. д.

Будучи по образованию журналисткой, я знаю об учебниках Розенталя не понаслышке. У меня перед глазами встали параграфы, в которых излагаются правила написания однокоренных слов и все возможные в таких случаях исключения. Случай с Раджастаном не попадал ни под одно из них. Значит, если писать Раджастан, то надо и все слова с корнем «стан» писать через «х» – Туркменистан, Таджикистан и все в таком же роде. Но это уже попахивало дипломатическим инцидентом. К этому я не была готова. У нас и так хватает проблем со странами, стройными рядами покинувшими «союз нерушимый республик свободных...».

Я задала мучивший меня вопрос одному своему индийскому коллеге.

– Почему по-английски «Раджастан» пишут иначе, чем, допустим, «Афганистан» и «Пакистан»?

Он дал мне интересное объяснение. По его мнению, названия таких стран, как Афганистан и Пакистан, сложились тогда, когда они находились или под властью, или под влиянием империи персов и соответственно языка фарси, на котором в то время говорило и писало большинство образованных людей этого района мира. А название Раджпутана заменили на Раджастан уже в наше время. Естественно, при этом исходили из законов правописания и произношения, свойственных не фарси, а хинди, на котором говорят в этом штате.

Стала вспоминать, как индийцы произносят это название. Вспомнила: «Раджастан», – сильное такое «х», еще и с придыханием. Получается, наверное, что мы решили в большей степени соответствовать тому, как это слово пишется и произносится в Индии. Другой вопрос, стоит ли это делать. Они же, я имею в виду тех же индийцев, говорящих по-английски, продолжают писать «Russia», а не стали писать «Rossiya», что звучит соответственно как «Раша», а не как «Россия». Они так привыкли, им так удобно, это, наверное, больше соответствует каким-то особенностям их языка. Да и мы не говорим же «Ингланд», как англичане, а говорим «Англия». А почему с Раджастаном мы должны делать исключение?

И я приняла решение писать «Раджастан». Села за компьютер, вернулась к этой главе, вошла в «Правку», выбрала команду «Заменить» и велела умной машине поменять везде непонятно почему привившееся у нас «Раджастан» на название «Раджастан». Ведь так гораздо легче произносить. Не правда ли?

Но вернемся к разговору с Нанди, прерванному мною тогда, когда мы несколько отвлеклись от еще не законченного им рассказа о красочных головных уборах мужчин Раджастана (как решено, без буквы «х»).

– Нанди, по-моему, вы еще о цвете тюрбана хотели сказать?

– Есть цвета, которые чаще используют в тот или иной сезон. Например, сафи белого и красного цвета часто носят весной. Бордовый, темно-синий, белый, оливковый часто означают, что у человека траур. И наоборот, очень яркие тона говорят о том, что у человека в семье радостное событие.

– Я вот вижу, что больше всего тюрбанов красного, розового и желтого цвета. Вернее, не совсем желтого, а желто-оранжевого.

– Этот цвет называют у нас цветом шафрана. Да, эти цвета очень любят, потому что они еще и символ воинской доблести, рыцарской чести, если хотите.

– А рисунок?

– Есть рисунки ткани, специфичные для того или иного района. Но, если мужчина выбрал ткань в горошек, можете не сомневаться – он счастлив в браке и к тому же у него родился сын.

– А, это как на женской одежде, на сари, мне рассказывали. А, кстати, одежда здесь такая же?

– Мужская примерно такая же, как везде, дхоти или широкие штаны. Вот только рубашки чаще без воротника, а с круглым вырезом под шею. Женщин вы увидите, конечно, и в сари. Тем более теперь. Но вообще традиционный женский костюм не сари. Это короткая кофточка, длинная, в складку, очень широкая юбка и орхни.

– Что?

– Орхни? Это шаль, покрывало. В принципе, это кусок ткани, не очень длинный, примерно метра полтора, но широкий – три метра. Один конец закрепляют сзади на талии, а другой набрасывают на голову, и он ниспадает вниз через правое плечо.

Одежду людей я при всем желании не могла разглядеть, поскольку все были закутаны в шали, из-под которых торчали чаще всего обутые в шлепанцы или сандалии голые ноги. Я давно уже заметила, что в Индии не следуют правилу, которое мне преподнесли однажды как восточную мудрость: держи ноги в тепле, а голову в холоде. Во всяком случае, на том Востоке, на котором я побывала, все наоборот. Наступает прохладный сезон, и все, даже те, кто не носит тюрбанов, все равно стараются накрутить что-то на голову или, как минимум, ходят закутавшись с головой в шаль или в кусок имеющейся в наличии ткани. А на ногах будут лишь шлепанцы. Порой это выглядит очень забавно и живописно. Идет тебе навстречу нечто, с головой закутанное в какое-то подобие шали, а из-под шали голые ноги торчат. Но иногда, если очевидно, что человек очень беден, то смеяться совсем не хочется, а хочется плакать при виде движущейся тебе навстречу фигуры, закутанной в дырявую, повывавшую виды тряпицу, ковыляющей на худых, дочерна выжженных солнцем босых ногах. А ноги-то так худы, что кажется уже, что это вовсе и не ноги, а кости торчат из-под тряпки.

Мои размышления были прерваны появлением багажа, и вскоре мы уже ехали по дороге, ведущей в Джайпур. Дело в том, что аэропорт находится в небольшом городе Санганер, находящемся всего в 16 километрах от Джайпура и практически слившемся с ним.

От Дели недалеко, а все вокруг уже иное. Раджастан находится на северо-западе Индии, рядом с пустыней Тар. Это один из самых жарких районов Индии, но климат здесь резко континентальный. Днем очень жарко, а по ночам зимой довольно холодно. А та зима в Индии была, как мне сказали, исключительно холодной. Во всяком случае, я впервые видела иней, лежавший на траве вдоль дороги. Кроме того, в этом районе выпадает очень мало осадков. Так мало, что Раджастан иногда раньше называли, как и пустыню Тар, Марустхали – «Земля смерти». В ноябре, когда я там оказалась, сезон дождей был далеко позади, и пейзаж вокруг, если и не напоминал пустыню, то был практически лишен зелени. А сама выжженная дневным солнцем земля казалась окрашенной то в желто-бурый, то в коричневый, а то вдруг в красноватый розовый цвет. Этот эффект возникает из-за специфического розоватого цвета раджастанского песчаника, из которого, кстати, и построено большинство дворцов и крепостей этого штата.

Не только пейзаж был иным, но и животные, шедшие вдоль дороги, были другими. Это были не привычные буйволы, тащащие повозки, а мерно и горделиво вышагивающие верблюды. Много верблюдов, вереницы верблюдов шли вдоль дороги, иногда даже по дороге, а водители и не думали возмущаться или гудеть, они вежливо объезжали животных. Надо сказать, что у верблюдов действительно, как про них и говорят, гордый и независимый вид, исключаяющий всякие сомнения в том, что они делают что-то не так, и водителям просто остается подчиниться. До этого я верблюдов даже в Индии не видела. Вернее, видела, но это было во время военного парада в День независимости в Калькутте, и они воспринимались скорее как аксессуар. А здесь, ранним утром на пустынной дороге, на фоне красной земли, редких пальм серовато-бурые верблюды были удивительно органичны и хороши. Уже ради одного того, чтобы увидеть их, гордо вышагивающих, как и тысячи лет назад, по этой земле, стоило приехать в Джайпур. Я не удержалась от восклицания.

– Как много верблюдов!

– Да, ярмарка закончилась, – странным образом прокомментировал мою фразу Нанди.

– Какая ярмарка?

– Недалеко от города Аджмер есть маленький город Пушкар, и там раз в год проходит ярмарка животных.

– Что, там продают верблюдов?

– Да, но не только. Лошадей, ослов и других животных. Это вообще очень большой праздник для Раджастана, он называется Пушкар Мела. Вернее, не только для Раджастана. Ведь там находится священное озеро Пушкар. И в это время – праздник приходится на дни полнолуния – люди совершают туда паломничество.

– Так это чисто раджастанский праздник?

– Нет, туда съезжаются люди со всей Индии. Ведь там одновременно проходит ярмарка. На нее приезжают люди из Пакистана, из Афганистана и из других стран. Это самая большая в Азии ярмарка скота. И в то же время что-то вроде повода для встречи племен, которые целый год кочуют по пустыне. Там устраивают гонки верблюдов, выступают жонглеры, танцовщицы.

– Ой, как жалко, что я туда не попала.

– Ну, не знаю, стоит ли так уж жалеть. Это воистину вавилонское столпотворение. Знаете, Пушкар маленький город, там народа чуть больше десяти тысяч живет постоянно. А тут приезжает огромное число людей. В прошлом году, говорят, было около двухсот тысяч приезжих. А еще скота сколько! Тоже рекорд побили – было около пятидесяти тысяч верблюдов, лошадей, буйволов... Представляете, что там творится.

– А в Джайпуре не будет ничего подобного, ведь вон как много верблюдов идет в ту же сторону, что и мы?

– Нет, может быть, это те, кому надо туда по делам, или продали кому-то, кто в той стороне живет, вот и гонят туда верблюдов.

– А в Джайпуре сейчас не будет каких-нибудь праздников?

– Вообще-то у нас масса праздников. Про нас даже говорят: «Раджастанцы отмечают девять праздников в неделю». Но вам не повезло. Именно сейчас период затишья. Ближайший праздник – очень красочный – будет в январе.

– А что это за праздник?

– Называется он Макар Санкранти. Это как бы первый предвестник окончания зимы. Считается, что в этот день ветер изменяет направление. Не

знаю, действительно ли он меняет направление, но, во всяком случае, ветер всегда довольно сильный в этот день. Этот праздник отмечают, запуская воздушных змеев. Знаете, какое это потрясающее зрелище – тысячи разноцветных змеев в воздухе.

– Это, должно быть, очень красиво. А еще у вас здесь есть свои праздники?

– Конечно, Холи...

– Нет, Холи, Дурга Пуджа, Дивали – эти праздники я знаю, видела в Калькутте, – довольно невежливо перебила я его, – а какие-то местные, как этот праздник воздушных змеев или праздник в Пушкаре?

– Конечно, вы, наверное, знаете, в Индии везде масса своих праздников. Пожалуй, самые интересные для иностранцев – это праздник Гангаур и праздник слонов. Да, и еще праздник Тедж, посвященный богине Парвати.

– А, жене Шивы, – не утерпела я продемонстрировать свои знания.

– Да. Очень красочный праздник, он знаменует начало сезона дождей.

– Так, праздник слонов, вроде понятно, посвящен слонам. Наверное, устраиваются шествия слонов?

– Да, к этому дню слонов украшают: одевают очень красивые попоны, специальные украшения на шею, на ноги, на лоб. И все тело покрывают разноцветными рисунками.

– Бедные слоны. Хотя, конечно, зрелище потрясающее. Я нечто похожее видела в Калькутте.

– Ну, в Калькутте эти традиции не так развиты. У нас есть люди, которые из поколения в поколение ухаживают за слонами. Они же и специалисты по украшениям для слонов. Такой слон – это просто произведение искусства. Лучших мастеров почитают как самых известных ювелиров.

Видимо, упомянув калькуттских слонов, я ненароком задела самолюбие раджастанца. Он не на шутку возбудился и стал доказывать мне, что в Калькутте ничего не смыслят в украшениях для слонов. Пока Нанди расписывал в деталях мастерство местных специалистов, я с грустью размышляла о наших праздниках и традициях, связанных с ними. У нас тоже масса праздников. Чего только у нас не было – праздновали День женщины и День трудящихся всего мира, чествовали Советскую Армию и отмечали годовщину революции, каких только дней представителей многочисленных профессий мы не отмечали. Но если не брать в расчет Новый год, который, безусловно, имеет свои неповторимые приметы праздника, то с чем мы останемся? С парадами и демонстрациями два раза в году и с увядшим еще до вручения жалким букетиком вездесущих гвоздик на Восьмое марта? Все многочисленные праздники проходили по одной схеме – застолье, праздничный концерт по телевизору, и хорошо, если не тяжелая голова на следующий день. Вариации возможны, но незначительные.

А сейчас, когда я пишу эти строки, изменилось ли что-нибудь? Не очень. Праздников стало еще больше. Повод для празднования некоторых из них мне до сих пор не очень понятен. Самый загадочный – День независимости. Независимости от кого? Или от чего?

Вот еще один нелепый праздник – День Москвы? Я никогда не видела более псевдорусских претенциозных и натужных гуляний, чем те, которые организуются в этот день. Разве что только в фильме раньше столь восхищавшего меня Михалкова «Сибирский цирюльник». И лучше не думать о

том, какие деньги тратятся на организацию праздника Москвы. Наверное, если бы спросили москвичей, они нашли бы им более достойное применение.

А ведь в России было тоже немало своих, неповторимых, красивых и интересных праздников.

Конечно, к ним относятся и праздники религиозные, которые теперь снова вошли в нашу жизнь. Но большинство из них мы разучились праздновать. И поэтому иногда они до боли напоминают добрые старые времена так всеми не любимого застоя. Только вместо праздничного концерта посмотрят трудящиеся трансляцию торжественной службы из храма. И лягут спать не как раньше, с убеждением, что лучше концерта, чем в День милиции, не бывает, а с тем, что Путин, не в пример Ельцину, свечку держит в той руке, что положено. И вообще, явно в церковных порядках лучше разбирается.

В этот момент Нанди, наконец, покончил со своей слоновьей тематикой, и я решила продолжить свой допрос насчет раджастанских праздников.

– А вот что это за праздник Гангаур? Когда он бывает?

– Так же как и праздник слонов, в марте или в апреле, обычно сразу после праздника Холи. Этот праздник мы называем праздником женщин. Пожалуй, для женщин Раджастана – это самый важный праздник.

– Почему? Кому он посвящен, и что это значит – Гангаур?

– Гангаур – праздник, посвященный Парвати. Ган – синоним Шивы, а Гаури – одно из имен Парвати. Вот и получается – Гангаур. В этот праздник отмечают воссоединение Гаури и ее супруга Исара. Исар – это еще одно из имен Шивы.

– Господи, сколько же у него имен! – не удержалась я от непочтительного, по меркам индуйста, замечания. Но Нанди промолчал.

– Вы, наверное, знаете, что Парвати, помимо всего прочего, еще и покровительница семейного очага, она охраняет семью, семейное счастье.

– Ну, понятно, незамужние женщины молятся в этот праздник, чтобы Гаур им послала хорошего мужа, а замужние, чтобы поскорее избавила от плохого.

– Что? – Нанди явно не понял моего юмора.

– Да нет, ничего. Так о чем же молятся замужние женщины?

– О том, чтобы богиня сохранила здоровье их мужей и продлила им жизнь.

– Сразу видно, что это мужчины решили за женщин, о чем им в этот день следует молиться.

– Почему мужчины? Я знаю, потому что дома у нас моя мать об этом молилась и сестры.

– Ну хорошо, хорошо, – я поняла, что идеи эмансипации женщин чужды моему спутнику и поспешила переменить тему. – А как его отмечают, что делают в это время, что едят?

– Вы знаете, как и во все праздники в Индии, воздвигаются статуи богов Гангаур и Исара. В это время много процессий, везде разные традиции. Праздник длинный – 18 дней. Что едят? Я одно знаю: многие женщины, особенно те, кто только что вышел замуж, весь праздник постятся, едят лишь один раз в день очень простую еду. Зато незамужние девушки весь праздник ходят по городу с глиняными горшками, в которых проделаны дырочки и внутри горят зажженные свечи. Девушки собирают подношения – сладости, масло, деньги. И в последний день разбивают горшки и устраивают пиршество.

– А у вас в это время не принято гадать, кому какой муж достанется? У нас есть день, когда все незамужние девушки гадают.

– Нет, у нас не гадают. Но я знаю, есть в Раджастане племя, гирасийа или гарасийа – название по-разному произносят, – у которого интересные традиции, связанные с этим праздником. Люди этого племени живут в одном из отдаленных горных районов. Так вот, там незамужние девушки и парни в это время могут выбрать себе партнера и бежать с ним. Потом община должна признать их брак, но, во всяком случае, для них это единственная возможность выбрать себе самим мужа или жену.

В этих интересных разговорах дорога до Джайпура пролетела незаметно, и вскоре мы уже подъезжали к зданию университета.

Весь первый день я провела в университете: встречалась с коллегами, узнавала, где библиотека, и занималась урегулированием всяких административных дел. Было запланировано очень много встреч. Многие приходили просто познакомиться, поговорить. Я сразу же обзавелась знакомыми, которые наперебой приглашали меня в гости или предлагали показать город и вообще были готовы всячески помочь мне. Я поняла, что в Джайпуре не пропаду, и успокоилась.

Честно говоря, я немного нервничала перед отъездом из Дели. Впервые, находясь за границей, я ехала в город, где мне предстояло пробыть неделю одной. Без опеки со стороны знакомых, друзей или представителей посольства, АПН или какого-либо еще советского учреждения. Как мне сказали, в Джайпуре в тот момент вообще не было никаких русских или, как мы, естественно, говорили тогда, советских.

Вот она, свобода. Как часто, находясь за границей, мы проклинали ее отсутствие. Вечный надзор: туда не ходи, этого не делай, с тем не общайся, на это не смотри. Теперь я ехала туда, где смогу делать все, что мне заблагорассудится. И что же? Я чувствовала себя некомфортно. Нас постоянно кто-то опекал, и мы, хотя и протестовали время от времени, но привыкли к такой жизненной схеме, а оставшись вдруг без присмотра, чувствовали себя неуютно. Не буду кривить душой и говорить, что мои предотъездные волнения стали мне казаться смешными, но, во всяком случае, я уже без прежнего страха думала о предстоящей неделе в Джайпуре.

Правда, этой ночью меня ожидало испытание, о котором я до сих пор вспоминаю как об одном из самых неприятных за время моего путешествия по Индии. Меня разместили в резиденции для гостей университета. Обычно «guest house», как это звучит по-английски, – скромное здание при университете или даже просто комнаты или квартиры в каком-нибудь современном доме. Что-то вроде общежития. Но на сей раз меня ждал, как мне показалось сначала, приятный сюрприз. Я не случайно употребила слово «резиденция». Когда Нанди привез меня туда, где я должна была жить, я несколько опешила. Перед нами возвышалось огромное здание, больше похожее на дворец, чем на скромный «guest house».

– Что это?

– Раньше это была резиденция одного из раджпутских князей. После обретения Индией независимости многие из них предпочитали продавать, а то и просто дарить городу свои дворцы.

– А почему?

– Да у них денег нет, после получения страной независимости их доходы сильно урезали. А в 1970 году Индира Ганди их еще и многих привилегий лишила.

– Да, я знаю, – и я вспомнила, как мы покупали в Калькутте дворец магараджи Трипура. – А почему вы меня не в общежитии поселите?

– Да у нас мест нет, оно очень маленькое, и потом вам там неудобно будет, там все очень просто.

– А здесь сейчас что?

Пока ничего, но потом будет гостиница. Уже сейчас есть две гостиницы, которые переоборудовали из бывших дворцов.

– А кто-то здесь живет?

– Сейчас нет, это здание пока отдали университету, гостей размещать.

– Так я что, там одна буду?

– Нет, вы не беспокойтесь, вон в саду, видите домик?

– Да.

– Там служка живет, он присматривает за домом. Он вам и завтрак утром приготовит, я его предупрежу. Пойдемте, я покажу вашу комнату.

Мы вошли в здание, нашли старика-служку, и вскоре я оказалась в своей комнате, которая по параметрам скорее напоминала приличных размеров бальную залу. Иллюзию нарушала лишь кровать под балдахином, стоявшая посередине. Я разобрала вещи и решила обследовать свои владения. Они были воистину королевскими. Все было сделано на европейский лад: красивые расписные потолки, обтянутые тканями стены. И даже паркетные полы, что для Индии редкость. Обычно во дворцах полы делаются из мраморных плит или из какого-либо другого камня. Даже в обычных домах – это плитка, но не дерево. Еще в Калькутте я поняла почему. В единственном помещении в генконсульстве, где были дощатые полы, они нещадно скрипели. Ведь при индийском климате ни одно дерево не выдержит упражнений на растяжку и стяжку – то оно нещадно сохнет в жару, то в период муссонов вынуждено впитывать огромное количество влаги.

Вскоре мне стало ясно, почему прежний владелец решил расстаться со своим дворцом. Здание было в плачевном состоянии. Властям города ремонт здания обойдется в копеечку. Люди, замыслившие и построившие этот европейский дворец посреди Индии, явно не отличались практичностью. Не только полы находились в плачевном состоянии, но и стены, и потолки. Обтягивать стены тканью и разрисовывать амурными сценами потолки – это тоже не самая практичная вещь при таком климате.

Побродив по зданию, я решила лечь спать. Завтра предстояло рано вставать, да и за сегодняшний день я здорово устала. Залезла на свою величественную кровать и попыталась заснуть. Но не тут-то было. Моя комната и все здание были наполнены самыми разнообразными звуками. Что-то хлопало, стучало, скрипело, подвывало. К тому же еще вечером поднялся довольно сильный ветер, а сейчас он задувал не на шутку. Возможно, днем при таком ветре даже приятно послушать своеобразную ветряную симфонию, особенно если вы любитель ударных инструментов, так как основным лейтмотивом был стук. Самый разнообразный – от постукивания дверей и ставен до хлопанья развевающихся штор по стенам. Вот еще непрактичные в Индии вещи – ну зачем было устанавливать эти красивые деревянные ставни на всех окнах и дверях? Они все равно рассохлись и не желали закрываться, несмотря на мои многочисленные попытки. А тяжелые на подкладке шторы? Они извивались, как змеи, и улетали под потолок, когда я делала жалкие попытки хоть как-то их закрепить.

А ветер все нарастал, и звуки все усиливались. Я решила, что раз уж все равно не сплю, то лучше пойду прочитаю в большом каминном зале, где я видела единственную современную вещь – обычный торшер. Но сидеть и читать мне также не удалось. В камине так подвывало, что мне стало уже не просто некомфортно, а по-настоящему страшно. Теоретически я знала, что бояться вроде нечего, тем более что я в здании одна. Одна... Зря я об этом подумала. Мне стало казаться, что я слышу чьи-то тяжелые шаги, кто-то идет по коридору, под чьей-то тяжестью скрипит лестница... Я вернулась в свою комнату. И тут поняла, что теперь спокойнее я здесь себя чувствовать не буду: мало того, что снаружи вдоль моих апартаментов шла крытая галерея, которая на уровне этого этажа опоясывала здание, выяснилось, что ключ в двери торчит лишь для проформы – замок намертво проржавел, ни одна из ставень категорически не закрывалась, окна ничего не стоило открыть.

Позднее, когда я вспоминала эту ночь, я всегда представляла картину, запавшую мне в память еще с детства. Не помню имени художника. На картине изображены два мальчика, сидящие судорожно прижавшись друг к другу в мрачной полупустой комнате. Эта комната – в Тауэре. Мальчики заключены сюда по приказанию своего дяди – Ричарда III, их никто никогда больше не увидит живыми. Один из них – Эдуард V – законный король Англии, правивший всего два месяца. А другой – его брат Ричард. Хотя этот художник отнюдь не был из числа гениев, но ему, как никому другому, удалось передать атмосферу ужаса, царившую в этом средневековом помещении. Ужас в глазах мальчиков, ужас в их судорожно обнимающих друг друга руках. Как будто они знают, что сейчас появится некто, посланный их дядей – Ричардом III – с тем, чтобы убить их. Справедливости ради, надо отметить, что, хотя при реставрационных работах в XVII веке в Тауэре и были найдены скелеты двух детей, но вина Ричарда никогда доказана не была. Это один из тех исторических сюжетов, которые до сих пор дают обильную пищу для дискуссий.

Мне, так же, как этим бедным принцам, постоянно мерещилось, что кто-то ходит по зданию, слышался звук приближающихся шагов. Кое-как я промучилась эту ночь и, едва начало светать, отправилась на улицу, решив, как говорится, что на миру и смерть не страшна.

Оказавшись на улице и взглянув на все происшедшее уже более спокойно, я решила, что мое пребывание в Раджастане началось многообещающе. Зачем мы отправляемся в путешествие? За необычными впечатлениями, за непривычными ощущениями, а также для того, чтобы узнать что-то новое. Все это я в избытке получила за один только день в Джайпуре. Я даже не говорю о том, сколько всего нового было увидено и услышано. Но и ночь во дворце, населенном ветрами и музыкой, подарила мне те самые впечатления и ощущения, ради которых мы в очередной раз и отправляемся в дорогу.

Джайпур – город победы

Вчера я уже сориентировалась в Джайпуре и поэтому сегодня, лишь немного поплутав, оказалась на одной из центральных улиц города, которая называется Триполиа Базаар. Это район малюсеньких мастерских, где вот уже в течение нескольких веков ювелиры, ткачи, резчики и прочие ремесленники создают свои изделия. При мастерских часто имеются маленькие лавочки, где эти изделия и продаются. Вчера, когда мы проезжали по этой улице, я подумала, что, пожалуй, это самая шумная улица из всех, на которых мне приходилось бывать. А шумными улицами человека, побывавшего в Индии, трудно удивить.

Сегодня же здесь была удивительная тишина. И это было странно, но почему-то совершенно не было страшно. На улице было еще пустынно и царил полумрак, придававший городу таинственный вид. Пожалуй, любой город ночью кажется таинственным, поэтому эпитет не совсем удачный. Джайпур ночью имел сказочный вид. Наверное, именно поэтому было не страшно. Что может случиться с вами в сказочном городе? Вернее, конечно, случиться что-то может, но, как и положено сказкам, после страшной ночи должно происходить что-то очень хорошее. Именно с этим убеждением я продолжала идти по улице, пока не дошла до площади Бади Чаупар. А с этой площади открывается прекрасный вид на самое знаменитое здание Джайпура – Хава-Махал, всем больше известное под названием «Дворца ветров».

Честно говоря, вчера это здание меня несколько разочаровало. Возможно, после многочисленных развалин древних дельийских крепостей и дворцов оно

мне показалось слишком изошренным и несколько искусственным. Но сегодня, когда я вышла на площадь и посмотрела в сторону Хава-Махал, я буквально застыла от изумления. В этот момент первые лучи восходящего солнца упали на дворец и осветили его. Как будто потрясающей силы прожектор выхватил здание из полумрака, и оно все загорелось, заиграло всеми оттенками розового цвета. Ведь Хава-Махал, как и большинство зданий, выстроен из камня, имеющего розоватый оттенок. Не случайно Джайпур называют Розовым городом в отличие от другого очень интересного города Раджастана – Биканера, именуемого Красным городом. Но в тот момент естественный розовый цвет камня под лучами солнца начал переливаться еще и красными, местами бордовыми, а кое-где алыми тонами. К тому же на улице по-прежнему дул ветер. Возможно поэтому дворец весь колыхался, как будто охваченный пламенем. Зрелище феерическое! В моей памяти Хава-Махал останется не розовым, немного лубочным, а фантастическим, полыхающим всеми оттенками красного. Я вспомнила о том, как сожалела, не увидев Тадж-Махал при восходе солнца. Но я думаю, Хава-Махал при восходе солнца компенсировал с лихвой то несостоявшееся свидание на рассвете.

Это пятиэтажное здание, формой напоминающее кокошник или корону, было построено в 1799 году. Повелел его построить магараджа Савай Пратап Сингх – поэт, композитор и просто большой эстет.

Хотя я не специалист в области архитектуры, но даже мне было очевидно, что при строительстве Хава-Махала использовались как элементы могольской, так и раджпутской архитектурных традиций. От могольского стиля здесь множество арок и арочек. А от раджпутского – многочисленные выступы и зубцы на крыше, удивительно красивые резные экраны – джали – вокруг окон. И наконец, выступающие окна, своеобразные эркеры, крытые выпуклыми навесами. Такое выступающее окно с небольшим балконом и выпуклой крышей над ним, пожалуй, самый своеобразный элемент раджпутской архитектуры. Им украшены почти все дворцы и здания богатых людей, которые я видела в Раджастане.

Благодаря этим и другим деталям, фасад здания производит впечатление чего-то почти воздушного, невесомого, и кажется, что он сделан не из камня, а из знаменитого брюссельского кружева. Ассоциации с кружевом усиливаются еще и оттого, что все детали фасада подчеркиваются вкраплениями изящных белых орнаментов. А выступающие окна, обрамленные кружевной резьбой, напоминают мини-беседки из камня, по чьей-то прихоти перенесенные из садов и парков на фасады дворцов.

В данном случае это сравнение особенно уместно. Ведь Хава-Махал не обычный дворец. Во всяком случае, это не резиденция. Когда я позднее решила осмотреть его получше, мне стало очевидно, что он и не планировался как жилое здание. Увидев его с задней стороны, вы будете удивлены – дворец совсем плоский, внутренние помещения совсем маленькие, неглубокие. Внутри нет никакой отделки, да и планировка очень странная – огромное количество лестниц, коридоров, проходов. Все как будто специально сделано так, чтобы вы не задерживались внизу, а поднимались все выше и выше, пока не достигнете пятого этажа, который, по существу, является одной длинной залой. И вот из этой залы открывается великолепный вид на город и на близлежащие улицы. То, что я увидела внутри Хава-Махала, сделало меня сторонницей версии, согласно которой этот дворец строился Савай Пратап Сингхом специально для развлечения женщин королевской семьи. В то время женщины при дворе не

имели права при посторонних открывать лицо. Они носили чадру – пурдах, о которой я уже рассказывала. По улице они передвигались только в крытых носилках. Да и вообще в публичных местах их присутствие не поощрялось. Много при таком образе жизни не увидишь. И вот Савай Пратап Сингх и построил такой дворец, который, с одной стороны, позволял им наблюдать за всем тем, что происходило в самой оживленной части города, а с другой стороны – оставаться невидимыми. Хотя на фасаде дворца около тысячи окон, но они маленькие, и к тому же большая их часть закрыта ажурной каменной резьбой. Находясь в этих своеобразных каменных беседках под прикрытием резных ширм-окон, женщины могли спокойно наблюдать за жизнью города. Они отправлялись сюда как в театр – полюбоваться на торжественные шествия разукрашенных слонов, на парадные выезды магараджи в город, да просто посмотреть на нормальную, будничную жизнь, протекавшую под стенами дворца, участвовать в которой им иногда так хотелось.

Я сразу же вспомнила о калькуттском дворце трипурского магараджи, о котором я уже рассказывала. Там был использован такой же прием, только во внутреннем оформлении дворца. Да, дорого обходилось мужьям-магараджам их же собственное стремление держать жен взаперти. Если им и удавалось до поры до времени обуздать женское свободолобие, то уж с женским любопытством они поделаться ничего не могли.

Во всяком случае, королевские особы женского пола в Джайпуре получили удивительный подарок, который и сегодня вызывает восхищение. Дворец устроен к тому же так, что, благодаря многочисленным окнам и проходам, там всегда гуляет приятный ветерок. Я охотно верю, что даже в самую сильную жару там прохладно, поскольку, когда я была там при температуре около тридцати, внутри отнюдь не казалось жарко.

Город постепенно просыпался, наполнялся движением, звуками. Улицы становились все более оживленными, начали открываться маленькие магазинчики, мастерские. Идти в университет было еще рано, и я решила погулять по городу.

Побродив по центральным улицам, вы получите представление о том, какие ремесла развиты в Джайпуре и чем здесь торгуют. Не случайно названия многих из них включают слово, понятное любому русскому, – «базар». В одном районе сосредоточились мастерские, производящие ткани батик, которыми славится Джайпур. Тут же и магазины, торгующие ими. На другой улице торгуют не менее прославившимися Джайпур тканями, рисунок на которые наносится вручную с помощью деревянных тампонов, как в той мастерской родственников Анны в небольшом городке под Дели, где я побывала. Подобными тканями уже несколько столетий особенно славятся два городка неподалеку от Джайпура – Санганер и Багру. Конечно, ткани, производимые в этих местах, намного красивее, изощреннее и изящнее по своим рисункам, чем те, что я видела в мастерской. Вообще, таких красивых тканей, какие я увидела в лавочках Джайпура, я больше никогда и нигде не видела, кроме как в музеях. Но в музеях выставлены уникальные образцы, которые вы к тому же не можете купить. А здесь – пожалуйста, покупай. Идеальное место шопинга для тех, кто хочет создать интерьер в восточном стиле. Какие здесь можно подобрать ткани для штор, для обивки мебели, просто для драпировки помещений! Пожалуй, это был единственный город Индии, где я больше проводила времени в лавках, торгующих тканями, чем в ювелирных.

Хотя Джайпур славится и своими ювелирными изделиями. На тротуарах выложили свой товар торговцы овощами и фруктами. А вот сзади них – товар не такой приметный, но гораздо более дорогой. Здесь сосредоточились торговцы драгоценными камнями и ювелирными изделиями, а также ювелирные мастерские.

Повсюду в Индии любят украшения. Я уже говорила об этом. Но, пожалуй, все-таки больше всего в Раджастане. Здесь есть украшения для всех – от самых простых из кости или серебра до невероятной сложности и красоты украшений для магарадж Раджастана, которыми я позднее любовалась в местном музее. Есть даже специальные украшения для слонов, верблюдов и лошадей.

Ювелирные изделия производят не только на любой вкус, но и доступными для любого кошелька. Например, есть улица, где производятся очень популярные по всей Индии узорчатые браслеты, покрытые лаком. При входе в эти мастерские висят целые гирлянды незатейливых блестящих браслетов всех возможных цветов.

А есть мастерские, не такие доступные для постороннего взгляда, где делают уникальные украшения, секрет производства которых передается от отца к сыну вот уже несколько веков. В XVI веке магараджа Ман Сингх I привез из Лахора пятерых ювелиров, умевших создавать изделия с эмалевым покрытием. С тех пор в Джайпуре стали изготавливать уникальные изделия в своеобразной технике перегородчатой эмали. Очень красивы также украшения, в которых для того, чтобы подчеркнуть красоту камней, используется золотая или серебряная нить. Она отделяет драгоценные камни, укрепленные на покрытой лаком поверхности, один от другого. Именно в такой технике чаще всего исполнялись кольца и специальные украшения, которыми раджпуты украшали тюрбаны.

Около одной ювелирной мастерской я задержалась надолго, наблюдая, как работает сидящий практически на улице мастер. В одной руке у него была подставка, похожая на гриб для штопанья, использовавшийся нашими бабушками. На ней лежала заготовка, напоминающая крошечный кружевной платочек. А другой рукой он, ловко орудуя чем-то вроде пинцета, вставлял внутрь кружева то, что казалось стекляшками, а на самом деле было полудрагоценными камнями.

Я вошла в один из ювелирных магазинчиков, привлеченная тем, что его хозяин обратился ко мне на неплохом английском. Внутри маленького помещения ничего не было, лишь скамейка вдоль стены. Я села, а хозяин ушел во внутреннее помещение, еще более маленькое, где трудилось несколько мастеров-ювелиров. Вернулся он, неся в руках небольшой поднос, обтянутый бархатом, и несколько коробочек. В коробках были ювелирные изделия, которые он стал мне показывать, выкладывая их на поднос. Это были кольца, браслеты, серьги, выполненные с большим мастерством, но в чисто индийском стиле, – броские, сочетавшие много разноцветных драгоценных и полудрагоценных камней, вплетенных в золотое кружево. Такими изделиями я с удовольствием любуюсь в витринах музеев, но мне и в голову не придет надеть их на себя. А главное, они, на мой взгляд, не очень вяжутся с европейской одеждой.

Меня удивило то, что многие изделия были двусторонними. Причем мне даже больше нравилась сторона, повернутая к телу (выполненная в стиле перегородчатой эмали), чем парадная сторона, усыпанная драгоценными

камнями. Именно от этого ювелира я, кстати, узнала, как называется используемая в том и в другом случае техника. Он объяснил мне, что двусторонняя работа – это особенность раджастанских ювелирных изделий, и сказал, что для раджастанцев важна не только парадная, видимая часть изделия, но и его обратная сторона. Так что, пожалуй, в Раджастане вас не поймут, когда вы употребите выражение «обратная сторона медали», имея в виду, что у каждого события есть парадная, красивая сторона, а есть скрытая от глаз, негативная, неприглядная сторона. В Раджастане обе стороны должны быть равно красивы.

В тот день я обошла, как мне кажется, основные базары Джайпура. Была там, где особенно много торговцев цветами, устроившихся прямо на тротуарах. Приходилось идти, лавируя между корзинами и мешками с разноцветным товаром – желтым и красным, белым и оранжевым. А воздух был насыщен ароматом только что срезанных роз, ноготков, тубероз и жасмина. Индусы используют цветы и как украшения (особенно они любят делать из них гирлянды), и в качестве приношений в храмах. У подножья статуй богов вы всегда увидите цветы.

Случайно забрела на небольшую улицу, на которой полно лавок, снизу доверху забитых гончарными изделиями – плошками, горшками, лампами для масла, кувшинами. Все эти изделия, тоже красновато-розоватого цвета, гирляндами висят у входов в лавки, так хорошо вписываются в общую расцветку городских зданий. Множество лавочек, торгующих изделиями из голубого фаянса, которыми также славится Джайпур. По расцветке они напомнили мне дельфтский фаянс или нашу гжель. Но рисунок, естественно, другой.

В результате я так устала и проголодалась, что присела в первой же придорожной забегаловке, выпила ароматный крепчайший чай и закусила горячими – с пылу, с жару – чапати.

Пора было возвращаться.

В моей неприветливой обители меня уже ждал обеспокоенный Нанди, который зашел за мной, чтобы проводить в университет. Его несколько удивили мои столь ранние прогулки по городу. Я честно рассказала о своих ночных мучениях, и он пообещал попытаться что-то сделать. И свое обещание сдержал. Уже в этот же день он сказал, что начальство разрешило разместить меня на оставшееся время в отеле «Рамбагх», который иначе как великолепным не назовешь. Я поинтересовалась, откуда в Джайпуре такая шикарная гостиница.

– Не иначе это тоже был чей-то дворец раньше?

– Да, вы правы, хотя сначала это было всего лишь жилье для служанки.

– Для служанки? Не может быть!

– А вот и может. Ну попробуйте, угадайте. Какую служанку может полюбить царь?

– Наверное, любовницу из служанок.

– Вот и не угадали. Кормилицу! Этот дом сначала был маленьким зданием, которое правитель Джайпура построил для своей кормилицы.

– Надо же. А когда это было?

– Не так давно, в прошлом веке, можно уточнить в отеле, там у них есть проспект, где все рассказывается о здании.

– А потом?

– А потом здесь была резиденция правителей Раджастана. А затем – резиденция главы штата. Здесь раньше была очень большая территория. Я в детстве сюда с отцом приходил смотреть, как он играет в поло.

– В водное?

– Нет, в настоящее.

– Я не знала, что в Индии играют в конное поло.

– Ну что вы, это очень популярная игра, особенно в Раджастане.

– Это англичане вас научили, – это был не столько вопрос, сколько утверждение.

– При чем здесь англичане? Это мы их научили играть в конное поло, а не они нас.

– Разве?

– Конечно, поло появилось вместе с мусульманами, пришедшими в Индию из Центральной Азии. Но именно в Раджпутане эту игру полюбили как нигде в Индии. Конечно, в основном в поло играла знать. Но не только. Знаете, например, в Пушкаре во время ярмарки проходит традиционный матч в поло на верблюдах. Так там команды состоят, конечно, отнюдь не из знати.

– Надо же, поло на верблюдах, я о таком никогда не слышала.

– Да, это, пожалуй, уникально. А вот еще, чего нигде не было и, по-моему, нет. У нас в поло играли и женщины.

– Женщины, неужели? Я думала, что женщины у вас не могли появляться на людях.

– В принципе раджпутские женщины были гораздо более свободными, чем женщины у мусульман. Это уже потом все порядки для них ужесточились. Но если мне не верите, то я вам покажу гравюру, на которой изображены женщины, играющие в поло.

– А сейчас?

– Сейчас что-то не слышал, чтобы женщины играли. Но в Джайпуре эта игра по-прежнему популярна. Кстати, последний раджастанский правитель – Ман Сингх II – прекрасно играл в поло. У него это была, можно сказать, главная страсть жизни. Он часто в Джайпуре организовывал игры, в которых участвовали разные знаменитости, например принц Филипп.

– Это что, муж английской королевы?

– Да, а в последние годы и принц Чарльз. И принц Филипп, и принц Чарльз несколько раз приезжали в Джайпур играть в поло.

– Надо же, прямо выездная королевская сборная, – попыталась пошутить я.

Но Нанди никак не прореагировал на мою шутку. Было очевидно, что ко всему, что касалось поло, он относился очень серьезно. А ко всему, что связано с именем последнего правителя, – трепетно. Он начал с восхищением рассказывать мне о Ман Сингхе. Возникал прямо-таки образ принца из «Тысячи и одной ночи». И красив он был необыкновенно. И умен, и образован. Ну уж о богатствах сказочных говорить не приходится. И третьей его женой была принцесса Гайатри Деви, которая считалась одной из десяти самых красивых женщин мира. А уж какие приемы они устраивали в своих дворцах! И кто только на эти приемы не приезжал из знаменитостей. Даже наш Хрущев на одном из них побывал.

– Ну и что же, этот ваш магараджа до сих пор играет? – попыталась я проявить интерес к столь выдающемуся представителю раджастанской династии, но опять неудачно.

- Нет, он умер.
- Надо же... Давно?
- Да нет, совсем недавно, лет десять тому назад, в Англии во время игры в поло.

Несколько дней спустя, я оказалась в Гайтхоре, месте, где находятся кенотафы правителей династии Качавахов. В самом примитивном виде кенотаф – это высокая мраморная платформа, на которой кремировали тело магараджи, и над ней крыша, поддерживаемая колоннами. Но на самом деле кенотафы очень разнообразны, и некоторые из них имеют вид настоящих мавзолеев. Так вот, в Гайторе я увидела кенотаф Ман Сингха II. Так что, хотя я не могу ручаться насчет всех деталей, касающихся жизни бывшего раджастанского правителя, но могу подтвердить, что столь сказочный магараджа не был плодом фантазии моего нового знакомого.

Более того, много лет спустя, в 1977 году, я вдруг наткнулась на заметку в газете, сообщавшую о смерти единственного сына блистательного, но столь рано скончавшегося Ман Сингха и его красавицы жены Гайатри Деви. Я вспомнила историю смерти самого Ман Сингха, рассказанную мне в Джайпуре, и подумала: может, над этим раджастанским родом, как и над некоторыми другими прославленными родами – вроде семьи Кеннеди или семьи правителей Монако, – лежит проклятие? Или, во всяком случае, это проклятие коснулось семьи раджастанских властителей в XX веке. Боги упорно не посылали этому семейству наследников мужского пола. Когда же этот наследник, родившийся незадолго до обретения Индией независимости, появился, магараджи окончательно лишились власти в своем государстве. А потом раджастанских раджей стала наступать то нелепая, то просто ранняя смерть.

Основные факты из истории гостиницы «Рамбагх», рассказанные Нанди, также соответствовали действительности. Я потом специально поинтересовалась и убедилась, что Нанди ничего не приукрасил и я действительно жила в бывшем дворце.

Началось все в 1835 году, когда тогдашний правитель – Рам Сингх II – построил маленький дом для своей любимой кормилицы. После ее смерти дом долго служил охотничьим павильоном, позже тут же построили теннисные корты, поле для игры в гольф, крытый бассейн. И в итоге уже незадолго до войны сам павильон был фундаментально перестроен и стал резиденцией правящей семьи. После объявления независимости здание стало резиденцией главы штата Раджастан, а с 1957 года было отдано под отель. Чему я не переставала радоваться в течение недели своего пребывания в Джайпуре. Еще бы. Никогда ни до, ни после не приходилось мне жить в такой великолепии. Особенно мне нравился один из холлов, где находился дивный фонтан, выложенный очень красивыми по цвету синими плитками.

Я любила сидеть в этом холле по вечерам, читать под журчанье фонтанчика или просто любоваться игрой света в синих изразцах бассейна. И вот в один из таких вечеров администратор, проходивший мимо, рассказал мне интересную историю о голубом джайпурском фаянсе. Когда магараджа Ман Сингх II захотел украсить свой дворец таким вот синим фонтаном, выяснилось, что в Джайпуре уже почти не осталось людей, которые могут изготовить для него плитку. Лишь одна семья знала секрет изготовления лазурного фаянса. Члены этой семьи так усердно хранили этот секрет от других, что голубой фаянс практически исчез. Плитку для фонтана все-таки сделали. Но, озабоченная судьбой сохранения этого художественного промысла, жена

магараджи – та самая красавица Гайатри Деви – поддержала одного художника, который взялся раскрыть секрет создания джайпурского фаянса. Он сумел это сделать, и в пятидесятые годы производство было вновь налажено. Администратор показал мне удивительно красивые образцы изделий из голубого фаянса, которые украшали коллекцию магараджи, когда он жил во дворце, ставшем ныне гостиницей.

Неделя, проведенная в Джайпуре, была насыщена до предела. В первой половине дня я честно просиживала в библиотеке, а во второй – обследовала город и его окрестности.

Джайпур был построен Джай Сингхом II, одним из самых блистательных правителей Раджастана. Джай Сингх сумел положить конец бесконечным распрям раджпутских князей, объединил их под своей властью и тем самым укрепил свое влияние при дворе Великих Моголов. Укрепив свои позиции, Джай Сингх решил возвести новую столицу вместо прежней, находившейся в Амбере. Строительство города, который был назван Городом Победы, было начато в 1727 году и продолжалось семь лет. Джайпур не похож на старинные города Индии. Он выстроен в соответствии с планом, в основу которого легли правила строительства, изложенные в старинных индуистских книгах по архитектуре. Город разделен дорогами, идущими с севера на юг и с запада на восток, на девять примерно равных по площади кварталов. План города часто сравнивают с четко разделенной на квадраты шахматной доской. В основе лежала идея о том, чтобы каждая каста, каждая гильдия имела в своем распоряжении четко закрепленный за ней район. А почему девять? Потому что вся вселенная, согласно древним индуистским верованиям, делится на девять частей.

Город защищен до сих пор хорошо сохранившимися крепостными стенами, и попасть в него можно через семь ворот. В центре находится комплекс Городского дворца, которому изначально было выделено две из девяти частей города. Это своего рода город в городе, также разделенный на несколько частей. Большая часть территории сегодня открыта для публики, но дворец Чандра-Махал до сих пор остается резиденцией раджастанского магараджи. Более того, в Джайпуре до сих пор с почтением относятся к королевской семье. Это, по-моему, единственное место, где над королевским дворцом я увидела развевающийся королевский флаг. Вернее, даже два. История этих двух флагов такова.

В 1710 году Джай Сингх II, которому тогда было лишь одиннадцать лет, посетил двор своего суверена Аурангзеба. Великий могол во время аудиенции взял Джай Сингха за руки и спросил: «Для чего вам теперь служит ваш меч?» На что тот ответил: «Когда муж берет в свои руки руку своей супруги, он тем самым обязуется защищать ее. Теперь, когда вы здесь, чтобы меня защищать, для чего мне нужен меч?» Ум молодого правителя Раджастана настолько поразил воображение Аурангзеба, что тот присвоил ему довольно забавный, на мой взгляд, титул – савай («один плюс четверть»), что звучит странно, но означает высшую степень превосходства. С тех пор правители Раджастана, сохранившие за собой этот титул, чтобы оповестить о своем присутствии в городе, вывешивают над дворцом два флага: один большой пятицветный флаг и маленький – четверть большого.

В том, что магараджа находился в своей резиденции, я убедилась, когда пришла осматривать дворец. В одном из внутренних дворишков располагалось помещение для приема гостей – нечто вроде большого павильона-беседки из

розового песчаника, украшенного белым и черным мрамором. Когда я подошла поближе, то увидела, что там повсюду разложены ковры, подушки, стоят вазы с фруктами. Суетились слуги, наводя порядок. Здесь явно не так давно закончился прием. Мне пришлось подождать, прежде чем я смогла зайти внутрь и посмотреть на два огромных сосуда для воды, о которых прочитала, что это самые большие в мире предметы домашнего обихода, сделанные из серебра (их высота достигает 15 метров). Для чего они предназначались? Оказалось, что это всего лишь колоссальные фляги – магараджи использовали их как емкости для хранения священной воды из Ганга во время дальних путешествий. Последний раз властитель Раджастана взял эти фляги, отправившись с визитом в Лондон, в начале века. Воды для совершения ритуальных омовений должно было хватить на четыре месяца. Такую предусмотрительность можно понять. Хотя в Англии перебои с водой бывают не часто, но вода из кранов течет не священная, а вполне хлорированная, это я могу удостоверить. А магараджа – Мадхо Сингх II – отличался крайней религиозностью. Рассказывают, что, собираясь в Англию, он специально велел построить на своем корабле храм, посвященный Кришне, чтобы молиться во время всего путешествия в страну неверных. Ведь само путешествие по «нечистым» водам океана, как раньше говорили, «за черную воду», согласно древним индуистским верованиям – огромный грех. Считалось, что человек оскверняется постоянно, с самой первой минуты отъезда и до возвращения. Е. П. Блаватская в своей книге «Из пещер и дебрей Индостана» рассказала о том, каким испытаниям были вынуждены подвергнуться несколько ее знакомых индусов, образованных людей, побывав за границей. Вернувшись на родину, они обязаны были пройти специальный обряд очищения: «сбрить половину усов и бровей, ползать голыми на животе вокруг пагод, держаться за хвост священной коровы, часами читая молитвы, и, наконец, есть испражнения этой коровы». Как уточняет Блаватская, не просто испражнения, а так называемое панч-гайа, что означает «пять коровьих» – смесь из молока, масла, сыворотки, мочи и экскрементов коровы. Напомню, что Блаватская рассказывала не о преданиях старины далекой, а об Индии конца XIX века.

На территории бывшего Городского дворца, ныне называемого Городским дворцовым музеем, есть еще много интересного. Это и дворец Мубарак-Махал с его богатейшей коллекцией тканей и национальных костюмов. О красоте раджастанских тканей я уже много говорила. Но и костюмы раджастанских правителей поражают своим великолепием, иногда экзотичностью. А иногда и тем и другим одновременно. Во всяком случае, несмотря на то, что я потом видела множество коллекций тканей и костюмов по всему миру, коллекцию из Мубарак-Махала я до сих пор помню.

Есть в бывшем дворцовом комплексе и прекрасная коллекция гравюр и древних книг. Она находится в бывшем помещении для официальных аудиенций. Там же, кстати, выставлен и золотой трон джайпурских правителей, который устанавливался на спине слона во время торжественных выездов.

Это и Силах Кхана – по-нашему оружейная палата – с ее уникальной коллекцией оружия, гордостью раджпутских правителей, на которую они разрешали взглянуть посторонним лишь в знак особого уважения. Любителям красивого и редкого оружия будет чем там повосхищаться.

Все, кто приезжает в Джайпур, обязательно посещают Джантар Мантар – крупнейшую из пяти обсерваторий, построенных все тем же Джай Сингхом, вошедшим в историю не только как храбрый полководец, мудрый правитель, но и как ученый. Кстати, обсерватория в Дели – это тоже его рук дело, он построил

ее по просьбе своего суверена – могольского императора. Джай Сингх полагал, что маленькие инструменты, которыми пользовались астрономы, не позволяют производить точные вычисления, и он велел построить огромные физические и астрономические инструменты, некоторые размером с приличный дом. Когда я бродила между этими гигантскими приборами, меня не оставляло ощущение, что я нахожусь не в обсерватории, а на выставке современной абстрактной скульптуры. Впервые посещение подобной выставки доставило мне удовольствие, настолько приборы-скульптуры были заняты и оригинальны.

Джай Сингх построил и главный храм дворца, посвященный Говинде Дэви. Говинда – это одно из имен Кришны. Для правителей Джайпура Кришна был главным божеством. Джай Сингх привез священный образ Кришны-Говинды из лесов Вриндаван, недалеко от Матхуры, где, как я уже писала, Кришна провел свою юность, и поместил его в дворцовый храм. Этот образ Кришны считался покровителем правителей Джайпура. Отныне свое обращение к жителям города магараджи начинали со слов: «Подданные Говинды-Дэви...», подразумевая, что они, правители, лишь орудие в руках могущественного божества.

Очень часто в этом дворце меня поражали не сами здания, а какие-то детали. Например, четыре по-разному украшенных портала дверей, символизирующих четыре времени года, в одном из очаровательных внутренних дворики, носившего к тому же не менее очаровательное название – Притам Чоук «Дворик любимой». И еще более красивый портал двери, ведущей в этот самый дворик, – цветная чеканка по меди, создающая иллюзию застывших в углублении вокруг двери красочных павлинов, распустивших хвосты.

Два очаровательных мраморных слона, стоящих по обе стороны от ворот Сингх Пол («Ворота льва»). Увидев их, я еще подумала: насколько органично они здесь смотрятся! Каково же было мое удивление, когда я узнала, что эти слоны были перенесены сюда, в публичную часть дворца, только в 1931 году из женской, закрытой, половины дворца, которая в Раджастане называется зенана. А сделано это было в ознаменование рождения наследного принца – первого наследника мужского пола, родившегося в королевской семье за последние два поколения. О том, как веселилось царственное семейство по этому поводу, в Джайпуре вспоминают до сих пор. А наследник раз и навсегда получил в народе прозвище «bubble». Наверное, по-русски это переводится не очень звучно: «пузырь», «пузырек», поскольку прозвали его так из-за огромного количества шампанского, выпитого в честь его рождения.

Можно долго и подробно описывать удивительные вещи, увиденные мною в Городском дворце. Как-никак династия Качхаваха правила в Раджастане без малого тысячу лет. За такой срок можно было обзавестись красивыми, очень красивыми и уникальными вещами. Тем более что средствами они располагали воистину огромными – Раджастан никогда не относился к числу бедных районов Индии.

Не случайно Редьяр Киплинг сказал об этом дворце: «Дворец Джайпур можно было бы назвать индийским Версалем».

Янтарная крепость Амбер

Я уже говорила, что Джайпур называют розовым городом, поскольку изначально большинство зданий строилось из местного камня, имеющего розоватый оттенок. Но в 1876 году, когда готовились к приезду в Джайпур принца Уэльского, стены основных зданий города к тому же еще и покрасили – розовой краской. Чтоб красивше было. Как видите, не только у нас к приезду начальства начинаются лихорадочные попытки приукрасить, улучшить, замаскировать. Я не видела город до того, как его покрасили, мне не с чем сравнивать. Но мне кажется, что он не выиграл, а проиграл. Я написала – не с чем сравнивать. Это не совсем так. Вокруг Джайпура есть много старых сооружений, построенных из того же розового песчаника и сохранивших свой первозданный вид.

Это, во-первых, две крепости, построенные все тем же Джай Сингхом II в окрестностях Джайпура – Нахаргарх и Джайгарх. А также старинная крепость Амбер, бывшая столицей Раджастана до того, как был построен Джайпур.

Особенно мне запомнилась моя поездка в Амбер. Отправилась я туда ранним утром на автобусе. Он доехал до подножья холма, на котором находится форт. А дальше – надо идти пешком. Или же пожалуйста – к вашим услугам весьма экзотический способ добраться до крепости – слон. Я, естественно, не могла упустить такой возможности – впервые в жизни прокатиться на слоне. Это еще почище, чем в карете. Об этом я даже не мечтала. Не знаю, разочаровалась бы я, если бы осуществила свою мечту о карете. Боюсь, что да. Наверняка сильно трясет. Все-таки и дороги, и рессоры были не те, что сейчас. Но что касается езды на слоне, то сразу предупреждаю: не мечтайте, не стоит. Удовольствие, на мой взгляд, относительное. Когда слон идет, он сильно переваливается с одной стороны на другую. И вы, сидя на его спине в чем-то очень напоминающем большущий поднос с бортиками, судорожно цепляетесь за край, чтобы вас не возило по этому подносу. При каждом переваливании слона с одной ноги на другую я начинала съезжать по наклонной плоскости подноса, при этом думая лишь об одном: как бы помягче врезаться в бортик, уцепиться за него и, не дай бог, не вывалиться в своем стремительном скольжении наружу. Вот когда я впервые пожалела об отсутствии соседей по транспортному средству. Я ехала одна, и вокруг не было мягких тел, которые могли бы удержать меня от падения. Уже добравшись до крепости, я увидела других туристов на слонах и поняла, что надо было сидеть по-другому, пропустив ноги через решетку сиденья и свесив их вниз. Но мне этого никто не подсказал, и в итоге я не получила никакого удовольствия от катанья на слоне. Честно говоря, я по-прежнему не уверена, что даже если сидеть правильно, то ощущения будут иными.

Надо сказать, что у меня вообще не самые приятные впечатления от передвижений на экзотических видах транспорта. Помню, когда на острове Санторин мы решили подняться наверх, в город, не на подъемнике, а на ослах, я несколько раз всерьез готовилась распрощаться с жизнью. Представьте узкую, вьющуюся серпантинном дорогу в гору. Вдоль обочины низенькие заборчики, за заборчиками – крутые обрывы. Когда ослик, на котором вы сидите, приближается к бордюру, то вы просто-напросто нависаете над обрывом. Небольшой толчок – и вы запросто туда свалитесь. Естественно, вы пытаетесь держаться ближе к центру дороги. Но не тут-то было. Во-первых, ослики идут в связке, один за другим, и вы не очень-то можете управлять ими. Во-вторых, навстречу вам идет вереница таких же осликов, и вдобавок с криками, с гиканьем несутся те, кто решил спуститься пешком. Пару раз от этих криков мой ослик так шарахался к бортику, что я только чудом на нем удерживалась. В общем, вниз я, рискуя опоздать на корабль, спускалась пешком. «Лучше уж опоздать на корабль или, в крайнем случае, стать причиной гибели кого-то, кто сейчас поднимается и чей ослик может испугаться меня, чем погибнуть самой», – эгоистически решила я.

Почему же столько людей рискует и еще платит за это деньги? – раздумывала я во время своего долгого спуска. Острые ощущения? Но этого мало, чтобы заставить нормального человека так рисковать. И я, кажется, нашла ответ. Видимо, если погибнешь в таком райском месте, как остров Санторин, то прямиком отправишься в рай. Что ж, пожалуй, в следующий раз, если окажусь там, опять прокачусь на ослике.

Но вернемся из Греции обратно в Индию. Добравшись до места, я решила сразу же отправиться в крепость Джайгарх, которая находится над Амбером. Идти туда надо было пешком, поэтому я поспешила подняться, пока еще было относительно прохладно.

Джайгарх, что означает «Форт победы», находится на высокой скале; он как бы нависает над Амбером, охраняя его.

Мне в спутники навязался один из местных служителей, присматривавший за музеем, а заодно выполнявший роль гида для тех, кто, как я, не сумел ему отказать. Хотя мне не очень ясно было, о чем тут можно рассказывать. Раньше здесь размещалась королевская сокровищница, но сейчас ее уже там нет. Единственное, ради чего, на мой взгляд, стоило подняться в Джайгарх, это для того, чтобы полюбоваться на очень красивый вид, открывающийся оттуда на форт Амбер и на Джайпур.

Однако я не пожалела о том, что согласилась на его услуги. Этот мужичок, довольно крупный, с лихо закрученными вверх, на манер запорожских, усами, в очень красиво повязанном тюрбане яркой расцветки, рассказал мне пару интересных историй. Началось с того, что я спросила, указывая на явно недавно разрытую землю.

– Здесь что, археологические раскопки идут?

– Да нет, это клады ищут. Это запрещено, но разве углядишь за всеми? Они по ночам роют.

– Клады? По ночам? – удивилась я.

– Да, клады, которые Джай Сингх II здесь зарыл.

По словам моего гида, многие считают, что на территории крепости в начале XVIII века Джай Сингх II создал тайную кладовую, куда спрятал свои многочисленные сокровища, оцениваемые не меньше чем в десятки миллионов долларов. Он, якобы, доверил секрет этого хранилища лишь нескольким

проверенным охранникам. И велел никому из своих наследников не раскрывать место тайника. Но тем не менее каждый из правивших впоследствии магараджей, когда он всходил на трон, имел право один раз с завязанными глазами посетить сокровищницу и унести оттуда один предмет, выбранный на ощупь. Я сначала решила, что эту историю придумал сам гид. Ему простительно – чего не расскажешь для привлечения туристов.

Уже позже, в Джайпуре, разговорившись в университете со знакомыми на эту тему, я узнала, что история с сокровищами многим не дает покоя. Даже государство оказалось вовлеченным в кладоискательство. Во всяком случае, как мне рассказали, в семидесятые годы местные власти в течение нескольких лет вели интенсивные поиски сокровищ на территории форта Джайгарх. Мнения моих собеседников разделились. Некоторые заявили, что все эти рассказы о бесчисленных миллионах – лишь красивая выдумка. По мнению других, сокровища были, но спрятал их другой правитель – Ман Сингх I, правивший в Амбере в конце XV – начале XVI веков. А позже Джай Сингх все их потратил на строительство Джайпура. В подтверждение своей версии они тут же рассказали мне историю Ман Сингха, а заодно, как водится, и пару легенд, связанных с его именем.

Ман Сингх I (не путать с Ман Сингхом II – любителем поло) был отважным воином. Акбар даже назначил его своим верховным главнокомандующим, и Ман Сингх своими победами способствовал расширению империи Великих Моголов. Во время военных походов не обходилось, конечно, и без ограбления завоеванных земель. Большая часть награбленного шла в казну могольских правителей, но о себе правитель Амбера тоже не забывал. О том, какие сокровища он привозил из походов, ходили легенды. Видимо, разговоры дошли и до Акбара, и он однажды при свидании стал выпытывать у Ман Сингха, где он хранит свои несметные богатства? Но Ман Сингх не растерялся и ответил, указывая на свои многочисленные раны: «Они здесь, запрятаны в мою плоть». Ответ показался Акбару настолько остроумным, что он не стал продолжать допроса.

И наконец, третья группа моих собеседников, к которой, кстати, принадлежало большинство, была твердо уверена в том, что тайна сокровищ до сих пор не разгадана и, возможно, где-то на территории форта Джайгарх до сих пор существует подземелье, в котором хранятся многочисленные богатства клана Качкавахов – раджпутской династии, правившей в этом районе Раджпутаны.

После рассказа о сокровищах и кладоискателях мой гид с гордостью подвел меня к огромной пушке и заявил, что это самая большая пушка в мире.

– Не может быть, – тут же оскорбилась я за нашу кремлевскую Царь-пушку.

– Как не может, я вам говорю, так везде написано, – смутился мой провожатый.

– А какой у нее вес?

– Она весит 50 тонн.

– А длина какая? – продолжала я допрос с важным видом.

– Шесть метров.

– Ну вот, видите. Наша и весит больше, и длиннее, – заявила я беспрекословным тоном.

– Ну, не знаю... – неуверенно попытался мне возразить служитель.

Я поспешила сменить тему.

– А как же ее сюда затащили?

– А ее здесь отливали. Здесь в Джайгархе раньше существовала мастерская, где отливали оружие. Но даже чтобы ее развернуть, нужно было четыре слона.

– И кто ее сделал?

– Это Джай Сингх велел ее отлить. Знаете, который Джайпур построил.

Про себя я подумала: «Вот неугомонный, чего он только не делал – воевал, города строил, обсерватории строил, клады зарывал, а теперь выясняется, еще и пушки отливал». Но вслух лишь спросила:

– И много из нее стреляли?

– Да нет, всего один раз, когда пробовали. Так даже вода из цистерн, стоявших неподалеку, вылилась.

– Ну вот, только деньги переводил.

– А из вашей стреляли?

– Да, стреляли.

На самом деле я совершенно не помнила, стреляли из нашей пушки или нет. Не помнила я и каковы ее параметры, но у меня с детства в голове прочно сидело, что наша пушка – самая большая в мире. Но какие-то сомнения у меня все-таки появились – уж больно устрашающе огромной казалась индийская пушка. Только одни колеса чего стоили – диаметром метра в три. Поэтому, вернувшись в Москву, я для очистки совести решила убедиться в том, что не ввела в заблуждение своего раджастанского гида. И выяснилось, что ввела. Судите сами: длина жерла нашей – примерно 5 метров и вес 40 тонн, а раджастанской – 6 метров и 50 тонн. Правда, наша пушка была отлита раньше – в 1586 году, а джайгархская – в 1720 году. Так что почти двести лет она все-таки была самой большой. Но из нашей пушки тоже по врагу не стреляли. Поэтому выяснить, какая из них лучше, невозможно. Обе пушки лишь тешили тщеславие правителей, пожелавших создать для себя гигантские игрушки.

Пока я спускалась из Джайгарха в Амбер, я попыталась припомнить все, что прочитала за последние дни о людях, владевших этими землями и построившими все эти когда-то неприступные крепости. Кто же такие эти раджпутские цари, которых иногда называли правителями-воинами?

До сих пор нет единой точки зрения на то, кто такие раджпуты. Одни считают, что они ведут свое происхождение от древних гуннов; кто-то уверен, что их корни где-то в Центральной Азии. Третьи отстаивают их чисто индийское происхождение. Поэтому начнем краткий рассказ об истории раджпутов с того времени, относительно которого точки зрения специалистов более-менее совпадают.

Где-то примерно в начале X века на севере Индии установилось господство нескольких раджпутских родов. Эти племена оставили свой полукочевой земледельческий образ жизни и поселились в местности, которая и стала называться Раджпутана, а впоследствии превратилась в Раджастан. Раджпуты были хорошими воинами, так как издавна им приходилось защищать свои земли, расположенные на севере Индии, от набегов племен из Центральной Азии. Раджпуты, «сыны царей», считали себя наследниками древних кшатриев – касты воинов, ведших свое происхождение от ариев.

Кшатрии, как и брахманы, считались дважды рожденными. Но в отличие от брахманов, призванием которых было изучать священные книги и обучать представителей всех остальных каст, уделом кшатриев была борьба. Причем

борьба ради других. Изначально кшатрии не имели права бороться ради достижения личных целей. Они были призваны защищать народ и управлять им под руководством брахманов.

Кшатрии, презиравшие все, кроме воинской славы, приобрели постепенно очень высокий кастовый статус. Считалось, что они обладают особым даром, позволяющим им управлять страной, добиваться расположения богов. Причем статус кшатрия не только передавался по наследству, но мог быть завоеван с мечом в руках так же, как и царское достоинство. Властвовал принцип: правят герои. Отсюда следовал и парадоксальный вывод: если человек сумел захватить власть, значит, он обладает качествами, которые позволяют ему стать правителем. И боги ему в этом благоприятствуют.

Безусловно, раджпуты во многом отошли от древних традиций кшатриев, но тем не менее долгое время пытались их сохранить.

У раджпутов существовали отличные от других индийских каст правила поведения и кодекс чести. Во главу угла ставилась воинская доблесть, храбрость. Многие решения долгое время принимались в раджпутских общинах на специальных военных советах.

В таком военизированном обществе, естественно, главная роль принадлежала мужчинам. В некоторых раджпутских общинах в прежние времена младенцев женского пола убивали. А оставшиеся в живых женщины могли доказать, что им не чужд кодекс чести, совершив обряд джаухар. В случае поражения и угрозы захвата города врагом женщины и дети добровольно кончали жизнь самоубийством. Именно здесь больше, чем где-либо в Индии, был распространен и обряд сати – сожжение жены на погребальном костре мужа. Отличало раджпутов также и то, что они ели все виды мяса, кроме говядины, и среди них очень популярным «хобби» было курение опиума.

Раджпуты воевали, захватывали земли и дарили эту землю преданным членам своего клана, за что те обязывались верно служить им. Земли дарились также брахманам, и это не было пустой благотворительностью. Земельные дарения брахманам повышали статус раджпута. Брахман мог принять дарение только от настоящего кшатрия. Принимая землю от того или иного раджпута, брахман как бы признавал его статус кшатрия, то есть человека, имевшего право претендовать на власть.

В итоге в Раджпутане сложилось несколько феодальных княжеств, возглавляемых наиболее влиятельными кланами раджпутов. Количество княжеств не было неизменным, какие-то земли отделялись и становились самостоятельными, другие – наоборот, теряли независимость. Был период, когда существовало двадцать два независимых раджпутских княжества.

Как и всем властителям, им хотелось еще более укрепить свое положение. Простейший путь – провозгласить уникальность своего происхождения. Четыре самых могущественных клана – Пратихары, Чаулуки, Парамары, Чауханы – заявляли о своем родстве с огнем. (Кстати, последний правивший в Дели правитель-индуист был из раджпутского рода Чауханов.) В их честь брахманы совершали на горе Абу торжественный обряд, называвшийся агникула (от слова «агни», что значит «огонь»). Этот обряд символизировал родство с огнем этой четырех главных кланов раджпутов.

Другие кланы заявляли, что они ведут свое происхождение от луны. А третьи – от солнца. Правда, не прямо, а через сыновей Рамы, одного из воплощений Вишну, главного героя «Рамаяны», который к тому же предстает в этом эпосе как идеальный правитель. Вот к таким династиям принадлежала и

династия Качхаваха, правившая тысячу лет в этой части Раджастана сначала из Амбера, а позднее из Джайпура.

Амбер был основан в X (по другим источникам, в XII) веке одним из принцев династии Качхаваха. Согласно легенде, люди племени мина, жившие в этом районе, приютили некоего юного раджпутского принца по имени Дулех Рай. А принц, явившийся лишь с целью завладеть их землями, перебил их всех ночью, предварительно опоив. Редьяр Киплинг, прекрасный знаток истории Раджастана, написал о том, что произошло. Сначала земли под новое государство «были вырваны с помощью меча Дулех Рая» у более слабого народа, затем «Дулех Рай был в свою очередь убит». И в течение девяти веков Джайпур, «разрываемый интригами князей», был ареной борьбы, которая велась воистину «по-азиатски». Вероятно, писатель был уверен, что за власть в Азии сражаются более жестоко, чем, скажем, в Европе. С этим я, пожалуй, не соглашусь.

Но, несмотря на свою любовь к Раджастану, должна признаться, что это не единственный пример неблагодарности в истории многих раджпутских родов. История большинства этих семейств изобилует интригами, убийствами, отравлениями и прочими прелестями, которые, на мой взгляд, везде в мире сопровождали, а порой и сопровождают борьбу за власть.

За земли вокруг Амбера борьба велась не случайно. Амбер находился в стратегически важном месте. Через него пролегали караванные пути из Дели в западные области Раджастана. Кроме того, он находился на пути в крупнейший центр паломничества мусульман – Аджмер. Укрепление и украшение крепости происходило в период, когда представители солнечной династии из Амбера набирали все больший и больший вес при дворе Великих Моголов. Подлинного расцвета Амбер достиг в XVI веке при правлении уже знакомого нам Ман Сингха I. При нем Амбер стал столицей действительно сильного княжества. И произошло это не в последнюю очередь благодаря тому влиянию, которым пользовался этот раджпутский правитель при дворе в Дели. Ман Сингх отважно сражался на стороне могольских правителей, за что получил множество наград и отличий. Император Джахангир даже облачил его полномочиями управлять Кабулом, Бихаром и Бенгалией.

Видимо, немалая часть не доставшихся Великим Моголам сокровищ, о которых я уже рассказывала выше, и была использована Ман Сингхом для строительства хорошо защищенного и в то же время комфортабельного города на развалинах старой крепости.

Свой теперешний вид Амбер приобрел в правление Джай Сингха I в XVII веке. Этот амберский магараджа также отважно сражался на стороне могольских императоров, за что те, в свою очередь, щедро награждали его. От императора Шах-Джахана он получил титул Мирза Раджа – «Благородный раджа».

Правда, как только умер последний действительно Великий Могол – Араунгзеб, другой амберский правитель, о котором я уже рассказывала, говоря о Джайпуре, – Джай Сингх II, обладавший не только талантами воина, строителя, астронома, но явно и талантами дипломата, сумел объединить под своей властью разобщенные раджпутские княжества и ослабить влияние Дели на Раджастан. И именно тогда, на вершине своей славы он и решил построить новую столицу – Джайпур, достойную нового положения амберских князей в Раджастане. Но это случилось несколько позднее, в начале XVIII века. А пока

вернемся в Амбер, на строительство и украшение которого денег также не жалели.

Я убедилась в этом, спустившись, наконец, в крепость. Смешно было в Джайгархе пенять правителям на тщеславие. Уж если мне так хотелось упрекать за излишества, к которым склонны великие мира сего, то логичнее было делать это в Амбере.

Название города связывают с именем богини плодородия Амба Мата, что можно, наверное, перевести как «Мать-Земля». Этой богине поклонялись племена мина, которые населяли эти места. По другой версии, название произошло от одного из имен Шивы – Амбикишвара, сокращенного сначала до Амбинер, а потом и до Амбер.

Но я долгое время этого не знала и часто задавалась вопросом: не означает ли оно то же, что и французское слово «ambre» и английское «amber» – янтарь? Во всяком случае, это было бы очень логично. Хотя Амбер и построен из розового песчаника, но оттенок стен его зданий и крепостных стен скорее желтовато-розовато-коричневый и очень напоминает цвет янтаря. Да и сравнение с янтарем, полудрагоценным камнем, подходит этому городу-дворцу, гораздо больше, чем с крепостью.

Да, у Амбера гордый и неприступный вид. Но едва вы, пройдя через главные ворота, попадаете во внутренние помещения, от ощущения суровости мало что остается.

Вы увидите газоны, садики, фрески, изящные строения. Особенно элегантен зал, где давались публичные аудиенции, украшенный несколькими рядами мраморных колонн необычной формы. Этот зал очень красив. Настолько, что, опасаясь вызвать зависть собиравшегося в Амбер с визитом императора Шах-Джахана, тогдашний правитель Амбера решил замаскировать мраморные колонны, покрыв их штукатуркой. Окончательно штукатурку удалили с колонн лишь в 1945 году, но до сих пор если присмотреться, то можно увидеть ее следы.

Конечно, крепостные стены впечатляют своей мощью. Но они сплошь и рядом украшены очаровательными беседками и павильонами. Да еще каждая отделана по-своему, с огромным мастерством и выдумкой. Поневоле кажется, что эти стены строились не для того, чтобы воины с высоты разили подступающего к городу врага, а для того, чтобы обитательницам зенана – как я уже писала, так называлась женская половина дворцов – было где прогуливаться и откуда наслаждаться открывавшимся видом. Что, кстати, они и делали, если верить фильмам из индийской жизни, снимавшимся в Амбере.

Действительно, повсюду массивные двери. Но почему-то некоторые из них сделаны из сандала, с дверными молотками из слоновой кости. Удивительно красивые, кстати, двери. Есть, правда, и железные; но какое на них узорчатое литье! Особенно хороши главные ворота храма Шила Дэви, посвященного богине Кали. Кстати, богиня Шила Дэви, одно из воплощений Кали, считалась покровительницей правящей династии, и поэтому в Амбере есть ее храм.

Да, внутри крепости есть оборонительные сооружения, но зато какие в них иногда встраивались удивительные, совсем не строгие по духу строения. Например, чудные арочные ворота – Ганеш Пол, отделяющие публичную часть форта от другой, частной, в которой находились три дворца магараджи. И на этих воротах наверху специально созданная для женщин двора галерея, вся закрытая необыкновенно красивыми узорчатыми экранами. Очень непрактично

с точки зрения оборонительного сооружения. Зато очень даже удобно с точки зрения женской половины населения крепости – можно понаблюдать, что там происходит в крепости, но так, чтобы никто и не догадался, что десятки любопытных глаз наблюдают за происходящим сверху.

Эти экраны – джали – можно встретить во всех дворцах Раджастана. Они всегда закрывали от чужих взоров галереи или залы, где могли находиться женщины. Джали – это своего рода ажурные ширмы, и весь этот ажур выполнен даже не из дерева, а из камня. А вам кажется, что это кружево, настолько тонка, изящна, воздушна резьба.

Когда я любовалась каменными экранами во дворцах Джайпура, Аджмера, Амбера и других городов, я все время вспоминала знаменитые решетки Санкт-Петербурга. Почему? Как-то раз, заметив, до чего они красивы и разнообразны, я уже не могла не замечать их. И однажды, приехав тогда еще в Ленинград, специально провела несколько дней, любуясь и фотографируя кружевное литье заборов, балконов, ворот, калиток и даже кладбищенских оград. Не было ни одного повторяющегося узора.

Так и с резьбой по камню на раджастанских джали: все они удивительно красивы, но каждая хороша по-своему. Под искусными руками безымянных мастеров всякий раз возникал новый рисунок, один замечательнее другого. И можно посвятить целую поездку по Индии созданию фотоальбома о раджастанском кружеве из камня.

Наверное, в крепости Амбер есть и «спартанские» внутренние помещения. Но я их не видела. Зато, пожалуй, нигде до этого я не встречала такого разнообразия и выдумки в декоративном оформлении стен и потолков помещений. Это и мозаика, и фрески, и инкрустации. Впервые в Амбере я увидела мозаику из кусочков зеркала. Я зашла в одну из комнат рядом с залом, где магараджи давали частные аудиенции, и... ничего не могла разглядеть. Глаза слепило. Оказалось, что я попала в знаменитую комнату Шиш-Махал – украшенную мозаикой из кусочков зеркал с вкраплениями цветного стекла. И попала в тот момент, когда солнце светило именно с этой стороны. Кроме сияния, я ничего толком не могла разглядеть. Пришлось вернуться позднее, когда солнце не мешало любоваться мозаикой. Особенно мне запомнилась одна ниша, в которой стояла удивительно красивая ваза с цветами. При ближайшем рассмотрении оказалось, что и ваза, и цветы – это тоже мозаика. А в соседнем зале потолки инкрустированы не только зеркалом и цветным стеклом, но и золотом и полудрагоценными камнями.

Позднее мне в руки попала книга, целиком посвященная интерьеру Амбера, декоративному оформлению залов, галерей, храма, павильонов. Оттуда я узнала, например, что Шиш-Махал – «Зал зеркал» – можно увидеть и в некоторых других дворцах Раджастана, но тот, который я видела в Амбере, считается самым красивым.

К сожалению, я посмотрела далеко не все памятники архитектуры, что составляют славу Раджастана. И тем не менее у меня сложилось впечатление, что с точки зрения богатства, разнообразия, изящества декоративного оформления внутренних помещений Амбер – эта крепость на горе – может соперничать со многими знаменитыми дворцами.

В подкрепление своих слов сошлюсь еще раз на мнение Киплинга, который видел в Индии больше, чем видела я. Называя эту крепость «королевой прошлого», он говорил, что путеводители, утверждающие, что нужно в первую очередь повидать Амбер, в кои-то веки совершенно правы.

Когда я возвращалась из Амбера в Джайпур, автобус неожиданно задымил. Водитель высадил всех пассажиров и заявил, что нам придется подождать следующего автобуса, так как на этом ехать дальше опасно. Я оказалась на дороге совсем недалеко от озера Ман Сагар и решила пойти полюбоваться на дворец, находящийся прямо на этом озере. И ничуть не пожалела об этом. Конечно, дворец на воде, который увидела я, – это не Джаг Мандир, знаменитый дворец на воде в Удайпуре. Но он был построен джайпурским магараджей, проводшим свое детство именно в Удайпуре. И говорят, это точная копия удайпурского дворца. Не берусь судить. Мне, к сожалению, не удалось побывать в Удайпуре. Поэтому я счастлива, что увидела этот дворец на воде, хотя и не самый красивый. Я знаю, что «дворец, плывущий по воде», – это, конечно, метафора. Но теперь убеждена, что она очень точно отражает то ощущение, которое вы испытываете, глядя на изящное, светлое, разбавленное арками, украшенное ажурными беседками, как будто невесомое сооружение посреди водной глади.

Раджастанская миниатюра

За оставшиеся дни в Джайпуре я смогла совершить еще полтора путешествия. Полтора, поскольку второе путешествие, о котором я расскажу чуть позднее, было коротким: я смогла освободиться лишь на полдня, а за это время далеко не уедешь. Зато первое путешествие оказалось очень насыщенным – мне удалось побывать в Аджджере, Кишангархе и, как ни странно, в Пушкаре, с рассказа о котором и началось мое повествование о Раджастане. Возможно, мне и не удалось бы осмотреть все три города, так как я отправилась на поезде до Аджджера. Но там ко мне присоединился Нанди, приехавший туда накануне на машине по каким-то делам. И уже из Аджджера мы заехали ненадолго в Пушкар и в Кишангарх. В целом получилось немного «галопом по Европам», но кое-какое впечатление об этих местах я все-таки получила.

Начать с того, что я впервые в Индии путешествовала на поезде. Вроде бы все рассчитала хорошо, но с самого начала возникли осложнения. Мне пришлось ехать с пересадкой, так как прямого поезда то ли не было, то ли он отправлялся в неудобное для меня время. Мало того, я застряла в каком-то малюсеньком городке. Поезд, на который я должна была пересест, почему-то отменили, и я с трудом нашла какой-то допотопный паровозик, тащивший пару вагонов в направлении Аджмера. Я до сих пор так и не поняла, было ли это просто несколько устаревшее средство передвижения или же нечто, что следует отнести к разряду музейных экспонатов, случайно оказавшихся на рельсах. Паровозик так коптил, скрипел, лязгал всеми своими металлическими, но от этого не менее ревматическими частями, что казалось, он вот-вот рассыплется. Представляю, сколько богов индуистского пантеона были потревожены словами благодарности за благополучное окончание путешествия в тот момент, когда наш паровозик на последнем издыхании вполз на вокзал Аджмера.

Мои соседи по купе второго класса были ничем не примечательны, разве только тем, что женщина, сидевшая прямо рядом со мной, накануне поездки, видимо, сильно намазалась кунжутным маслом. А я в то время не была, мягко говоря, поклонницей этого масла, которым многие индианки мажут не только волосы, но и тело. Это сейчас, начитавшись книг по аюрведе, я твердо уверовала в его целебные свойства и сама регулярно мажусь этим маслом по субботам и воскресеньям, когда не надо сразу же идти куда-то. Но кунжутное масло кунжутному маслу рознь. Есть разные степени очистки. То же подсолнечное масло – есть нерафинированное, которое, на мой взгляд, очень противно пахнет. А есть рафинированное, которое совсем не пахнет. Так вот моя соседка явно мазалась самым простым. А такое кунжутное масло, может, с точки зрения аюрведы, и самое полезное, но с моей точки зрения, а вернее, с точки зрения обоняния... оно ужасное. Воняет, попросту говоря, страшно. Так что моя главная задача состояла в том, чтобы как можно реже дышать и по возможности ртом. А это, как вы понимаете, к беседам не располагает. Так что поездка прошла в полном молчании.

Зато это очень располагает к созерцанию. Самое замечательное я увидела в начале путешествия. Когда за окнами только-только исчез городской пейзаж, я вдруг решила, что у меня что-то со зрением. Впереди, вместо обычной красновато-коричневатой равнины, надвигалась какая-то странно разноцветная земля. Я решила, что у меня в глазах рябит. Сняла темные очки и тщательно их протерла. Надела, снова посмотрела в окно. Наверное, самым удачным словом для выражения того, что я испытала, в данном случае будет не очень изящный глагол «обалдела». Обалдела от удивления. Разноцветная земля никуда не делась, она была прямо передо мной. Теперь было видно, что не сама земля пестрая, а просто на земле лежали, почти сливаясь друг с другом, длинные куски ткани. Всевозможных расцветок и рисунков. Пассажир, сидевший напротив, видимо, заметил мой изумленный вид.

– Санганер, – сказал он.

– Санганер? – не поняла я.

– Санганер, Санганер, – повторял мой спутник и произносил еще какое-то слово. Я никак не могла понять какое, поскольку его английский явно был не намного лучше моего бенгальского.

– Сари, сари, – видя, что я не понимаю, сказал он и ткнул пальцем в сари сидящей рядом с ним женщины.

И тут до меня, что называется, дошло. Ну, конечно же. Мы проезжали Санганер, ставший, как я уже рассказывала, практически пригородом Джайпура. А этот город издавна славится своими хлопчатобумажными тканями. И то, что я увидела, были многочисленные сари, разложенные для просушки на земле. И вся земля превратилась в потрясающей красоты ковер. Но не тканый, а сшитый из полотнищ материи. Потом я часто видела одеяла, покрывала, подушки, выполненные из лоскутков ткани, – причем в Европе их делают не от бедности, а потому что они пользуются спросом. И я всегда вспоминала промелькнувшее в то утро за окном гигантское изделие, выполненное в той же технике, – землю, сшитую из сотен сари.

После Санганера за окном замелькали более прозаические, пустынные пейзажи Раджастана, и я углубилась в путеводитель, решив почитать об Адждмере, первом этапе моего путешествия.

У этого маленького города, находящегося примерно в ста километрах от Джайпура, богатая история. Он был основан одним из правителей знаменитого клана Чауханов. Сначала, как водится, на небольшом холме была воздвигнута крепость. Ее назвали Тарагарх, что люди, склонные к романтике, переводят как «Крепость звезды», а ценящие точность – как «Крепость в форме звезды». Но в одном сходятся все: это была первая крепость в истории Индии. Холм назывался Аджаймеру – «Невидимый холм». От этого и пошло название города. Адждмер оставался одним из бастионов династии Чауханов до начала 12-го века. В 1192 году последний правитель из рода Чауханов – прославленный полководец, долгое время пытавшийся бороться против вторгшихся на территорию Индии мусульман, был убит в битве при Тайране. Адждмер стал вотчиной делийских султанов. Более того, город превратился в место притяжения мусульман не только Индии, но и многих других стран мира. Многие считают, что после Мекки, это второе по значению место паломничества мусульман. Это произошло потому, что в Адждмере находится Даргах Шариф – гробница основателя суфийского братства, прозванного Гариб Наваз – «Защитник бедных». Гариб Наваз прожил очень долгую жизнь, как рассказывают, совершил множество чудес и уже при жизни был почитаем как святой. Как и все святые (не только мусульманские) он всю свою жизнь помогал бедным и всячески защищал их, отсюда и его прозвище.

Когда я читала повесть о его жизни, мне в голову пришла совсем не оригинальная мысль. Но до сих пор она меня не посещала. Странно, почему в наше время никто не мечтает быть причисленным к лику святых? А ведь такой шанс есть у каждого: потрудись на благо бедных, сирых и больных этак лет семьдесят, восемьдесят, глядишь, если и не попадешь в святые, то, во всяком случае, благодарность и память потомков тебе обеспечены. Но сколько я ни напрягалась, пытаюсь вспомнить, кто в наш век встал на этот непростой, но достойный путь, кроме имени калькуттской матери Терезы, никого припомнить не смогла.

Еще при жизни Гариб Наваза началось строительство его усыпальницы. Многие могольские императоры приняли участие в ее украшении. В итоге мавзолеею святого – Даргах Шариф – превратился в настоящий город в городе.

Мусульмане считают, что если вы побывали в мавзолее Даргах Шариф, то сбудется ваша мечта.

Кто знает, может быть, это поверье идет еще со времен Акбара. Акбар неоднократно бывал в Адждмере. Кроме того, он совершил два паломничества в Даргах Шариф, проделав путь от Агры до усыпальницы святого пешком. Один

раз это произошло вот по какому случаю. Император очень почитал Гариб Наваза и поклялся, что если его мечта о наследнике осуществится, то он обязательно еще раз посетит мавзолей святого. Очевидно, Гариб Наваз благоволил не только к бедным и неимущим. Во всяком случае, он не остался глух к молитвам Акбара и послал ему сына. И Акбар еще раз, как и обещал, посетил могилу Гариб Наваза. Вся эта история, ставшая достоянием гласности, как сказали бы теперь, еще более повысила рейтинг святого. Причем не только среди мусульман. Так что помолиться на его могилу приходят люди самых различных исповеданий.

Не могу сказать, что ансамбль усыпальницы произвел на меня большое впечатление. Я и раньше замечала, что памятники мусульманской архитектуры нравятся мне меньше, чем памятники индуистские. Впервые я осознала это в Дели, где большинство основных сохранившихся зданий строилось мусульманскими правителями в соответствии с их вкусами. Убедилась в этом, побывав в Агре. Да, Тадж-Махал – это потрясающе красиво. Но шедевр архитектуры взволновал меня меньше, чем хуже сохранившиеся и более камерные, но почему-то вызвавшие у меня гораздо более живой отклик индуистские храмы Ориссы.

И дело не в религиозных пристрастиях или симпатиях. Например, большинство раджпутских архитектурных ансамблей мне понравилось, хотя строившие их архитекторы и правители в большинстве своем исповедовали ислам. Просто, как я уже говорила, в раджпутской архитектуре произошло слияние двух архитектурных традиций – мусульманской и индуистской, и получился очень интересный симбиоз двух стилей.

Гораздо большее удовольствие, чем от посещения мемориала Даргах Шариф, я получила, побывав в бывшем дворце Акбара, находящемся в центре старого города, на месте, где когда-то, как считают, возвышалась самая старая в Раджпутане крепость. Там сейчас расположен музей Раджпутаны, который имеет богатую коллекцию оружия, старинных книг и индийских миниатюр. Особенное впечатление на меня произвела великолепная скульптура богини Кали. Воины-раджпуты очень почитали эту воинственную богиню. В моем путеводителе утверждалось, что у десятиглавой богини, выполненной из черного мрамора, аж 54 руки! Я честно пыталась проверить, но сбилась со счета. Могу лишь подтвердить, что такого количества рук даже у Кали я до этого никогда не видела.

Около дворца Акбара, как мы и договаривались, я встретилась с Нанди. Время было обеденное, и мы решили перекусить. Нанди завел меня в небольшой ресторанчик, который, по его словам, славился традиционными раджастанскими блюдами. По его совету я взяла блюдо, называвшееся «суло». Оказалось, что суло готовят из мяса баранины, которое предварительно маринуют в различных специях, а затем нанизывают на вертел и жарят. Подают суло с нарезанным луком, помидорами, лимоном, лепешками и с различными соусами. Чем не кавказский шашлык! Пожалуй, только намного острее и вкус, благодаря обилию специй, специфический. И, конечно, соусы не такие, как у нас. Например, мне очень понравился особый соус «пудина чатней», в состав которого входят сушеные манго, зерна граната, много мяты и бог знает чего еще. Вкус потрясающий, но, конечно, соус очень острый. Впрочем, как и все индийские соусы. Но поскольку я к тому времени уже была поклонницей острой еды, то не удержалась и съела две порции суло из баранины. Как я узнала, суло готовят также из курицы, рыбы и даже фазана.

Объевшиеся, но очень довольные, мы на машине Нанди отправились в Пушкар, находящийся совсем недалеко от Адждера. Как выяснилось, Пушкар знаменит не только ярмаркой скота. В двух шагах от священного города мусульман находится место, которое является одним из крупнейших центров паломничества индуистов. Еще один пример переплетения культур, которым так интересна Индия.

«Пушкар» означает «Голубой лотос». Существует, естественно, и легенда, объясняющая это название. Великий Брахма оказался здесь, сражаясь с демоном, который досаждал жителям этих мест. Брахма убил демона, бросив в него лотос. При этом лотос три раза отскочил от земли. В тех местах, где он коснулся земли, забились источники, образовавшие озеро, ставшее священным.

Это озеро считается одним из самых древних мест паломничества в Индии. Интересно, что озеро притягивало не только индуистов. Сохранились мемуары императора Джахангира, правившего в XVII веке, в которых он пишет о том, что посетил мавзолей Даргах Шарифа в Адждере девять раз, в то время как на озеро Пушкар он возвращался пятнадцать раз, чтобы «предаться размышлениям».

Приехав в Пушкар, мы первым делом отправились к храму, посвященному Брахме. И тут я задумалась: а где до этого я видела храм, посвященный Брахме?

– Нанди, я что-то до сих пор не видела ни одного храма, посвященного Брахме. Такое может быть?

– Вполне. Если я не ошибаюсь, еще есть лишь один храм, посвященный Создателю. В Кхаджурахо.

– В Кхаджурахо? Там их много, но, по-моему, они все посвящены другим богам.

– Просто вы, наверное, осмотрели основные, самые красивые. А храм Брахмы менее интересный. К тому же сейчас гиды показывают главным образом те, у которых есть эротические скульптурные группы.

– Ну, положим, на храме в Конараке эротики побольше, чем в Кхаджурахо. Но не в этом дело.

– А в чем?

– Просто мне вообще не понятно, как такое может быть. Брахма – это ведь, можно сказать, главный бог, Создатель, как вы сказали сами.

– Нет, не главный... – начал было Нанди.

– Да, да, я знаю, – перебила его я, – у вас триада, все боги одинаково важны. Но все-таки. Я уж не говорю о Шиве и Вишну. Им посвящены, наверное, тысячи храмов. Да и у богинь храмов немало. Даже у жены того же Брахмы. А у него, если не считать тот, в Кхаджурахо, о котором мало кто знает, только один. Здесь, в Пушкаре.

– Так вот жена как раз и виновата, – вдруг заявил Нанди.

– Как жена?

– Ну, есть такая легенда.

– Господи, сколько же у вас легенд? В каждом городе, в каждом дворце, у каждого озера, леса, реки, горы есть своя легенда. Про богов я уж и не говорю. Про каждого если не тысяча, то уж сотня легенд точно найдется. Кстати, про Брахму и легенду я первый раз слышу.

– Нет, легенды про него есть.

– Ну хорошо, хоть эту расскажите.

Выяснилось, что Брахма очень полюбил места, где находился Пушкар. Когда он в очередной раз прибыл сюда, чтобы совершить обряд приношения

даров на берегу озера, его супруга, Савитри, опоздала. А обряд не мог быть совершен без присутствия жены. Тогда Брахма, не долго раздумывая, взял в жены первую оказавшуюся под рукой деревенскую девушку. Савитри, естественно, узнав об этом, разгневалась. И прокляла своего божественного супруга, заявив, что никто нигде не будет ему поклоняться. Как вы уже догадались, единственное исключение она сделала для Пушкара.

Выслушав рассказ, я подумала: наверное, Савитри просто не имела власти проклясть то место, где не она выступала в роли супруги Брахмы при совершении обряда. А то и в Пушкаре не было бы храма, посвященного провинившемуся супругу.

Сам храм, посвященный Брахме, не представляет из себя ничего особенного. Небольшое покрашенное белой краской здание, к которому надо подниматься по множеству ступеней, показалось мне слишком современным, недавно построенным. Кстати, я так и не смогла узнать, когда был возведен этот храм. Может быть, то, что мы видели, это уже более поздняя реконструкция древнего храма, существовавшего на берегу озера, согласно некоторым источникам, уже в IV веке.

Гораздо более оригинальным и элегантным мне показался храм Махадевы, построенный в XII веке и посвященный одному из воплощений Шивы. Интересна история еще одного храма, который мне также показался очень живописным. Он построен также в XII веке и посвящен Варахе – одному из воплощений Вишну. Вараха – это божество с телом человека и головой кабана. Императора Араунгзеба, который, как я уже неоднократно отмечала, был воинствующим мусульманским фанатиком, настолько возмутила статуя этого божества, воздвигнутая в храме, что он повелел его разрушить. Позднее, в XVIII веке, храм был реконструирован вездесущим джайпурским магараджей Джай Сингхом II.

Выехали мы из Пушкара уже довольно поздно, но я все-таки надеялась еще заехать ненадолго в Кишангарх – город, в XVIII веке известный прекрасными миниатюрами. Когда я была в Дели и попала в Национальный музей, то там я впервые увидела индийские миниатюры, которые очаровали меня.

Я с детства увлекаюсь живописью. В юности сама немного рисовала, а потом всегда интересовалась историей живописи. В делийском музее я открыла для себя искусство, с которым до этого была совершенно не знакома. Миниатюры. Как я узнала, в Индии существовало две основные школы – могольская и раджастанская. Раджастанскую школу чаще называют раджпутской, поскольку она тесно связана с культурой раджпутов.

Расцвет первой начался в XVI веке и связан, естественно, с правлением могольских императоров – Акбара, Джахангира, Шах-Джахана. Могольская миниатюра развилась под большим влиянием персидской миниатюры. Миниатюры этого периода, хотя и лишены перспективы, достаточно реалистичны. Их также отличает большая орнаментальность стиля. Они очень живописны. На многих миниатюрах изображены птицы, животные, цветы.

Интересно, что ислам, привнесенный в Индию, сам подвергся влиянию индуизма и в целом индийской культуры. Одним из доказательств этого служат миниатюры могольской школы. Ислам запрещает изображение людей. А на индийских миниатюрах того периода изображены светские и исторические сюжеты – сцены из жизни императоров, великих людей.

Особого расцвета эта школа достигла при императоре Акбаре. Дело в том, что император Акбар, помимо ислама, интересовался и другими религиями и в более широком плане культурами других народов. Именно для Акбара были сделаны переводы текстов индийского эпоса – «Махабхараты», «Рамаяны», а к их текстам соответственно иллюстрации.

На миниатюры этого периода оказала определенное влияние и европейская живопись. При дворе Акбара часто появлялись священники-иезуиты, благодаря которым он и познакомился с религией, а также искусством Западной Европы.

Процветала эта школа и при императоре Джахангире. Он, питая слабость к сочинительству, написал автобиографию. И главным персонажем миниатюр этого периода является сам император, фигурирующий на иллюстрациях к текстам его книги. Поощрял живописцев и Шах-Джахан. Но это был последний император, увлекавшийся искусством. Правивший затем его сын Аурангзеб, как я уже говорила, отличался религиозным фанатизмом и жестокостью. Он был и недалеким политиком, сумевшим настроить против себя большинство дружественных ему правителей. После его смерти империя Великих Моголов прекратила свое существование.

Сам собой напрашивается вывод о том, что все великие правители в большей или меньшей степени способствовали расцвету искусств. И подобное утверждение справедливо, не только когда речь идет о могольских императорах. Если взять историю любой страны, да той же России, например, то и там прослеживается эта закономерность. Кого мы называем великими правителями? Петра, Екатерину. Они известны тем, что в их царствование строились прекрасные здания, закладывались библиотеки, создавались коллекции. И если даже изначально они не были большими любителями или знатоками искусств, что особенно справедливо в отношении Петра, то, будучи по натуре созидателями, они поневоле вовлекались в сферу искусств. Строительство, будь то империи, города или просто дворца, невозможно без помощи архитекторов и писателей, художников и философов, музыкантов и скульпторов.

Итак, XVII век – это закат могольского периода в истории Индии. По мере того, как слабели могольские императоры, набирали силу индийские властители в различных штатах. Особым богатством славились многочисленные правители Раджпутаны. В их дворцы в поисках работы начали перебираться художники из Дели. Там постепенно и стала складываться раджастанская школа миниатюры, достигшая расцвета в XVIII веке.

Под общим названием раджастанской миниатюры скрывается множество различных школ. Свои школы были практически в каждом мало-мальски значимом княжестве. Но особенно славились школы Мевара, Бунди, Амбера-Джайпура, Марвара, Биканера и Кишангарха. Все эти школы миниатюр, развившиеся под большим влиянием живописи могольского периода, имеют свои, только им присущие особенности, но, естественно, у них есть и общие черты.

Индийская художественная традиция исходит из того, что любое произведение мастера – будь то картина, музыкальное произведение или поэма – должно вызвать у зрителей, читателей или слушателей определенные эмоции, переживания. В старинной книге «Натья Шастри», написанной в IV веке и посвященной основам искусств, перечисляются девять таких основных эмоций, состояний, которые называются «раса», что буквально означает «сок», «вкус», но в данном случае это слово, наверное, можно перевести как «ощущение». Это

любовь, радость, грусть, гнев, энтузиазм, страх, отвращение, удивление и, наконец, умиротворение. Удалось автору заставить вас пережить ту или иную эмоцию, значит он достиг высшей цели искусства.

В индийской живописи и, в частности, в миниатюре художник, для того чтобы передать определенные эмоции, изображал героев в определенных позах, окружал их соответствующими цветами, растениями. Определенный цвет соответствовал тому или иному душевному состоянию персонажей. Даже появление на фреске или миниатюре того или иного животного имело определенный смысл.

Раджпутские князья поощряли изображение сцен из жизни индийских богов, особенно Кришны, сцены из произведений индийского эпоса. В Раджастане есть миниатюры, которые называются «рагамалы». «Рагамала» буквально переводится как «гирлянда рага». А что такое рага? Рага – это музыкальная композиция, которая также должна вызвать у слушателя определенное состояние, настроение. Таким образом, «рагамала» – это «гирлянда мелодий». В живописи так называли серию картин или миниатюр, которые вешались одна за другой, как гирлянда, и призваны были создать у человека различные настроения, различные состояния духа. Например, одна из миниатюр будет изображать утреннее состояние души, другая – вечернее и т. д.

На миниатюрах могольской школы портреты часто выполнены с огромным мастерством, а фону не уделялось большое внимание. На миниатюрах раджастанской школы часто бывает все наоборот. Изображение персонажей более стилизованное, лица имеют крупные черты и отличаются тяжеловатостью. Зато фон поражает разнообразием и изысканностью. Это и какие-то архитектурные сооружения, похожие на дворцы раджпутских раджей, и растительный орнамент, и пейзаж. Сами же сюжеты более повествовательные. Часто на одной миниатюре рассказывается целая история из жизни того или иного божества. Мне раджпутские миниатюры напомнили наши иконы и старинные миниатюры Палеха. У них много общего. И лаконичность стиля, и манера письма, и тональность, и трактовка сюжетов.

Много лет спустя я попала на выставку персидской миниатюры. И была покорена мастерством художников, прародителей миниатюры. Их изящество и утонченность, легкость и изощренность превосходили все, что я видела в Индии. Но в индийской, и особенно в раджастанской, миниатюре, как и в русской иконе и в русских миниатюрах, есть что-то свое, что не дает мне полностью и однозначно сказать: да, персидская миниатюра, безусловно, лучше. Они разные. И та, и другая хороши по-своему. Меня гораздо больше удивляет, почему вообще мне иногда так приятно любоваться старыми миниатюрами, какой бы школе они ни принадлежали – персидской, могольской, палехской или раджастанской. Что притягивает меня в них? То же, что привлекает других к художникам-примитивистам. Их наивность, эмоциональность, простота и понятность. Может быть, насмотревшись фовистов и кубистов, экспрессионистов и абстракционистов, мы просто устали от попыток постигнуть вложенный в них смысл, разобраться в философских аллюзиях художника. А иногда нам просто надоедает делать вид, что мы понимаем всю ту многозначительную усложненность, от которой пестрит в глазах и после часа хождения по выставке начинает болеть голова. И так приятно увидеть что-то, что говорит с тобой простым языком о простых чувствах – о любви и ненависти, о страхе и сострадании.

К сожалению, период расцвета раджастанских школ миниатюры был недолог. Большинство из них пришли в упадок уже в конце XVIII века.

Пожалуй, самая известная раджастанская школа миниатюры находилась в Бунди. Я видела произведения миниатюристов этой школы в музеях Дели и Джайпура, и мне они очень понравились. Причем Бунди известен не только своими миниатюрами, но и многочисленными, очень красивыми фресками, которые покрывают стены залов фантастического дворца, расположенного к тому же в очень живописном месте. Редьяр Киплинг, посетивший Бунди, говорил, что тот, кто там побывал, может легко представить, как выглядели сады Вавилона, а сам дворец Бунди назвал «скорее воплощением мечты... нежели произведением рук человека». Что же касается фресок этого дворца, то они, как пишут все видевшие их, безусловно, уникальны. Но я знала, что в Бунди, который находится довольно далеко от Джайпура, я вряд ли сумею выбраться. Поэтому и уговорила Нанди, когда мы выехали из Пушкар, захватить хотя бы ненадолго в Кишангарх.

– Честно говоря, я не понимаю, почему вам так хочется в Кишангарх, – удивился Нанду, когда я сказала ему о своем желании. – Кроме бывшего дворца, который теперь превратили в отель, там ничего особенного нет.

– Но там же была знаменитая школа миниатюры, – заявила я.

– Да, вроде действительно Кишангарх славился своими художниками, – не очень охотно согласился Нанди.

– Я читала, что это была вторая, после Бунди, по значимости школа миниатюры, – гнула я свою линию.

– Ну хорошо, заедем, – согласился Нанди, – но что-то я не помню, чтобы там был музей.

– Если не музей, то уж дворец-то там есть, а значит, и миниатюры или книги с миниатюрами, – успокоилась я, видя, что незначительное сопротивление уже сломлено.

Главное попасть в Кишангарх, а там уже что-то интересное наверняка найдется.

Как получилось, что самое маленькое раджпутское княжество стало местом, где процветали искусства? Дело в том, что сестра основателя Кишангарха – Кишан Сингха – была женой императора Джахангира, и он имел особый статус при дворе Великого Могола. Это, безусловно, подталкивало его к тому, чтобы следовать образу жизни делийского двора. Последующие правители Кишангарха, сохраняя близость к Дели, также пытались всячески украсить свой город и дворец.

Особенно прославился как меценат раджа Савант Сингх, правивший во второй половине XVIII века. Он был не только отважным воином, но и поэтом и художником. Он приглашал в Кишангарх многочисленных художников, потерявших работу в Дели во времена правления равнодушного к искусствам Аурангзеба.

При нем творил художник Нихал Чанд, принесший особую славу кишангархской школе. Он обессмертил историю любви раджи Савант Сингха и его придворной певицы по имени Бани Тхани. Вернее, это не имя, а прозвище, и означает оно «щеголиха». Нихал Чанд создал целую серию миниатюр, формально посвященных истории любви Кришны и Радхи. Но на самом деле на них изображены правитель Кишангарха и его возлюбленная. Особенно известна одна из миниатюр этого художника, на которой певица изображена в профиль. Эту миниатюру, чрезвычайно популярную в Индии (она была даже

воспроизведена на почтовой марке), иногда называют «Джокондой» Раджастана.

Кстати, конец у истории любви раджи и певицы типично индийский. Видимо, Савант Сингх, позируя художнику, настолько вошел в образ, что решил и в жизни подражать божеству, в облике которого он предстает на миниатюрах. Он отрекся от престола и вместе со своей подругой удалился жить в леса Вриндавана – туда, где провели юность Кришна и его возлюбленная Радха.

Надо признать, посещение Кишангарха меня разочаровало. В город мы приехали, когда уже смеркалось, и ничего особенно интересного я там не увидела. Естественно, я стала выяснять, где же миниатюры.

Как оказалось, очень неплохая коллекция миниатюр сохранилась в крепости Роопангарх, находящейся в древней столице этого княжества, расположенной в двадцати километрах от Кишангарха. Но в тот момент и эта крепость переделывалась под отель, и посетителей туда не пускали.

Чтобы закончить тему об искусстве Раджастана, расскажу здесь же еще об одном небольшом путешествии, которое мне удалось совершить.

Нанди, после нашей поездки в Кишангарх, понял, что я интересуюсь живописью. Он рассказал мне о местности, находящейся недалеко от Джайпура, знаменитой своими фресками. Я, естественно, загорелась туда съездить. Но для этого нужно было выкроить хотя бы полдня. Надо ли говорить, что я сделала все, чтобы такие полдня образовались. Вернее, я их образовала. Не пойти в библиотеку мне ничего не стоило. Гораздо сложнее было в рабочий день освободиться Нанди. Но вот я узнала, что завтра во второй половине дня в центре, где он работал, планировалось собрание, на которое ему не очень-то хотелось идти. Я решила не упускать этой возможности.

– Нанди, вам очень хочется идти на это собрание? – мой первый вопрос был довольно дипломатичен.

– Нет, конечно. Это чисто административное собрание. Всякие текущие дела будут обсуждать. Но как же я могу не пойти?

– Ну это проще простого, – я подивилась его наивности и тут же предложила на выбор два способа. – Первый вариант: вы говорите, что срочно надо дописать выступление для завтрашней конференции, а материал оставлен дома. Второй вариант: попросите разрешения съездить в какую-нибудь библиотеку. Ну я не знаю, куда-нибудь. Скажите, что там есть нужные вам материалы.

Разумеется, у меня в запасе было еще множество вариантов гораздо более надежных, как то: сказать больным, отпроситься встретить приехавшего (или проводить уезжающего) родственника и, наконец, заявить о неожиданно заболевшей тете, сестре (недостатка в родственниках в Индии не возникает), которую надо срочно везти в больницу. Но все эти варианты выглядели менее достойно, а мне не хотелось уж очень ронять престиж советского ученого в глазах Нанди.

– Хм... да неудобно как-то, – замялся Нанди.

– Нанди, ну пожалуйста, мне так хочется туда съездить.

– А что, второй вариант, пожалуй, ничего, – Нанди явно начал колебаться.

– В конце концов, скажите, что это я вас прошу туда поехать, в эту библиотеку, – добивала я бедного моего сопровождающего.

– Нет, зачем же на вас валить, вам в той библиотеке явно нечего делать, – в Нади взыграла кровь его предков-раджпутов, не привыкших прятаться за женскую спину.

– И как же тогда быть? – я видела, что решение уже принято, но не хотела, чтобы моя радость по поводу победы была слишком очевидной.

– Ну что же. Скажу все как есть. Я вам рассказал об этих местах и обещал свозить.

– А вы думаете, отпустят? – мне как-то спокойнее было бы действовать в соответствии с проверенными схемами.

– Надеюсь... Все-таки вы гостя. Сейчас я вернусь.

Нанди пошел отпрашиваться, а я подумала: «Как мне повезло с сопровождающим. Настоящий патриот своего штата! На все готов, чтобы показать иностранцу как можно больше интересных мест». Хотя, если говорить честно, то уже тогда я чувствовала, что дело не только в его патриотизме или в желании как можно лучше выполнить порученное ему дело. В отношении Нанди ко мне явно начало проявляться нечто большее, чем просто внимание человека, желающего оказать максимум уважения гостю. В том, как Нанди на меня смотрел, что и как говорил, я все чаще видела знаки безошибочно улавливаемого каждой женщиной интереса к себе как к представительнице противоположного пола. Но поскольку с моей стороны такого интереса не было и в помине, я предпочитала отмахиваться от своих собственных впечатлений. Через несколько дней отъезд, все обойдется, и вообще у меня голова занята Раджастаном, мне не до ненужных эмоций пусть и симпатичного, но совершенно чужого человека.

Через полчаса мы уже отправились в Шекхавати. Что же это за район, куда мне удалось-таки напоследок вырваться? Естественно, как в случае любого названия, личности или события, с этой областью связано множество легенд, сказаний. Иногда эти легенды – чистый плод фантазии. Но часто вымысел тесно переплетен с реальными фактами, героями, и трудно отделить то, что произошло на самом деле, от того, что является красочным дополнением, придуманным очередным рассказчиком. Расскажу лишь об одной из таких полуполюганд-полуправд, объясняющих название Шекхавати.

В XV веке некий Мокул Сингх, правитель маленького княжества, входившего в королевство Амбер, долго не имел наследника. Однажды гуру, учитель, предсказал ему, что его мечта о наследнике сбудется, если он отправится на родину Кришны и там, в лесах уже знакомого нам Вриндавана, займется тем же, чем занималось само темнокожее божество – будет пасти скот. Во всяком случае, это было официальным родом деятельности Кришны в свободное от ратных подвигов и занятий любовью время. Мокул Сингх отправился в путь. По дороге ему повстречался некий шейх, ставший факиром, который вел за собой корову. Кстати, в древние времена в Индии факирами называли мусульман-аскетов, давших обет нищенства. Так вот, этот факир сказал правителю, что у него действительно родится сын; но, как только это произойдет, Мокул Сингх должен омыть младенца в крови той самой коровы, которую он вел за собой. Вскоре пророчество сбылось – у Мокул Сингха родился сын. Но он не смог совершить кощунственный с точки зрения индуизма поступок – убить корову. Он зарезал козу и в ее крови искупал младенца. А дальше кончается легенда и начинается история. Мальчик вырос и в 1445 году в возрасте двенадцати лет под именем Рао Шекха сменил на троне своего отца. Княжество, которым он управлял, стали называть Шекхавати – «Страна Шекхи»

или «Сад Шекхи». Говорят, что Рао Шекха был очень мудрым правителем и его любил народ.

Область Шекхавати находится буквально на пороге пустыни Тар. Да и сама она больше других областей Раджастана напоминает пустыню – засушливая, голая земля. Правда, по диагонали эту область пересекает гряда невысоких гор Аравалли, вносящих некоторое разнообразие в пейзаж.

В течение многих веков через Шекхавати пролегали все основные караванные пути из Индии на Ближний Восток, в Центральную Азию и дальше в Китай. Благодаря своему стратегическому положению, область процветала и в XV веке отделилась от Амбера. Кстати, именно Рао Шекха сумел добиться для своих земель независимости, которую удавалось сохранять почти два века. Но в середине XVII века эта область вновь попала под власть на сей раз магараджи Джайпура. И, возможно, о ней особенно никто бы и не вспоминал, если бы не ее разбогатевшие купцы – марвари. Слово «марвари» когда-то имело лишь одно значение: оно обозначало жителей района Марвари. Но позднее так стали называть торговцев-купцов Раджастана, принадлежавших к могущественной касте банья. Эти купцы изначально сделали деньги на торговле специями, шелком, опиумом и другими товарами, которые шли из Индии или в Индию.

Когда время караванной торговли пошло на убыль, они быстро сориентировались и переключились на торговлю с набиравшей силу Ост-Индской компанией. Это повлекло за собой их переезд в крупные города, ставшие центрами активности этой компании – Бомбей, Калькутту. И сегодня марвари – реальная сила, которая, по оценкам индийских специалистов, контролирует наиболее значительные отрасли экономики Индии.

Так вот, эти купцы, разъехавшиеся по всей Индии, никогда не забывали свою родину. Многие из них стремились вернуться в родные места. И поэтому, даже живя в других городах, они строили красивые дома у себя на родине. Чаще всего это не просто дом, а целый комплекс домов. Такие своеобразные городские усадьбы называются в Индии хавели.

Хавели в переводе с персидского означает «закрытое место». В могольский период хавели представляли собой несколько домов высотой от двух до пяти этажей, группировавшихся вокруг одного внутреннего двора. Обычно в этих домах жили родственники, принадлежавшие к одному клану. Поскольку семьи в Индии большие, то в одной хавели иногда проживало до сотни человек.

Хавели в Раджастане имеют чаще всего не один, а два, а то и три двора. Во внешний может зайти любой человек с улицы, так как двери этого двора практически никогда не запираются. Здесь принимают посетителей. Во внутренние дворы посторонние не допускаются, там царствуют женщины данной семьи. В этом дворике обычно находится колодец, туда выходят кухня и другие служебные помещения. Такие большие хавели, занимающие порой чуть не целый квартал и защищенные единой внешней стеной, – своеобразный городок в городе.

Во многих городах и городках Шекхавати, в таких как Самод, Сикар, Фатехпур, Навалгарх, Баггар и некоторых других сохранилось много подобных домов, построенных в XIX веке. Основной достопримечательностью хавели, помимо чисто архитектурных элементов, являются фрески. Их не часто увидишь на внешних стенах домов. Разве что вокруг основной входной арки или двери. Чаще всего фрески покрывают стены домов, выходящих во дворик, и стены комнат для приема гостей. В индийских домах, даже богатых, было

традиционно очень мало мебели. В комнатах фрески выполняли роль главного украшения, заполняли большие голые пространства белых стен.

И вот теперь представьте себе: вы подъезжаете по полупустынной местности, лишенной почти всякой растительности, к городку, также обесцвеченному солнцем и ветрами. Идете по запущенным улицам мимо большей частью ничем не примечательных строений, заходите во двор дома, часто снаружи не очень выразительного с архитектурной точки зрения. И вдруг видите перед собой здания, которые кто-то словно по ошибке перенес сюда со страницы детской книги о волшебных странах, где все дома расцвечены десятками ярких цветов. Разноцветность домов производит особенно сильное впечатление по контрасту с монотонностью окружающего ландшафта. Хотя в том, что такие разукрашенные дома появились именно в этом районе, наверное, есть своя логика. Живущим здесь людям не хватает ярких красок, и они компенсируют монохромность пейзажа, раскрашивая свои дома. И в то же время эта выжженная солнцем местность создает очень выгодный фон для разноцветных хавели. Может быть, поставь такой дом где-нибудь, скажем, в Джайпуре, где все вокруг полно разнообразия и красок, впечатление будет уже не таким сильным.

Конечно, настенную живопись можно увидеть и в других районах Раджастана. Первые фрески появились, естественно, на стенах крепостей и дворцов раджпутских князей, а также в храмах и кенотафах. Особенно, как я уже говорила, знамениты фрески, созданные в XVII веке во дворце правителей княжества Бунди. Позднее фрески перекочевали на стены жилищ и просто богатых людей. Первые фрески в хавели относятся к началу XVIII века. Но основная их масса, в том числе и в Шекхавати, была создана в период с 1830 года по 1900 год. Потом интерьер домов богатых людей все больше становился похожим на интерьер европейский. Фрески, к сожалению, были вытеснены мебелью.

Так что фресковая живопись хотя и не в такой степени, как в Шекхавати, была популярна в Раджпутане больше, чем в других районах Индии. И это неудивительно. То, что здесь существовало столько прекрасных школ миниатюры, не могло не создать для этого благодатную почву.

Много лет спустя я побывала еще в одном месте, совсем не похожем на Индию, где дома также покрыты фресками. Речь идет о городке Шаффхаузен, расположенном на севере Швейцарии. Многочисленные туристы приезжают в этот город специально полюбоваться на эти дома. Большинство из тех, кто был там в то же время, что и я, восхищались увиденным. Что касается меня, то я, конечно, с удовольствием осмотрела тщательно отреставрированные фрески, украшающие фасады нескольких чистеньких, ухоженных домов. Но, гуляя по Шаффхаузену, я не без ностальгии вспоминала то, что когда-то увидела в Шекхавати. Безусловно, сравнение было не в пользу Шаффхаузена.

Начнем с количества. В Шаффхаузене все разукрашенные дома находятся на одной малюсенькой площади. Не знаю, сколько их там, но не больше пяти-шести. А в одном Навальгархе, как говорят, несколько сотен хавели, и очень многие украшены фресками. Я, естественно, видела не все, но все-таки обошла не меньше десяти – и везде были фрески.

Богатство сюжетов и качество исполнения. Конечно, дома в Шаффхаузене смотрятся мило. Есть один дом, на котором изображены мифологические сюжеты. На остальных же домах нарисованы в основном растения, птички, цветочный орнамент. Конечно, приятно видеть что-то симпатичное на стенах

домов, а не ужасные по большей части граффити, которые стали просто бичом многих швейцарских городов.

На тех фресках, что мне удалось увидеть в нескольких городках Шекхавати, чего только не изображено. Там, разумеется, тоже много орнамента, в котором используются цветы, растения, насекомые и животные. Но все это вторично и является чаще всего лишь обрамлением основной сцены. А на основных фресках поражает обилие сюжетов и богатство фантазии неизвестных художников. Тут, естественно, и эпизоды из жизни богов и богинь. Много сцен из реальной жизни: охота и шествия слонов, свадьбы и сражения – всего не перечислить. Есть и очень необычные сюжеты. Мне запомнилась одна совершенно потрясающая фреска, на которой изображен Кришна, летящий по воздуху, в каком-то фантастическом аппарате, представляющем собой помесь машины и корабля с вращающимися лопастями. А в руках он держит флейту, больше напоминающую дальнобойную винтовку.

Есть разный уровень мастерства. Изредка, но попадаетесь откровенная мазня, часто можно увидеть очень неплохую примитивную живопись, а порой встречаются просто прекрасные вещи. Некоторые фрески напомнили мне картины Пиросманишвили. Другие всплыли в моей памяти много лет спустя, когда я познакомилась с картинами хорватских примитивистов. Но в целом большая часть фресок даже среднего уровня интересна благодаря занятости сюжетов или красочности изображенных сцен. Или просто потому, что интересно рассматривать детали быта и одежды людей, живших двести лет назад.

Именно фрески сделали известным Шекхавати. Долгое время этот район лежал в стороне от основных туристических маршрутов. Но в 1982 году на свет появилась книга, которая называлась «Раджастан – раскрашенные стены Шекхавати» («Rajasthan – The Painted Walls of Shekhavati»). Ее авторы, объездив Шекхавати буквально вдоль и поперек, «открыли» миру ее сказочные дома с разукрашенными фресками стенами.

К сожалению, в мои руки эта книга попала уже после того, как я уехала из Индии. Иначе я изначально запланировала бы поездку туда и провела бы в Шекхавати гораздо больше времени. Но и то, что я увидела в двух городах – Сикаре и Навальгархе, – запомнилось. С тех пор, когда я слышу слово «фрески», я вспоминаю не только прекрасную фресковую живопись русских церквей или знаменитые фрески флорентийских соборов, но и чудесные, порой трогательно наивные росписи, выполненные чаще всего никому не известными раджастанскими мастерами на стенах маленьких городков в полупустынной местности Шекхавати.

Жестокий кодекс чести женщин Раджастана

Возвращаясь из Шекхавати в Джайпур, я решила выяснить у Нанди, куда за оставшиеся два дня я еще сумею выбраться. Больше всего я мечтала попасть в Удайпур, где находится самый большой и, как многие утверждают, самый красивый дворец Раджастана, и в Джодхпур, чтобы увидеть еще одну уникальную крепость-дворец. Но мне уже было ясно, что все мои мечты придется отложить на будущее. Раджастан меня настолько очаровал, что я решила во что бы то ни стало вернуться сюда еще раз. Когда мы остановились в маленькой придорожной забегаловке передохнуть и выпить чаю, я решила попытаться Нанди.

– Нанди, а куда бы вы посоветовали мне еще съездить?

– Сейчас?

– Нет, если я еще сюда смогу приехать.

– В Джайсалмер, на гору Абу.

– А что там интересного?

– Там находятся знаменитые джайнские храмы. Совершенно фантастические по красоте. Это неподалеку от Удайпура. Уж если туда ехать, то надо на пару дней, чтобы и Удайпур посмотреть, и на гору подняться. Для меня это самое интересное место в Раджастане, я очень люблю там бывать.

– А вы что, исповедуете джайнизм?

– Нет, но эта гора священна не только для джайнов, но и просто для раджастанцев. Ведь там проходил обряд агникула.

– Да, да, знаю. А вот почему джайнские храмы построили на горе Абу?

– Храмы построили потому, что там был Махавира.

– А кто это?

– Так... если вы не знаете, кто такой Махавира...

– Ну не знаю, – была вынуждена признаться я. – Ой, легки на помине! – не удержалась я от восклицания по-русски при виде двух фигур, приблизившихся к кафе.

– Что? Что вы сказали? – естественно, не понял Нанди.

– Вон, посмотрите – джайны пришли. Я не ошибаюсь, ведь у них повязки на рот надеты? Не от гриппа же?

– Да, джайны. А при чем здесь грипп? – удивился Нанди.

– Ну, в Японии люди носят такие повязки, когда больны, чтобы других не заразить.

– Нет, грипп здесь ни при чем. Видите, эти двое одеты во все белое. Они явно принадлежат к секте светамбара. Это значит «одетые в белое». Люди этой секты особенно строго следуют всем правилам. В основном маски именно они носят.

– Так при чем все-таки маска?

– Для того чтобы строго выполнять один из обетов – не наносить вреда никаким живым существам.

– Ну да, для того, чтобы случайно муху какую-нибудь не проглотить, – в моем голосе, помимо воли, прозвучала ирония.

– А что вас, собственно, удивляет? Как раз этот обет непосредственно выходит из индуизма. Ведь в индуизме, вы же знаете, также очень популярны идеи ненасилия.

– Ну да, я знаю. Но все-таки у индуистов культ ненасилия трактуется в отношении людей, а не в отношении животных. Индуисты, конечно, трепетно относятся ко многим животным, но не превращают это в крайность.

– А вы были в местах, где есть храмы, посвященные Хануману?

– Божеству с лицом обезьяны? Была, в Ориссе...

– И сколько там обезьян?

– Ужас сколько, – я даже вздрогнула, вспомнив полчища обезьян во дворах храмов Ханумана в Ориссе. Вели они себя, надо сказать, довольно агрессивно.

– А в Раджастане много храмов, посвященных Хануману. Ведь это очень воинственное божество, и его почитали раджпуты. Так вот, в некоторых из храмов обезьяны превратились просто в бедствие. А попробуй тронь хоть одну. Правoverные просто разорвут на части.

– Все-таки обезьяна... – продолжала я свою линию, – почти человек. Индуисты более прагматичны, что ли, чем джайны. Не будут они делать культа из букашек-таракашек и каких-нибудь никому не симпатичных тварей.

– А из крысы не хотите? – вдруг подал реплику Нанди.

– Крыса? При чем здесь крыса?

– А вот при том! Крыса тоже священное животное.

– Не может быть!

– Э... Раз вы говорите «не может быть», значит, вы в индуизме еще ничего не поняли, – довольно резко сказал мой спутник. – В индуизме нет запретного и невозможного.

– Но все-таки крыса... – я пыталась еще что-то возражать.

– Вот если приедете еще раз в Раджастан, съездите обязательно в Биканер.

– Биканер, это, по-моему, не так далеко? А что там?

– Биканер – это столица одного из раджпутских княжеств. Недалеко от Биканера в городе Дешноке есть храм, индуистский, кстати. Так вот в этом храме живут священные крысы. Их там сотни. И те, кто приходят в храм, приносят для них подношения – корм, конечно. Зерно или что-то еще. Кладут в большие блюда, вечно полные крыс.

– Вы шутите?

– Ничего подобного. И не просто кладут корм, но и возносят молитвы богине...

– Прямо там же, где крысы бегают? – все не могла я поверить.

– Да, и если вдруг крыса пробежит у вас по ноге...

– Я завоплю.

– А вот этого как раз делать нельзя. Тем самым вы проявите неуважение к богине. К тому же считается, что это очень хороший знак, сулящий вам счастье, если крыса пробежит у вас по ноге или по руке...

– Как по руке?

– Ну, есть же люди, которые лежат, распростершись на полу, когда возносят молитвы.

– Нанди, а вы меня не разыгрываете?

– И не думаю. Эти крысы ведь не просто крысы, а реинкарнация последователей богини Карни Мата. Ей и храм посвящен.

– Странно, я что-то не слышала о такой богине.

– Сначала ее почитали как богиню-мать в одном из местных племен. Но позже она стала одной из главных, а может быть, даже главной богиней этого княжества.

– И кто же такая эта Карни Мата?

– Согласно легенде, это была женщина, которая жила в тех местах не так давно, в XV веке. Она совершила много благих дел и даже чудес, и ее стали почитать как святую.

– А при чем здесь крысы?

– Говорят, что крысы – это все те, кто следовал за ней при жизни. Они и их потомки возрождаются в виде крыс. Это она сама так повелела. Об этом тоже есть целая история или легенда; если хотите, я вам ее расскажу как-нибудь, она длинная, а сейчас пора ехать.

– Мы отправились в путь, и по дороге я все продолжала рассуждать о том, до чего же хорош Раджастан и как мне здесь все нравится. Видимо, эти «ахи» и «охи» несколько надоели Нанди, потому что на каком-то этапе он вдруг сказал:

– А вы знаете, что Раджастан долгое время считался самым консервативным штатом Индии?

Поскольку я этого не знала, то Нанди несколько просветил меня. Выяснилось, что Раджастан еще до получения независимости имел эту репутацию, так как здесь в последнюю очередь были введены в действие многие социально-политические институты, существовавшие уже давно в других районах Индии. После получения независимости правители-раджпуты, большинство из которых формально заявили о своем присоединении к независимой Индии, очень долго сопротивлялись установлению реальной власти центрального правительства. Не случайно процесс формирования новой административной единицы занял почти восемь лет. Лишь 1 ноября 1956 года было официально объявлено о создании штата Раджастан.

Выслушав все это, я не преминула заметить:

– Вот у нас, я имею в виду Запад вообще, все говорят, что женщины более консервативны, чем мужчины. Но о вас такого не скажешь. Ведь ваши женщины настолько не присутствуют в жизни общества, что обвинить их в консерватизме невозможно.

– Чепуха, – я даже удивилась пылу, с которым Нанди ринулся опровергать мой тезис. – Если хотите знать, нашим самым консервативным политиком была женщина.

– Странно, я бы никогда не назвала Индиру Ганди консерватором.

– Да я не о ней. В Раджастане.

– Надо же, у вас женщина участвовала в политике? Не знала...

– Да, но это уже после получения независимости.

– А как ее звали?

– Гайатри Деви.

– Та самая?

– Да, жена джайпурского Ман Сингха II, о котором я вам на днях рассказывал.

– Ну как же, я теперь в его бывшем дворце обитаю. Там до сих пор висят его портреты. А на днях я узнала, что его жена, эта Гайатри Деви, спасла ваш голубой фаянс, можно сказать, от гибели.

– Да, я знаю. Удивительная женщина. К тому же она была очень красивой и держалась величественно, как настоящая принцесса. Ее везде в Индии знали. А у нас, в Джайпуре, она вообще была национальной героиней.

– Так уж и героиней?

– Да, особенно после того, как она победила на выборах кандидата-конгрессиста.

– А она от какой партии выступала?

– Она, можно сказать, создала партию «Сватантра». В конце пятидесятых годов. Ну, не одна, конечно, там еще люди были.

– Ах, «Сватантра». Эту партию даже я знаю, проходили, когда изучали современную историю. Да, действительно, консервативная. У нас даже писали «реакционная».

– Ну это уже чересчур. Больше всего, безусловно, они за свои права сражались. Не забывайте, как много все эти раджи и магараджи потеряли.

– Конечно, англичане на них опирались, поэтому и не трогали особенно. В общем, все с вами понятно. Как и везде, богатые – консерваторы, а вовсе не народ. А вы обобщаете: Раджастан консервативен.

– И простое население здесь во многих отношениях очень консервативное. В том числе и женщины. Может быть, даже особенно женщины, – Нанди, как и следовало ожидать, решил не сдаваться.

– Да? И в чем же это проявляется?

– Хотя бы в том, что именно в Раджастане до сих пор совершается больше всего сати. И кстати, подавляющее число там, откуда мы с вами сейчас едем, – в Шекхавати. У меня друг работает в полиции. Так вот, совсем недавно им удалось буквально из костра вытащить девчонку. То есть, вдову, конечно. Но ей всего восемнадцать лет. Хорошо, нашлась добрая душа, предупредила полицию вовремя. А то еще буквально несколько минут – и сгорела бы.

Самосожжения! Я, конечно, слышала об этом явлении. В главе о своей жизни в Калькутте я даже рассказала о легенде, объясняющей происхождение этого обряда. Но одно дело слышать легенды и какие-то абстрактные разговоры о сати, а другое дело узнать, что совсем недавно в тех местах, где ты находишься, кто-то совершил этот акт, который, с точки зрения европейской женщины, представляется просто безумием.

Я знала, что этот обряд неоднократно запрещался. Первая попытка бороться с этим варварским ритуалом была предпринята еще в V веке до нашей эры. Но в начале нашего тысячелетия он опять возродился. Потом с сати пытался серьезно бороться Акбар. И опять неудачно. Наконец, в начале XIX века в Индии люди самых разных слоев населения приняли участие в движении за запрещение самосожжения вдов. В итоге в 1829 году был принят соответствующий закон. Но тем не менее костры, на которые всходили вдовы, решившие расстаться с жизнью, продолжали загораться то в одном месте, то в другом. Где-то я читала, что с момента получения независимости в Индии произошло лишь около сорока случаев сати. Конечно, если рассматривать эту цифру как абстрактную величину, это не так уже много. Но если представить, что сорок женщин добровольно взойшли на погребальный костер, то становится не по себе.

«В чем же все-таки причина живучести этого явления?» – не раз задавала я себе вопрос. Все-таки сейчас Индия уже не та, что раньше. Прогресс во многих областях налицо. Промышленность развивается, в Индии даже осуществляется программа по освоению космоса. И вдруг такое средневековье!

Мне кажется, что это как раз тот случай, когда плюс превращается в минус. Индийцы очень почитают традиции, они с детства воспитываются в уважении к традиционным ценностям, к истории, к культуре. Это во многом определяет их силу, их самобытность, не дает им раствориться в современном мире, где все так похоже друг на друга. Но иногда верность традициям оборачивается трагедией. А сати до сих пор для многих – часть культуры, часть традиции. Ведь изначально это символ женской верности, вернее, ее апофеоз. Как ни парадоксально, само слово «сати» с хинди буквально переводится как «хорошая женщина». Женщина, которая смогла совершить такой героический акт – самоуничтожение. К тому же в соответствии с некоторыми индуистскими верованиями этот акт облегчает посмертную участь мужа погибшей женщины – увеличивает его шансы обрести вечное спасение. Поэтому многие считают, что именно мужчины заинтересованы в сохранении этого обряда. В прежние времена иногда доходило до того, что величие правителя измерялось тем, сколько жен сгорело на его погребальном костре. Один из князей Джодхпура в середине XVIII века прославился тем, что вместе с ним сгорело шесть его жен и пятьдесят восемь наложниц.

Откуда точно известно, сколько женщин совершило сати? Конечно, делались записи, это же часть истории каждого княжества: когда умер правитель, когда его тело предали огню и сколько жен и наложниц за ним последовало. Но кроме того, во многих крепостях и дворцах есть или специальная дверь, или стена, на которой женщины, собиравшиеся совершить обряд сати, оставляли след своей руки. Они окунали руку в сосуд с красной краской и оставляли отпечаток. А потом этот отпечаток специально делали рельефным, углубляя вокруг него поверхность, и он оставался на века. Я один раз увидела такую стену, и на меня вид этих рук, с по-детски растопыренными пальчиками, произвел жуткое впечатление. Можно было увидеть даже след от браслетов, которые были надеты на женщинах.

– Нанди, а для чего женщины оставляли след своих рук на стенах? Для того, чтобы о них помнили?

– Нет. Дело в том, что женщину, которая совершила обряд сати, причисляют к лику святых. Оставляя знак, она как бы метит территорию. Она верит: после смерти, став святой, она будет охранять свой дом от бед. Видите, какой есть простой путь в святые, – закончил Нанди с горькой иронией.

– В это верят, как я понимаю, не только в Раджастане?

– Нет, конечно. Просто в Раджастане, если можно так выразиться, в это верят сильнее. А чтят совершивших сати повсюду. В штате Андхра Прадеш есть очень знаменитое место, оно называется Мариману – «Большое дерево» – в честь уникального баньяна, которому уже много сотен лет – то ли пятьсот, то ли шестьсот. Так вот, там в XVI веке совершила сати жена одного из местных правителей. И вот уже сколько веков туда идут люди почтить ее память. Это стало очень популярным местом паломничества. Вы можете туда съездить, это не так далеко от Мадраса.

– Но ведь устраивая там пуджи, те же священнослужители, вольно или невольно, способствуют сохранению обряда?

– Конечно. Я считаю, что если этот обряд еще и существует, то потому, что многим выгодно поддерживать подобные убеждения. Вы представляете, сколько людей на этом наживаются?

– Как это?

– Места, где происходили сати, объявляются священными. Они становятся местами паломничества. Вот у нас в Раджастане там, где четыреста лет назад совершила сати одна женщина, воздвигли храм и ежегодно в день ее смерти совершаются богослужения. Знаете, туда приезжают десятки тысяч человек. Естественно, это выгодно для храма, для местных торговцев, вообще для местного населения. Привлекает туристов, – с горькой усмешкой пошутил Нанди.

– Ну, хорошо, эти сати уже что-то вроде мифа. На мифах вроде не так стыдно наживаться, но не на тех же, что происходят в наши дни?

– Да и на современных сати тоже многие нагревают руки. Знаете, даже открытки тут же появляются с портретами женщины, совершившей самосожжение.

– И что, неужели покупают?

– Вот вы не верите, а я читал, что сотни тысяч открыток новой жертвы расходятся.

– Наверное, все-таки это не так часто происходит в городах, чаще в деревнях?

– Конечно. В деревне традиции более живучи, чем в городе. Вы знаете, что вдовы у нас раньше не могли выйти вторично замуж?

– Да, знаю.

– Ну вот, сейчас это, конечно, постепенно меняется. Но в деревне это сохраняется. Вдова обречена на одиночество. А если ей всего, как той, о которой я вам рассказал, восемнадцать? Есть от чего прийти в отчаяние. К тому же вдова – это почти пария, она может оказаться в большой изоляции, особенно если родственники ее не поддержат. А живет она, как вы знаете, в доме мужа. Представьте, если на нее еще эти же родственники и давят, убеждают ее, что она обязана последовать за мужем. Бывает, что женщинам дают наркотики, чтобы сломить сопротивление, в общем, заставляют.

– И что же, все это проходит безнаказанно?

– Вы знаете, я помню несколько процессов. Они длились годами, и ни один ничем не закончился. Как доказать, что женщину заставили совершить сати, если ее уже нет в живых?

Мы замолчали, а я подумала: «Почему же меня не удивило, когда я узнала, что больше всего сати совершается в Раджастане?» Ответ пришел сразу же. Рассуждая о причинах живучести обряда самосожжения, ни я, ни Нанди не сказали еще об одном. О том, что обряд сати тесно связан с некоторыми не менее одиозными древними традициями Раджастана. Как я уже рассказывала, у раджпутов в прежние времена существовал весьма своеобразный кодекс поведения, во многом отличавшийся даже от норм поведения в индуизме. Причем не только у мужчин, но и у женщин. Для них, как и для мужчин, понятия чести, долга ставились превыше всего. Именно в Раджастане, как нигде в Индии, в средние века был распространен обычай джаухар, о котором я также упоминала. Во время военных действий, когда какая-то раджпутская крепость или город не могли больше сопротивляться и поражение было неизбежным, женщины и дети собирались вместе и сжигали себя или бросались в воды колодцев или водоемов. Лучше смерть, чем позор. К тому же их мужья и отцы могли спокойно сражаться до конца, зная, что их жены и дочери не будут обесчещены, а детей не уведут в рабство.

В Раджастане до сих пор помнят о наиболее известных случаях совершения обряда джаухар. Как правило, инициатором совершения обряда

была жена князя-раджпуты, правившего в том городе, который подвергся нападению. Имена этих женщин стали легендарными. В их честь слагались поэмы, о них пелись и поются песни, их лица запечатлены художниками на миниатюрах и фресках.

Особенно часто в связи с историями о джаухар я встречала название города Читторгарха (или Читтора, как его чаще называли раньше), древней столицы княжества Мевар, вотчины очень известного раджпутского клана Сисодия. Этот город, благодаря его мощной крепости, известен по всей Индии как могучий бастион, который не единожды противостоял мощным армиям завоевателей. Не только воины-раджпуты прославили крепость Читторгарха. Но и его женщины, которые каждый раз, когда было ясно, что ее защитникам не удастся отбить врага, совершали джаухар. Так было в 1303 году, когда крепость, одной из последних на территории Раджпутаны, пала под натиском войск правившего в Дели султана Ала-уд-дина Хилджи. В 1535 году тринадцать тысяч женщин совершили обряд джаухар, когда крепость захватил султан Гуджарата. И наконец, в третий раз это произошло в 1567 году, когда крепость была взята Акбаром.

Каждый раз, подчиняясь суровому кодексу чести, раджпутские махарани (этот титул носили жены правителей Читторгарха) вели за собой женщин города на жертвенный костер. Всех этих женщин до сих пор помнят и чтут в Индии. Но особенно много историй и легенд связано с именем Падмини из Читтора, возглавившей обряд джаухар в далеком 1303 году.

Современники называли ее самой красивой женщиной на всем белом свете. Падмини была женой правителя в раджпутском княжестве Мевар. Было начало XIII века. Уже значительная часть Индии находилась под властью мусульманских завоевателей. Но Читторгарх был одним из немногих городов Раджпутаны, который им упорно сопротивлялся. Правивший в это время в Дели Ала-уд-дин Хилджи долгое время безуспешно осаждал город. До него дошли слухи о красоте Падмини. Он попросил, чтобы ему разрешили хотя бы увидеть отражение Падмини в зеркале, пообещав, что в обмен снимет осаду города.

Князь согласился, но при условии, что султан увидит лишь отражение его жены. Ала-уд-дина провели во дворец, где в зеркале он смог увидеть Падмини. Ее красота настолько потрясла его, что Ала-уд-дин тут же захватил в плен мужа Падмини, который, как истинный джентльмен, вышел проводить гостя до его лагеря, разбитого у подножья горы, на которой возвышается крепость Читторгарха. В обмен на мужа он потребовал жену. Но тут Падмини проявила хитрость. Согласившись на требование Ала-уд-дина, она попросила, чтобы ее сопровождала достойная свита. Султан согласился. На самом деле в паланкинах, появившихся в лагере Ала-уд-дина, скрывались многочисленные воины, которым и удалось отбить своего правителя у мусульман.

Своеобразный индийский вариант истории о Елене и троянском коне. Это подметил еще Киплинг, написавший о Падмини: «Слава о ней была разнесена по всей стране поэтами, и она стала чем-то вроде Елены из Читтора».

Но конец у этой истории чисто раджпутский. Очередной штурм Ала-уд-дина, воодушевленного жаждой мести, оказался успешным. Махарана был убит. А все женщины Читторгарха во главе с Падмини совершили джаухар. Вот такая романтически-трагическая история произошла на земле Раджпутаны.

Напоследок в Джайпуре я тоже пережила небольшое романтическое и, слава богу, совсем не трагическое приключение. В общем-то и приключением эту историю, конечно, назвать нельзя. Скорее, всплеск романтических эмоций.

Они были бы неувидительны с моей стороны. Я настолько влюбилась во все то, что увидела в Раджастане, что было впору влюбиться и в раджастанца. Но этого не произошло. Возможно, я была слишком поглощена созерцанием всей этой красоты и экзотики вокруг меня – замков и крепостей, слонов и верблюдов, фресок и мозаик, тканей и миниатюр – и ни на что другое особого внимания не обращала. Нет, конечно, обращала. Но не затмили мужчины-раджпуты в моих глазах столь любимых мною сикхов. А может, просто не встретила за эти дни кого-то, кто привлек бы мое внимание. Тем более, что практически повсюду эту неделю меня сопровождал Нанди. Вот с ним-то это и случилось. Я имею в виду всплеск романтических эмоций. Совершенно неожиданный для меня. Те знаки внимания, которые он мне иногда оказывал, я относила на счет его несколько преувеличенной любезности по отношению к иностранке.

В общем, мне казалось, что Нанди просто, возможно, чересчур добросовестно выполняет поручение начальства, приставившего его ко мне в качестве сопровождающего лица. Хотя я всячески убеждала всех, что и одна не пропаду. Но мне заявили, что это вам не Дели, в городе не так уж много разгуливает иностранцев, тем более одиноких женщин, и лучше подстраховаться.

Кстати, действительно, в городе было на удивление мало туристов. Вернее, их практически не было. Но это, как ни странно, не только не способствовало повышенному интересу ко мне, а даже наоборот. В своих одиноких прогулках – как та, незабываемая, по предрассветному городу – я чувствовала себя совершенно свободно. Никто не лез ко мне, не приставал. Конечно, смотрели с любопытством, но не пялились откровенно, как это бывало в Калькутте и в Дели. Да и нищих было гораздо меньше, и они были не такими назойливыми. Не знаю, на счет чего это отнести – характера раджастанцев, иного воспитания, остатков прежнего раджпутского кодекса поведения или чего иного, – но факт остается фактом: нигде я не ощущала себя иностранкой в меньшей степени, чем тогда в Джайпуре.

Так вот, в предпоследний день моего пребывания в Джайпуре Нанди вдруг объяснился мне в любви. Надо сказать, сделал он это абсолютно так же, как это делали мои московские воздыхатели. В том смысле, что ничего необычного, экзотического в этом объяснении или в его поведении не было. Что меня несколько огорчило. Уж если нечто подобное со мной произошло, то я предпочла бы, чтобы в этом был хоть какой-то элемент необычности. В конце концов, мы все-таки в Джайпуре, а не в Москве. Так нет же, все те же слова, все те же взгляды, попытки взять за руку и тому подобное.

На каком-то этапе я пресекла поток его восторгов в мой адрес и спросила (надо признаться, из чистого любопытства, а не потому, что его эмоции нашли какой-то отклик во мне):

– И что же вы предлагаете? Чтобы я не уезжала?

– Да, да. Вы должны остаться, конечно.

– И в каком же качестве?

– Вы выйдете за меня замуж, – с ноткой патетики в голосе заявил Нанди.

– Но вы же знаете, что я замужем, – я с самого начала не только не скрывала этого факта, но и часто упоминала о своей жизни в Калькутте и о том, что была там с мужем.

– Да, но у вас же легко можно развестись, – не моргнув глазом заявил мой собеседник.

– Нанди, вы и так для меня очень много сделали, поэтому вам не обязательно на мне еще и жениться, чтобы оправдать свое имя, – попыталась я перевести все в шутку. Дело в том, что, как Нанди мне сам когда-то объяснил, его имя означает «pleasure» или «one who pleases others». Это можно перевести на русский как «радость», «удовольствие» или же как «тот, кто нравится другим», и, наконец, как «тот, кто приносит радость другим». – Кстати, а почему вас так назвали?

– Ну уж не потому, что хотели, чтобы я только и думал, как другим услужить, – моя шутка явно не пришлась Нанди по душе. – В принципе, у нас имя дают в зависимости от дня, когда родился ребенок, от его знака зодиака и положения звезд.

– И все родители в этом разбираются?

– Нет, но есть специальные люди, которые составляют для родителей список имен, их там может быть несколько десятков, и родители выбирают. Моим родителям, например, дали список из пятидесяти имен.

– И как же они выбрали?

– А они повесили список на входе, и все родственники, приходившие в гости, вычеркивали те имена, которые им не нравились. В результате осталось пять имен. И из них и выбрали Нанди.

– А почему? В честь Шивы? Насколько я помню, Нанди – это имя священного быка, одного из символов Шивы?

– Я как-то никогда не задавался этим вопросом. Но если вы знаете, кто такой Нанди, то, наверное, знаете и что он олицетворяет. Надеюсь, что им не эта символика пришла в голову, когда они мне имя выбирали.

Разговор явно сворачивал в еще более щекотливую плоскость. Дело в том, что священный бык рассматривается в индуизме как символ плодородия, чадолюбия и как воплощение сексуальной мощи. Я предпочла вернуться к более безопасной теме женитьбы и придумала другой аргумент, чтобы остудить пыл Нанди.

– Кстати, о родителях... Насколько я знаю, у вас жен сыновьям выбирают родители, а не сами сыновья...

– Так я познакомлю вас с родителями, я уже сколько раз предлагал. Уверен, они согласятся. У меня родители очень хорошие и современные.

Тут я вспомнила, как Нанди последние дни все уговаривал меня прийти к ним, познакомиться с семьей. И если я этого не сделала, то просто потому, что другие дела отвлекли меня. Теперь мне стала понятной подоплека его настойчивости.

– И что же я тут буду делать? – спросила я просто для того, чтобы оттянуть время и решить извечную проблему таких ситуаций: как получше, не очень обидев Нанди, сказать ему о том, что ему не на что рассчитывать.

– Не волнуйтесь, у нас богатая семья, вам не надо будет работать, – поспешил успокоить меня Нанди.

Это было его роковой ошибкой. Я тут же вспомнила все те явные и скрытые признаки угнетения женщин, что видела в раджастанских дворцах. Все эти зананы (женские половинки), откуда бедные женщины не смели и носа казать, все эти прекрасные резные джали – экраны, красотой которых я так восхищалась, но которые служили все той же цели – изолировать женщин от внешнего мира. Я почему-то очень живо представила себе, как меня запирают в такой занане и весь внешний мир с тех пор воспринимается в причудливо-резном виде – в точном соответствии с загогулинами рисунка ширмы, сквозь

которую я и смотрю на мир. Нанди очень удивился, когда неожиданно, после столь мирно протекавшей беседы, я вдруг очень резко заявила ему:

– И не думайте, и не мечтайте. Это невозможно. Я даже не понимаю, как вам все это могло прийти в голову. Все, уже поздно. Побеседовали и хватит. Мне завтра рано вставать. Последний день, масса дел.

На следующий день меня ожидал еще один сюрприз. Прощаясь с университетским начальством, я, как это принято, поблагодарила их за внимание, помощь. И вот когда я сказала, что просто очарована отелем, в который они меня перевели, я увидела недоуменные взгляды. Перевели? Мадам что-то пугает. Ее не должны были никуда переводить. У меня хватило ума заверить начальство, что я просто неправильно выразилась, и вежливо распрощаться.

Итак, никуда университет меня не переводил. А кто же оплатил тогда мое пребывание в гостинице «Рамбагх»? После вчерашнего объяснения сомнений у меня это не вызывало. И что же делать? Да сделать я особенно ничего и не могла. Все равно денег на оплату отеля у меня не было. А тем более такого шикарного, как «Рамбагх». Возмущаться? Тоже глупо. Поэтому я предпочла ничего не говорить Нанди и даже не призналась в том, что знаю о его секрете. Я просто более тепло, чем собиралась, попрощалась с ним, дала, в нарушение инструкций, свой адрес в Москве и сказала, чтобы он обязательно дал о себе знать, если когда-нибудь будет у нас. Уж не знаю, был он в Москве или нет, во всяком случае, я никогда больше о своем романтическом воздыхателе-раджпите не слышала.

За неделю, проведенную в Джайпуре, я, конечно, не успела осмотреть все то, что хотела увидеть в Раджастане. На это и месяца едва ли хватило бы. Тем более что, когда смотришь на карту, кажется, что все это совсем рядом, а на самом деле расстояния большие. Не увидела необыкновенного города Джодхпур, который называют голубым за необычный цвет его домов, не побывала в самом большом озерном дворце Раджастана, находящемся в Удайпуре. Не поднялась на гору Абу, где брахманы совершали в честь раджпутских героев таинственный ритуал огня и где, кроме того, находятся уникальные джайнские храмы. Наконец, не полюбовалась на считающийся вершиной джайнского искусства храм Адинахта в Ранакпуре. И много, много еще чего не увидела я в Раджастане.

Но и того, что я увидела, оказалось достаточным для того, чтобы именно здесь впервые по-настоящему понять, а вернее, прочувствовать одну мысль, высказанную когда-то учеником Гурджиева Петром Успенским, одним из самых оригинальных ученых-эзотериков начала XX века. В своей интереснейшей книге «Новая модель вселенной», говоря о соборе Парижской Богоматери, Успенский высказал идею о двух линиях в жизни человечества, о двух его историях. Одну он назвал «историей преступлений». Это все то, что составляет основную канву истории, которую мы чаще всего изучаем в школе: войны, революции, мятежи, убийства – словом, все виды насилия. А другую – «историей строителей Нотр-Дам» и других прекрасных творений рук человеческих. Именно вторую историю он называет подлинной историей человечества.

Земля Раджастана больше, чем какой-либо другой район Индии, полита кровью бесчисленных жертв войн, междоусобиц, многочисленных преступлений, варварских обрядов сати и джаухар. Да, все это было, но что осталось от всей этой истории преступлений? Остались розовые, красные и

голубые города, янтарные крепости, удивительные миниатюры и многое другое, что составляет подлинную историю этой так пленившей меня страны с романтическим названием «Земля царей».

ГЛАВА III. ЮЖНАЯ ИНДИЯ

Четыре «М» – Мадрас, Мадурай, Махабалипурам и Марина

В Мадрас я прилетела поздно вечером. Из местного университета меня никто почему-то не встречал, но это меня не очень огорчило. Еще накануне я созвонилась с представителем АПН в Мадрасе. Он меня встретил и разместил в доме, в котором жили сотрудники советских учреждений. Там я сразу же почувствовала себя в знакомой обстановке: нечто среднее между гостиницей и большой коммунальной квартирой. За стеной звучала русская речь, по коридорам бегали обалдевшие от постоянного пребывания в замкнутом пространстве дети и ходили растрепанные женщины – то ли только что вставшие с постели, то ли уже собиравшиеся ложиться спать. На единственной на весь этаж кухне, куда я пошла раздобыть кипяточку, довольно активно переругивались два мужика, их спор того и гляди готов был перерасти в небольшой скандал. Я, естественно, не стала разбираться в причинах их спора, а предпочла ретироваться с кухни и обойтись без чая. Свой, такой до боли знакомый по жизни в генконсульстве Калькутты, мир.

Романтика свободы, сопровождавшая меня в Раджастане, вмиг улетучилась. Даже гипнотическое мерцание огней в ночном незнакомом городе уже не казалось таким манящим. Возможно, мое несколько подавленное

настроение объяснялось уже дававшей о себе знать ностальгией. Ностальгией по Раджастану, с которым мне так не хотелось расставаться.

В первый же день я побывала в университете, выяснила, что о моем приезде там никто не знал и никакой специальной программы, естественно, в этой ситуации не предвиделось. Узнала, где находится библиотека, и отправилась туда. Заодно произвела рекогносцировку местности. Университет Мадраса – один из старейших в Индии. Он был основан в 1857 году. Университет – это целый комплекс зданий. При строительстве некоторых из них использованы элементы мусульманских, индуистских, итальянских и английских архитектурных традиций. Получилась довольно забавная смесь – своеобразная индийская эклектика. Хотя в принципе я эклектику не люблю, в архитектуре предпочитаю чистоту стиля. Даже если этому стилю и нет названия. Как у Гауди, например. Это и не классицизм, и не барокко. Но сразу ясно – это нечто целостное, самобытное, не повторяющее и не копирующее ничто другое.

В библиотеке сразу стало понятно, что особенно интересных для меня книг и материалов там нет, и я решила свести свои научные изыскания в Мадрасе к минимуму. Но я не пожалела о своем походе в университет. Там я познакомилась с очень милой молодой девушкой.

Узнав, что я только вчера приехала, девушка, которую звали Аша, предложила мне показать город. Поскольку было уже довольно поздно, мы отложили нашу прогулку по Мадрасу до завтра.

Немного об истории этого города. Если сегодня вы будете искать Мадрас на карте Индии, вы можете его не обнаружить. Мадрас поменял имя. Теперь он называется Ченнаи. В чем глубокий смысл перемены названия, я так и не поняла. Было бы логично менять название на более древнее, которое город носил до того, как его переименовали колонизаторы. Но дело в том, что на этом месте раньше не было города, а название Мадрас ему дали европейцы при его основании. Там, где сейчас находится город, когда-то находилось несколько маленьких рыбацких деревушек, история которых гораздо древнее, чем история самого Мадраса. И название города пошло от одной из них – Мадраспатнам. Так что ничего чужеродного в привычном для нас названии Мадраса нет.

Более того, новое название, по крайней мере в русском языке, сразу же привело к проблемам. Откройте интернет и введите новое имя. На большинстве сайтов этот город фигурирует как Ченнай. Видимо, это больше соответствует русскому языку. «Ченнай» легче произносить, чем «Ченнаи». К тому же «Ченнаи» не спрягается. А нам все-таки привычнее спрягать, чем не спрягать.

Еще в начале XVI века португальцы обосновались в нескольких километрах южнее Мадраспатнама в местечке, которое они назвали Сао Томе, по имени святого Фомы, который, как полагают, именно здесь умер. Согласно преданию, через несколько лет после смерти Христа святой Фома высадился в Индии, на малабарском побережье, и пересек Южную Индию с запада на восток. Распространяя христианскую веру, он дошел до деревушки Милапур, давно уже ставшей одним из районов Мадраса. Там, на небольшом холме, который с тех пор и носит его имя, он принял мученическую смерть. Ныне на месте, где он был похоронен, возвышается храм святого Фомы – весьма банальное здание, построенное в неоготическом стиле.

Англичане, также давно пытавшиеся обосноваться в этих местах, смогли осуществить свою мечту лишь в XVII веке, когда представитель британской Ост-Индской компании получил у местного правителя разрешение на

строительство форта в Мадраспатнаме. Много раз перестраивавшееся здание форта Святого Георгия существует до сих пор, там располагается администрация штата. Вскоре англичане присоединили к своим владениям еще и соседнюю деревушку – Ченнапатнам. Очевидно, именно она и дала нынешнее имя городу – Ченнаи. На месте этих двух деревушек и возник город, который постепенно расширялся и расширялся, пока в итоге не поглотил и португальское владение в Сао Томе.

В XVIII веке Мадрас стал крупнейшим портом и главным опорным пунктом Британской империи в Индии. Это продолжалось до тех пор, пока в начале XIX века Мадрас не уступил пальму первенства Бомбею и Калькутте. И тем не менее до самой независимости Мадрас продолжал оставаться важным экономическим и политическим центром Британской империи в Южной Индии.

На следующий день мы встретились с моей новой знакомой и отправились на прогулку по городу. Сразу признаюсь: Мадрас не произвел на меня впечатления. Космополитический город, который можно представить где угодно в Азии. В нем мне не хватало индийского колорита. Вроде и улицы не сверкают чистотой, и толпа достаточно красочна, и коров много, и бакшиш просят, как повсюду в Индии. Но после того, как я побывала в городах, буквально напичканных древнеиндийскими памятниками архитектуры или другими приметами старины, в Мадрасе все казалось чересчур обычным, неэкзотическим. Город в основном застроен домами европейского типа. А большинство достопримечательностей – это памятники, построенные европейскими колонизаторами. Это и неудивительно. Мадрасу всего триста пятьдесят лет – разве это масштабы для Индии!

Многим он мне напомнил Калькутту. Историей создания, отсутствием наглядных примет старины, похожестью тяжеловесных колониальных построек. Эти весьма претенциозные здания гораздо менее органично вписываются в индийский пейзаж по сравнению со зданиями, построенными в традициях индуистской архитектуры. Конечно, подобных зданий значительно больше в бывших столицах Британской колониальной империи – в Калькутте и в Дели, – но раньше, до того как я побывала в нетронутых западной цивилизацией местах, мне это не так резало глаз.

Очевидно, таков удел всех столиц. Они всегда больше всего страдают от строительного зуда градоначальников. Возьмите Москву. Что от нее осталось? Я имею в виду от старой Москвы. Почти ничего. Санкт-Петербургу просто крупно повезло, что большевики перенесли оттуда столицу. Иначе, я уверена, сегодня нам оставалось бы любоваться этим городом в основном на картинах и гравюрах.

Мадрас гораздо зеленее и меньше Калькутты. Хотя его население где-то около шести миллионов человек, это вдвое меньше, чем в Калькутте. И, несмотря на то, что это четвертый по величине город Индии, мне он показался очень провинциальным.

Единственные районы, в которых на меня чуть-чуть повеяло стариной, – это Трипликан и Милапур. Трипликан когда-то был деревушкой. А Милапур – назывался «Городом павлинов» и существовал задолго до того, как здесь появились англичане. Еще две тысячи лет назад этот город был важным культурным и религиозным центром. Позднее при правлении мощной династии Паллавов Милапур стал довольно крупным портовым городом.

Именно в Милапуре я впервые увидела храм, построенный в стиле, типичном для архитектурных памятников Южной Индии. Храм Капалишвара,

посвященный Шиве, не очень старый. Он был построен в XVI веке на месте разрушенного древнего храма. Представьте себе пирамиду, снизу доверху покрытую невероятным количеством фигур, фигурок и фигурочек, да еще разукрашенных во все цвета радуги. Вот так примерно выглядят южно-индийские храмы. Причем, в отличие от храмов Ориссы, фигурки уменьшаются снизу вверх, а не наоборот. Если в Конараке, например, самые большие фигуры – до десяти метров – находились наверху, то здесь фигуры наверху воспринимаются просто как разноцветное кружево. Да и внизу скульптурные изображения не такие большие. В целом сначала возникает ощущение какого-то сумбура и хаоса. У меня даже появлялось чувство тревоги. Я никак не могла понять почему. Пока однажды не оказалась около этого храма в сумерках. И вот тут, когда я подошла к нему, мне вдруг показалось, что храм ожил. Передо мной было не каменное застывшее сооружение, а пирамида, на которую забрались тысячи человечков, все они что-то делали, разговаривали, жестикулировали и ползли, ползли все выше и выше.

Такого же типа храмы, только гораздо более величественные и, соответственно, знаменитые, я увидела через несколько дней в Мадуре. Изначально я не планировала поездки туда. Надо сказать, что Мадурой находится довольно далеко от Мадраса, их разделяют почти 450 километров. Но, узнав, что Аша едет в этот город для участия в каком-то семинаре, я решила присоединиться к ней. Само путешествие было не из самых удачных. Мы должны были отправиться туда рано утром на самолете местной авиакомпании. Мы решили, что прилетим в Мадурой пораньше с утра, Аша отправится на свой семинар, я спокойно осмотрю город, мы там переночуем и на следующий день утром вернемся в Мадрас. Но все наши так хорошо выстроенные планы были разрушены с самого начала из-за все откладывавшегося отлета самолета. Причем уже сама причина отсрочки рейса не способствовала созданию хорошего настроения: технические неполадки. Уйти и вернуться было нельзя, так как, естественно, никто не брался сказать, когда эти таинственные технические неполадки будут устранены. Мы битых полдня просидели в аэропорту. Правда, я не скучала. За это время Аша успела мне многое рассказать о тех местах, куда я все еще надеялась попасть.

Выяснилось, что когда-то на месте, где находится город, был лес Кадамбаван. Он так назывался, потому что там росли легендарные деревья кадамба, относительно которых так и не ясно, существовали ли они на самом деле. И вот однажды какой-то торговец, проходя через лес, увидел бога Индру, занимавшегося медитацией перед лингамом Шивы, который каким-то чудесным образом сам по себе возник в этом месте. Прохожий, естественно, не утерпел и рассказал обо всем увиденном местному правителю. Тот, по совету мудреца Агастия, известного духовного лидера того времени, которому, кстати, принадлежит честь распространения индуизма на юге Индии, велел вырубить в том месте лес и построить над лингамом храм. Вокруг храма возник город, и пришел момент, когда надо было давать ему название. И вот тогда в городе появился Шива в ипостаси Сундарешвары – «Повелителя красоты». Когда он благословлял толпу, несколько капель нектара упали с его волос на лингам, который его и олицетворяет. Естественно, все единодушно решили назвать город Мадурепури – «Городом нектара» или «Городом сладости» – поскольку «mathuram» на тамильском языке означает «нектар» или «сладость».

Такова легенда. Что же касается истории этих мест, то вот то немногое, что я узнала в тот день.

Где-то в IX веке на юге Индии сформировалось несколько государств. Самыми крупными из них правили династии Чолав, Пандьев и Паллавов. В тех местах, где находится Мадурай, правила династия Пандьев. В X веке Чолы, набравшие силу, объединили под своей властью значительную часть Южной Индии, подмяв под себя и владения Пандьев. На XI век приходится расцвет империи Чолав. Они не только сильно продвинулись на север, достигнув реки Ганг, но и, создав большой флот, подчинили себе Мальдивские острова, Шри Ланку, дошли до Индонезии. Но в XII веке империя ослабла и потеряла значительную часть своих завоеваний. Вот тогда и была вновь восстановлена независимость государства Пандьев. Эта династия процветала до начала XIV века. Мусульмане, уже давно подвергавшие набегам северные районы Индии, в этот период дошли и до юга. Уже знакомый нам Ала-уд-дин Хилджи разграбил Мадурай, и город подпал под власть Делийского султаната.

В конце века Мадурай вошел в состав образовавшейся в этом районе империи Виджаянагар, которая в течение почти двух веков умудрялась отстаивать свою независимость от делийских властителей. Юг Индии, в том числе Тамилнад, стал оплотом индуистской культуры, пытавшейся противостоять исламской волне, захлестнувшей Индию. Затем, после того как в XVI веке исчезла империя Виджаянагар и большая ее часть подпадала под власть мусульманского севера, этот район на крайнем юге Индии умудрился еще двести лет сохранять независимость. Здесь правила династия Наяк. Мадурай – столица государства – стал последним бастионом индуизма и индийской культуры в целом. Особого расцвета это государство достигло в правление царя Тирумалаи в середине XVII столетия. Именно при нем был построен знаменитый храм Минакши.

Следующий вопрос напрашивался сам собой.

– Минакши, как я поняла, – это имя богини, но что оно значит?

– «Минакши» означает «имеющая рыбы глаза». Так, по преданию, звали принцессу за то, что у нее были выпуклые глаза. По-моему, правильнее ее было бы назвать богиней с тремя грудями.

– Почему с тремя грудями? Это что, очередная легенда?

– Да. У местного царя из династии Пандьев была дочь. Ну выпуклые глаза – это еще полбеда. Но у нее было три груди. Родители, естественно, переживают, идут к самому почитаемому садху. Что, мол, делать? А тот говорит: «Не волнуйтесь, как только она встретит своего будущего мужа, лишняя грудь исчезнет». Так и произошло, когда вскоре Минакши встретила Шиву. Их свадьба состоялась на том месте, где находится храм. Там есть площадка, где и сегодня свадебные церемонии проходят.

– Он женился на обычной девушке, пусть и царского рода?

– Нет, конечно. Минакши – это одно из воплощений богини Парвати.

– Да, как всегда, не поймешь, где кончается история, а где начинается сказка.

– Почему ты так говоришь?

– Ну как же. В любой вашей легенде всегда есть факты, которые соответствуют истории и поэтому делают легенду особенно правдоподобной. У нас в таком бы случае начиналось: в некотором царстве, в некотором государстве... Сразу ясно, что это выдумка. А у вас, пожалуйста, как в этой легенде. Не просто принцесса какая-то, а из рода Пандьев. Кто здесь не знает эту династию? Все знают. Уже меньше оснований для сомнений.

– Да большинство людей и не сомневается.

- Так уж и большинство?
- Во всяком случае, люди простые, без образования – не сомневаются. А их все-таки большинство. Так что я не преувеличиваю.
- Слушай, вы хорошо устроились: не надо детям сказки придумывать. Рассказывай легенды. Всех не перескажешь.
- А у нас так и принято. И не только легенды, а также эпизоды из жизни Вишну, Кришны или Шивы.
- Наш разговор был прерван объявлением посадки на так подозрительно долго ремонтировавшийся самолет. Надо ли говорить, что мы были искренне счастливы, когда, все-таки благополучно взлетев, вскоре живые и невредимые приземлились в Мадуре.
- Аша еле-еле успела на заключительную часть семинара. А у меня хватило времени лишь на то, чтобы до наступления темноты довольно бегло осмотреть основную достопримечательность этого города – храмовый комплекс Минакши, о котором я к тому моменту уже кое-что знала. Переночевали мы в очень скромной, но чистенькой гостинице, а утром, позавтракав, отправились обратно. Так что воспоминание об этом визите вызывает у меня однозначное чувство неудовлетворенности – вроде и была в городе, о котором столько слышала, но ничего толком не увидела.
- Во время обратного полета попыталась, если не увидеть, то хоть еще кое-что услышать от Аши о тех местах, где я якобы побывала.
- Помнишь, ты сказала, что у вас здесь на юге особенно популярен Шива. Кстати, ведь в этом комплексе два храма, храм Минакши и храм Шивы. Только он как-то по-другому называется.
- Храм Сундарешвары. Это одно из имен Шивы. А что тебе больше всего понравилось, этот храм?
- Да нет, в храме Шивы меня больше всего потрясли в самом конце статуя танцующего Шивы и рядом статуя, по-моему, Кали. И они обе с ног до головы залеплены чем-то, при мне люди в них кидали что-то похожее на куски масла.
- Да, это люди кидают в них гхи, коровье масло.
- А зачем?
- Считается, что здесь Шива и его жена, кстати, ты права, здесь она в облике Кали, разбушевались и их надо умиловить, успокоить.
- Все-таки странный способ борьбы с разбушевавшимися богами. Я такого нигде не видела. А еще мне, конечно, понравился этот фантастический зал с бесконечными колоннами.
- Перед павильоном Нанди. Это скорее не зал, а крытая галерея или, как у нас говорят, мандапа. Она называется «Мандапа тысячи колонн».
- Правда, а сколько там колонн?
- Ой, этого, по-моему, никто не знает. Кто говорит не тысяча, а девятьсот, а кто-то, наоборот, считает, что их там две тысячи. А ты заметила, что колонны поют?
- Поют? Нет, не заметила. Да разве в такой спешке что-то можно воспринимать? А что, они действительно издают какие-то звуки?
- Да, ты знаешь, иногда это очень хорошо слышно. Особенно, когда народа мало, тихо, и небольшой ветер гуляет по залу. Говорят, что они сделаны из особого камня, его так и называют поющим.
- Зато я заметила, что все колонны разные, вернее, не колонны, а барельефы, которые их покрывают, или там есть похожие?

– Вроде нет, все разные. Ведь каждый барельеф изображает какой-то сюжет из «Рамаяны», из «Махабхараты» и из других книг.

– Пожалуй, это место мне больше всего понравилось.

Обсуждая храм в Мадуре, я думала о том, насколько же изменилась архитектура храмов за несколько веков. Я вспомнила храмы Ориссы. Тот же юг. Разница в том, что там самые поздние храмы были построены где-то в XV веке, Это по сути башни, которые в зависимости от формы и архитектурных деталей имели разные названия. Так вот, храм в XVII веке не только лишился своей главной красоты – этой башни, но он перестал быть центром храмового комплекса. Как может быть центром какое-то снаружи довольно невыразительное сооружение, низенькое, с плоской крышей? Зато сколько вокруг него всяких галерей с колоннами. Такое впечатление, что не храм, а лабиринт. Еще появились гопурамы. Гопурама – это башенные ворота или, правильнее, башня над воротами. Теперь башни переместились на наружные стены храмовых комплексов. Башни-гопурамы находятся не над храмом, а чаще всего с четырех сторон – на юге, на севере, на востоке и на западе храмовой постройки. Конечно, их может быть и больше, они могут быть и в других местах, но всегда на воротах, ведущих к какому-то храму. Ведь каждый храм имеет свой огороженный стенами дворик. Вот над входными воротами в такие дворики тоже есть гопурамы. В храме в Мадуре их, если я не ошибаюсь, или десять или одиннадцать. А есть храмы, где их до двадцати и больше. Причем башни эти довольно высокие, как в храме Минакши, и все они в барельефах, в скульптурах. Их там великое множество. Сколько? Этого никто точно не знает. Я слышала разное. Где-то в туристических проспектах один раз увидела цифру в тридцать миллионов. Имеется в виду всего в храме – на гопурамах и на колоннах. Но, по-моему, это для заманивания туристов. Ни в одной серьезной книге я таких цифр не встречала. Но ясно, что их там десятки тысяч. Все просто кишит скульптурами.

Все это, конечно, не может не впечатлять. Но все-таки мне больше понравились храмы Ориссы. Они более органичны и лаконичны. А в Тамилнаде, они, на мой взгляд, перегружены деталями. И слишком много цвета, слишком ярко. Я это заметила еще в Мадрасе. Сначала я подумала, что, возможно, мне все кажется слишком ярким после Раджастана, где краски более приглушенные. Здесь, на юге, такая природа яркая, сочная, что на ее фоне и храмы требуются другие. Потом вспомнила Ориссу. Там природа такая же. А храмы другие. Тогда я поняла – дело во времени. Разница в пару веков имеет значение. Стиль храмов Тамилнада – это что-то вроде индийского барокко. Скорее, даже индийское рококо, вот. И здесь уже дело вкуса. Кому-то нравится классицизм, а кому-то рококо. Я поделилась своими соображениями с Ашей.

– В том, что ты говоришь, что-то есть. Очень может быть. Но все равно многого ты не увидела, поэтому тебе трудно судить. Да и я хороша. О некоторых вещах, которые мы могли посмотреть, просто забыла. Вот сейчас мы разговорились, и я вспомнила, что нужно было в храме подольше остаться. Там поздно вечером очень красочная церемония происходит. Статую Сундарешвары на паланкине переносят в храм Минакши, чтобы он ночь провел со своей супругой.

– Может быть, мне удастся еще куда-нибудь выбраться, но поближе. Мне завтра мои знакомые из АПН обещают машину дать, но на один день. Надо куда-то съездить, чтобы за один день обернуться, и не бегать, как мы сегодня, а спокойно все осмотреть.

– Съезди тогда в Махабалипурам. Это совсем недалеко, где-то километров шестьдесят от Мадраса.

– А там интересно?

– Очень. Мадурай – это столица династии Пандьев. Помнишь, я рассказывала?

– Конечно.

– А Махабалипурам – один из городов, построенных правителями династии Паллавов. Ведь как раз весь район вокруг Мадраса – это когда-то и было царство Паллавов. Где-то с III и до VIII века земли на востоке Тамилнада принадлежали им. Ну а к началу IX века все это прибрала к рукам династия Чолов. Они тогда стали практически безраздельными властелинами Южной Индии.

– Ну да, ты мне рассказывала, когда мы в Мадурай ехали, я помню. А что, Махабалипурам был столицей Паллавов?

– Нет, вообще-то у Паллавов столицей был Канчипурам, а Махабалипурам – это был крупный порт. Его, кстати, сейчас чаще называют Мамаллапурам, город Мамаллы. Мамалла – это титул, который получил царь Нарасимхаварман, при котором город был построен. Иногда он становился столицей, некоторые из Паллавов предпочитали жить там, а не в Канчипураме. Ведь оттуда регулярно отправлялись корабли в Азию, в Африку. Паллавы активно торговали с разными странами, но особенно с Юго-Восточной Азией. Так что там много интересного.

Я послушалась Ашу и на следующий день отправилась в Махабалипурам. Это путешествие, в отличие от предыдущего, осталось в памяти как одно из самых приятных и принесло мне много интересных впечатлений. Дорога от Мадраса до Махабалипурама шла вдоль моря. По обе стороны дороги росли пальмы, с одной стороны виднелись зеленые рисовые поля, с другой – бесконечные бело-желтые песчаные пляжи, а за нами иногда проглядывала неправдоподобная синева океана.

По пути в Махабалипурам я заехала на крокодиловую ферму со странным названием «Крокодиловый банк». Здесь меня поджидало небольшое приключение. Ферма – это многочисленные озера, огороженные заборчиками, высотой примерно метра полтора, из дерева и бамбука. В этих озерах или прудах плавали крокодилы. Я ходила по ферме с небольшой группой японских туристов. Гид рассказывал о ферме, о том, какие виды крокодилов здесь разводят, куда и для каких целей их потом продают. Я, конечно, уже не один раз видела в индийских магазинах различные изделия из крокодиловой кожи – сумки, портсигары, портфели, туфли. Но одно дело смотреть на это в магазинах, а другое – быть на ферме и видеть в воде довольно симпатичных, похожих на ящериц, совершенно безобидных, на первый взгляд, животных и слушать, какая часть их кожи лучше подходит для производства того или иного вида пользующегося спросом товара. В конце экскурсии я уже себя спрашивала: крокодил – прожорливая отвратительная тварь, или человек, неустанно потребляющий все, что только создала природа, – ненасытное кровожадное животное? И я приняла героическое решение: не покупать сумку из крокодиловой кожи, о которой столько мечтала.

Но тут мы подошли к последнему озеру, в котором плавали особенно крупные особи. Японцы начали исступленно щелкать фотоаппаратами. Один мужчина подошел вплотную к изгороди и, несмотря на беспокойные возгласы нашего гида, принялся делать снимки крокодилов, особенно одного, который неподвижно, действительно как бревно, лежал на песке метрах в двух от

изгороди. Да и сам он, серо-коричневый, весь бугристо-пупырчатый, удивительно походил на кусок дерева, выброшенный волной на песок. Никто толком даже не понял, что произошло. Бревно вдруг стремительно взлетело в воздух, послышался вскрик японца, с опозданием отшатнувшегося от заборчика. А потом все увидели страшно напуганного, но, слава богу, целого японца. Правда, без фотоаппарата. А на берегу озера несколько пресмыкающихся, прельстивших меня своим невинным видом, яростно раздирали в клочья японский фотоаппарат.

Те, кто смотрел американский фильм «Крокодил Дэнди», могут очень хорошо представить то, что произошло тогда на ферме. Помните сцену, когда главная героиня подходит к озерцу, наклоняется, чтобы ополоснуть лицо, и в этот момент крокодил, которого мы, как и она, приняли за бревно, мирно покачивавшееся на воде, вдруг делает стремительный бросок вверх и... заглатывает флягу, висевшую на шее девушки. Хорошо, что не ее саму.

Признаюсь, что позднее в Мадрасе я все-таки купила сумку из крокодиловой кожи.

Неподалеку от фермы, соблазненная совершенно идиллическими картинками белых, обрамленных пальмами пляжей, я попросила шофера остановиться. Решила искупаться. Конечно, я знала, что купаться в океане – дело рискованное. Вернее, что рискованно купаться в местах, специально не отведенных под зону купания, и тем более незнакомых. Ведь везде разная сила прибоя. Кроме того, в некоторых местах вы можете долго брести по мелководью, а где-то, сделав пару шагов, уже не ощутите дна под ногами. Все это я, естественно, знала. Но я человек азартный, к тому же в тот момент океан показался мне совершенно ручным, неопасным. Невысокие пологие волны лениво напозлали на песок. Вокруг идиллия – ни души.

К этому моменту я искупалась хотя бы один раз почти везде, где только можно купаться, – в море, в реке, в озере, в канале, в водохранилище, в пруду, в бассейне. Была даже попытка, пресеченная доблестной советской милицией, искупаться в жаркий июльский день в фонтане на ВДНХ. А вот в океане я никогда не купалась. Не пришлось. Ну как было теперь не воспользоваться такой возможностью и не заполнить пробел в моем списке регалий! И вообще, зря, что ли, я везла в Индию купальник?

Шофер остался около машины, а я направилась к воде. Воды я никогда не боялась, и мой послужной список купальщицы исчислялся, по крайней мере, тридцатью годами. По моим расчетам, главная задача заключалась в том, чтобы в тот момент, когда очередная волна только начинает накатываться на берег, преодолеть самую опасную полосу прибоя. Дождавшись нужного момента, я смело вошла в воду и постаралась быстрым кролем как можно дальше отплыть от берега. Сначала все шло хорошо. Но в какой-то момент я почувствовала, что хоть я и перебираю изо всех сил руками и ногами, но с места не двигаюсь. А потом что-то подхватило меня, завертело, затащило под воду и начало кидать вверх и вниз, вертеть, периодически ударяя о песчаное дно. Пловчиха я неплохая, но тут – умеешь ты плавать или не умеешь вообще – разницы никакой. Единственное, на что я была способна, это стараться иногда, оказавшись на поверхности, заглатывать воздух и экономить силы. Наверное, моя тактика оказалась правильной, а может, мне просто-напросто повезло, и я не свернула себе шею, ударяясь о дно. А скорее всего, прибой в тот момент действительно был не очень сильным.

В общем, через какое-то время, я почувствовала, что ноги стоят на песчаном дне, а голова торчит из воды. Очень приятное ощущение. Я оглянулась. Сзади потихоньку надвигалось нечто, уже не казавшееся мне таким безобидным. Откуда только силы взялись. Я рванула к берегу, преодолевая сопротивление воды почти со спринтерской скоростью, и рухнула на прибрежный песок, не дав очередной набегавшей волне вновь схватить меня. Хватит, поиграли. Отлежавшись, отдышавшись и, извиняюсь за такие подробности, отхаркавшись, я вернулась к машине, приняв мудрое решение отказаться от попыток вписать купание в океане в список своих побед над водными стихиями. Добавлю однако, что через несколько лет я все-таки смогла это сделать, хотя мне удалось покорить не Индийский, а Атлантический океан.

Дальнейшее мое путешествие в Махабалипурам прошло без приключений. В самом городе я смогла спокойно и в свое удовольствие осмотреть все основные достопримечательности. А их там удивительно много. Памятники Махабалипурама подразделяются на три группы. Первую группу условно можно назвать «Нисхождение Ганга». В нее входит чудесный барельеф, считающийся самым большим в мире, и несколько мандап (напомню, что это большие крытые помещения, в данном случае, павильоны с колоннами). Что такое этот знаменитый на весь мир барельеф «Нисхождение Ганга»? Это небольшая скала – высотой 9 метров и длиной 27 метров, на которой в VII веке с необыкновенным мастерством были высечены чудесные фигуры людей и животных. Конечно, есть и сюжет. Изображен момент, когда на страдавшую от засухи землю снизошли воды священной реки Ганг. Возможно, сюжет был подсказан автору или авторам самим рельефом камня. Дело в том, что примерно посередине скалы идет естественная впадина, углубление. Подразумевается, что это углубление в камне и есть не что иное, как Ганг – величайшая река Индии, изливающаяся на землю. А по обе стороны от нее изображены многочисленные обитатели земли и неба – боги, цари, святые, обычные люди, звери, птицы, змеи, – которые собрались посмотреть на свершившееся чудо. Можно долго и подробно описывать все то, что с таким огромным мастерством изображено на этом барельефе. Я этого делать не буду. Скажу одно: я, конечно, не помню всех деталей, но четко помню ощущение радости, испытанное при виде этого барельефа. Такая радость всегда явный признак прикосновения к чему-то прекрасному.

Еще есть пять небольших, но очень интересных храмов, вырубленных из цельного камня и изображающих церемониальные колесницы, на которых обычно перевозят статуи богов во время празднеств. Каждая колесница – ее называют ратха – сделана в форме небольшого храма. Почему целых пять? Рассказывают, что эти храмы не что иное, как результат своеобразного конкурса архитекторов, который был организован одним из царей династии Паллавов. Если это правда, то наверняка это был первый в истории человечества подобный конкурс. Вот только неизвестно, кто стал победителем. Но в любом случае найденная здесь форма – ратха – оказала влияние на создание и других памятников в Южной Индии. Узнав об этом, я подумала: не эти ли памятники-колесницы, построенные в VII веке, вдохновили позднее, в XIII веке, создателей храма Солнца в Конараке, также изображающего колесницу, только огромную?

И наконец, Прибрежный храм VIII века, считающийся одним из первых храмов, построенных из камня в дравидийском архитектурном стиле. Это храм, внутри которого, по существу, скрываются три отдельных храма, два из которых посвящены, естественно, Шиве. Он расположен несколько в стороне от

города, прямо на берегу океана. Когда вы идете по пляжу, то уже издалека вы видите две его желто-коричневых пирамидальных башни разной высоты, четко вырисовывающиеся на темно-синем фоне воды. Я была в этом храме, когда там никого не было. Буквально за стеной шумели волны океана. Его воды постоянно вступают в явно неравную схватку с творением рук неизвестных художников, живших почти две тысячи лет тому назад. Барельефы храма сильно повреждены эрозией. Вода, которая, бывало, затапливала храм, постепенно разрушает здание. Одинокий, прекрасный, гибнущий храм – этот романтический образ вдохновлял многих индийских поэтов и писателей.

Я еще немного побродила по берегу. Вокруг сновали мальчишки, продававшие очень красивые морские ракушки, которые я тогда как раз начала коллекционировать. Но все деньги я к тому моменту уже истратила. Что делать? И тут я обратила внимание на то, что в лавочках у местных торговцев полно наших товаров: водка, крабы, сигареты, сгущенка, даже икра. Я спросила у своего шофера, откуда все это. Выяснилось, что здесь бывают иногда моряки с заходящих в Мадрас кораблей. Вот они и наладили безденежную форму торговли с местным населением. Я только не поняла, что же они выменивали у местных жителей в обмен на свой товар. Но мне это было и не интересно. Мне было ясно, что хочу я. Моя мысль судорожно заработала. По-моему, я захватила с собой лишнюю пачку сигарет. Она должна быть в машине. Точно. У шофера еще нашлась заваливавшаяся от какой-то поездки банка сгущенки. Я выпросила ее у него, пообещав сегодня же отдать такую же из своих запасов.

Побежала на берег к мальчишкам. По их загоревшимся глазам сразу поняла, что обмен состоится. В результате недолгой торговли за сгущенку и сигареты я получила несколько редких ракушек, предмет моей давнишней мечты.

Счастливая увиденным и к тому же довольная заполученными ракушками – вещественными приметами моего пребывания в Махабалиपुरаме, – я отправилась в обратную дорогу в Мадрас.

В этот день вечером мне предстояла встреча с очень симпатичными людьми. Дело в том, что в это время человек, с которым мы прожили бок о бок в одном доме четыре долгих года в Бангладеш, занимал ответственную должность в генконсульстве СССР в Мадрасе. С ним, назовем его Славой, и его женой Надей у нас все четыре года, несмотря на отнюдь не простые условия жизни в Дакке, сохранялись хорошие, ровные отношения.

Когда вечером мы со Славой приехали в генконсульство, то его территория поразила мое воображение. И сам Мадрас – зеленый город, особенно по сравнению с Дели и тем более – с Джайпуром. Но тут – просто джунгли. Буйство зелени. Какие-то совершенно невиданные мною прежде деревья, кусты, цветы. По сравнению с территорией нашего калькутского генконсульства, напоминавшей двор для прогулки заключенных, – это был просто рай. Виллы, где жили мои знакомые, просто не было видно в зарослях растений.

Но вот общение со Славой и Надей меня несколько разочаровало. Мы не виделись десять лет. В человеческих отношениях – это и много, и мало. Бывает, вы встречаете кого-то, с кем были дружны и с кем не виделись и больше, но после первых минут некоторой неловкости быстро все встает на круги своя, и уже кажется, что не было долгих лет расставания. Здесь этого, к сожалению, не произошло. Слава был неестественно весел. А Надя, которая и в Бангладеш не отличалась открытостью и разговорчивостью, сейчас просто производила

странное впечатление. Она была недоверчива и даже как-то пуглива. То и дело подходила к окну, смотрела куда-то в темноту, в заросли деревьев, окружавших виллу, и было очевидно, что она тяготится необходимостью изобразить приветливую хозяйку. «Как же ей, наверное, тяжело каждый день принимать гостей, самой ходить в гости, выполнять все то, что она обязана выполнять, будучи женой дипломата высокого ранга». Через несколько лет я узнала, что показавшееся мне несколько странным поведение Нади не было случайным. У нее возникли серьезные проблемы со здоровьем. Не знаю конца этой истории, поскольку Слава вскоре умер, да и спрашивать о таких вещах, даже когда он был жив, не было принято.

Надеюсь, что с Надей все окончилось благополучно, ограничилось нервным срывом или, как более изящно выражаются французы, «*crise de nerfs*». Но проблема в том, что случай с Надей отнюдь не единичен. Депрессии, нервные срывы, алкоголизм – все это явления очень распространенные среди жен заграничников (слово-то какое, уже от него одного депрессия может наступить). Уже слышу реплики: «Все у них есть! И чего им только не хватает? С жиру бесятся – и больше ничего!»

Это и так, и не так. Да, все есть, с точки зрения человека, постоянно борющегося за кусок хлеба. Но много чего нет... Женщины проводят долгие годы в своеобразной золотой клетке. Без родных, без друзей. А если еще и без детей, как это было в случае с Надей, то совсем тоска. Без работы – женам заграничников о карьере думать не приходилось и не приходится. Даже если вы закончили тот же институт, что и ваш муж-дипломат, вы не имеете права работать вместе с ним за границей. Помню, с какой черной завистью все мы, закончившие, как и наши мужья, МГИМО, смотрели на молодую болгарскую пару, работавшую в посольстве Болгарии в Дакке. Они закончили наш же МГИМО, и оба занимали дипломатические посты в посольстве. Их государство отменило дурацкий запрет на работу жен за границей в качестве дипломатов. А мы были счастливы, если нам перепадала хоть какая-то работа. Задолго до перестройки у нас были люди с дипломом о высшем образовании, работавшие уборщицами, сторожками, садовницами, продавщицами в посольских лавках. Особенно тяжело, конечно, женщинам, жившим и живущим с мужьями в развивающихся странах. Где-нибудь в Европе ты вышла, прошлась по магазинам, поглядела на витрины, посидела в кафе, да просто погуляла по оживленным улицам – и уже легче. Но всего этого лишены женщины в большинстве стран Азии и Африки. Их прогулочная территория иногда, как это было со мной в Дакке, ограничивается крышей виллы.

Видимо, чтобы как-то разрядить тягостную обстановку, Слава предложил пойти погулять по берегу океана. Мадрас, как и Калькутта, расположен на берегу Бенгальского залива. Для Калькутты это весьма относительное определение ее местонахождения, так как до берега там нужно еще ехать и ехать. Прожив в этом городе два года, я лишь пару раз видела океан. Зато в Мадрасе океан – вот он, рядом. Город вытянут вдоль песчаных пляжей, когда-то наверняка потрясавших такой же красотой, как и расположенные не так далеко пляжи индийской туристической Мекки – Гоа. Район в центре города, примыкающий к пляжам, называется Марина. Я, конечно, знаю, что это название сохранилось от англичан, и понимаю, что оно означает. Но у меня, наверное, как и у всякого русского, это название вызывало ассоциации совсем не с морем, а с русским женским именем. И поэтому странно было слышать

обращенные к любому приехавшему в Мадрас человеку фразы типа: «Вы были на Марине? Сходите на Марину».

Что же такое эта такая любимая всеми мадрасцами Марина? По существу, это хорошо утрамбованный пляж, который служит жителям чем-то вроде местного варианта парка культуры и отдыха советских времен. В Мадрасе убеждены, что это самый длинный пляж в мире. Сюда, особенно по вечерам, выходят погулять, развлечься, перекусить, себя показать и других посмотреть.

Мы вышли на пляж, когда было уже совсем темно. Я думаю, все согласится с тем, что небо, скажем в Крыму или на Кавказе, отличается от неба в средних широтах. Звезд больше, они ярче и как будто ниже. Здесь же, когда мы вышли к морю, мне захотелось зажмуриться – так многочисленны и яркие были звезды. Они висели над самым морем. Казалось, очередная чуть больше и выше обычного волна сейчас смоет их с неба и унесет в море. Вечер был очень теплый и влажный. По сравнению с прохладой раджастанских вечеров, даже жаркий. Но жарко не было из-за морского бриза. Зато чувствовалась влажность. Я уже и забыла, насколько влажно может быть в Индии, даже по вечерам. Воздух был тяжелый, какой-то тягучий, он вливался, а не вдыхался в легкие. К тому же он был насыщен десятками ароматов. Это и обычный вблизи моря аромат водорослей. И странно воспринимавшийся на берегу океана аромат благовоний, курившихся на многочисленных переносных лотках, установленных по всему пляжу. Оттуда же шел запах готовящейся еды, сдобренной острыми, пряными приправами. Добавьте к этому разнообразные запахи, присущие восточной толпе, – и вы получите некоторое представление о том, чем был насыщен воздух, который мы вдыхали на берегу Индийского океана в тот далекий вечер.

Народу было много – сотни, а скорее, тысячи людей. Ведь Марина – это не один пляж, а целая череда пляжей, протянувшихся вдоль залива. Люди на пляже гуляли, сидели, бегали, танцевали, пели, играли, торговали и торговались. А кто-то, пристроившись под защитой опрокинутой днищем вверх лодки, спал, свернувшись калачиком и накрыв голову тряпицей.

Мы гуляли долго. Впереди быстрым шагом шла Надя, – не глядя по сторонам, все вперед и вперед. Слава, в коротковатых брюках, бившихся вокруг его худых ног, не выпуская сигареты изо рта, метался между ней и мной. Я все время отставала, засмотревшись на очередную любопытную сценку. Наверное, мы тоже представляли собой забавное зрелище. Но на нас никто особого внимания не обращал, хотя других европейцев я в тот вечер не видела. А может, просто не заметила. Правда, за нами упорно следовала группа мальчишек, которые сначала попытались было просить бакшиш, но, когда поняли, что его не будет, продолжали идти за нами. Возможно, они предвидели, что бакшиш они все-таки получат. От меня. А как было не дать, когда несколько раз, сильно отстав от своих друзей, я находила их лишь благодаря ребятам, которые быстро отыскивали их в толпе.

Вернулась я домой поздно ночью. Легла спать и не могла заснуть. Внутри закрытых веками глаз полыхали звезды. Они вспыхивали так сильно, что я вздрагивала и открывала глаза. Мне казалось, что иначе звезды их обожгут.

По капризу судьбы, все города, которые мне до сих пор удалось увидеть в Тамилнаде, начинались на букву «м» – Мадрас, Мадурай, Махабалипурам. Название мадрасского пляжа, по которому я гуляла в ту ночь, по какому-то странному совпадению тоже начиналось на букву «м» – Марина. Побывав в городах, я узнала много интересного, я была полна новыми впечатлениями, и,

казалось, они не шли ни в какое сравнение с неясными ощущениями и эмоциями, испытанными во время прогулки по пляжу. Наверное, я очень бы удивилась, если бы в тот момент мне сказали, что именно эту прогулку по ночному пляжу я буду чаще всего вспоминать, думая о своей поездке в штат Тамилнад.

Кто ответит на вопрос, почему так получилось? Для этого, возможно, надо понять, почему мы так редко вспоминаем о каких-то важных, можно даже сказать, эпохальных событиях нашей жизни и так часто с непонятным упорством наша память вновь и вновь возвращает нам чей-то жест, взгляд, ненароком оброненную или услышанную фразу, чью-то улыбку?

Натараджа – первый танцор вселенной

Встретившись после поездки в Махабалипурам с Ашей, я начала ей рассказывать о своих впечатлениях и тут же споткнулась, сначала произнося название города, а затем, пытаясь что-то уточнить про царя Нарасимхавармана.

– Господи, почему у вас все такие названия сложные? Язык сломаешь. Что ни город, то название одно другого чище, – не удержалась я от бестактного замечания.

А поскольку у меня в руках была карта штата, с которой я не расставалась, то я стала с упоением выискивать труднопроизносимые названия.

– Чидамбарам, Тируваннамалай, Ганга-конда-чола-пурам, – по слогам все-таки прочитала я. – Еще сложнее, чем тот, в котором мы два часа простояли. Я до сих пор не могу название произнести.

– Тиручираппалли. Но все говорят проще – Тричи. Ты вообще-то знаешь, что наш язык очень древний?

– Тамильский? Первый раз слышу.

– Ну а о том, что здесь, на юге, существовала одна из древнейших цивилизаций, ты знаешь?

– Да, об этом читала. Дравиды, цивилизация дравидов. По-моему, тамилы принадлежат как раз к группе народов, которых и называют дравиды.

– Правильно. Дравидийская цивилизация – ее еще называют протоиндийской – существовала уже в третьем тысячелетии до нашей эры, задолго до прихода в Индию ариев.

– Знаю, знаю, ее закат приходится где-то на середину второго тысячелетия, и тогда начинается постепенное проникновение индоевропейской культуры сначала в центральную Индию, а потом и к вам, на юг.

– Слава богу, хоть что-то ты знаешь.

– А ты не ехидничай, а лучше меня просвети. Что касается истории, ты меня более-менее подковала. А вот тамильская культура – здесь я совершенный профан.

Долго уговаривать мою знакомую не пришлось. Тем более что, как я уже имела возможность убедиться, хотя она и занималась изучением таких совершенно загадочно звучащих в то время для меня вещей, как маркетинг, бизнес, менеджмент и прочее в том же духе, это не мешало ей очень хорошо разбираться в истории и литературе Индии.

В этот день она еще раз это продемонстрировала. Аша прочитала мне целую лекцию о богатстве тамильской культуры и не успокоилась до тех пор, пока не увидела, что она меня убедила. Но, собственно, мне не надо было притворяться. Я действительно была впечатлена тем, что услышала. Я, конечно, не собираюсь здесь воспроизводить все то, что узнала и записала по свежим следам. Но даже краткое изложение только фактов производит впечатление.

Зарождение тамильской литературы относят к I–III векам нашей эры. Этот период в истории южной Индии называют эпохой Сангам. И если нам что-то и известно об этом периоде, то в основном благодаря произведениям литературной школы, существовавшей в это время в Мадуре. Основателем этой школы считают святого по имени Агастия, которого до сих пор очень почитают в Тамилнаде. Особенно прославились тамильские поэты, известно около пятисот имен поэтов этого периода. И именно из их стихотворений и поэм мы сегодня узнаем о жизни при дворе царей из династии Чола, Пандьев, а также о повседневной жизни простых тамильцев. Как рассказывала Аша, из этих произведений становится очевидным, что тамильское общество не строилось на базе кастовой системы, которая уже к этому времени утвердилась

во многих других районах Индии. В этих произведениях не упоминается подразделение общества на брахманов, кшатриев, вайшьи и шудр. Да, тамильское общество было иерархическим. Но, как ни странно, иерархия была иной, чем та, которая сразу приходит на ум: царь, воин и где-то в конце – крестьянин. На верху социальной лестницы стоял мудрец, садху, за ним шел крестьянин, потом охотник, пастух, ремесленник и затем уже воин. Если предположить, что воевали тогда мало, то очень логичная социальная цепочка. Интересно также то, что люди в те времена могли менять занятия и в течение жизни плавно переходили из одного социального положения в другое.

В том, что рассказала Аша, я увидела подтверждение тех идей, о которых рассказывала, говоря об индуизме и, в частности, о кастах. В древней протоиндийской цивилизации не существовало закостенелых социальных структур. Все это пришло, а вернее, было привнесено позднее индоевропейской культурой.

С начала VII века, то есть позднее, чем в другие районы Индии, в Тамилнад начала проникать арийская культура севера, которая несла с собой все больший интерес к индуизму и постепенное утверждение этой религии на юге Индии. В это время не только переводятся на тамильский язык «Веды» – священные книги индуизма, но и тексты «Махабхараты» и «Рамаяны». Существует версия, что в «Рамаяне», повествующей о победе принца Рамы над королем демонов по имени Равана, обитавшем на острове Ланка, на самом деле рассказывается в иносказательной поэтической форме об экспансии северных народов на юг Индии.

Где-то примерно в это же время по южной Индии странствовали трое святых. Они переходили от храма к храму и пели песни, сочиненные ими, восхвалявшие величие индуистских богов, и особенно величие Шивы. На каком-то этапе к ним примкнул могущественный министр одного из местных царей. Он отказался от всех мирских интересов и посвятил себя служению богу. Свод писаний этих четырех людей и лег в основу священных сборников – «Тирумурай», или «Тирумурей» по-тамильски, – которые составили крупнейший вклад тамильской культуры в индуизм, вернее, в шиваитский индуизм.

Я имела неосторожность уточнить.

– Я знаю, конечно, что в индуизме есть разные направления, ветви – шиваизм, кришнаизм, вишнуизм. А здесь, на юге, какое течение больше распространено?

– Шиваизм, конечно. Ты же сама видела – большинство храмов посвящено Шиве. В одном Тамилнаде более пятидесяти миллионов человек исповедуют шиваизм. Но шиваизм шиваизму рознь.

– Как это так? – сделала я еще более серьезную ошибку.

И тут я услышала, что более чем за тысячелетнюю историю своего существования шиваизм породил множество течений, школ, подшкол и тому подобное. По-настоящему разобраться в этом могут лишь люди, посвятившие себя изучению шиваизма. Только крупнейших школ шиваизма насчитывается как минимум шесть.

Тогда я даже не запомнила названий всех школ, перечисленных моей знакомой. Лишь гораздо позднее, начав писать об Индии и пытаясь, насколько возможно, серьезно разобраться в индуизме, я прочитала о шести школах шиваизма и вспомнила рассказ Аши. Но в тот момент, когда состоялся наш

разговор, я была не готова к тому, чтобы разбираться в нюансах шиваизма. Поэтому я попыталась перевести разговор на более интересную для меня тему.

– Послушай, а тот факт, что в южной Индии так распространен шиваизм, не объясняет ли особую популярность здесь танцевального искусства?

– Что ты имеешь в виду? – не сразу поняла меня Аша, которую, очевидно, несколько удивил такой резкий переход от сложных религиозно-философских материй к танцу.

– Ну как же? Ведь, насколько я знаю, именно Шива создал танец. Его еще у вас иногда называют первым танцором вселенной.

– Да, его имя в этой ипостаси Натараджа – «Владыка танца» или «Царь танца». Именно во время своего космического танца – Тандава – он и создал мир из хаоса. Исполняя этот же танец, он может и все разрушить.

– Когда он танцует, он что-то держит в руках? Я на барельефах разглядела что-то вроде факела.

– Да, он держит барабанчик – символ ритма созидания и священный огонь, символизирующий силу разрушения.

– И иногда он изображен вместе с Парвати. Она тоже танцует?

– Шива научил Парвати танцевать. Она его ученица. Кстати, поэтому в древности танцевальное искусство часто считалось мужским занятием. Даже женские партии исполнялись лишь мужчинами, вернее, юношами.

– Очень странно, – удивилась я.

– А ты знаешь, что многие до сих пор считают танец одной из форм йоги? Ведь что такое индийский классический танец? Если знать, что он идет от Шивы, то нетрудно догадаться.

– Физическая сила и духовная энергия, – высказала я предположение, используя свои знания о том, что воплощает в себе Шива.

– Ну можно и так сформулировать. Но точнее, их синтез. Плюс глубокое понимание философии индуизма, знание его мифов, обрядов.

– Да, если не знаешь «Махабхарату» и «Рамаяну», то трудно понять, о чем идет речь, – добавила я. – Во всяком случае, все танцы, которые я видела до сих пор, были так или иначе связаны с этими книгами.

– Естественно, ведь из этих книг берутся сюжеты танцевальных представлений.

– Теперь все-таки женщин танцует гораздо больше, чем мужчин.

– Да, конечно. Хотя есть стили классического танца, где довольно долго танцевали только мужчины. Например, кучипуди долгое время танцевали юноши из семей брахманов. А кстати, о мужчинах. Учебник танцев написал мужчина.

– Действительно, учебник? И кто же его написал? Какой-то известный танцор?

– Нет, эта книга очень древняя. Наверное, это самый древний учебник танцев на земле. А написал его один мудрец или святой, или, как у нас чаще говорят, садху.

– Так, конечно, опять легенда.

– Наверное, частично легенда, частично правда. Как всегда у нас. Но человек этот – садху Бхарата – жил на самом деле. Книга (она называется «Натя Шастри» – «Наука о танце») существует. Ее часто называют и «Бхарата Шастри» – по имени святого. Но продиктовал эту книгу ему бог. Тебе это интересно? Тогда я расскажу.

– Еще бы!

– Сначала танцевали лишь боги, вернее, один бог и его божественная супруга. Естественно, это были Шива-Натараджа и Парвати. При этом другие боги – Вишну, Брахма, Индра и их супруги – ему аккомпанировали на различных инструментах.

– Интересно, а кто на чем играл?

– Вишну на мриданге – это барабан. Брахма задавал ритм, отбивая его с помощью цимбал – маленьких литавр, Индра играл на флейте, Сарасвати играла на вине – это такой струнный инструмент, Лакшми сопровождала танец пением.

– Неплохо! Этаким божественный квартет. Послушай, а вот часто говорят: «Божественная игра». Или: «Он божественно танцевал». В случае с вашим божественным оркестром это все обретает буквальный смысл. А может, так все и было на самом деле? Иначе откуда пошли эти выражения? Пора мне домой. А то в вашей Индии любой самый закоренелый атеист делается верующим.

– А неверующих людей нет. Все во что-то верят.

– Так, давай не будем сейчас. Ты же даже легенду не дорассказала.

– А ты не перебивай!

– Все, молчу.

– Никто из смертных не имел права увидеть, как танцуют боги. Но садху Бхарата был удостоен этой чести, так как он действительно совершил много благих дел. И вот он оказался во дворце великого Индры. Увидел божественное представление, был потрясен и стал уговаривать богов научить людей своему искусству. Он просил Шиву. Но Шива поручил это сделать Брахме. Вот так и возникла книга «Наука о танце».

– Чудесная легенда. Только не поняла, почему Брахма, а не сам Шива все рассказал?

– Как я слышала, Шива заявил, что он может только танцевать, а вот изложить всю науку танца – описать все позы, жесты, рассказать обо всех элементах танца – должен Брахма, это его дело. Ты, наверное, знаешь, что Брахма считается создателем драмы?

– Нет, не знаю. Но теперь понимаю. Решили, что, раз он писатель, он лучше и изложит.

– Может быть. Но после этого Шива и Парвати спустились на землю и научили людей танцевать.

– Все ясно. Только еще один, наверное, глупый вопрос: эта книга толстая?

– Толстая. А ты что, изучать ее собралась?

– Да нет, просто удивляюсь, чего же там можно было так уж расписывать, чтобы целую книгу написать?

– Действительно, странный вопрос. Там же все описывается: виды танцев, танцевальные стили, позы, положения рук и пальцев при каждой позе.

– Все, все, убедила. Тут, по-моему, даже одной книгой не обойдешься, – пошутила я.

– Естественно, потом много еще книг было написано. Про каждый стиль.

С юмором у моих индийских друзей явно было плохо. Кстати, действительно, нигде не читала и не слышала, чтобы в индуизме говорилось о чувстве юмора. Может быть, у индуистов настолько много других инструментов для выживания, что юмор просто не востребован?

Однако я не успела задать Аше этот вопрос, так как она меня опередила.

– Слушай, а хочешь мы сегодня пойдем на танцевальное представление? Там будет одна моя знакомая выступать. Если тебе интересно будет, то ты сможешь с ней потом поговорить.

В тот вечер, побывав с Ашей на представлении в стиле бхарат-натьям – самого популярного в Тамилнаде классического индийского танца, а потом встретившись с ее подругой, я еще многое узнала об индийском танце. И у меня уже не вызывало удивления то, что потребовалось создать специальную книгу «Наука о танце». Индийский классический танец – это воистину не только искусство, но и наука. Кстати, как я потом выяснила, эта книга была написана где-то между II и IV веками нашей эры. Для версии о том, что она была продиктована самим Брахмой, это поздно. Тем более что некоторые стили индийского танца, например кучипуди, существовали еще за триста лет до нашей эры. Вот опять то, с чем я и раньше неоднократно сталкивалась в Индии. Реальные факты (существование книги, да – я думаю – и мудрец этот, Бхарата, вполне возможно, был на свете) – и красивый вымысел.

Когда я только приехала в Индию, вся эта чехарда реального и вымышленного меня сильно раздражала, и я, как истинный советский ученый-марксист, все пыталась выяснить у моих индийских собеседников, где же правда, а где выдумка. Позднее я уже ничего не пыталась понять, а просто воспринимала все как неизбежные издержки индийского менталитета. Но к концу моего второго пребывания в Индии эта неразбериха не только не озадачивала, но и вызывала неподдельное восхищение. Мне все чаще приходила в голову мысль: а может, такой и должна быть история. Разве мы с нашим постоянным копанием в ней и ее переписыванием добрались до истины? Вон, почитаете книгу Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко «Империя» и выясните: опять все надо начинать копать по новой. Вроде бы и татаро-монгольского ига не было, и викинги – не викинги, а уж что до них было – вообще непонятно. Может быть, нам тоже надо было лишь изучать «Слово о полку Игореве» и еще пару произведений русского эпоса и тем ограничиться. Слышу возражения: многое там неправильно изложено, вымысел! Ну и что? Зато какой красивый вымысел и как удивительно изложено. А что мы имеем в настоящее время? Все равно, по-видимому, наполовину вымысел, но только не так занимательно пересказанный.

Любопытна история о том, как я впервые действительно прочитала «Слово о полку Игореве». Конечно, мы проходили его в школе, вернее, встречали упоминание о нем в учебниках. Но не более того. И вдруг в один прекрасный день мой младший брат вернулся из своего похода за макулатурой с сумкой, полной книг. Поскольку сегодня многие, наверное, даже и не знают, что это такое – сбор макулатуры, уточняю. Это сбор ненужной бумаги, которую можно еще пустить на переработку. Собирают бумагу, сдают ее на специальные сборочные пункты и получают за это какие-то деньги могли все. Но особенно часто этим занимались пионеры, так как это засчитывалось в качестве общественного поручения. Мой брат в субботний день отправился по квартирам, обращаясь с просьбой отдать ему ненужные газеты, книги – словом, всю ненужную бумажную продукцию. Это были шестидесятые годы – время, далекое от всеобщей антикварной и букинистической грамотности. Тогда люди могли выбросить уникальную, но ненужную «рухлядь», заменив ее на современный картонный ширпотреб, и отдать ценнейшую книгу на макулатуру, заменив ее новой, в красивой суперобложке.

И вот среди книг, отданных брату за ненадобностью, оказался редкий экземпляр «Слова о полку Игореве». Сначала мы с папой, изучив материалы об истории публикации этой книги, даже решили, что нам попался редчайший

экземпляр первого издания. Но потом выяснилось, что это все-таки не первое, но все равно достаточно редкое издание.

Раритет не раритет, но книга была хороша. И обложка – потрескавшаяся старая кожа. И то, как она была издана – на одной половине старославянский текст, на другой – текст на языке, бывшем в употреблении в момент издания книги в начале XIX века. Ну и конечно, сам текст – неспешный, мелодичный; необычные слова, складывающиеся в длинные фразы, рассказывающие о таких интересных событиях и героях.

Правда, в том же «Слове о полку Игореве» речь идет о не таких далеких временах. А что же, более древних сказаний, легенд о Яруне и прочих языческих богах у нас вообще нет? Или они были, может, и есть, но мы отмахнулись от них, не захотели сделать их частью нашей исторической культуры?

Но поскольку с переделкой нашей истории на индийский манер придется, видимо, подождать, вернемся к танцам. Как я узнала, в Индии существует два вида танцев – сольный танец и танцевальная драма. Кроме того, насчитывается семь основных стилей классического индийского танца. Об одном из них я уже рассказывала, когда писала об Ориссе. Название стиля – одисси – созвучно названию этого района Индии. Вот названия других классических стилей: бхарат-натьям, кучипуди, катхакали, мохини-аттам, манипури и катхак. Когда я поняла, что родиной пяти из семи танцев является Южная Индия, я утвердилась в своей теории о связи между распространением шиваизма и развитием культуры танца. Кстати, южно-индийские танцы до сих пор сопровождаются игрой на тех же инструментах, на которых боги аккомпанировали Шиве. С небольшими вариациями. Даже пение, которым сопровождался божественный танец, до сих пор остается неизменным элементом танцевального представления.

Я узнала о том, что в основе бхарат-натьям 108 поз, а также имеется множество строго определенных положений пальцев и рук. Все это, в совокупности с мимикой лица, призвано не только рассказать о происходящих событиях, но и передать эмоциональное и психологическое состояние героев. Танцовщица также должна в точности следовать всем правилам, предписывающим разный ритм, разную технику и манеру исполнения для каждой из семи основных частей танца. Начало танца – приветствие (поклонение богу, учителю, приветствие зрителей). Затем идет чистый танец, в котором демонстрируются основные элементы данного стиля. Обычно он сопровождается пением. Затем начинается танец, являющийся своеобразным вступлением в основную сюжетную часть представления. И наконец, часть основная: в ней излагается какой-то сюжет индийского эпоса. Только она может длиться до полутора часов. Есть еще одна часть, во время которой танцовщица больше играет, чем танцует, демонстрирует свое актерское мастерство. И под конец – маленький чисто танцевальный момент, во время которого танцовщица еще раз демонстрирует свое техническое мастерство.

В древности танцы исполнялись лишь в храмах, перед изображением того или иного божества. Танцовщицы были как бы частью храмовой культуры. Танцовщиц, отказавшихся от мирской жизни и посвятивших себя богу, почитали. Как я уже писала, их так и называли – «девадаси», что означает «служительницы бога». В некоторых храмах насчитывалось несколько сотен девадаси. Ритуальный танец рассматривался как искусство священное. В средние века многие традиции были утрачены. Танцы из ритуального действия,

во время которого воспевали бога, превратились в средство развлечения богатых людей. Танцовщиц, выступавших во дворцах, чтобы отличить от девадаси, стали называть «раджадаси» – «служительницами царя». Появились также «свадаси», танцовщицы, выступавшие во время публичных празднеств. При дворе Великих Моголов устраивались пышные празднества, непременным атрибутом которых были выступления танцовщиц, прославлявших уже не бога, а его наместника на земле. Постепенно падал престиж профессии танцовщицы. Многие из них начали совмещать занятия танцами с другой профессией, как говорят, самой древней на земле.

И лишь в XX веке началось возрождение древних традиций. Сегодня профессия танцовщицы классического танца весьма уважаема. Выучиться на танцовщицу дело нелегкое. Индийский классический танец в этом плане сродни классическому балету. Как правило, обучение начинается в раннем возрасте: чем раньше, тем лучше. Пройдут долгие годы занятий, прежде чем девушка получит от своего учителя разрешение на публичные выступления.

До этого вечера я видела выступления танцовщиц в Индии. Но признаюсь, я никогда не получала от этого большого удовольствия. Сначала интересно. Да, потрясающая пластика движений; удивительная грация, разнообразие и изощренность поз, движений рук, как занятно движутся пальцы, любопытно наблюдать за мимикой, интересно послушать звучание необычных инструментов, подивиться частой смене ритма. Иногда, когда танцовщица застывает в какой-то позе, ты как будто видишь уже не живого человека, а застывшее скульптурное изваяние одного из южно-индийских храмов. Но вот статуя дрогнула, открыла глаза, и начался медленный томительный процесс нового превращения – на этот раз каменного изваяния в живую, полную неги девушку. Все это хорошо наблюдать пятнадцать-двадцать минут. А через полчаса я уже с нетерпением поглядывала на часы: когда же конец?

На этот раз я наблюдала за танцем полтора часа с неослабевающим вниманием. Секрет? Очень прост. Рядом со мной сидела Аша, которая постоянно объясняла мне, что происходит на сцене. Мы специально сели так, чтобы никому не мешать. И я впервые понимала то, что происходит, хотя в этот вечер танцовщица представляла довольно сложный эпизод из «Рамаяны», когда царь демонов-ракшасов Равана похищает Ситу, жену царевича Рамы. В этом эпизоде танцовщица попеременно исполняла роли Ситы, Рамы и Раваны. У нас была программка, где приводились слова песни, объясняющей развитие сюжета. Но насколько интереснее пытаться, следя за движениями и мимикой танцовщицы, разгадывать развитие событий самим.

Позднее мне в голову пришло следующее сравнение: индийский танец – это нечто вроде шарады. Помните, была такая очень популярная игра наших бабушек, в которую я еще успела в детстве поиграть. Специально раскрыла «Толковый словарь» Ожегова и прочитала значение слова «шарада»: «загадка, в которой загаданное слово делится на несколько частей – отдельных слов; такая загадка, представляемая в живых сценах». Все точно. Индийский танец и есть загадка, представляемая в живых картинах. И представляет ее танцовщица, конечно, не без помощи музыкантов. Она постоянно спрашивает вас: «Что это? А о чем я рассказываю сейчас?» Наиболее сложные моменты своего представления-танца она повторяет вновь и вновь, чтобы дать зрителю возможность, если он не смог понять сразу, все-таки догадаться, о чем она только что поведала. И чем лучше вы разбираетесь в правилах игры – знаете

индийский эпос, имеете представление о технике индийского танца, понимаете язык жестов, – тем более захватывающей становится эта игра.

В тот вечер я лишь чуть-чуть прикоснулась к секретам этого искусства. И оно меня очаровало. Я даже в Москве попыталась узнать, нет ли где у нас школ индийского танца. Их не оказалось. Зато сейчас – каких только школ в Москве нет! Хочешь, занимайся танцем в стиле бхарат-натьям, а нет – пожалуйста, изучай стиль кучипуди. А можешь сразу все вместе. В том, что, записавшись в такую школу, вы сможете стать профессиональной танцовщицей, я сомневаюсь. Но в том, что узнаете много нового и интересного для себя, – уверена.

Благодаря танцу я открыла для себя и прекрасную бронзовую скульптуру южной Индии. Еще во время разговора после спектакля кто-то из девушек упомянул о том, что в этом районе Индии как нигде много изображений танцующего Шивы – Натараджи и что такие изображения есть и в музее Мадраса. До этого я не собиралась идти в мадрасский музей, но тут решила сходить, и не разочаровалась. Бронзовая скульптура Тамилнада произвела на меня такое же сильное впечатление, как гравюры и фрески Раджастана.

Бронзовые скульптуры делались еще в правление династий Падьев и Паллавов. Например, в музее Мадраса я видела несколько чудесных изображений Шивы эпохи Паллавов. Их относят к VIII веку. Но особенно хороши и по праву считаются лучшими бронзовые изделия несколько более позднего периода – эпохи Чола.

Я уже упоминала о династии Чола, одной из основных династий, правивших на юге Индии. О существовании этой династии говорилось еще в древнейших хрониках, но затем долгое время о ней ничего не было известно, и упоминания представителей династии Чола вновь появились в середине IX века. Династия быстро набрала силу и в течение четырех последующих десятилетий была самой сильной и влиятельной на юге Индии. X век называют золотым веком Чола.

Правители Чола поощряли певцов и художников, музыкантов и поэтов. Большинство из них были глубоко религиозными людьми, они восстановили по всей стране разрушенные старые храмы и построили сотни новых.

Все эти храмы украшались барельефами и статуями богов. Но эти скульптуры оставались на своих местах, их нельзя было трогать. А для многочисленных праздничных церемоний и шествий изготавливались тысячи металлических изображений богов. Бронзовые изделия Чола чрезвычайно ценятся во всем мире.

В это время столицей империи Чола был город Танджор. Неудивительно поэтому, что особенно красивые храмы строились в этом городе и там же находятся многие из уникальных образцов бронзовых изделий этой эпохи.

Один из самых прославленных правителей династии Чола – Раджараджа I, правивший в конце X – начале XI века, – построил там величественный храм, посвященный Шиве. Этот храм иногда называют Версалем Тамилнада.

В храме много интересного. Но историков особенно привлекает туда то, что на стенах храма сохранились надписи, сделанные во времена Раджараджи, рассказывающие о всех дарах, которыми царь осыпал храм. В частности, упоминается восемьдесят бронзовых скульптур, подаренных царем и установленных в храме. Там также расписываются в деталях все церемонии, происходившие в храме. Так, из этих надписей мы узнаем, что для участия в религиозных церемониях и обрядах при храме находилось четыреста

танцовщиц. Кстати, в этом же храме на одной из стен изображены все 108 основных поз индийского классического танца.

Многое из того, что было когда-то в храме, утрачено. Но несколько великолепных фигур из указанных в списке, и в том числе великолепная статуя Натараджи, по-прежнему остались там. Что-то попало в музей. В частности, в музее Танджора находится одна из лучших в мире коллекций южно-индийской бронзы. К сожалению, мне так и не удалось побывать в Танджоре и я не видела ни храма, ни коллекции музея. Но, как уже было сказано, я была в музее Мадраса и полюбовалась на скульптуру, в том числе и принадлежащую к эпохе Чола.

С тех пор прошло уже много лет. Я побывала во многих странах и во многих музеях. Но всегда, когда я узнавала, что где-то есть образцы южно-индийской бронзы, старалась выкроить время и взглянуть на них. Последний раз мне удалось это сделать в Нью-Йорке, в музее Метрополитен. Вокруг была Америка. Конец XX века. Белый, залитый неоном современный зал музея. В зале – почти никого. Я долго смотрела на одну особенно понравившуюся мне статуэтку Натараджи. И в какой-то момент Америка, Нью-Йорк – все куда-то отступило. Я вновь была в Индии, вокруг были не небоскребы, а разноцветные, снизу доверху покрытые танцующими фигурами храмы Тамилнада, а перед ними на белом, залитом солнцем бесконечном песчаном пляже танцевали, позвякивая многочисленными браслетами, темнокожие девушки, казалось, только что сошедшие со стены одного из храмов.

Немного эзотерики

Однажды Аша спросила меня.

– А ты знаешь, что в Мадрасе долгое время жила ваша знаменитая соотечественница Блаватская?

– Нет, и если честно, то я толком не знаю, кто она такая. Вроде бы имя слышала, но...

– Да что ты говоришь, – в голосе Аши явно слышалось разочарование. – А я думала, она у вас хорошо известна. Ведь это была выдающаяся женщина.

– Прямо-таки выдающаяся, – за иронией я попыталась скрыть чувство неловкости за свое незнание.

– Конечно, выдающаяся. Она была очень образованной для своего времени, много путешествовала, объездила полмира, написала книги, которые до сих пор изучают те, кто занимается теософией. И вообще это была крайне оригинальная женщина.

– А при чем здесь Мадрас?

– Блаватская долго жила в Индии, и особенно в Мадрасе. Здесь она в 1879 году основала теософское общество, которое существует до сих пор.

Мне неудобно было признаться, что я не только не знаю, кто такая Блаватская, но даже и не слышала ни о каком теософском обществе. Я лишь смутно догадывалась, что поскольку в названии фигурирует слово «теос», то,

значит, и общество каким-то образом связано с чем-то божественным. Поэтому свой вопрос я сформулировала достаточно обтекаемо.

– И чем это общество занималось?

– Ну, самое главное, пожалуй, – общество должно было стать центром общечеловеческого братства.

– Как это? Они крепили дружбу народов, что ли? – я все еще пыталась иронизировать, чтобы не выдать своего смущения.

– Как ни странно, ты попала почти в точку. Но не только. Насколько я понимаю, а я когда-то всерьез интересовалась идеями Блаватской, она хотела, чтобы это общество объединило людей не только любой национальности, но и принадлежащих к любой религии. Причем все члены общества обладали равными правами. Женщины, например, обладали такими же правами, как и мужчины.

– Ну, это-то понятно, раз основатель – женщина. И это все? Звучит очень абстрактно.

– Нет, конечно. Общество ставило своей задачей изучение различных философских учений и религий, чтобы доказать, что все они, по существу, исповедуют одни и те же идеи.

– Постой, постой, у меня почему-то ее имя ассоциируется со спиритизмом и вообще со всякой мистикой.

– Вполне возможно. Блаватская с молодости очень увлекалась спиритизмом, общением с потусторонним миром. Поэтому еще одной целью общества было изучать всякие необъяснимые явления в природе и развивать сверхъестественные способности человека.

– Ну и как? Удалось ей что-то сделать из того, что она хотела?

– Послушай, это сложный вопрос. Если тебе это действительно интересно, то я могу тебе дать кое-что почитать.

Мне, честно говоря, в тот момент это не было интересно, и я предпочла перевести разговор в более практическую плоскость.

– А где это общество находится?

– На другом конце города, на берегу реки Адьяр, там очень красиво. Хочешь, съездим туда, там чудесный парк, лучший в Мадрасе.

Поскольку дело шло к вечеру и после дня, проведенного в библиотеке, тянуло на свежий воздух, мы сели на моторикшу и отправились, как я пошутила, в гости к Блаватской.

Правда, сама Блаватская меня в тот момент совсем не заинтересовала. Но имя запало в память, и, когда впоследствии мне попадались материалы о ней, я их читала с любопытством. Я узнала, что означает так таинственно прозвучавшее для меня тогда в Мадрасе слово «теософия»: «учение о возможностях непосредственного постижения божественных тайн и общения с потусторонним миром». Узнала, что свое теософское общество Блаватская основала не в Мадрасе, а чуть раньше в Нью-Йорке в 1875 году. Не берусь рассказывать более подробно об учении Блаватской. Для этого нужно было бы прочитать ее книги. А их не так легко осилить. Только в первой части одного из ее фундаментальных трудов «Разоблаченная Изида», в котором излагаются основные принципы теософского учения, шестьсот страниц.

Но я поняла, как мне кажется, немаловажное. Блаватская всю жизнь стремилась к недостижимому: она хотела соединить считавшиеся несоединимыми вещи – религию и науку, историю и мифы. И не просто

механически соединить, а заставить их работать друг на друга, попытаться сделать так, чтобы наука обогащала религию и наоборот.

Поэтому для меня она, прежде всего, романтик. Хотя это не самая распространенная оценка ее личности, которую вы встретите, если будете читать о ней. Еще при жизни, а еще более после смерти Блаватская удостоилась такого количества самых противоречивых эпитетов, что уже это заставляет относиться к ней с уважением. Для некоторых она – один из выдающихся умов своего времени, объект для восхищения. Другие – не находят достаточно уничтожающих эпитетов, говоря о Блаватской. На меня произвел впечатление один только список людей, на которых она и ее учение оказали в той или иной степени влияние. Вот лишь несколько русских имен: художник Рерих и его жена Елена, которая была также далеко не ординарной личностью, поэт Волошин, писатель Андрей Белый, композитор Скрябин. Даже в Индии у нее были последователи. Так, Махатма Ганди признавал, что ее учение оказало на него большое влияние.

Что-то в этой женщине мне непонятно, что-то – чуждо. Например, ее увлечение спиритизмом, склонность к эпатажу, одержимость всем сверхъестественным, мистицизм. Но все-таки в ней больше того, что заставляет ею восхищаться. Во-первых, она незаурядная личность. А таких не так-то много как среди мужчин, так и среди женщин. Во-вторых, эта женщина всю жизнь искала ответы на те вопросы бытия, которые волнуют многих из нас и сегодня. В-третьих, Блаватская была одной из немногих, кто уже в то время понял развращающую силу насилия и заявил, что отвергает всякое насилие вообще. Она пыталась исповедовать общечеловеческие ценности в век, когда умами людей еще повсюду властвовали узконационалистические понятия. Мне также очень импонирует ее независимость. Это такое редкое качество. А в женщине, да еще жившей сто лет назад, редчайшее.

И наконец, она любила Индию. Как и мне, ей в кровь проник сладкий яд Востока. А значит, хотя бы в этом мы с ней родственные души. Она прожила в Индии много лет и написала интересную книгу «Из пещер и дебрей Индостана», прочитав которую, я открыла для себя мистическую Индию, о существовании которой и не подозревала.

Блаватской можно не восхищаться, но отказать ей в уважении нельзя. Это одна из тех немногих женщин, которые намного опередили свое время. И умудрились, живя в чуждой для них эпохе, в обществе, где все еще действовали жесточайшие правила, ограничивающие женскую свободу, найти и реализовать себя. Причем реализовать так, как удавалось далеко не всем даже самым выдающимся из ее современников-мужчин. Когда читаешь о ней, то кажется, что речь идет не об одной женщине, а о нескольких, так полна была ее жизнь. А может быть, ей действительно удалось то, к чему она так стремилась: развить в себе сверхъестественные способности и прожить одновременно несколько жизней?

Но тогда, в тот приятный мадрасский вечер, когда мы оказались с Ашей на территории теософского общества Блаватской, я еще и не подозревала, что придет время и мне станет дорога память о женщине, которая когда-то, как и мы, прогуливалась по дорожкам этого парка.

Аша была права. Парк действительно оказался великолепным. Особенное впечатление на меня произвел гигантский баньян, который, как считают мадрасцы, самый большой в Индии. Для тех, кто не знает, что такое баньян, объясню: под таким экзотическим названием скрывается всего лишь... фикус.

Конечно, не обычный, а бенгальский. Его высота иногда достигает тридцати метров. Но не это главное. Баньян может занимать огромную площадь – до пяти тысяч квадратных метров. Когда вы видите баньян, вам кажется, что перед вами целая роща деревьев. На самом деле это воздушные корни одного и того же дерева. Баньян с древних времен очень популярен в Индии. Конечно, это объясняется прежде всего тем, что в самую жару вы можете укрыться под его кроной от палящих лучей солнца. Но Индия не была бы Индией, если бы к баньяну подходили с чисто утилитарной точки зрения. Это дерево священо для буддистов, поскольку, отдыхая в его тени, Будда достиг полного просветления. А по мнению многих индуистов, именно воздушные корни баньяна собирают и концентрируют трансцендентный дух вселенной. Не случайно баньяновая роща считается хорошим местом для строительства храмов.

Уж не знаю, концентрируют ли баньяны дух вселенной, но то, что они создают какую-то своеобразную атмосферу, – точно. Я это заметила уже в Калькутте. Когда бы я ни приезжала гулять в ботанический сад, я всегда неизбежно оказывалась у баньяна. Читатель со скептическим складом ума заметит: «Еще бы, в жарком климате, естественно, тянет в тень. Вот и весь секрет». Это так и не совсем так. К баньяну тянуло даже в прохладные зимние дни. Гуляя в баньяновой роще, дивясь на эти гигантские серые гладкие то ли стволы, то ли ветки, то ли корни, как будто отполированные столетиями, вы поневоле затихаете. Не знаю, почему замолкали другие, но меня иногда охватывало ощущение, будто я присутствую при свершении чего-то таинственного, что происходило до меня и будет происходить после меня под кронами этого загадочного дерева. А порой мне было просто хорошо побродить по баньяновой роще и прислушаться к себе, к своим мыслям и чувствам.

Что-то похожее произошло с нами и в тот вечер под мадрасским баньяном. До этого оживленно беседовавшие, мы замолчали и просто шли, задумавшись каждая о своем. Молчание прервала Аша.

– Наташа, как ты думаешь, я могла бы приехать в Советский Союз?

– Конечно, это можно устроить. Я поговорю со знакомыми из Института востоковедения, и они тебя пригласят на какой-нибудь семинар по твоему профилю.

– Да нет, не в командировку, а навсегда.

– В каком смысле? – я решила, что неправильно ее поняла.

– В прямом. Поселиться у вас и жить в Советском Союзе.

– Поселиться? – я попыталась вспомнить, знаю ли иностранцев, которые постоянно живут и работают в нашей стране. Кроме разоблаченного бывшего советского агента Мак-Кинли, никто больше в голову не приходил. Я училась с его дочерью в одной школе и знала, что этот высокопоставленный англичанин, работавший на нашу разведку, был вынужден, опасаясь ареста, покинуть Англию и поселиться в Советском Союзе. Я другими глазами посмотрела на Ашу. Надо же, на вид такая хрупкая, ранимая. А оказывается, суперагент или, как правильно, суперагентша?

– Ну что тут непонятного? Приехать жить к вам, работать, – голос девушки уже не казался мне таким робким. Мое ухо уже было готово уловить в нем железные нотки.

– А что, у тебя возникли какие-то проблемы? – осторожно поинтересовалась я, судорожно соображая, как бы мне поддипломатичнее выкарабкаться из этих шпионских страстей.

– Проблемы? Да у меня здесь не жизнь, а сплошные проблемы! – необычно резко ответила, почти прокричала Аша, а потом вдруг разрыдалась.

Когда через некоторое время она успокоилась, то рассказала мне очень грустную историю. Началась она еще до ее рождения. В начале шестидесятых годов ее мать, тогда студентка университета, встретила молодого человека, тоже студента, и полюбила его. Молодой человек отвечал ей взаимностью. Все, казалось, шло прекрасно. Но не забывайте, что они жили в Индии, где до сих пор большинство браков, если и не организовано, то, во всяком случае, непременно одобрено родителями с обеих сторон. К тому же молодой человек и девушка не только были из семей с различным материальным достатком, но, что гораздо серьезнее, принадлежали к различным кастам. Короче, родители с обеих сторон были категорически против их брака. Индийский вариант вечной истории о Ромео и Джульетте. Сначала молодым людям казалось, что они смогут уговорить родителей: все-таки середина XX века на дворе. Они даже поселились вместе. Для Индии даже середины XX века это шаг, скажем прямо, весьма дерзкий. Прожили они вместе около года, и этого времени хватило для того, чтобы стало ясно: на свет вскоре появится плод этой незаконной по всем индийским и индуистским меркам любви. Когда родители будущего папы узнали о таком развитии событий, то они ясно дали понять, что никогда не дадут согласия на этот брак. Аша не стала распространяться о том, каким образом родители в итоге сломали волю доморощенного Ромео, она лишь сказала, что в итоге ее мать осталась одна.

– А родители вашей матери? Неужели и они ее бросили на произвол судьбы?

– Ты знаешь, семья матери была очень религиозной, особенно отец. Он с самого начала заявил, что не желает больше о ней слышать. Мама еще какое-то время виделась со своей матерью. Та пыталась ее убедить избавиться от ребенка, пока еще не было поздно. Потом уговаривала уехать к родственникам в деревню, там родить и оставить ребенка, кому-нибудь пристроить. Но мама отказалась.

– Надо же, как она не побоялась. Не всякая европейская или американская девушка на это решится, ведь чтобы там ни говорили, но брошенная женщина, да еще с ребенком, – это везде тяжелая участь, – а уж в Индии, могу себе представить... – сказав это, я даже подумала, что, возможно, судьба оказалась милостивее к итальянской Джульетте, послав ей легкую смерть, к тому же, не отняв веры в своего Ромео.

– Нет, мама отнюдь не героиня. Она мне как-то призналась: ей казалось, что, когда ребенок родится, муж, а она всегда называла его так, хотя никакой свадьбы в итоге и не было, уж точно ее не бросит одну. Это была, скорее, ее последняя надежда. Она и имя мне поэтому такое заранее придумала – Аша.

– А что оно значит?

– Надежда.

– Надо же, значит, ты у нас Надюша, Наденька, – я попыталась хоть как-то отвлечь девушку от невеселых воспоминаний. Но не получилось.

– Надежда-то оказалась напрасной. Я, как все узнала, с тех пор всегда свое имя ненавидела. Да и себя заодно.

– Да ты что, разве так можно? Ты посмотри, какая ты красавица и умница получилась. Я уверена: твоя мать тобой гордится и счастлива, что ты у нее есть.

– Сейчас, конечно. А раньше, когда я маленькая была, я иногда ночью просыпалась от ее взгляда, и мне страшно делалось: в нем такой ужас был, такая

тоска... До сих пор для меня это худший из кошмаров – увидеть мамин тогдашний взгляд.

– Неужели вам так никто и не помогал?

– Сначала никто. Все отвернулись. Ты же представляешь, что это значит в Индии. Дочь, нарушившая волю родителей. Да еще брошенная, да еще незаконнорожденный ребенок. Вас отторгает не только семья, но и каста. Полная изоляция. Хуже, чем прокаженные. Тем хоть милостыню подадут.

– Ну, ты уже скажешь...

– А что, думаешь, преувеличиваю! Нисколько. Мама говорит, еще когда она ушла из дома и стала жить открыто с молодым человеком, от нее все родные отвернулись. А уж когда он ее бросил и ребенок появился, тут и все знакомые стали от нее шарахаться.

– А где же вы жили?

– Да есть тут в Мадрасе свой бидонвиль. Мое первое детское воспоминание – это как я на помойке нашла кусочек чапати и только собралась съесть, как вдруг подскочила огромная злющая собака и у меня его вырвала. Хорошо еще не покусала. Но самое интересное, что я совсем не испугалась. Помню, что я разревелась, ко мне мама бежит, собаку прогоняет, а я реву оттого, что чапати жалко, а не от страха. Вечное чувство голода. Мне даже напрягаться не надо, чтобы его ощутить.

– А мама же училась в университете, разве она не могла найти работу?

– Да ты что? Во-первых, она его не закончила. А потом никто ее не хотел на работу брать.

– Но не все же знали, кто она такая.

– Мадрас не такой уж большой. Да и семья моего так называемого отца постаралась. Они очень хотели маму из города выжить. С глаз подальше... А они люди в городе влиятельные, у них огромные плантации сахарного тростника недалеко от Мадраса.

– И как же она зарабатывала на жизнь?

– Сначала перебивалась случайной работой. Правда, потом повезло, она хорошо танцевала, с детства занималась. Так устроилась в баре, танцовщицей. Ты не думай. Танцовщица в баре – нормальная работа. Это, конечно, не так почетно, как классическая танцовщица, но ничего неприличного в этом нет.

– Да я и не думаю, почему ты решила?

– Ну, не знаю, на Западе бар – это чаще всего стриптиз. А у нас в баре тоже танцуют классические танцы. Может, не совсем классические, но вроде того... Но это уже позже она в бар устроилась, мне, наверное, лет семь было. Мы тогда в нормальный дом переехали, мама смогла комнату снять. Это было такое счастье! Даже не верилось. Я в школу пошла.

– Но неужели твой отец совсем не пытался вам помочь? Просто невероятно. Особенно когда увидел, в какой нищете вы оказались.

– А он не увидел. Его родители быстренько отправили доучиваться в Америку. Он там, кстати, так и остался.

– И ты его никогда и не видела?

– Видела, один раз. Мне тогда лет десять было. Отец приехал из Америки и случайно оказался в баре, где мама выступала. А ему его родители говорили, что она давно в другом городе и все у нее якобы нормально. А тут они и встретились. Ну, конечно, он все узнал. Вот тогда он один раз к нам домой и приходил. И с тех пор все время маме деньги присылал. Конечно, легче стало намного. Я вот и в университет смогла

поступить. Не надо было сразу идти работать, как я собиралась. Ну а сейчас, когда я работаю, то материально у нас нет проблем.

– Слушай, прямо как в кино.

– Может, и так, только я сыграть в таком фильме мамину, да и мою роль никому не пожелаю.

– Конечно, я понимаю, но сейчас же все нормально.

– Что нормально? Все равно мы – отверженные. Вот ты говоришь, я красивая. И что толку? Все равно меня никто замуж не возьмет.

– Ну это ты уж ерунду говоришь. Одно дело твоя мама. Когда это было! И другое сейчас. Другие же нравы.

– Ничего не другие. Все те же! Вон, вроде бы нравилась я одному парню. Даже ухаживать начал. Только мы пару раз с ним в городе показались, так на него цыкнули, что он от меня теперь шарахается.

– Кто цыкнул?

– Кто, кто – родители, конечно. Кому я нужна? Незаконнорожденная... Разве уж какому неприкасаемому! Но за него я сама замуж не пойду! Вот я и хочу отсюда уехать, у меня здесь все равно никакой жизни не будет! И она опять разрыдалась.

Мы долго еще сидели под разбередившим душу Аши баньяном и пытались придумать какой-то выход из положения. Ситуация была не та, чтобы ходить вокруг да около. Поэтому я без обиняков объяснила девушке, что в Советском Союзе ее отнюдь никто не ждет с распростертыми объятиями. Спросила, не думала ли она об Англии, ведь там очень много выходцев из Индии. Оказалось, что думала, узнавала. Но попасть туда очень непросто, она уже несколько раз получала отказ, когда подавала заявления на работу в английские фирмы и учреждения. А кроме того, большая индийская колония – это как раз и плохо, поскольку нравы там царствуют, скорее, индийские, чем английские. В итоге пришли к выводу, что единственная страна, куда она реально могла бы уехать, – это США, тем более что ее отец уже несколько раз предлагал ей этот вариант и соглашался помогать материально до тех пор, пока она не найдет работу. Я видела, что Аше очень не хотелось начинать новую жизнь, прибегая к помощи отца, но желание уехать из страны, где она ощущала себя несчастной, было сильнее.

Оставалась еще одна проблема, самая сложная: как быть с матерью? Мать ни за что не хотела уезжать, да к тому же и здоровье ее не очень-то располагало к перемене мест. Честно говоря, мне проблема казалась неразрешимой. Одинокая, сломленная жизнью немолодая женщина, куда ей податься? Случись это в нашей стране, что бы я посоветовала? Дом для престарелых? Только не туда. Я однажды навестила знакомую в таком заведении. Может, конечно, оно было не из самых лучших. Но, по-моему, наши дома для престарелых можно подразделить лишь на плохие и ужасные.

И вот тут я впервые услышала таинственное слово «ашрам». В переводе с санскрита, сказала моя знакомая, это означает место, где нет боли («а» – «отрицание», «шрам» – «боль»). Подобное объяснение еще больше заинтриговало меня. Что это за такое таинственное место, где человек не испытывает боли? Сразу же возник и второй вопрос: какой боли – физической или душевной? Все оказалось, с одной стороны, проще, а с другой – сложнее.

Во-первых, правильное написание слова не «ашрам», а «ашрама». Но у нас почему-то это слово не привилось в женском роде. Очередной пример дискриминации – на сей раз в русском языке? Не знаю. Но только все говорят и

пишут «ашрам». В данном случае я решила писать, как все, позднее станет ясно почему.

Во-вторых, выяснилось, что изначально ашрамом называли место уединения аскета, отшельника. Но аскетов и отшельников сейчас все-таки меньше, чем было тогда, когда возникло это слово. Зато есть люди, которых по-русски мы называем Учителем, Мастером, и пишем эти слова с заглавной буквы. В Индии таких людей называют Гуру. Другой вопрос, действительно ли эти люди несут в себе нечто, чего нет в других? Правда ли, что они достигли сияющих духовных высот, недоступных простым смертным, или лишь претендуют на это? Во всяком случае, места, где живут или жили такие люди, также называют ашрамами. Там собираются последователи того или иного гуру для того, чтобы заниматься духовным совершенствованием под его руководством или под руководством его учеников. Основным инструментом совершенствования – изучение йоги. Но не поверхностное, каким чаще всего ограничиваются, занимаясь йогой, на Западе и в последние годы у нас, а глубокое, заключающееся в попытке постижения духовного, психического и физического потенциала каждого индивидуума.

Ашрам может быть очень маленьким: гуру и его ученики. А есть ашрамы, которые превратились в сложные религиозно-просветительские комплексы со своими школами, больницами и даже гостиницами. Своеобразный вариант индийского богоугодного заведения, только без оттенка иронии, вложенного в это понятие Гоголем.

В таких больших ашрамах есть люди, живущие постоянно, а есть желающие остаться там на какой-то срок, чтобы получить определенные знания и навыки. И наконец, бесконечный поток посетителей, которые иногда даже не остаются на ночь, а приезжают лишь для того, чтобы встретиться с гуру или просто окунуться в специфическую атмосферу ашрама. Финансируются ашрамы за счет пожертвований общин, за счет тех взносов, которые должен платить всякий желающий там жить, а также за счет продажи изделий или продуктов, производимых в ашраме. Широко известны лишь те ашрамы, что были основаны людьми, почитаемыми в Индии за Великих Гуру. Именно на юге Индии таких мест больше всего. Это и ашрам Шри Ауробиндо в Пондичерри, и Бхагавана Ошо Раджниша в Пуне, и Сатьи Саи Баба в Путтапарти, и Шри Рамана Махарши в Тируваннамалаи.

А вообще ашрамов в Индии, как объяснила мне Аша, великое множество, поскольку практически каждый человек, если он считает, что постиг нечто такое, чего не знают другие, может создать свой ашрам. Для этого нужно лишь желание, небольшая сумма денег и, конечно, последователи. Более того, как я поняла, ашрамы имеют и разную ориентацию. Есть ашрамы, где собираются с целью духовного и физического совершенствования. А есть такие, куда могут прийти и поселиться те, кому негде жить или больше хочется жить в коллективе, чем в одиночестве. Ашрамы заменяют в определенной степени не развитую в Индии систему социальных институтов, те же дома для престарелых. Как рассказала Аша, ее мать хотела бы поселиться в ашраме, где в основном живут одинокие женщины или вдовы. По ее словам, особенно много таких ашрамов в районе Матхуры. И если здесь под Мадрасом они не найдут ничего подходящего, то поедут туда. Я поинтересовалась, легко ли попасть в такой ашрам. Выяснилось, что есть ежегодная сумма взноса за проживание в ашраме. Она небольшая и зависит от уровня комфорта, который вы хотели бы

иметь. К тому же, как и везде, в хорошие ашрамы нелегко попасть – существует очередь.

Аша сказала, что на днях они с матерью поедут в ашрам Шри Раманаашрам – любимое место их паломничества. Она предложила мне поехать с ними. Ашрам находился не так далеко от Мадраса. Честно говоря, меня в тот момент не очень заинтересовал сам ашрам. Но узнав, что ашрам находится в городе Тируваннамалаи, я тут же согласилась. Ведь этот город расположен у подножья священной для каждого индуиста горы Аруначалы. Об этом говорит даже название города. Слово «аннамалаи» означает «недоступная гора», и «тиру» – «великая». Почему недоступная? Об этом рассказ пойдет ниже.

На следующий день рано утром мы встретились с Ашей и ее матерью на автобусной остановке. Поездка от Мадраса до Тируваннамалаи заняла что-то около четырех часов, и в полдень мы уже высадились в маленьком, довольно зеленом городке.

Все в городе связано с именем Шивы. Ведь священная гора Аруначала – это не что иное, как Шива, проявившийся в виде горы. Гора не очень высокая, около тысячи метров. Правда, утверждают, что никто не измерял ее точной высоты: измерять тело бога – святотатство. Даже богам не удалось сделать это. Итак, очередная легенда. Однажды Вишну и Брахма долго спорили, кто из них более могуществен. Поскольку ни один не хотел уступить другому пальму первенства, обратились за помощью к Шиве. Шива решил наказать их за тщеславие и, превратившись в гору огня, символизирующего бесконечное сияние Света, велел им найти начало и конец этой горы, на вершине которой появился он сам в виде огненного столпа. Поскольку огонь красного цвета, то гору, возникшую на том месте, где когда-то Шива принял форму огня, и назвали Аруначалам – Красная гора.

В этом городе находится и самый большой храм Индии, посвященный Шиве. У него разные и довольно сложные названия, поэтому назову так, как его чаще всего называют – Великий храм. Это действительно огромный храм, занимающий территорию нескольких кварталов города. Он построен по принципу матрешки: первый храмовый двор, окруженный стенами, обнесен еще одними стенами, затем еще одними и, наконец, последними внешними стенами с самыми высокими и величественными гопурамами. Самая большая гопурама, высотой с тринадцатизэтажный дом, достигает 66 метров. А всего в храме девять гопурам. Есть также и свой зал с тысячей колонн. И вообще – чего там только нет: и храмы, и множество святилищ, и священные водоемы, и большое количество прекрасных бронзовых скульптур богов и божков. Словом, это настоящий музей.

Следующим пунктом нашей программы было посещение ашрама Шри Рамана Махарши. Я ожидала, что мы попадем в какую-то пещеру, в которой, как я думала, он и обитал. Возможно, мое представление о том, что такое ашрам, основывалось на посещении буддистских пещер в Ориссе. Признаюсь, я была несколько разочарована. Ашрам смахивал на туристическую базу или пансионат средней руки советских времен. А вход в него – небольшие ворота с закрепленной на них вывеской «Шри Раманаашрам» – напомнил мне въезд в пионерлагерь «Орленок», в котором мне пришлось провести однажды далеко не самые лучшие школьные каникулы в своей жизни. Но, пожалуй, этим сходство и ограничивалось. Внутри ашрама вместо березок и елей между небольшими домиками росли незнакомые деревья. И царила совершенно особая атмосфера. Людей было не так много. Меня удивили их лица. Сначала я подумала: у

большинства из них лица как у тех, кто пришел в храм, – сосредоточенные и обращенные внутрь себя. Но, присмотревшись, поняла, что это не так. Их лица были полны покоя, какой-то даже расслабленности.

Я зашла в магазин ашрама и купила книгу, рассказывающую о его основателе. Выяснилось, что, сама того не ведая, я попала в один из самых известных в Индии ашрамов. Более того, он уникален тем, что в отличие от других в нем нет духовного главы. Им был его основатель – Рамана Махарши. Его называют Величайшим Учителем и выдающимся Гуру. Уже шестнадцатилетним юношей он ушел из дома, почувствовав необходимость обратиться к поиску истинных духовных ценностей. Большую часть своей жизни он провел, занимаясь медитацией в различных храмах у подножья горы Аруначала и в пещере на склонах этой горы. Пещера Вирупакша, в которой гуру жил много лет, до сих пор считается лучшим местом для медитации. Прославился он не только святой жизнью, но и тем, что прошел уникальный путь самоисследования и самореализации. Умер он в 1950 году. И несмотря на это, Шри Рамана Махарши продолжает до сих оказывать неоспоримое духовное воздействие на десятки тысяч людей, приезжающих сюда не только со всех концов Индии, но и со всего света. Когда я узнала об этом, то не могла не задать вопрос, вертевшийся на языке.

– А зачем люди приезжают, если Рамана Махарши уже давным-давно умер? Поклониться его праху?

Правда, тут же сообразила, что сказала ерунду. Какому праху? Если что и оставалось, так это пепел, развеянный над водами Ганга. Но мои спутницы поняли, что я имела в виду.

– Наверное, кто-то и приезжает сюда почтить его память, посетив места, где он бывал, – ответила на мой вопрос Аша. – Но прежде всего люди приходят в этот ашрам в надежде ощутить его поддержку на пути своих духовных исканий. Считается, что он незримо присутствует здесь даже после своей смерти.

– И еще сюда приходят такие, как я, – добавила до этого почти все время молчавшая мать Аши. – Те, кто просто надеется, что в этом месте, где даже земля излучает его мудрость и милость, они смогут облегчить свои страдания.

Я взглянула на портрет Раманы Махарши, украшавший книгу, которую я держала в руках. Его лицо не поражало красотой, если говорить о внешних приметах красоты. Оно притягивало истекающей из его глаз добротой, сочувствием, пониманием, прощением. Во взгляде человека, смотревшего на меня с обложки книги, не было ничего сверхъестественного или магнетического. Но никогда больше я не видела таких глаз: излучающих любовь. Я видела глаза, смотрящие так на меня и только на меня. Но его глаза смотрели так на всех. Именно тогда я поняла, как мне кажется, что значит слово «просветленный». С обложки книги на меня смотрело лицо просветленного человека. Я даже подумала, что если бы христианский бог изображался таким, то я давно бы стала верующей.

Мы побродили немного по ашраму, тишину и покой которого нарушали только резкие вскрики обезьян, которых здесь было множество. Вели они себя, как и везде, где мне до этого приходилось с ними сталкиваться, бесцеремонно. И если видели человека, пристроившегося в тенечке перекусить, то буквально атаковали его, пытаясь завладеть едой. В моем сознании образ нежного, ласкового и пушистого зверька, каким он был до приезда в Индию, уже давно

трансформировался в нечто довольно злобное или, уж во всяком случае, малосимпатичное.

Эта неприязнь, возникшая после нахальных выходов обезьян еще в парках Калькутты, возможно, и спасла меня в Бангладеш. Однажды, когда мы жили в Дакке, мой однокурсник, работавший вместе с нами в посольстве, купил зачем-то на базаре очаровательную, на первый взгляд, обезьянку и предложил ее мне, но я категорически отказалась. Тогда он решил оставить ее у себя. Я попыталась, но безуспешно, отговорить его от этого. Мало того, что она норовила передвигаться исключительно по шторам, превратив их вскоре в живописные лохмотья; это невинное с виду существо отличалось, как я и подозревала, отвратительным характером: вечно пронзительно вопила и препротивно скалила зубы, стоило только приблизиться к ней на расстояние вытянутой руки. Выхватывала еду у зазевавшихся гостей чуть ли не изо рта. А уж о том, чтобы накрыть нормально стол и расставить на нем еду, Васе пришлось просто забыть. Приходя к нему в гости, мы потихоньку пробирались на кухню, пока кто-то отвлекал обезьяну, брали еду из холодильника и быстренько заглатывали ее там же.

Некоторое время спустя Вася заболел какой-то загадочной болезнью и, несмотря на все усилия как бангладешских, так и советских врачей, умер, будучи всего двадцати семи лет от роду. Произошло это в конце семидесятых годов (мы тогда уже вернулись в Москву). Как-то раз я прочитала заметку о том, что в Африке все чаще и чаще фиксировались случаи заболевания людей в результате заражения чрезвычайно опасным вирусом Эбола, носителем которого были обезьяны. Этот вирус был обнаружен в 1976 году и с тех пор достаточно регулярно появлялся в некоторых районах Центральной Африки, особенно там, где мясо обезьян считается деликатесом. Передается вирус и при телесном контакте с приматами. Когда я прочитала описание болезни и сопоставила его с тем, как умер Вася, у меня невольно возникло подозрение: а не купил ли мой однокурсник обезьянку, завезенную из Африки? И не умер ли он от того самого вируса с красивым, как у экзотического цветка, названием – Эбола? Лишь недавно мне на глаза попала статья, в которой говорилось, что наконец появилась надежда на создание эффективной вакцины от этого вируса, по-прежнему вызывающего одну из самых тяжелых болезней человека.

Все это вспомнилось мне, когда мы гуляли по ашраму, и я с опаской поглядывала на кусты и деревья, среди которых то и дело мелькали серые тельца обезьян.

Перекусили мы в городе, в кафе, а потом мама Аши сказала, что сначала ей нужно посетить садху, живущего в одной из многочисленных пещер, к которому она уже много лет приезжает в трудную минуту или перед принятием каких-то серьезных решений. Мы договорились встретиться в ашраме. Мама Аши пошла к горе, а мы по инициативе Аши решили совместить полезное с приятным: совершить гирипрадакшину. Это загадочное и наукообразное слово означает всего-навсего «обход вокруг горы». Естественно, верующие вкладывают в эту церемонию глубокий смысл. Подразумевается, что, совершая обход вокруг не имеющей начала и конца горы, символизирующей Шиву, паломники проникаются ощущением вневременной атмосферы этих мест и испытывают покой простого бытия. Не случайно, наверное, эту гору еще называют «Горой Блаженства». Мы, естественно, не успели пройти весь положенный тринадцатикилометровый путь, но даже за те два часа, что мы

гуляли у подножья горы, я увидела много интересного: пещеры садху, множество небольших храмов, святилищ, считающихся святыми водоемов.

Около шести часов вечера мы вернулись в ашрам, чтобы оттуда полюбоваться на факел, который вот-вот должен был вспыхнуть на вершине горы. Дело в том, что мы оказались в Тируваннамилай в последний день большого праздника, который называется Картхигай Дипам. Это один из старейших праздников Тамилнада. Упоминания о нем встречаются в древних тамильских рукописях, которым около трех тысяч лет. На десятый, завершающий день праздника на горе Аруначала зажигается гигантский факел, символизирующий Шиву, превратившегося в огненную гору. Для этого пятнадцать человек, сменяясь на протяжении семикилометрового пути, затаскивают на вершину огромный чан. Этот чан заполняют маслом – гхи. Как я узнала, требуется почти тысяча килограммов масла. Часть его приносят верующие, съезжающие на праздник. Они специально в этот день поднимаются на гору и совершают подношение – немного гхи для торжественного огня. В чан также опускается длиннющий – около 350 метров – фитиль. И ровно в шесть часов факел зажигается.

Заинтригованная этими рассказами, я с нетерпением ждала начала церемонии, которая должна была вот-вот начаться. В ашраме собралось много народа. Некоторые, как мы с Ашей и ее матерью, стояли молча. Но большинство собравшихся паломников произносили мантры или пели что-то. Как мне объяснили, они пели гимны Аруначале.

Мы стояли практически у самого подножья горы. Начинало темнеть. Над горой, буквально нависавшей над нами, уже во всю светила яркая полная луна: праздник всегда проходит в дни полнолуния. И вдруг все пространство, на котором за минуту до этого уже воцарился белый холодный свет, окрасилось радостным ярким алым цветом. Это на горе вспыхнул огромный факел, больше похожий на гигантский столп огня. Пламя взвивается на высоту около семи метров, и ночью огонь виден в радиусе тридцати пяти километров. Не знаю, насколько точны эти цифры, но зрелище было действительно величественное. В это же время в ашраме зажгли еще один, конечно, далеко не такой большой, но все-таки внушительных размеров факел, вокруг которого собравшиеся еще громче запели гимны.

Для верующих это событие – момент, когда на горе Аруначала жрецы храма Шивы зажигают священный огонь, – символизирует отказ от идеи «я есть тело» и приобщение к неоспоримой для каждого индуиста истине о том, что каждое «я» есть прежде всего частица света, олицетворяющего все существующее.

Мы недолго любовались удивительным зрелищем. Пора было спешить на последний автобус, уходивший в Мадрас.

На следующий день я уехала из Мадраса в Бомбей. Чаще всего, думая о своей поездке в Тамилнад, я вспоминала этот незабываемый вечер, освещенный красным пламенем факела, пылавшего на горе. И лишь в последние годы я почему-то все чаще и чаще возвращаюсь мыслями не к этому зрелищу, а к гораздо менее затронувшему меня в тот день посещению самого ашрама.

Человеку перевалило за пятьдесят, позади уже большая часть жизни. Выросли дети – отдана дань семье. Много лет посвящено работе, а значит, обществу. В душе накопилась усталость. Многим в это время свойственно все чаще задумываться о душе, о вечных вопросах бытия. Или же просто появляется желание заняться чем-то не потому, что так надо, а потому, что

этого хочется. Ведь далеко не всегда то, чем вы занимались в жизни, было вашим призванием. И что, если вам просто хочется не лучше жить, а лучше быть? Что тогда? Куда податься? В Европе я не знаю ответа на этот вопрос. В монастырь? Но это совсем другое. К тому же в монастырь человек идет, уже найдя себя – в Боге. Но не у всех стремление к духовному поиску совпадает с глубокой религиозностью.

А вот живи вы в Индии, эта проблема была бы разрешима в гораздо большей степени. Говоря об ашраме, я не сказала еще об одном значении этого слова. «Ашрама» – это также наименование стадий, на которые традиционно делится жизнь индуистов, принадлежащих к трем высшим варнам, – брахманов, кшатриев и вайшьев. Таких стадий четыре: брахмачарин, грихастха, ванапрастха и санньясин. Первую жизненную ступень можно назвать периодом получения знаний, периодом учебы. В течение второй стадии человек обзаводится семьей, домом. Появляются дети, о которых следует заботиться; нужно им дать образование, поставить на ноги. Это период выполнения человеком своей социальной функции. Третья стадия наступает тогда, когда дети могут сами о себе позаботиться. Теперь наступает время отстраниться от мирских желаний и привязанностей, обратиться к своему духовному миру. Время духовных поисков. И наконец, четвертый этап, не обязательный для всех, – отречение от мира, отшельничество, медитация. Итак, брахмачарин – ученик, грихастха – домохозяин, ванапрастха – отшельник и санньясин – бродячий аскет. Их еще называли дживанмунта – те, кто при жизни освободился от всех мирских привязанностей.

В Индии количество ашрамов, куда вы могли бы уйти на время или на всю жизнь, огромно. И они все разные. Есть такие, в которых очень строгий и действительно религиозный уклад. А есть и такие, где вы просто можете жить и при желании заниматься тем, что вам по душе. И уж конечно, там есть возможность приобщиться к йоге, а значит, и к медитации, к чтению литературы, которая поможет вам найти свой путь к обретению душевного равновесия, поиск которого, в отличие от стремления к достижению счастья, на мой взгляд, более прагматичный вариант примирения с наступающей старостью.

Вынуждена с сожалением констатировать: все, что говорилось выше о жизненных стадиях, не относится к низшей касте – шудрам и... к женщинам. Но в наш век эмансипации почему бы и женщине не реализовать себя в такой же последовательности? Во всяком случае, я, пройдя первые два жизненных этапа, все чаще задумываюсь над тем, что, пожалуй, созрела до третьего. Не уверена, что меня соблазняют лавры дживанмунта. Меня вполне бы устроила стадия ванапрастха. Тем более что отшельничество подразумевает жизнь на природе. А я последние годы все с большим трудом переносю прелести большого города и по-настоящему хорошо чувствую себя лишь вдали от него – в лесу, в поле, в горах. И без труда могу расстаться с большинством благ цивилизации. Не роскошное, но с минимумом комфорта жилье, природа, возможность писать не урывками и по ночам, а когда этого хочется, хорошая музыка – вот мое представление о счастье. А если еще можно по-настоящему изучить йогу, заняться медитацией не по самоучителю, а под руководством знающего человека, то чего еще желать? Вот и получается что-то вроде каламбура: ашрам – идеальное место для реализации третьей стадии ашрамы.

Бомбей

Сразу же оговорюсь: тот, кто будет искать Бомбей на современной географической карте, сегодня не найдет города с таким названием, или же оно будет указано в скобках. Дело в том, что зуд переименования, охвативший делийскую бюрократию, коснулся не только Калькутты и Мадраса, но и Бомбея, который отныне велено именовать Мумбаи. Кстати, у нас тут же возникли те же проблемы с этим названием, что и в случае с Ченнаи. Очень часто можно встретить написание «Мумбай», которое затем склоняется на все лады, в отличие от несклоняемого «Мумбаи».

Откуда взялось это название? Первыми обитателями этих мест были рыбаки, которые жили на семи небольших островах, сейчас уже поглощенных городом. Они почитали богиню, носившую имя Мумбаи Деви, – одно из воплощений богини Парвати, супруги Шивы. У Блаватской, которая не раз будет упоминаться в этой главе, поскольку она неоднократно бывала в Бомбее, я прочитала о том, что означает слово «Мумбаи». Оказывается, на различных диалектах имя богини произносится по-разному: мамбе, амба, амма и есть даже совершенно русский вариант – мама. Как вы уже догадались, имя богини означает «Великая Мать». С ее именем было связано и название местности в районе нынешнего Бомбея. Так что в данном случае можно говорить о возвращении к истокам.

А откуда взялось название Бомбей? Рассказывают, что в основе лежит восклицание, которое издали первые португальцы, подошедшие к этим берегам: «*Bom Bahia*» – «Красивый Залив». Раз уж зашла речь о португальцах, то хотя бы пару слов об истории. Город стал тем, что он есть, благодаря англичанам, но, возможно, не будь португальцев, никто бы и не подумал об этих местах вообще.

Район Бомбея являлся собственностью султана Гуджарата, чьи земли лежали к северу от этих мест. И султан не очень-то знал, что ему делать с не приносящими никакого дохода семью островами. И в 1534 году он с радостью уступил их португальцам, которые тоже не очень-то понимали, зачем они их купили. Если бы понимали, разве включили бы они эти земли в приданое португальской принцессы – Екатерины Браганза, вышедшей в 1661 году замуж за английского короля Карла II? Правда, английский король тоже не проявил большой дальновидности и решил избавиться от никому не нужных островов, постаравшись при этом извлечь хоть какую-то прибыль. Единственными дальновидными людьми того времени оказались, как нетрудно догадаться, купцы, работавшие в одном из первых коммерческих образований, которое по праву можно назвать транснациональным, – в Ост-Индской компании, тогда еще только начинавшей протягивать свои щупальца к Южной Азии. Ост-Индская компания получила земли в аренду за смехотворную цену – десять фунтов золотом в год. Не сразу (на это ушло больше ста лет), но постепенно Бомбей стал главным опорным пунктом компании на субконтиненте. Особенно бурный рост города начался после того, как в 1869 году было открыто судоходство по Суэцкому каналу. Бомбей превратился в крупнейший порт Аравийского моря.

А что же такое Бомбей в наши дни? Прежде всего – это один из самых больших городов не только Индии, но и мира; его население насчитывает уже пятнадцать миллионов, а по прогнозам, через десять лет, при сохраняющихся темпах роста населения, число жителей города может удвоиться. Для сравнения: когда я была в Бомбее, то есть около двадцати лет назад, его население с пригородами приближалось к десяти миллионам человек. Не случайно этот город уже много лет держит пальму первенства по плотности

населения, превосходя по этому отнюдь не вызывающему гордость показателю все другие города планеты. И это при том, что Бомбей занимает седьмое место в мире по размерам территории и продолжает расти, как ненасытный монстр, заглатывая все новые и новые деревушки вокруг.

Бомбей – важнейший торговый, промышленный и финансовый центр страны. Здесь находятся штаб-квартиры крупнейших индийских и международных компаний. О его значении для экономики страны говорит хотя бы такой факт: треть подоходного налога в казну Индии поступает из Бомбея.

Это и крупнейший порт Индии, через который проходит сорок процентов грузов, ввозимых и вывозимых из страны. Раньше, до начала авиационной эры, большинство людей, приезжавших в Индию, начинали открытие этой страны с Бомбея. Одна из достопримечательностей города – довольно эклектичная триумфальная арка, построенная англичанами, – носит символическое название «Ворота Индии». Англичане, построившие ее в 1927 году, конечно, не подозревали о том, что произойдет всего через двадцать лет. 28 февраля 1948 года через эти ворота пройдут британские войска и погрузятся на корабли, чтобы навсегда покинуть жемчужину британской империи.

Бомбей – это и форпост науки. В городе много научных центров, пользующихся мировой известностью, в том числе в области ядерных исследований.

Бомбей – Голливуд Востока. По количеству производимых фильмов он даже опережает своего американского соперника. Ведь киностудии города выпускают по фильму в день. Представляете, 365 фильмов в год! Другое дело, что далеко не все они – шедевры.

И наконец, Бомбей, как говорят специалисты, самый пестрый по составу населения город Индии. Хотя он является столицей штата Махараштра, здесь, помимо маратхов, живет много представителей других этнических групп. Выходцы из соседнего штата Гуджарат и из не такой далекой Кералы, сикхи и персы, большая армянская и китайская общины. Бомбей называют иногда на американский манер «melting pot». Это выражение на русский переводится как «плавильный котел». Так вот, из того, что я увидела, услышала и прочитала об этом городе, я сделала вывод: это скорее «melting plate», то есть не котел, а тарелка. Разница? По-моему, она очевидна. В котле действительно продукты и ингредиенты уже в силу его формы перемешиваются. А на плоской тарелке – если и перемешиваются, то лишь те, что находятся по соседству друг с другом.

Как-то в разговоре со своим индийским знакомым я призналась, что мне не понравился Бомбей. Мой знакомый, оказавшийся выходцем из этого города, очень огорчился и сказал: «Ну как же так! А вы знаете, что Бомбей называют Нью-Йорком Индии?» И еще больше удивился, когда я ему призналась, что и Нью-Йорк отнюдь не пленил меня. Причем для меня это не было сюрпризом. Я это предвидела, никогда не стремилась попасть в этот город и оказалась там в силу обстоятельств.

Очевидно, есть люди, у которых аллергия на большие города. К ним принадлежу и я. Поэтому все то, что я слышала или читала о Бомбее, отнюдь не вызывало моего восторга. Если я и запланировала поездку туда, то только потому, что именно в этом городе, вернее, в Бомбейском университете у меня на самом деле были научные контакты. Этот город я включила в план своей поездки не потому, что мне так хотелось, а потому что так велели остатки моей совести. Как-никак государство оплачивает не туристическую поездку, а научную командировку в Индию – надо же хоть немного действительно

поработать. Правда, я, как могла, растянула свое пребывание в Раджастане и в Мадрасе, а на Бомбей оставила всего пять дней. И слава богу.

Бомбей сразу же оглушил меня. Шумом, толпой и жарой. Казалось бы, после двух лет в Калькутте, которая, как я уже писала, для некоторых есть город «исполненный зла», меня ничто не должно было шокировать. Но прожив в Калькутте два года, я все-таки нашла в ней то, что можно было полюбить. А возможно, все дело в том, что в Калькутте все-таки больше чувствуется умирание, чем утверждение. Помните, даже Раджив Ганди назвал ее «умирающим городом». А в любом умирании, на мой взгляд, присутствует налет декадентской красоты и какой-то тайны. В Бомбее же вы сразу почувствуете: этот город возник, чтобы остаться, он устремлен, скорее, в будущее, чем в прошлое.

И это будущее меня лично испугало. Я подумала: неужели все мы обречены жить вот в таких мегаполисах-гигантах? Сегодня, спустя почти тридцать лет, я вижу, что мои опасения, прямо скажем, были не лишены основания. Все то, что меня когда-то неприятно поразило в Бомбее, в большей или меньшей степени присутствует во всех супергородах мира. Это и чудовищные размеры, когда из одного конца в другой надо ехать, порой, несколько часов. И огромное количество народа – все время такое ощущение, что ты находишься в гигантском человеческом муравейнике. И жуткая экология – воздух, который уже с большой натяжкой имеет право именоваться этим словом, вода в водоемах, к которой даже неприятно приближаться, не говоря о том, чтобы купаться в ней. Дикий трафик – пробки, в которых можно проводить по полдня. Бьющий в глаза разрыв в уровнях жизни людей. Еще тогда я решила, что есть, наверное, какой-то уровень численности населения в городе, который не стоит превышать. Позднее, побывав в Вене, Праге и Цюрихе, я сделала вывод: идеальны те города, в которых миллион жителей, не более. Тогда от города еще можно получать удовольствие, не приезжая туда как турист, а живя там. Тогда и воздухом можно дышать, и люди не звереют от обилия себе подобных, и работа, при желании, всем найдется, и есть места для парков и бульваров, и машина остается средством передвижения, а не становится орудием пытки.

У меня есть еще одна причина не любить большие города. Именно они больше всего уродуют окружающий ландшафт, уничтожают памятники архитектуры, нарушают связь времен, эпох, которая помогает человеку ощущать свое место в истории. И Бомбей – один из наиболее ярких тому примеров. Всего сто лет с небольшим разделяют тот Бомбей, который возник перед взором Блаватской в 1879 году, и тот, что увидела я. А какая разница! Вот как в книге «Из пещер и дебрей Индостана» Блаватская описывает то, что предстало взору пассажиров корабля, вошедшего в Бомбейскую бухту в феврале 1879 года. «Окрестности залива перенесли в то утро наше воображение в одну из волшебных стран Арабских сказок. Далеко тянулась вдоль восточной стороны города горная цепь Гхат с перемежающимися ее почти столь же высокими холмами. От подножья до скалистых, фантастически торчащих вершущек своих эти холмы обросли дремучим лесом и непроходимыми джонглами (джунглями – прим. автора), где живут хищные звери. ...Весь скат усеян пагодами, минаретами и храмами всевозможных сект. Там и сям, горячо обливаемая утренним солнцем, торчала древняя крепость, когда-то грозная и неприступная, теперь же полуразрушенная и обросшая непроницаемым кактусом».

Путешественнику, подплывающему сегодня к Бомбею, вряд ли придет в голову говорить о сказочной красоте пейзажа. А если с чем и возникнут ассоциации, так это с любым огромным портовым городом, виденным то ли в Америке, то ли в Африке, то ли в Азии.

А вот описание Малабарского холма. «Налево... растянулся Малабарский холм, жилище современных европейцев и богачей туземцев. Их ярко расписанные бэнглоу утопают в зелени индийской смоквы, баньяновых и других деревьев; а прямые высокие стволы кокосовых пальм покрывают бахромой верхушек своих весь гребень холмистого мыса». Я думаю, что самые богатые люди Бомбея, по-прежнему предпочитающие селиться на этом холме (вернее, на том, что от него осталось), позавидуют своим прадедушкам. Чем они могут гордиться? Разве только тем, что платят почти такую же высокую, как в шикарных домах Парижа, арендную плату за квадратный метр площади в квартирах небоскребов, выросших на месте пальм на этом холме? Или тем, что теперь чуть ли не главной достопримечательностью холма, упоминаемой во всех туристических проспектах, является огромный водный резервуар, на крыше которого (наверное, чтобы как-то компенсировать отсутствие загубленных лесов) на насыпной почве разбиты так называемые Висячие Сады?

Написав все это, задумалась: зачем кидать камни в чужой огород? А Москва? Открыла свою папку, где собраны старые гравюры с видами Москвы, которые я коллекционирую много лет. Нашла одну, чудную, с видом на Москву с бывших Воробьевых гор. И сами-то горы – еще не затянутые в бетон и не упакованные в асфальт. А уж вид на Москву... Как говорится, нет слов, душат слезы. И почему новобрачные и туристы все еще ездят туда? На что любоваться? На стандартное здание стадиона на переднем плане? На так удачно названные кем-то «вставные челюсти Москвы», проглядывающие сквозь вечно окутывающий Москву смог, если и имеющий отношение к явлениям природы, то природы, подпорченной человеком? Сталинские многоэтажки, неоднократно заклеянные, хоть как-то пытаются, если не компенсировать, то восполнить отсутствие всех тех сорока сороков, которые украшали московский пейзаж и без которых непонятно, почему стольный град именовался золотым. И ведь было это все еще не так уж давно. Во всяком случае, наши дедушки, а не только прадедушки, как в Бомбее, видели совсем другое, когда любовались Москвой. Есть группы и ассоциации, защищающие права животных. А города? Ведь они тоже бессловесны и их также нещадно изничтожают. Где же движение в защиту прав городов?

В Бомбее все «прелести» большого города, о которых я писала до этой небольшой исторической ретроспективы, переносились мной особенно тяжело из-за внезапно разразившейся и необычной для этого времени года жары. Ртуть на градуснике, красовавшемся у входа в мой отель, все время норовила перевалить за тридцать пять градусов. В результате я свела к минимуму свои передвижения по городу, заделалась сверхобразцовой научной сотрудницей и большую часть времени провела курсируя между двумя прохладными точками: библиотекой университета и комнатой шикарного отеля с неоригинальным названием «Тадж-Махал».

Я не обследовала Бомбей, как Дели, не полюбила, как Джайпур, не нагулялась по его набережным, как по набережным Мадраса, но зато я узнала о его проблемах больше, чем о проблемах какого-либо другого индийского города. Из газет, которые я регулярно читала в библиотеке. В основном это были те проблемы, о которых я уже говорила выше, перечисляя то, что мне не

нравится в больших городах. Правда, одно дело абстрактное «не нравится», а другое – когда за этим словом вырисовываются пугающие цифры. В последующие годы, читая материалы о Бомбее, я видела, что большинство проблем со времени моего пребывания там только усугубились.

Воздух в Бомбее самый загрязненный в Индии, и в большинстве районов города уровень вредных веществ, содержащихся в нем, намного превышает все допустимые нормы. Воздух загрязнен промышленными выбросами заводов и фабрик и особенно выхлопными газами многочисленных автомобилей. Кстати, при мне власти города впервые предприняли попытку усилить контроль за техническим состоянием транспорта. Но, как писали газеты, один день контроля ничего не мог изменить. В 2000 году Верховный суд Бомбея принял специальный закон, ужесточивший требования к техническому состоянию транспортных средств. И что же? Несколько дней бастовали водители такси и моторикш. И их можно понять: откуда у них деньги, чтобы покупать очищенный бензин или заменить старые автомобили на новые? Какой выход? Очевидный – одними законами здесь не обойдешься. Я всегда думаю об этом, когда читаю в нашей прессе призывы ужесточить контроль за техническим состоянием транспорта в Москве. Если пойти по этому пути и ограничить передвижение старых машин по городу, то Москва превратится в рай для миллионеров-автолюбителей. Они-то не пострадают. А вот всем тем, кто и на бензин-то с трудом набирает деньги, придется распрощаться с личным транспортом. Или пересесть на велосипед, как в Китае. Но при нашем климате, это, согласитесь, не выход.

Огромное количество машин и низкая пропускная способность магистралей, а также плохое их состояние приводят к постоянному росту дорожно-транспортных происшествий. По их количеству Бомбей также лидирует среди индийских городов.

Скопление крупного бизнеса, с одной стороны, а с другой – громоздкие государственные структуры и низкие зарплаты государственных служащих. И в итоге, как нетрудно догадаться, еще одна проблема: коррупция, разъедающая чиновничество.

Огромное население. Растущая безработица. И как результат – высокий уровень преступности и все более тревожные материалы о засилье мафии в городе.

Знакомые проблемы, не так ли? Мне скажут: чего вы хотите, это проблемы всех больших городов. Нет, не всех, а сверхбольших. И именно поэтому я их так не люблю, мягко говоря. Мне могут опять возразить: образование мегаполисов – процесс необратимый. Не уверена. Во всяком случае, я никогда не слышала, чтобы эта тема реально обсуждалась. Устраиваются симпозиумы и конференции, на которых дискутируются проблемы экологии, транспорта, преступности, безработицы. Но никогда не слышала, чтобы на серьезном уровне обсуждалось, как избавиться от больших городов или, во всяком случае, предотвратить их дальнейшее разрастание. Нельзя же, в самом деле, считать выходом из положения то, что написал цитировавшийся мною ранее журналист. Помните завершающие строки этого своеобразного гимна ненависти, посвященного Калькутте: «Есть места, слишком исполненные зла, чтобы позволить им существовать. ... Грежу о ядерном грибе, поднимающемся над неким городом».

Я надеюсь, что Москва еще ни у кого не вызывает такого приступа ненависти, даже у тех, кто ездит каждый день на работу и с работы в часы пик в

метро или стоит регулярно в многочасовых пробках на ее улицах. И думаю, до этого не дойдет, если только мы не обзаведемся тем, чего у нас, в отличие от Бомбея, еще нет – гигантских чудовищных бидонвилей.

В Калькутте я, конечно, видела людей, живущих в крайней нищете, на улице. На это тяжело смотреть. Но когда вы видите сотни квадратных метров, на которых одна на другую лепятся даже не лачуги, не хижины, а нечто такое, после чего иная собачья будка покажется шикарным сооружением, вот тут вам становится просто страшно. А я видела не самый большой – между двумя линиями метро – бомбейский бидонвиль. Их в городе несколько. Когда я была в Бомбее, в трущобах жило, по некоторым оценкам, около трех миллионов человек. Недавно я уже слышала цифру в пять миллионов.

Откуда берутся люди, живущие в таких местах? В моем блокноте записана цифра: 150 семей приезжает в Бомбей. Понадеявшись на память, я забыла уточнить: в день, в неделю? Точно, что не в год, иначе эта цифра не поразила бы меня и не была бы записана. Вот эти семьи, приезжающие в Бомбей из деревень Махараштры, соседних Гуджарата и Андхра-Прадеш, и пополняют бидонвили. Почему же они покидают деревни?

Когда я была в Бомбее, пресса много писала о зеленой революции, годовщину которой отмечали в это время. Смысл статей был примерно тем же, что и тридцать лет спустя, в начале третьего тысячелетия. Начатая Всемирным банком в семидесятые годы в различных штатах Индии, она повсюду оставляла за собой трагический шлейф. Внедрение новых культур взамен традиционных, интенсивная химизация, строительство дамб и многое другое привели к результатам, противоположным тем, к которым стремились авторы проектов: к загрязнению почв химикалиями, к затоплению плодородных земель и в итоге – к разорению крестьян. Более миллиона человек были вынуждены покинуть родные места. Кто-то уходит искать счастья в большие города, в Бомбей например, а кто-то... Недавно я прочитала, что в некоторых сельских районах в последние годы происходит до 300 самоубийств в год. Я вспомнила печальный итог повального внедрения креветочных хозяйств в Бангладеш. Кстати, такая же попытка и с таким же негативным результатом была предпринята и в Западной Бенгалии. Я не экономист. Не берусь судить, кто виноват во всем этом. Возможно, так заканчивается любая попытка навязать стране свое видение того, что ей нужно для выживания, без учета национальной специфики? А может, это закономерный итог любой революции, а не эволюции?

Наверное, некоторые уже задаются вопросом: неужели в Бомбее я не увидела ничего, кроме негатива? Нет, конечно. Это было бы совершенно неверным утверждением. Даже за несколько дней, проведенных там, я убедилась, что, например, культурная жизнь Бомбея бьет ключом. Целые полосы газет были отведены объявлениям о концертах, выставках, спектаклях, танцевальных представлениях. Я уже не говорю о многочисленных кинотеатрах, среди которых и тогда были гигантские, с несколькими залами, в которых одновременно шли разные фильмы.

Я, конечно, объездила и основные достопримечательности Бомбея, которые советовали посетить туристические проспекты. Больше всего меня интересовали места, связанные с пребыванием в этом городе Киплинга. Ведь здесь прошло его детство. Но все они не произвели на меня особого впечатления.

Из всего того, что я увидела в Бомбее, больше всего мне запомнился визит к Башне молчания, расположенной на Малабарском холме. Вернее, не совсем к

башне, поскольку подходить близко к ней нельзя, а к тому месту, откуда эту башню хорошо видно. Эта башня, по сути, не что иное, как место погребения всех тех, кто называет себя зороастрийцами. Посещение этого места запомнилось по нескольким причинам. Во-первых, я впервые услышала о зороастратах, которых еще часто называют огнепоклонниками. А во-вторых, мрачность башни, необычность обряда погребения, который тогда мне показался жутким, да вдобавок ко всему птицы, в большом количестве кружившиеся над башней, – все это хорошо вписывалось в общий довольно негативный контекст моего восприятия города.

Человек, который привел меня к башне, интересовался различными религиями и особенно религиозными обрядами, существующими в Индии. Он-то и рассказал мне о том, кто такие зороастрийцы.

Основателем этой религии считается иранский пророк Заратуштра (или Зороастр – под этим именем он стал известен древним грекам). Точные даты его жизни не установлены, но большинство исследователей полагают, что Заратуштра жил в конце VII – VI веке до нашей эры на территории современного Ирана. Таким образом, этой религии более двух с половиной тысяч лет. Зороастрийцы верят в то, что есть не только бог – Ахурамазда, символизирующий доброе начало, но и дух зла – Ахриман, представляющий зло и несправедливость. И жизнь есть вечная борьба между злом и добром, в котором когда-нибудь добро окончательно победит зло.

Зороастризм в первые века нашей эры имел множество последователей в Персии. В течение нескольких веков он был государственной религией. Но в VII веке после захвата страны мусульманами его влияние начало уменьшаться, и в итоге зороастризм был окончательно вытеснен исламом. Большинство его приверженцев перебралось в Индию, где их стали называть парсами, по стране, откуда они приехали. Колония парсов постепенно разрасталась, и сегодня в Индии живет более ста тысяч парсов, большая часть из которых обосновалась в Бомбее.

Зороастризм – очень интересная религия. Ей свойственно обожествлять не только различные предметы, но также отвлеченные понятия. Так, например, бога Ахурамазду в его борьбе против сил зла поддерживают очень занятые помощники, среди них такие, чьи имена переводятся как Добрая Мысль, Лучшая Правда, Бессмертие. Огнепоклонниками их впервые назвали мусульмане из-за того, что они обожествляют огонь, рассматривая его как очищающую силу. Огонь присутствует во всех зороастрийских храмах. Именно поэтому храмы последователей этой религии называют храмами Огня. Их в Бомбее несколько.

Мы находились у Башни молчания, и разговор, естественно, зашел о более чем оригинальных погребальных традициях парсов. Они не предают тела умерших, как мы, земле. Я думала, что, поскольку огонь играет в их религии такую важную роль, они, как и индуисты, сжигают умерших. Но нет, зороастрийцы слишком почитают огонь, чтобы использовать его для уничтожения трупов. Все оказалось совсем иначе. Когда человек умирает, его тело кладут в такую вот довольно высокую башню, подходить к которой близко никто не имеет права. И находятся эти башни (их называют дакхма), как правило, на вершине холмов, в безлюдных местах. Вернее, в тех, которые раньше были безлюдными, поскольку с тех пор строения подступили к некоторым из них довольно близко. Эти башни не имеют окон, и у них есть лишь один маленький вход, закрытый металлической дверью, ключ от которой

имеет лишь специальный человек, должность которого так и называется – носильщик трупов.

У Блаватской все в той же книге есть очень интересное описание того, что происходит, когда умирает парс. «Смерть у огнепоклонников лишена всего своего величия, и труп возбуждает в них лишь одно омерзение. Коль скоро замечают, что наступает последний час больного, все домашние отделяются от него, как для того, чтобы не помешать душе освободиться от тела, так и затем, чтобы живому не оскверниться прикосновением к мертвому. ...Затем приводят собаку и заставляют ее смотреть в лицо умирающему. Эта церемония называется сас-дид (собачий взгляд), так как собака единственное из живых существ, взгляда которого боится друкс-насу (злой демон), сторожащий умирающих, дабы завладеть их телом. ...Где бы ни умер парс, там он и остается, пока за ним не явятся насесалары (носильщики трупов), с руками, погруженными до плеч в старые мешки. Положив покойника в железный закрытый гроб (один для всех), его относят в дакхму. Даже если б отнесенный в дакхму ожил (что нередко случается), он уж не выйдет более на божий свет: насесалары в таком случае убивают его. Кто раз осквернился прикосновением к мертвым телам и побывал в «башне», тому возвращаться в мир живых уже невозможно: он осквернил бы все общество.

А что же потом? Потом налетают птицы и... вскоре от человека остаются лишь кости. Кстати, какие птицы – было мне не совсем ясно. Я не записала этого по свежим следам. Где-то читала, что это стервятники. А вот у Блаватской фигурируют коршуны. Причем не простые, а в свое время специально завезенные из Персии, поскольку местные недостаточно быстро, как того требуют специальные правила, расправлялись со своей добычей.

И лишь совсем недавно я выяснила, что, во всяком случае, в наши дни, участниками погребального процесса являются стервятники. Мне попалось несколько статей, в которых рассказывалось о проблемах, с которыми столкнулась община парсов в Бомбее. Из них я узнала, что стервятники в Индии стали жертвами какой-то загадочной эпидемии. Их количество резко уменьшилось, в связи с чем возникли трудности с плавным осуществлением обряда погребения парсов. А проще говоря, требуется гораздо больше времени, чтобы от трупа, принесенного в башню, остались одни кости. Жители окрестных домов жалуются на тяжелый запах, постоянно доносящийся теперь из башен. Сами парсы тоже ропшут: родственникам вновь умерших приходится объезжать все имеющиеся башни, чтобы отыскать освободившееся место. Община парсов пытается найти различные способы решения проблемы. Одни предлагают создать специальные питомники для разведения стервятников. Другие выступают за более кардинальные меры: закрыть Башни молчания и построить вместо них солнечные крематории, где тела умерших будут сжигаться специально концентрируемыми лучами солнца.

Завершая свой рассказ о столь поразившей мое воображение традиции, ради справедливости замечу следующее: многие пишут о том, что способ погребения последователей Зороастра самый экономичный – никакого тебе нерационального использования земель, – а ведь вокруг некоторых мегаполисов уже возникли своеобразные города-кладбища, по аналогии с городами-спутниками. Кроме того, это самый надежный способ избежать распространения каких-либо эпидемий. Но, даже понимая все это, честно признаюсь, не позавидовала я последователям Зороастра.

Помимо Башни молчания есть еще одно место в Бомбее, посещение которого мне запомнилось. Это остров Элефанта и его пещеры. Правда, остров находится не в самом городе, а в часе пути на кораблике, отплывающем от Ворота Индии. Изначально остров назывался Гхарипури, что переводят как «город-крепость», а иногда совершенно иначе – «город священников». Все та же Блаватская, по-моему, формулирует это лучше – «город очищения».

Остров и его пещерные храмы были обнаружены португальцами в XVI веке. Они же назвали его Элефанта, так как перед главным храмом, как бы охраняя его, стояла огромная скульптура слона, высеченная из камня. Сегодня вы можете увидеть ее перед входом в музей Бомбея на территории бомбейского зоопарка. Я так и не поняла, зачем в 1864 году англичанам понадобилось увозить эту скульптуру с острова. Вряд ли для лучшей сохранности, как это иногда утверждают.

Те, кто бывал на острове, наверное, уже подумали: «Она оговорилась – там же только один подземный храм, высеченный в скале. Может быть, она приняла за храмы пещеры с великолепными барельефами, также вырубленные в скале?» Но я не оговорилась, написав «храмы». Дело в том, что португальцы, открывшие комплекс, основательно его и разрушили. По рассказам очевидцев, на острове было несколько храмов – за несколько лет от них мало чего осталось, поскольку португальцы забавлялись стрельбой из орудий по сооружениям «неверных». Печальный итог превращения храмового комплекса в тир – остался лишь один храм. И главное, была выломана большая плита с надписями, сообщавшими о том, когда и кем он был сооружен. По некоторым сведениям, следы этой плиты, сначала отосланной португальскому королю в подарок, затем таинственно исчезают. Так и спорят до сегодняшнего дня ученые, когда был построен храм. Большинство сходятся на VIII веке нашей эры.

Храм посвящен Шиве, и, конечно, самое впечатляющее в нем – это гигантское изображение трехликого Шивы – Тримурти, высеченное в камне. Эта статуя, особенно три лика божества с закрытыми глазами, потрясала воображение многих поэтов, писателей и художников. Книга Блаватской, например, открывается своеобразным гимном загадочному Тримурти, который для нее есть символ всего того, что есть мистического в Индии. А французский писатель Мальро в своих «Антимемуарах» оставил, пожалуй, самое поэтическое и в то же время трагическое описание статуи. Эта книга переведена на русский язык, но я ее читала на французском и позволю себе дать перевод одной фразы, сделанный моим знакомым – профессиональным переводчиком, к тому же обладающим, на мой взгляд, поэтическим дарованием. Мальро пишет о том, что каждый лик изваянного из камня Тримурти достоин называться шедевром, а потом заключает: «Шива, пещера, божество... И эта маска с закрытыми глазами, не замечающими течения времени, похожего на погребальную песнь...».

Когда я прочитала эти слова, то подумала, насколько хорошо они вписываются в контекст моего восприятия Бомбея как антигорода. Его символом стали для меня не Ворота Индии, а Башня молчания, а теперь еще и Тримурти, отказывающийся смотреть на этот город, откуда доносятся похоронные песнопения.

Пещерные храмы Эллары и Аджанты

Для меня поездка на остров Элефанта, помимо того что я увидела еще одно удивительное творение рук человеческих, была важна и по другой причине. Я утвердилась в изначальном намерении, постепенно таявшем на бомбейской жаре, – съездить в пещерные храмы Эллары и Аджанты, о которых много слышала. В результате развитой мною активности, я свою задачу осуществила. Даже с наименьшими издержками, чем ожидала. Я уже была готова отправиться в пещеры на автобусе. Но тут узнавший об этом начальник бомбейского отделения АПН смилостивился и дал в мое распоряжение машину с шофером.

От Бомбея до Эллары около четырехсот километров. Выехали мы с водителем очень рано, часов в шесть утра. Машин почти не было. Но поскольку даже неплохое и пустынное шоссе – это все-таки не автострада, то путь показался мне очень долгим и утомительным. Махараштра не балует взор путешественника обилием зелени или интересными пейзажами. Чем дальше удаляешься от моря, тем более пустынной и плоской становится местность. Лишь редкие пальмы вносят хоть какое-то разнообразие в пейзаж. Да еще бредущий по дороге буйвол, тащащий допотопную арбу. Я ехала, и в голове все время вертелась одна и та же мысль: вот точно такие же повозки тащились по этой дороге и сто, и тысячу лет назад, и пейзаж вокруг был точно такой же, да и люди, которые иногда попадались на пути, наверное, выглядели так же, как их далекие предки.

Лишь один раз я увидела вдали какую-то довольно величественную крепость. Спросила моего водителя-индийца и узнала, что это Даулатабад. Тот самый, куда в XIV веке была сделана попытка перенести столицу. Я рассказала эту печальную историю в главе, посвященной Дели. С тех пор этот город, стоивший жизни многим тысячам людей, пользовался дурной славой и пришел

в запустение. Сейчас туда если и стоит заехать, то лишь для того, чтобы посмотреть на хорошо сохранившуюся крепость, напоминающую еще раз о том, как самодурство, так часто становящееся атрибутом безграничной власти, приводит к трагедии.

На место мы прибыли лишь в полдень. В Эллоре тридцать четыре пещеры. В этих пещерах с VII по XIII век селились монахи. Сначала буддисты, позже индуисты и под конец джайны. В некоторых из них находятся соответственно буддистские, индуистские или джайнские храмы, в других – служебные, ритуальные и жилые помещения. Чтобы осмотреть все интересное в Эллоре, надо провести там как минимум несколько дней. А в мою задачу входило еще успеть в Аджанту, так что я обошла лишь самые интересные места.

Не буду описывать все то, что я увидела. Во-первых, об этом можно написать целую книгу. И, наверное, уже кто-то это сделал. А во-вторых, есть места, которые лучше один раз увидеть, чем десять раз об этом прочитать. А в-третьих, я твердо убеждена, что некоторые вещи просто невозможно описать. Можно, наверное, более-менее подробно рассказать о храме Кайласа – главной достопримечательности Эллары. Поведать, что строили его, по крайней мере, сто пятьдесят лет. Объяснить, что этот храм – самое большое в мире здание, построенное в скале. Он в два раза больше знаменитого греческого Парфенона: его длина – 81 метр, ширина – 47 метров и высота – 33 метра. Правда, тут придется оговориться, что термин «строили», пожалуй, не годится, так как это здание вырубали в скале. Ученые уже подсчитали, что при этом пришлось избавиться от 200 000 тонн ненужной скальной породы. Уже это повергает вас в недоумение. Как? Здесь не было сначала строго выверенного архитектурного плана, как с древних времен повелось при строительстве индуистских храмов? Не возводился сначала фундамент, а потом не клали на этот фундамент один обтесанный камень за другим, придавая зданию задуманные формы? Неужели возможно выдолбить, выгрызть, прорубить в скале все эти удивительно пропорциональные, изящные и в то же время величественные сооружения? Не видя их, трудно понять, насколько невероятным кажется идея не строительства, а вырубания в скале.

Ну и совсем невозможно передать то, что вы испытываете, когда вдруг слышите, что все это прорубали в скале не снизу вверх, а сверху вниз. Сначала вы думаете, что ослышались. Переспрашиваете. Нет, все правильно – была плоская поверхность скалы, на ней, очевидно, изначально нарисовали что-то вроде плана, а потом начали долбить скалу вниз. Долбило одно поколение монахов, долбило второе, третье, возможно, даже четвертое. И... создали этот удивительно пропорциональный, с ровными, а не идущими вкривь и вкось поверхностями стен храм, украшенный массой колонн, скульптур, барельефов, львов, восседающих на крыше, удивительно добродушных демонов, с которыми даже Шива сражается как-то не всерьез. Есть даже огромные, в натуральную величину, слоны, бредущие по двору храма. Удивительный, фантастический мир. Кто же были эти люди, которые сумели рассмотреть красочный мир в толще камня, а затем годы и годы долбить скальную породу, чтобы воплотить свою фантазию в жизнь? Монахи, отшельники, аскеты, связавшие свою судьбу с пещерами Эллары. Но, видимо, в человеке, даже отрешившись от всего мирского и стоящем на пороге нирваны, не умирает ни воображение, ни желание творчества, ни стремление к красоте. Иначе разве возник бы этот прекрасный мир посреди желто-коричневой, такой безжизненной земли?

На очень беглый осмотр Эллоры все равно ушло четыре часа. Ехать в этот же день в Аджанту было бессмысленно. По совету шофера, добравшись до деревушки Аджанта, возле которой и находятся пещеры, мы переночевали там.

На следующий день рано утром, когда солнце только-только всходило, я отправилась осматривать пещеры. Хозяин гостиницы, где я провела ночь, посоветовал мне не сразу идти осматривать комплекс, а подняться на противоположную сторону каньона, откуда можно увидеть всю панораму пещер. Я так и сделала и была очень признательна ему за совет.

Туристов мне и в Эллоре встретилось мало, в Аджанте же в ранний утренний час я вообще оказалась чуть ли не единственной посетительницей. И думаю, что, поднявшись на край горы, я смогла представить себе чувства того английского охотника (хотя на самом деле там была группа охотников, но кто-то же был первооткрывателем), который, взглянув в бинокль в поисках дичи, вдруг разглядел на противоположной стороне целый ряд прорубленных в скале отверстий, обрамленных грубоватыми приземистыми колоннами. Не известные никому, не значившиеся ни в одном путеводителе пещеры буддийских монахов. Целых тридцать шесть пещер, многие из которых оказались храмами, чьи стены покрыты уникально сохранившимися фресками удивительной красоты! Произошло это в 1819 году. Как выяснилось позднее, буддийские монахи поселились здесь за двести лет до Рождества Христова. В течение долгого времени – до середины VII века – пещеры Аджанты были прибежищем монахов, а потом как-то получилось, что они оказались заброшены, и больше чем тысячу лет никто не подозревал о том, какие сокровища скрывает заросший деревьями и кустарником каньон, каких немало в этих местах.

Сегодня пещеры Аджанты уже исследованы, изучены и описаны десятками, а может, и сотнями людей. До того как оказаться там, я перелистала несколько книг, рассказывающих о пещерах Аджанты, и видела фотографии, на которых были запечатлены росписи, покрывающие стены многих храмов и считающиеся непревзойденным образцом фресковой живописи. Казалось бы, меня вряд ли можно было чем-то удивить. И тем не менее то, что я увидела, превзошло все мои ожидания. Я переходила вслед за мальчишкой-гидом из одной пещеры в другую, из одного храма в другой. И каждый раз повторялось одно и то же. Сначала мы заходили в темное помещение, и я в ожидании того момента, когда зажжется принесенный им фонарь или вспыхнут специальные прожекторы, установленные в особенно темных и больших пещерах, мысленно представляла то, что должна увидеть. И каждый раз, когда свет, наконец, на короткое время отнимал у тьмы ее сокровища, я опять и опять поражалась тому, насколько увиденное прекраснее, тоньше, интереснее того, что я предвкушала увидеть.

Прежде всего, меня удивила прекрасная сохранность живописи. Именно тогда я подумала о том, что традиции и даже эстетические нормы, характерные для той или иной религии и культуры в целом, возможно, в своей основе имеют и чисто прагматические соображения. Резьба по камню, мозаика, которыми чаще всего украшались индийские храмы и старые здания, гораздо лучше сохраняются в том климатическом поясе, в котором находится Индия. А живопись, фрески? Если они и есть, то чаще всего ими украшены стены пещерных храмов, где свой микроклимат и практически постоянный уровень влажности. Как в пещерах Аджанты. Исключение – фрески Раджастана. Но там они были созданы гораздо позже. К тому же климат Раджастана более сухой,

чем, скажем, климат юга Индии, где вы практически не увидите настенной живописи. Скульптура из камня, бронза – да, но не живопись. Конечно, хорошая сохранность фресок Аджанты объясняется еще и тем, что много веков о них никто не подозревал. Надолго ли хватит их красоты, если с каждым годом все увеличивается и увеличивается поток туристов, посещающих пещеры, и теперь уже темнота отвоевывает для фресок редкие часы отдыха у нещадно заливающего их света?

Конечно, как и всех, кто видел фрески, меня поразило качество живописи и богатство сюжетов. Но я не буду описывать и комментировать увиденное, так как давно убедилась, что нет более бесполезного занятия, чем описывать картины. Ну как вы, например, опишите «Джоконду»? На портрете изображена довольно молодая женщина, не красавица, но и не уродина, сидящая в кресле и смотрящая на зрителя со странной улыбкой на устах. Дает это что-либо? Нет. Конечно, можно сделать описание более пространным и красочным. Однако это мало что изменит. Единственный способ дать представление о произведении искусства – будь то картина или статуя – это передать ваши ощущения от увиденного. Но это и есть самое сложное. И редко кому удается.

Примерно такие мысли посещали меня каждый раз, когда я пыталась рассказывать об одном изображении в пещерном храме Аджанты; увидев однажды, я уже никогда не могла его забыть. Не помню, какая по счету пещера это была. Помню, что, дождавшись, когда гид зажжет прожектор, я начала осматривать пещеру, оказавшуюся храмом. Переходила от одной фрески к другой и вдруг почувствовала, что кто-то смотрит на меня со стены, находящейся в дальнем углу храма. Я пошла на этот взгляд. Свет уже не так ярко освещал эту отдаленную от входа в храм стену. Он не бил по фрескам, делая их слишком яркими, искусственно подновленными, а ласково освещал, позволяя любоваться их первозданной нежной гаммой. И вот с этой стены на меня смотрела девушка, женщина... Трудно сказать. Она была как бы лишена возраста. Как сказал гид, это был портрет какой-то принцессы. Хотя я не очень уверена в этом. Почему портрет принцессы оказался на стене буддийского храма? Но, честно говоря, меня, обычно дотошную до деталей, ни тогда, ни позже не волновало, кто был изображен на стене храма. Гораздо важнее было то, как это было сделано. Я не могла оторваться от лица женщины, вглядывалась в него под разными углами и пыталась понять, чем же так притягивает меня ее взгляд.

Я не заметила, как несколько человек, вошедших со мной, покинули пещеру, и очнулась лишь от того, что оказалась в полной темноте. Решив, что все посетители вышли, сопровождавший нас мальчишка потушил прожектор. Однако, очутившись одна в темной пещере, я не испытала никакого страха. Со мной был тот взгляд. Когда я вышла из пещеры, то вдруг почувствовала привкус соли на губах и поняла, что из моих глаз, помимо моей воли, текут слезы. Почему? Что же было такого особенного в том изображении, заставившем меня пережить такие сильные эмоции? Мне никак не удавалось ответить на этот вопрос.

Я никогда бы даже не упомянула о принцессе из пещерного храма, если бы много лет спустя буквально не споткнулась, читая все того же Успенского. В главе «В поисках чудесного» из книги «Новая модель вселенной», которую я уже упоминала, есть раздел «Будда с сапфировыми глазами». В нем Успенский рассказывает о своем пребывании на Цейлоне и о том впечатлении, которое на него произвела статуя Будды в одном из храмов недалеко от Коломбо. И хотя в

его случае это была статуя, его эмоции настолько точно передавали пережитое мной, что мне хочется привести здесь довольно большой отрывок из его рассказа. Успенскому удалось сделать то, о чем я говорила выше: позволить всем, никогда не видевшим статуи Будды с сапфировыми глазами, не только увидеть ее, но и пережить вместе с ним то, что он испытал много десятков лет назад на Цейлоне.

«Лицо Будды было совершенно живым; он не смотрел прямо на меня и все-таки меня видел. ...Будда видел меня, видел во мне то, чего я не мог увидеть сам, видел все то, что скрывалось в самых тайных уголках моей души. И под его взором, который как будто обходил меня, я сам увидел все это. Все мелкое, несущественное, трудное и беспокойное вышло на поверхность и предстало перед этим взглядом. Лицо Будды было безмятежным, но не лишенным выразительности; оно было исполнено глубокой мысли и глубокого чувства. ...Но в его глазах не было ни порицания, ни упрека; взгляд был необычайно серьезным, спокойным и понимающим. Когда же я попробовал спросить себя, что именно выражает лицо Будды, я понял, что ответить на этот вопрос невозможно. Его лицо не было ни холодным, ни бесстрастным; однако было бы неверно утверждать, что оно выражает сочувствие, теплоту или симпатию. Все эти чувства казались слишком мелкими, чтобы приписывать их ему. В то же время такой же ошибкой было бы сказать, что лицо Будды выражает неземное величие или божественную мудрость. Нет, оно было вполне человеческим; и все же чувствовалось, что у людей такого лица не бывает. Я понял, что все слова, которыми мне придется воспользоваться для описания выражения этого лица, будут неправильными. Могу только сказать, что в нем присутствовало понимание. ...И тут я понял: каким бы возбужденным, озабоченным, раздраженным, раздираемым противоречиями мыслей и чувств ни пришел сюда человек, он уйдет отсюда спокойным, умиротворенным, просветленным, понимающим».

На следующий день Успенский опять пришел в храм.

«Взор Будды был таким же, как вчера: он проникал в мою душу, освещал в ней все и приводил все в порядок.»

Когда я прочитала это, то поразила тому, насколько идентичным было впечатление, произведенное статуей Будды на Цейлоне и фреской в храме Аджанты на двух разных людей в разное время. И тут мне в голову пришла очень странная мысль. Те, кто читали Успенского, знают, что он очень интересовался проблемами рождения и смерти, возникновения и исчезновения. Например, его очень интересовали пришедшие из Индии идеи перевоплощения и переселения душ.

Я, конечно, не настолько нескромна, чтобы вообразить, будто я – последующее воплощение одного из самых выдающихся людей своего времени или что какая-то частица души Успенского избрала меня в качестве своего очередного прибежища.

Мысль, пришедшая мне в голову, основывается на том, как Успенский развил идею перевоплощения и идею переселения душ. По его мнению, эти идеи не первичны, а «...произошли из одного общего источника, а именно: из учения о всеобщем повторении или о вечном возвращении». Не буду вдаваться во все детали его теории. Те, кому это интересно, пусть прочитают книгу «Новая модель вселенной». Скажу лишь, что, по Успенскому, человек – все, что его составляет, – не исчезает бесследно и не превращается в ничто. Человек вновь и вновь возвращается и проживает заново свою жизнь. При этом по

характеру повторения жизни люди делятся на разные категории. Для многих, если не для большинства, каждая последующая жизнь является абсолютным повторением предыдущей. Но есть и такие – к ним он относит, прежде всего, людей, одаренных подлинным талантом, – чья каждая новая жизнь, повторяясь в основных своих параметрах, тем не менее движется по восходящей линии. Безусловно, это не происходит автоматически. Это результат огромной работы над собой, работы над совершенствованием своего внутреннего мира, результат самовоспитания. Талант таких людей в каждой последующей жизни становится все богаче, и они очень рано (и тут Успенский употребляет слово, поразившее меня) «вспоминают» свой труд.

И вот я подумала. А не могло ли так быть, что Будда с сапфировыми глазами и моя принцесса из Аджанты созданы одним и тем же человеком? И сама себе ответила: если верить Успенскому, то так оно и было. Давным-давно в пещерах Аджанты жил буддийский монах, обладавший талантом живописца и написавший прекрасный женский портрет. Уж в отношении монаха, да еще буддиста, не возникает никаких сомнений в его постоянных занятиях йогой – одной из самых эффективных систем самосовершенствования. Он умер. А затем прожил новую жизнь – тоже монаха, тоже буддиста, тоже художника. И в этом другом своем возвращении он создал образ Будды.

И нет ничего удивительного, что оба эти образа несут одно и то же послание тем, кто сумеет и захочет его прочитать. Интересно, а где сейчас творит этот буддист-философ-художник?

Увиденное и пережитое во время этой моей поездки по Индии, оказавшейся последней, я не забуду никогда. У каждого человека, особенно много путешествовавшего, наверняка есть свой индивидуальный список чудес света, не всегда точно совпадающий с общеизвестным. С тех пор, как я побывала в пещерах Эллары и Аджанты, они фигурируют в моем списке на одном из первых мест.

Вместо эпилога

Мое последнее путешествие в Индию

Свое четвертое и последнее путешествие в Индию я совершила, как ни странно, в компании француза, некоего господина де Тевно. Мы с ним объехали почти всю огромную территорию Индостана и посетили его крупнейшие города.

Отправились мы в наше путешествие на корабле из Персии и через месяц плавания высадились в крупнейшем порту на западном побережье Индии – в Сурате. Мы были счастливы, что нам удалось без особых приключений добраться до Индии, так как повсюду на водных подступах к субконтиненту свирепствовали пираты, базировавшиеся, как говорили, на Малабарских островах. Особенно в то время гремело имя некоего Гюго Ламберта, голландца, который до того, как заняться морским грабежом, состоял на службе во французском адмиралтействе.

Мы не рискнули сразу же отправиться в путь и пробыли в Сурате несколько дней до тех пор, пока не нашли спутников, которые, как и мы, собирались отправиться в Ахмедабад, столицу Гуджарата. Дело в том, что ездить по дорогам было небезопасно. Повсюду орудовали шайки разбойников, которые без пощады грабили и убивали одиноких путников. Гуджарат только начинал оправляться после страшного голода, поразившего эту провинцию тридцать лет назад. Тогда, как мы узнали, погибло несколько миллионов человек. Последствия этой страшной трагедии до сих пор давали о себе знать, и в Гуджарате было еще много голодных и обездоленных людей, готовых на все, чтобы раздобыть себе и своим семьям пропитание. Мы наслушались множество историй о хитроумных способах, к каким прибегали разбойники. Завидев на дороге одинокого всадника, они, например, высылали ему навстречу красивую плачущую девушку, изображавшую, что с ней что-то случилось. Всадник, естественно, останавливался и предлагал свою помощь. Тут и высказывали ее сообщники, набрасывали лассо на шею всадника, стаскивали его с лошади, а потом хорошо, если только грабили бедного путника, проявившего неосмотрительное благородство.

Правда, в самом Сурате грабежей и разбоя практически не было. В городе существовала очень хорошо организованная система охраны. За порядок отвечал специально назначенный человек, который регулярно по ночам объезжал улицы во главе хорошо вооруженного отряда стражи. Если во время его дежурства все-таки случались ограбления, то этот чиновник обязан был возместить ущерб потерпевшему из собственного кармана. Такая же система охраны действовала и в некоторых других городах Индии, например в Агре, где

при нас обворовали на большую сумму армянского купца, и чиновник, отвечавший за порядок, был вынужден заплатить ему за украденные товары. Я подумала, что, пожалуй, введя в наши дни у нас подобную систему прямой материальной ответственности высшего чиновничества за порученные им участки работы, можно было бы успешнее бороться не только с ворами и грабителями.

Еще находясь в Сурате, мы смогли убедиться, насколько неповторимо красочны обряды Индии. В дни нашего пребывания в этом городе праздновали свадьбу дочери правителя города. Как нам рассказали, уже за пятнадцать дней до основного дня свадьбы на площадях постоянно играли музыканты и устраивались различные представления. В день свадебного обряда в восемь часов вечера на главной улице появилась грандиозная процессия. Первыми шли около сотни человек с факелами. За ними еще около двухсот человек – среди них музыканты, танцовщицы, певцы. Потом верхом на коне ехал разодетый в парчу и золото жених, которого сопровождало несколько десятков всадников. И в конце процессии шествовали два разукрашенных слона и два верблюда; на них также сидели музыканты. Повсюду запускали фейерверк. Через два часа процессия достигла дома невесты, который находился на берегу реки. Вокруг дома и вдоль реки горело множество светильников и факелов. На воде стояло шесть больших лодок, казавшихся огромными разноцветными фонарями – такое количество светильников и факелов украшало их, освещая реку и все вокруг радостным, как будто тоже танцующим, светом. На берегу в течение часа продолжался удивительный фейерверк – никогда я не видела ничего красивее. После завершения официального обряда бракосочетания невеста на слоне отправилась в дом жениха.

Через несколько дней после этого с караваном купцов мы благополучно добрались до Ахмедабада и провели там несколько дней. А купцы, закупившие в Сурате ткани и специи, отправились в свой дальний путь в Китай. Путь не только дальний, но и долгий, поскольку займет он целый год. Ахмедабад произвел на меня впечатление очень большого и зеленого города со множеством мечетей. Как выяснилось, город был действительно большим – правивший незадолго до этого Шах-Джахан даже назвал Ахмедабад Гердабадом – городом пыли людской, поскольку там проживало больше миллиона человек. А вот что касается мечетей, то выяснилось, что многие из них на самом деле еще недавно были индуистскими храмами. По приказу императора Аурангзеба их превратили в мечети. Для этого он прибегал порой к очень радикальным мерам. Так, на пороге одного из храмов он повелел зарезать корову – храм был осквернен, и индуисты не могли больше им пользоваться.

После этого мы отправились в столицу этого государства, находящуюся в Дели, куда она была перенесена Шах-Джаханом из Агры. Его решение было вызвано тем, что в Дели менее жарко, чем в Агре, окруженной раскаляющимися на солнце песками. В Агре, которую мы также посетили, все напоминало о Шах-Джахане, так любившем этот город. Мы, конечно, побывали в Тадж-Махале. Слава об этом архитектурном шедевре-мавзолее, построенном Шах-Джаханом в память об умершей любимой жене, только-только достигла Европы.

Сам Шах-Джахан к этому времени тоже уже умер. В империи правил его сын – Аурангзеб, про которого по столице ходили слухи один другого ужаснее. Он не только заточил своего отца в крепости в Агре, но и умертвил одного из своих старших братьев, стоявших на его пути к трону, и заточил в темницу

другого. Некоторые, правда, говорили, что сын недалеко ушел от отца. Шах-Джахан ведь тоже для того, чтобы прийти к власти, убил своего племянника.

Дели показался нам относительно небольшим городом, по сравнению с Ахмедабадом, и не таким красивым, как Агра. Только дворцовые сооружения были отделаны действительно роскошно. Особенно поразил нас знаменитый Павлиний трон, о котором мы уже были наслышаны от другого французского путешественника – Жан-Батиста Тавернье, встреченного нами еще в Персии по дороге в Индию.

Город действительно был небольшим, там в это время проживало всего около четырехсот тысяч человек. К тому же он часто буквально пустел. Это происходило тогда, когда император отправлялся в путешествия. Его сопровождала вооруженная охрана из 35 тысяч всадников и 10 тысяч пехоты, а также большая часть придворных. Не надо забывать и об огромном количестве прислуги двора, а также торговцев, которые обеспечивали все это огромное количество людей едой, одеждой и прочими необходимыми вещами. Аурангзеб проводил в походах большую часть года, завоевывая новые земли и умирняя провинции, постоянно восстававшие и пытавшиеся избавиться от гнета его жестокого правления. Поэтому многие придворные, охрана и офицеры его армии отправлялись в походы с женами, детьми и слугами. Говорили, что если в городе оставалась одна шестая часть его населения, то это было редкостью.

Но зато уж когда Аурангзеб возвращался в Дели, там устраивались пышные празднества.

Особенно торжественно отмечался день рождения императора. Мне запомнилась одна деталь, рассказанная очевидцем. В этот день императора взвешивали. Для этого во дворец приносили огромные золотые весы. На одну чашу весов садился император, раздетый в парадные одежды с огромным количеством украшений. А на другую чашу клали свертки, в которых, как говорят, находилось золото и драгоценные камни. Если император прибавлял в весе, то это давало повод ко всеобщему ликованию. Мне даже показали гравюру, на которой изображена эта необычная процедура.

Жители Дели очень любили животных, для них даже устраивали специальные больницы. Нас, естественно, особенно интересовали животные, каких мы не видели у себя в Европе. И прежде всего слоны. В Дели часто устраивались торжественные процессии с участием слонов. Но содержание слонов обходилось довольно дорого, поэтому даже при дворе императора их было не так много, как я думала. Пятьсот слонов – для выездов императора, его жен, свиты и транспортировки его багажа. Двести слонов – для военных целей, причем особенно ценились цейлонские слоны: несмотря на свой относительно маленький рост, они самые храбрые.

Мой спутник мечтал побывать на охоте на слонов. К его большому разочарованию, нам это не удалось. Но мы вдоволь наслушались рассказов о различных способах охоты на этих весьма опасных, несмотря на свой добродушный вид, животных. Один из самых распространенных видов охоты был таков. Вырывали яму. Туда помещали самку в период течки, и она криками заманивала самца. На оказавшегося в яме слона накидывали веревки и цепи. Нам объяснили, что при этом главное, помимо ног, нейтрализовать его хобот, так как хоботом он может легко убить человека.

Из Дели мы отправились на север, посетили множество интересных мест и доехали до Кабула, крупнейшего города на севере страны. Спустившись чуть

южнее, мы посетили Лахор, затем побывали в провинции Кашмир. Оттуда наш путь лежал в самую восточную провинцию страны Джаганат.

Одно из самых незабываемых впечатлений произвело на меня посещение султаната Голконды и его столицы Хайдерабада. Это независимое государство, простирающееся почти через весь полуостров Индостан – от Аравийского моря на западе, почти до Бенгальского залива на востоке, между реками Тапти на севере и Крашна на юге, – одно из самых богатых в этом районе мира. Оно славится своими тканями и особым способом выплавки стали. Но за пределами Индостана эта страна известна прежде всего своими легендарными алмазными копиями. Сокровища Голконды ассоциируются с фантастическими, безбрежными богатствами. Незадолго до нашего приезда в Голконду там был найден огромный – весом в 800 карат – алмаз, получивший название «Кохинур» («Гора света»).

Я уверена, что к этому моменту большинство читателей уже догадалось, почему я допустила столько «огрехов». Дело в том, что это путешествие я совершила по страницам книги, написанной действительно французом, Жаном де Тевно, путешествовавшим по странам Востока в XVII веке. Но если не знать этого, то, естественно, возникают вопросы.

Почему это Сурат, а не Бомбей крупнейший порт на западном побережье? Откуда пираты на морях? Что это за страшный голод в Гуджарате? Действительно, был там голод, во время которого погибло, как пишут историки, три миллиона человек, но эта катастрофа разразилась аж в 1630 году. И почему это написано, что столица только что перенесена из Агры в Дели? Ведь это произошло последний раз в середине XVII века? Как же автор могла увидеть знаменитый Павлиний трон, когда его еще в 1739 году похитил персидский Надир-шах? Кабул – это и вовсе столица Афганистана. А Лахор находится на территории Пакистана. Провинции Джаганат не существует, хотя вроде бы так когда-то называли Бенгалию. Кстати, сама автор рассказывала о божестве с похожим именем – Джаганатх, говоря о своем путешествии в Ориссу, где культ Джаганатха сохранился до наших дней. Голконда – это крепость и развалины города вблизи Хайдерабада, а не могущественное государство. Копи Голконды давно заброшены. Когда-то они действительно дали миру алмазы, с каждым из которых связано множество реальных историй и легенд. «Регент», «Дерианур», «Хоуп», наконец, печально известный в России алмаз «Шах», подаренный персидским шахом русскому царю в порядке компенсации за разгром русского посольства в Тегеране, во время которого погиб Грибоедов, только что прибывший туда в качестве посла. Но все они были найдены давным-давно. Например, «Кохинор», украшающий корону Британской империи, был найден аж в 1642 году. И вообще автор явно соревнуется с бароном Мюнхаузеном по части выдумок: таких свадеб, как в Сурате, уже не бывает, охота на слонов запрещена много лет назад, императора в Индии давно нет, так что на весах взвешивать уже некого.

Хотя надо сказать, что если уж и писали небылицы об Индии, то в основном до того, как Васко де Гама в 1498 году открыл морской путь в Индию. Поскольку до этого мало кто там побывал, то даже явные выдумки порой могли сойти за правду. Чего только не писали об Индии путешественники-мюнхаузенцы! Например, что в этой стране те, кто хотят попасть в рай, отрезают себе голову или что там есть люди, у которых уши как ветряные мельницы, и когда они ложатся спать, то ложатся на одно ухо и накрываются другим.

Читая мой очень краткий пересказ записок Жана де Тевно, те, кто хорошо знают Индию, смогли даже точно понять, когда именно путешествовал по субконтиненту мой француз. Ведь речь идет о начале правления Аурангзеба. А этот последний, но отнюдь не самый великий из династии Великих Моголов правил в Индии с 1658 года по 1707 год. Значит, наш француз скорее всего побывал в Индии в шестидесятые годы XVII столетия. Тот, кто это понял, не ошибся. Автор книги высадился в Сурате в ноябре 1665 года.

Книга называется «*Les voyages de Mr De Thevenot aux Indes Orientales*» с длинным, как и положено было в те времена, подзаголовком, уточняющим, о чем же рассказывает автор. А купила я ее в середине девяностых годов в пригороде Женевы на распродаже какого-то старого дома, прельстившись чудными гравюрами, украшающими книгу. Полюбовавшись на гравюры, запрятала книгу в шкаф и забыла о ней – уж больно сложно было читать старый французский текст. Это, конечно, не такой труд, как читать наши старославянские письма, но все же современный французский язык тоже достаточно эволюционировал. Особенно усложняет задачу то, что в то время «s» писалось как «s» только в конце слов, а в середине вместо него писалась буква, на мой взгляд, ничем не отличающаяся от «f». Встречая, например, слово «fort», вы должны догадаться, что оно читается как «сор» (судьба), а не «фор» (форт, крепость).

Но однажды, во время очередного переезда, книга попала мне на глаза, и я все-таки решила прочитать ее. Однако для начала попыталась выяснить хоть что-то об авторе.

Мне удалось узнать о нем очень мало. Жан де Тевно родился в Париже в 1633 году. Получил образование в колледже Наварры и решил посвятить себя путешествиям. Свое намерение он осуществил в 1652 году, когда ему исполнилось девятнадцать лет. Для начала он посетил Англию, Голландию, Германию и Италию. Из Италии он отправился дальше. Сначала на Мальту, а оттуда в Константинополь. Затем через греческие острова в Египет, провел там год и отправился с караваном пилигримов в Иерусалим. Перечень стран и мест, где он побывал, можно продолжать очень долго, поскольку, начав в 1652 году, он остановился лишь в 1667 году, да и то не по своей воле. Он, видимо, не смог до конца оправиться после полученного в Исфахане в октябре того года ранения и умер через месяц после этого, в ноябре 1667 года, по пути в Тибриз. Де Тевно был незаурядным лингвистом. Он прекрасно владел турецким, арабским и фарси; был неплохим натуралистом, особенно хорошо разбирался в ботанике – из Индии он привез коллекцию, поразившую современников.

В путешествиях он постоянно вел записи. Первая книга, рассказывающая о том, что он увидел за время странствий, вышла в Париже в 1665 году. Предисловие к ней свидетельствует о том, что он успел сам подготовить книгу к печати до того, как отправился в очередное путешествие, из которого он уже не вернулся. Вторая и третья книги были подготовлены после его смерти на базе его дневников и вышли соответственно в 1674 и в 1684 годах. И наконец, собрание его сочинений в трех томах было издано в Париже в 1689 году. У меня оказался третий том этого издания.

Интересная деталь: в 1665 году в Исфахане де Тевно встретил французского купца Тавернье. Оба мечтали попасть в Индию. Причем Тавернье уже бывал в Индии и рассказывал об этой стране удивительные вещи. Предметом его особого интереса были драгоценные камни. По его словам, в Индии встречались совершенно уникальные самоцветы. Де Тевно

драгоценностями не увлекался, но решил, что вдвоем путешествовать безопаснее. Да и приятнее, тем более с соотечественником.

И вот два француза отправились в Шираз в тогдашней Персии, а затем в Бандер-Аббаси, чтобы оттуда попытаться попасть в Индию. Но голландцы, контролировавшие каналы сообщений с Индией в этом районе, активно противодействовали их намерениям. Ведь в то время как никогда обострилась борьба Англии, Франции и Голландии за право торговли с Индией. Де Тевно счел более благоразумным отложить путешествие в Индию и вернулся в Шираз. А Тавернье остался и сумел все-таки попасть в Индию. Почему я об этом рассказываю? Потому что именно Тавернье вошел в историю, хотя мечтал об этом де Тевно. А Тавернье хотел лишь разбогатеть. Ему удалось и разбогатеть, и, самому того не желая, войти в историю. А случилось это потому, что еще в свой предыдущий приезд в Индию в 1642 году в Голконде, которая в то время славилась своими бриллиантами, он купил огромный бриллиант необычного синего цвета, который весил сто двенадцать с половиной каратов. Впоследствии появилась легенда (хотя кто разберет, где вымысел, а где правда, когда речь идет о событиях почти четырехсотлетней давности), что он вынул этот алмаз из статуи индийского божества, у которой алмаз был вставлен вместо глаза. И именно этим объясняется то, что этот алмаз приносил несчастье всем, кто им владел. Боги, а индийские в этом плане не являются исключением, не прощают, когда их оскорбляют.

Во всяком случае, сам Тавернье кончил плохо. У него был довольно непутевый сын, постоянно просяживавший огромные деньги отца за игрой в карты. Когда это произошло в очередной раз, Тавернье снова отправился в Индию за новой партией алмазов и погиб там, растерзанный стаей диких собак.

Но страна, которая принесла ему гибель, дала ему и славу. Во-первых, именно благодаря алмазам, привезенным Тавернье из Индии, сначала во Франции, а потом по всей Европе пошла мода на бриллианты. Вы скажете, что украшения с бриллиантами существовали и до этого. Вы правы, но благодаря Людовику XIV, которого Тавернье заразил своей страстью к уникальным камням, при французском дворе началась алмазная лихорадка. Каждый старался украсить свой костюм камнем как можно большего размера. Но, безусловно, никто не мог превзойти алмаз Тавернье. Король велел огранить алмаз, названный «Французским голубым камнем», и тот стал весить куда меньше, всего около 68 карат, но зато засиял воистину уникальным сапфировым пламенем. С тех пор ни разу не был найден алмаз такой же чистоты синего цвета.

В течение веков «Французский голубой камень» менял форму. В результате переделок камень стал весить сорок пять с половиной каратов. Сегодня он украшает кольцо, в котором его красоту подчеркивают еще около шестидесяти бриллиантов разной величины. Камень менял и названия. Сейчас он известен как алмаз «Хоуп» («Надежда») – по имени английского банкира, владевшего им в XIX веке. Хотя камень и становился меньше, это не мешало его стоимости стремительно расти. Если в начале века очередной владелец заплатил за него сто восемьдесят тысяч долларов, то сегодня ожерелье с алмазом «Хоуп», по самым скромным оценкам, стоит сто миллионов долларов. Владельцев, кстати, бриллиант менял с пугающей быстротой; даже после того, как он получил обнадеживающее название, многие из них заканчивали свои дни явно ранее предусмотренных природой сроков. Об удивительных историях, связанных с алмазом, привезенным из Голконды французским

путешественником, написаны книги. Похоже, однако, что приключениям этим пришел конец, потому как с 1958 года ожерелье, главным украшением которого является бриллиант «Хоуп», нашло прибежище в Смитсоновском институте в Вашингтоне.

Однако вернемся к другому французскому путешественнику, с которым мы расстались после того, как он, не решившись ехать с Тавернье, вернулся в Шираз. В том же году де Тевно все-таки отправился в страну своей мечты, сев в ноябре 1665 года на корабль «Опфель», отплывший из персидского города Бальсора. 10 января 1666 года после нескольких месяцев плавания де Тевно ступил на землю страны, о которой столь долго мечтал.

Личность автора меня очень заинтересовала, да к тому же в книге речь шла о стране, любимой мною, и я, вооружившись лупой (шрифт довольно мелкий), сначала нехотя, а потом со все большим интересом начала разбирать текст. Чтобы лучше понять, о чем идет речь, пришлось раздобыть старые карты Индии, разыскать книги по истории Индии XVII века и получить хотя бы базовые знания о французской грамматике того периода.

О потраченных усилиях я вовсе не жалею. Я узнала много нового и интересного о том, что представляла собой в XVII веке страна, которой я так интересуюсь.

Но особенно я рада тому, что мне в руки попались записки француза де Тевно, по другой причине. Закрыв его книгу, я подумала: если мне интересно было читать об увиденном путешественником, побывавшем всего несколько месяцев в Индостане, да еще к тому же триста тридцать семь лет назад, то почему же не написать о моей жизни там в течение шести лет и о моих более поздних возвращениях в Индию? К тому же, если события эти отстоят от нынешнего дня не на столетия, а всего на несколько десятилетий? Настолько ли уж изменились Индия и Бангладеш с тех пор, чтобы все увиденное и пережитое там мною потеряло актуальность? Ответить на эти вопросы мне помог все тот же француз.

Чем дольше я читала его книгу, тем чаще меня посещала одна и та же мысль. Да, конечно, Индия сегодняшняя сильно отличается от Индии того периода. Но как много и того, что совершенно не изменилось. Я даже проделала эксперимент. На левую сторону листа заносила то из прочитанного, что уже невозможно увидеть в Индии, а на правую – то, что существует до сих пор. Так вот: список справа оказался несоизмеримо длиннее списка слева. И речь идет не только о городах и населенных пунктах. Нет. Список включал в себя архитектурные ансамбли городов и древние храмы, одежду и украшения, религиозные обряды и праздники, верования и обычаи, блюда национальной кухни и товары, продающиеся на рынках, и еще многое другое. И я поняла: Индия, как никакая другая страна, переходя из столетия в столетие, сумела сохранить, не растерять все то, что делает ее именно Индией.

Часто в Индии у меня возникало странное ощущение, что эта страна находится вне времени и пространства. А появлялось оно оттого, что, оказавшись вдали от больших городов, будь то в Гуджарате, в Андхра-Прадеш, в Раджастане или в Бенгалии, я часто видела одну и ту же сцену. Насколько хватает глаз – вокруг желто-коричневая выжженная солнцем плоская земля. Редкие пальмы. Вдали развалины какого-то то ли храма, то ли крепости. Неподалеку виднеются хижины, вокруг них бегают голая детвора. Дорога. Медленно, будто через силу, бредет буйвол, тащащий арбу. А рядом, точно так же неспешно, опираясь на палку, плетется полуголый старик, чье до черноты

обугленное на солнце тело прикрывает лишь кусок ткани невразумительно белого цвета. Все это можно было увидеть и сто, и тысячу, и две тысячи лет назад. И я уверена, что эту же сцену я увижу, если приеду в Индию сегодня или много, много лет спустя.

Именно в Индии идеи Успенского о вечном возвращении, о которых я писала выше, воспринимаются прекрасно. И гораздо труднее в Европе. Попробуйте представить, например, находясь в Москве, что вы бесконечное количество раз проживаете одну и ту же жизнь. Этому будет препятствовать множество вещей, которые разъединяют, разделяют вас сегодняшнего и вас же даже сто лет назад, не говоря уж о больших сроках. Совершенно другая Москва, другая одежда, другие нравы, другие традиции – все другое.

А в Индии? Ничто не мешает верить, что так было всегда. Все тот же полуголый старик, замотанный все в такую же грязноватую ткань, такой же изможденный солнцем и заботами, в тот же час вновь и вновь бредет по той же дороге. А чуть впереди него плетется, понутив голову, все тот же буйвол грязно-белой масти, под цвет одежды хозяина.

Кто знает, может быть, на этой или на другой дороге окажетесь когда-нибудь и вы. И увидите того же или очень похожего на него старика. И так же, как я, будете размышлять неспешно, под размеренный шаг буйвола, о жизни и судьбах этой удивительной страны.

НАТАЛЬЯ БЕГЛОВА

Эта книга о жизни современной Индии, какой ее увидела наша соотечественница. Перед другими подобными книгами у нее есть ряд неоспоримых достоинств. Во-первых, она написана женщиной, талантливой и наблюдательной. Во-вторых, женщиной любознательной, жадной до впечатлений, доброжелательной и неумной в своем стремлении все увидеть, услышать, попробовать. И в-третьих, прожившей не один год в этой загадочной, манящей и такой необычной стране. Вкупе это позволило ей создать удивительную книгу о жизни в Индии, которая, впрочем, с большой пользой может быть использована и в качестве путеводителя по этой стране.

